ЗАГАДКА

ГОДА

ГРОВЕР ФЕРР

АНТИСТАЛИНСКАЯ ПОДЛОСТЬ

Загадка
37
года

ГРОВЕР ФЕРР

АНТИСТАЛИНСКАЯ ПОДЛОСТЬ

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2007

УДК 82(1-87)-94
ББК 66.3(2Рос)8
Ф43

Оформление серии *С. Курбатова*

Ферр Г.

Ф43 Антисталинская подлость / Гровер Ферр; [пер.с англ. В. Л. Боброва]. — М.: Алгоритм, 2007. — 464 с. — (Загадка 37-го).

ISBN 978-5-9265-0478-8

Год назад отмечался 50-летний юбилей «закрытого доклада» Н. С. Хрущева, зачитанного 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС. Он породил легко предсказуемые отзывы и комментарии. Лондонская «Телеграф» охарактеризовала доклад как «самую влиятельную речь XX столетия». А в статье, опубликованной в тот же день в «Нью-Йорк таймс», Уильям Таубман, лауреат Пулицеровской премии 2004 года, присужденной за биографию Хрущева, назвал его выступление «подвигом, достойным быть отмеченным» в календаре событий.

Однако автору представленной ныне вниманию читателя книги удалось сделать совсем другое открытие. Из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина или Берию, не оказалось ни одного правдивого. Как выясняется, в своей речи Хрущев не сказал про Сталина и Берию ничего такого, что оказалось бы правдой.

Самая влиятельная речь XX столетия (если не всех времен!) — плод мошенничества? Сама по себе такая мысль кажется просто чудовищной. Ведь дело не только в ней самой, но и в очевидных последствиях...

УДК 82(1-87)-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0478-8

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«САМАЯ ВЛИЯТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ XX СТОЛЕТИЯ», или...

50-летний юбилей «закрытого доклада» Н.С.Хрущева, зачитанного 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС, породил легко предсказуемые отзывы и комментарии. Лондонская «Телеграф» охарактеризовала доклад как «самую влиятельную речь XX столетия». А в статье, опубликованной в тот же день в «Нью-Йорк таймс», Уильям Таубман, лауреат Пулицеровской премии 2004 года, присужденной за биографию Хрущева, назвал его выступление «подвигом», «достойным быть отмеченным» в календаре событий.

И вот некоторое время назад мне пришло в голову перечитать «закрытый доклад» Хрущева после довольно долгого перерыва[1]. Читая, я обратил внимание на множество несуразностей в этом докладе.

Что-то очень похожее отметил и Дж. Арч Гетти в своем фундаментальном труде «Истоки больших чисток»: «Среди прочих несообразностей в хрущевских свидетельствах — очевидная замена Ежова на Берию. Хотя имя Ежова изредка упоминается, обвинения в столь многих преступлениях и репрессиях были выдвинуты против Берии; между тем до 1938 года последний занимал пост регионального партсекретаря. Далее, во множестве сообщений говорится, что полицейский террор стал спадать как раз тогда, когда в 1938 году Берия пришел Ежову на смену. Как столь беззастенчиво Хрущеву удалось подменить в своем докладе Ежова на Берию? **Что еще** он **мог затуманить?** Во всяком случае, не так давно приведенная

---

[1] Nikita S. Khrushchev. *The New Leader. The Crimes of the Stalin Era*. Introduction by Anatol Shub, notes by Boris Nikolaevsky. New York: The New Leader, 1962. Я пользовался Интернет-версией этого издания.

в исполнение Хрущевым и тогдашним руководством казнь Берии превратила его в удобного козла отпущения. **Разумеется, использование имени Берии в чисто конъюнктурных целях бросает тень на добросовестность других хрущевских утверждений** *(выделено мной. — Г.Ф.)*[1].

Словом, я стал размышлять над тем, что, опираясь на документы из когда-то наглухо закрытых советских архивов, а теперь приоткрывших свои двери для историков, можно проделать исследование, которое позволило бы найти в докладе Хрущева чуть больше ложных «разоблачений» Сталина.

Фактически же мне удалось сделать совсем другое открытие. ***Из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина или Берию, не оказалось ни одного правдивого.*** Точнее так: среди всех тех из них, что поддаются проверке, лживыми оказались все до единого. Как выясняется, в своей речи Хрущев не сказал про Сталина и Берию ничего такого, что оказалось бы правдой. Весь «закрытый доклад» соткан сплошь из подтасовок такого сорта. И это — тот самый доклад-«подвиг», за который Таубман превозносит Хрущева до небес! (Разумеется, сей пулицеровский лауреат достоин отдельного (хотя и несравненно более краткого) разбора его собственных лживых заявлений из статьи в «Нью-Йорк таймс», посвященной юбилею хрущевского доклада[2]).

Для меня как ученого такое открытие оказалось неприятным и даже нежелательным. Мое исследование, конечно, и так вызвало бы удивление и скептицизм, если бы, как я полагал, выяснилось, например, что четверть хрущевских «разоблачений» или около того следует считать фальшивыми. Но вот

---

[1] Ibid, p.268 п.28.

[2] Несколько примеров. Именно Берия, не Хрущев, освободил многих заключенных, хотя и не «миллионы», как ошибочно пишет Таубман. «Оттепель», юбилей которой он предлагает отпраздновать, началась в последние годы жизни Сталина. Хрущев ***ограничил*** ее потенциал, сузив до материалов антисталинского характера. Сталин хотел уйти в отставку в октябре 1952 года, но XIX съезд партии отказался удовлетворять его просьбу. Таубман утверждает, что Хрущев говорил, будто он «непричастен» к репрессиям; однако в действительности Хрущев не только не внял сталинским увещеваниям, а ***взял в этом вопросе инициативу,*** запрашивая более высокие «лимиты» на казни, чем того хотело сталинское руководство. Таубман утверждает: «Хрущев так или иначе сохранил свою человечность». Точнее было бы сказать противоположное: Хрущев, кажется, как никто другой похож на головореза и убийцу.

что. сразу взволновало меня и продолжает беспокоить до сих пор: если я стану утверждать, что каждое из хрущевских «разоблачений» ложно, поверят ли моим аргументам? Если нет, тогда уже не будет иметь значения, сколь тщательно и скрупулезно автор подошел к сбору и обобщению свидетельств, доказывающих справедливость самих суждений...

Самая влиятельная речь XX столетия (если не всех времен!) — плод мошенничества? Сама по себе такая мысль кажется просто чудовищной. Ведь дело не только в ней самой, но и в очевидных последствиях. Кому, спрашивается, захочется «с нуля» начать пересмотр прошлого Советского Союза, Коминтерна и даже мировой истории лишь потому, что это вытекает из логики выдвинутых мной умозаключений? Куда легче представить дело так, будто автор промышляет псевдоисторической стряпней, утаивает правду и самолично фальсифицирует то, в чем облыжно пытается обвинить Хрущева. Результаты моих изысканий при таком подходе можно будет спрятать под спуд, и проблема исчезнет сама собой.

Но дело еще и в том, что автор этих строк снискал некоторую известность за уважительное, хотя и критическое отношение как к личности Сталина, так и за свои симпатии к международному коммунистическому движению, признанным лидером которого Сталин был на протяжении десятилетий. Когда исследователь приходит к выводам, которые слишком хорошо согласуются с его предвзятыми политическими пристрастиями, самое благоразумное, что можно сделать,— подозревать такого автора в нехватке объективности, если не в худшем. Вот почему мне было бы гораздо спокойнее, если из проделанной научной работы следовало бы, что только 25% хрущевских «разоблачений» Сталина и Берии несомненно ложны.

Но поскольку, как выяснилось, все «разоблачения» Хрущева в сущности неправдивы, бремя доказывания их лживости ложится на меня как ученого еще более тяжким грузом, чем в обычных случаях. Соответственно, мне хочется надеяться, что читатель со снисхождением отнесется к несколько необычной форме подачи материала.

Вся книга распадается на две самостоятельные, но в чем-то пересекающиеся части.

В *первой части* (главы 1—9) разбираются положения доклада, которые следует считать квинтэссенцией хрущевских

«разоблачений». Забегая чуть вперед, отметим, что автору удалось выделить *шестьдесят одно* такое утверждение.

Каждое из «разоблачительных» заявлений доклада предваряется цитатой из «закрытого доклада», после чего оно рассматривается через призму исторических свидетельств, большинство из которых представлено как цитаты из первичных и в редких случаях из иных источников. Автор поставил перед собой задачу представить наилучшие из всех имеющихся доказательств; они преимущественно почерпнуты из российских архивов, чтобы доказать лживый характер речи, с которой Хрущев выступил на закрытом заседании XX съезда.

Вторая часть книги (главы 10—11) посвящена вопросам методологического характера, а также выводам, которые следуют из проделанной мной работы. Особое внимание уделено типологии приемов, которые Хрущев использовал в своем насквозь лживом докладе, и рассмотрению реабилитационных материалов на тех партийных руководителей, чьи имена были названы в «закрытой» речи.

Несколько слов необходимо сказать о ссылках на источники. В дополнение к традиционным сноскам автор везде, где возможно, стремился указать источники, полностью или частично имеющиеся в Интернете. На дату завершения работы над русскоязычным вариантом книги все они были доступны для просмотра.

В заключение я хотел бы поблагодарить моих коллег в Соединенных Штатах и в России, которые прочитали и откомментировали более ранние версии моей книги. Естественно, они не несут ответственности за любые недостатки, которые она все еще содержит. В любом случае автор будет признателен читателям за их замечания и комментарии к данному исследованию.

Гровер Ферр,
октябрь 2006 года,
e-mail: furrg_nj@fastmail.fm

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

«Культ личности». Ленинское «завещание»

«Культ личности»

Хрущев: «Товарищи! В Отчетном докладе Центрального комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС немало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина... Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии, — речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности...»[1]

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.128.

...Главной темой т.н. «закрытого доклада» Хрущева принято считать «разоблачение» сталинских преступлений. В действительности краеугольным камнем всего выступления стала проблема «культа личности» Сталина. Однако Хрущеву не принадлежит честь первооткрывателя. О «культе личности» и так было довольно хорошо известно; вопрос о нем, к примеру, обсуждался на заседании Президиума ЦК, которое состоялось сразу же после смерти Сталина..

Выступая, Хрущев *нарочно* избегал говорить о том, поддерживал ли насаждение «культа» сам Сталин. Зато на протяжении всей речи докладчик давал понять или, точнее, загодя принял за неоспоримую истину то, что ему следовало бы доказать, но что так и осталось без доказательств: тезис, согласно которому Сталин утверждал свой «культ» ради обретения диктаторского всевластия. По сути дела, в «закрытом докладе» вообще нет каких-либо *правдивых* примеров, иллюстрирующих, как именно Сталин раздувал свой «культ», поскольку Хрущев, по-видимому, не смог обнаружить ни одного из них.

Весь «закрытый доклад» зиждется на этой неправде. Прочие «разоблачения» Хрущева лишь грубо скомпонованы вокруг концепции «культа», который, по словам докладчика, порожден и выпестован-де самим Сталиным.

Ниже будет показано, что в сущности все хрущевские «разоблачения» далеки от истины. Но сперва хотелось бы отметить, что лжива сама сконструированная Хрущевым концепция, в соответствии с которой порочная практика «культа личности», якобы созданного и поощряемого Сталиным, породила условия для совершения «преступлений», творимых им в атмосфере полной безнаказанности. В действительности Сталин не только не совершал приписанных ему злодеяний, но был весьма далек и от насаждения культа своей личности. Наоборот, из множества имеющихся сегодня свидетельств явствует, что Сталин выступал резко против отвратительного возвеличивания своей персоны.

По одному из мнений, неприятие Сталиным своего культа следует считать лицемерием. Ибо в конце концов он был настолько всемогущ, что, если бы действительно захотел положить конец культу, то уж, наверное, ликвидировал бы его без промедлений. Однако сам такой довод никуда не годится, поскольку здесь заранее предопределяется истинность доказуе¬

мого. Считать, что Сталин располагал столь обширными полномочиями, значит, что он тем самым уже заполучил то, чего жаждал добиться, насаждая культ своей личности, — диктаторской власти над всем и вся в СССР.

Неприятие культа самим Сталиным

Многие годы подряд и множество раз Сталин возражал против славословия и льстивых разглагольствований по своему адресу. Он поддерживал ленинскую точку зрения на «культ личности» и высказывался практически в том же ключе, что и Ленин. В «закрытом докладе» Хрущев обильно процитировал Ленина, но «позабыл» указать, что Сталин говорил в сущности то же самое. Значительное число сталинских высказываний свидетельствует о его резком неприятии возвеличивания собственной личности. Примеры такого рода легко умножить, ибо почти все авторы мемуаров, когда-либо встречавшиеся со Сталиным, обычно припоминают случаи из жизни, свидетельствующие о его неприязненном отношении или даже об отвращении к преклонению перед своей персоной.

Один из примеров такого рода— изданная не так давно (2001) книга мемуаров Акакия Ивановича Мгеладзе (ум. в 1980 г.), в прошлом крупного руководителя КП Грузии, «Сталин. Каким я его знал», в которой автор не единожды затрагивает тему отрицательного отношения Сталина к культу, созданному вокруг его имени. Мгеладзе сообщает, что Сталин был против пышных торжеств по случаю его 70-летия в 1949 году; он с большой неохотой поддался на уговоры своих соратников по ЦК, и то лишь когда те выдвинули довод, что приезд в Москву лидеров зарубежных коммунистических и рабочих партий, их взаимные консультации и обмен мнениями будут способствовать сплочению и укреплению мирового коммунистического движения.

В 1937 году Сталин сумел воспрепятствовать переименованию Москвы в Сталинодар. Но ему так и не удалось отказаться от присвоения звания Героя Советского Союза: награда, которую Сталин никогда не признавал, приколотая к подушечке, тем не менее, все равно сопровождала гроб с его телом на похоронной процессии...

Попытка Г.М.Маленкова созвать Пленум ЦК, чтобы обсудить на нем вопрос о «культе»

Сразу после смерти Сталина Маленков предложил созвать Пленум Центрального комитета и обсудить вопрос о пагубном влиянии культа личности. Маленков был достаточно честен, чтобы покритиковать и себя, и коллег, напомнив, как Сталин время от времени пытался предостеречь их от раздувания культа, но это не возымело должного действия. Увы, инициатива Маленкова не нашла поддержки в Президиуме ЦК, и Пленум, посвященный культу личности, так и не состоялся. Случись все по-другому, быть может, Хрущев тогда и не выступил бы со своим «закрытым докладом».

Вне зависимости от того, поддерживал ли Хрущев предложение Маленкова или нет, — точных свидетельств этому пока нет, — как секретарь ЦК КПСС он, несомненно, не мог не участвовать в обсуждении предложенной повестки дня. Словом, так или иначе, но Хрущеву было доподлинно известно о давней инициативе Маленкова в открытую разобраться с «культом». Но он остался нем, как рыба.

Июльский (1953) Пленум ЦК: нападки на Берию за критику «культа»

На июльском (1953) Пленуме ЦК, посвященном разоблачению Берии, ряд выступавших осудили последнего за его ***критику*** культа личности. Ключевая роль в подготовке заговора против Берии и энергия, какую Хрущев развил на Пленуме, показывают, что его следует расценивать не просто как соучастника партийного судилища, но и как активнейшего сторонника «культа».

Кто раздувал «культ»?

Исследование причин появления «Культа» выходит за рамки поставленной нами задачи. Но мы располагаем доказательствами того, что насаждение и дальнейшее раздувание «культа» Сталина было связано с деятельностью тех, кто таким образом пытался замаскировать свою оппозиционную деятельность.

Так, во время одной из очных ставок Н.И.Бухарин случайно проговорился, что, работая в газете «Известия», он принуждал бывших оппозиционеров расточать непомерные похвалы в адрес Сталина, и в ходе того же допроса употребил термин «культ». Статья «Зодчий социалистического общества» другого оппозиционера — Карла Радека, которая 1 января 1934 года была напечатана в «Правде», а затем вышла отдельной брошюрой, стала, как нередко утверждают, самым первым образчиком безмерного прославления сталинского «культа».

Хрущев и Микоян

Хрущев и Микоян — члены бывшего сталинского Политбюро, застрельщики политики «десталинизации» и ее наиболее активные проводники — в 1930-е годы были ярыми проводниками «культа».

Если бы дело ограничивалось только этим, мы бы позволили себе думать, что Хрущев и Микоян взаправду трепетали перед Сталиным до дрожи в коленках. Что, конечно же, кое с кем случалось. Мгеладзе, бывший первый секретарь грузинской компартии, пострадавший в хрущевские годы, оказался одним из немногих, кто сохранил свое восхищение Сталиным и после того, как от таких убеждений удобнее было отказаться.

Хрущев и Микоян принимали деятельное участие в мартовском (1953) Пленуме, где дали отпор попыткам Маленкова коллегиально рассмотреть вопрос о «культе». На июньском (1953) Пленуме и тот, и другой выступили с резкой критикой Берии за его противодействие «культу» Сталина.

Указанные выше грубые искажения вкупе с другими разоблачительными «откровениями» Хрущева означают, что историкам еще предстоит изрядно попотеть, прежде чем они смогут докопаться до истины.

Ленинское «завещание»

Хрущев: «Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, В.И.Ленин дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рас-

смотреть вопрос о перемещении Сталина с должности генерального секретаря в связи с тем, что Сталин слишком груб, недостаточно внимателен к товарищам, капризен и злоупотребляет властью.

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич писал: "Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью"[1].

Прервем пока цитату, чтобы обратить внимание на немаловажное обстоятельство: здесь Хрущев приписывает Ленину обвинения Сталина в том, что тот, дескать, «злоупотребляет властью». В действительности Ленин написал лишь то, что он «не уверен, сумеет ли он *[Сталин. — Г.Ф.]* всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Иначе говоря, в ленинских словах нет обвинений Сталина в «злоупотреблении властью».

Хрущев продолжает: «Это письмо — важнейший политический документ, известный в истории партии как "завещание" Ленина, — роздано делегатам XX съезда партии. Вы его читали и будете, вероятно, читать еще не раз. Вдумайтесь в простые ленинские слова, в которых выражена забота Владимира Ильича о партии, о народе, о государстве, о дальнейшем направлении политики партии.

Владимир Ильич говорил: "Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов.Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д."

Этот ленинский документ был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и су-

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.130.

меет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Товарищи! Необходимо доложить съезду партии о двух новых документах, дополняющих ленинскую характеристику Сталина, данную Владимиром Ильичом в его "завещании". Эти документы — письмо Надежды Константиновны Крупской председательствовавшему в то время в Политбюро Каменеву и личное письмо Владимира Ильича Ленина Сталину.

Зачитываю эти документы:

1. Письмо Н.К.Крупской: "Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию [Зиновьеву] как более близким товарищам В.И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н.Крупская".

Это письмо было написано Надеждой Константиновной 23 декабря 1922 года. Через два с половиной месяца, в марте 1923 года, Владимир Ильич Ленин направил Сталину следующее письмо:

2. Письмо В.И. Ленина. "Товарищу Сталину. Копия: Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т.Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться

или предпочитаете порвать между нами отношения. *(Движение в зале).* С уважением: Ленин. 5-го марта 1923 года".

Товарищи! Я не буду комментировать эти документы. Они красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер»[1].

Хрущев лгал, что переданный делегатам XX съезда документ был «известен в истории партии как "завещание" Ленина». Наоборот, в большевистских кругах последние ленинские письма никогда не считались его «завещанием». Причина такой мистификации достаточно очевидна: словосочетание «"завещание" Ленина» Хрущев позаимствовал у Л.Д.Троцкого, который написал под тем же заглавием статью, вышедшую в 1934 году отдельной брошюрой.

Напомним: в 1925 году в журнале «Большевик» Троцкий подверг резкой критике книгу Макса Истмена «После смерти Ленина», разоблачив лживые заявления ее автора, будто Ленин оставил какое-то «завещание». В этой публикации Троцкий выразил точку зрения, которой тогда придерживались остальные члены Политбюро, а именно: никакого ленинского «завещания» не существовало. Что, надо полагать, соответствует истине, поскольку нет никаких свидетельств, доказывающих, что свои последние статьи и письма Ленин рассматривал как некое «завещание». Но в 1930-х годах Троцкий резко изменил взгляды — теперь ради тенденциозной критики Сталина. Таким образом, Хрущев или, скорее всего, кто-то из его помощников кое-что позаимствовал у Троцкого, хотя публично никто из них, конечно, не осмелился бы сознаться, что за первоисточник лежал в основе выдвинутых обвинений.

Ряд других положений доклада еще больше говорят об идейной близости с Троцким. Тот, к примеру, считал, что московские показательные процессы — это пронизанные фальшью судебные инсценировки. И нетрудно понять почему: ведь

---

[1] Там же. С.130—131.

Троцкий на них был главным, пусть и заочным обвиняемым. В «закрытом докладе» Хрущев тоже сокрушался по поводу несправедливости репрессивных мер в отношении Зиновьева, Каменева и троцкистов, хотя самая первая реабилитация подсудимого одного из тех процессов — Акмаля Икрамова, расстрелянного по приговору суда в марте 1938 года, — состоялась только через год после XX партсъезда[1]. Хрущевское заявление есть не что иное, как объявление названных им лиц невиновными, ибо приговоры, вынесенные тем, кто был безусловно виновен в преступлениях и кто признался в их совершении, невозможно считать чрезмерно жестокими и несправедливыми.

В сущности, антисталинский пафос речи, в которой ответственность за все извращения социализма и нарушения законности Хрущев возложил на одного Сталина, довольно точно совпадает с демонизированным портретом, который в свое время был нарисован Троцким. Вдова последнего по достоинству оценила это обстоятельство и через день-другой после хрущевского выступления обратилась с требованием реабилитировать своего покойного мужа[2].

Но вернемся, однако, к материалам, связанным с последними месяцами жизни Ленина.

Есть серьезные основания считать, что ленинское письмо Сталину от 5 марта 1923 года может оказаться фальшивкой. Проблема подлинности документа подробно рассматривается в изданной не так давно 700-страничной монографии В.А.Сахарова, а наиболее важные из доводов исследователя опубликованы в статьях самого автора и рецензиях на его книгу[3].

С другой стороны, нет почти никаких сомнений, что Сталин и все те, кто знал о письме от 5 марта 1923 года, отно¬

---

[1] Икрамов реабилитирован 03.06.1957, см.: *Реабилитация: Как это было.* Т.2. Февраль 1956 — начало 80-х. — М.: МФД, 2003, с.851. См. также: http://www.memo.ru/memory/communarka/chapter5.htm.

[2] *Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы.* — М.: РОССПЭН, 2002, раздел IV. Док. № 3, с. 610. Редакторы указывают, что письмо следует датировать не ранее 25 февраля, т.е. связывают появление письма с выступлением в этот день Хрущева с «закрытым докладом». По другой версии, письмо Седовой-Троцкой написано в ответ на речь Микояна на съезде 16 февраля.

[3] В.А.Сахаров. *«Политическое завещание» В.И.Ленина: реальность истории и мифы политики.* — М.: Изд-во МГУ, 2003.

сились к нему как подлинному документу. Но и в последнем случае в письме нет того, что ему нередко приписывают, — доказательств ленинского разрыва отношений со Сталиным. Ведь меньше даже, чем через две недели Крупская обратилась к Сталину, сообщив о настойчивых просьбах Ильича заручиться сталинским обещанием раздобыть кристаллики цианистого калия, посредством которых он смог бы положить конец нестерпимым страданиям. Сталин ответил согласием, но в короткой записке от 23 марта 1923 года проинформировал о случившемся Политбюро, заявив при этом, что категорически отказывается от предлагаемой ему миссии, «как бы она ни была гуманна и необходима».

Записка от 23 марта 1923 года опубликована Дмитрием Волкогоновым в его полной неприязни биографии Ленина[1]. Ее копия хранится и в т.н. «архиве Волкогонова» в Библиотеке Конгресса США. Сомнения в подлинности и аутентичности записки тоже отпадают. Л.А. Фотиева, одна из ленинских секретарей, в 1922 году оставила дневниковую запись, согласно которой Ленин просил принести ему цианистого калия, чтобы он мог принять его при дальнейшем развитии болезни. Выдержка из дневника Фотиевой была опубликована в 1991 году[2].

Поэтому, даже если письмо Ленина от 5 марта 1923 подлинно, — а исследование Валентина Сахарова ставит этот факт под сомнение, — Ленин доверял и продолжал полагаться на Сталина. Никакого «отчуждения», а тем более «разрыва» между ними не было.

Волкогонов, а с ним и ряд других авторов приводят следующий документ:

«Утром 24 декабря Сталин, Каменев и Бухарин обсудили ситуацию: они не имеют права заставить молчать вождя. Но нужны осторожность, предусмотрительность, максимальный покой. Принимается решение:

"1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера

---

[1] См. факсимиле письма Сталина к Политбюро от 23 марта 1923 года. Опубликовано в: Д.А.Волкогонов. *Ленин. Политический портрет.* В 2-х книгах. Кн. II. — М.: Новости, 1994, между с. 384—385. Письмо воспроизведено с комментарием в http://www.h.rono.ru/libris/stalin/1 6-67.html.

[2] *Известия ЦК КПСС.* 1991, № 6. См.: http://www.hrono.ru/libris/starin/16-9.html.

переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений"»[1].

Как отмечает Роберт Сервис, Ленин пережил серьезные «события» (по-видимому, инсульты) в следующие дни: 25 мая 1922 года, когда у него случился «тяжелый удар»[2]; 22-23 декабря 1922 года, когда Ленин «не смог управлять правой половиной своего тела»[3]; в ночь с 6 на 7 марта 1923 года, когда у него «отказали правые конечности»[4].

18 декабря 1922 года Политбюро поручило Сталину следить за здоровьем Ленина, наложив запрет на обсуждение с ним любых политических вопросов. Крупская нарушила это решение, за что получила 22 декабря выговор от Сталина. Той же ночью Ленин перенес серьезный удар.

5 марта 1923 года Крупская рассказала Ленину, как еще в декабре прошлого года Сталин грубо разговаривал с ней. В порыве гнева Ленин написал Сталину известное послание. По воспоминаниям секретаря Крупской В.С.Дридзо, дело было так:

«Почему В.И.Ленин только через два месяца после грубого разговора Сталина с Надеждой Константиновной написал ему письмо, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней? Возможно, только я одна знаю, как это было в действительности, так как Надежда Константиновна часто рассказывала мне об этом.

Было это в самом начале марта 1923 года. Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил: "Кто звонил?" — "Это Сталин, мы с ним помирились". —"То есть как?"

И пришлось Надежде Константиновне рассказать все, что произошло, когда Сталин ей позвонил, очень грубо с ней разговаривал, грозил Контрольной комиссией. Надежда Констан¬

---

[1] Волкогонов. *Ленин...* Кн. I, глава 2. Цит. по: http://militera.lib.ru/bio/volkogonov_dv/02.html.

[2] Robert Service. *Lenin: A Biography.* (Belknap Press, 2000), p. 443.

[3] Ibid. P.461.

[4] Ibid. P.473—474.

тиновна просила Владимира Ильича не придавать этому значения, так как все уладилось и она забыла об этом.

Но Владимир Ильич был непреклонен, он был глубоко оскорблен неуважительным отношением И.В.Сталина к Надежде Константиновне и продиктовал 5 марта 1923 года письмо Сталину с копией Зиновьеву и Каменеву, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился. Сталину пришлось извиниться, но он этого не забыл и не простил Надежде Константиновне, и это повлияло на его отношение к ней»[1].

На следующий день у Ленина вновь случился сильнейший удар.

Состояние здоровья Ленина каждый раз резко ухудшалось вскоре после его разговоров на политические темы с Крупской, т.е. того, что она как член партии не должна была допускать ни в коем случае. Все это трудно расценивать как простое совпадение событий, ибо врачи особым образом предупреждали: расстраивать Ленина категорически воспрещается. Таким образом, остается думать, что необдуманные действия Крупской, скорее всего, ускорили случившиеся у Ленина два последних удара.

Давний секретарь Ленина Лидия Фотиева отмечает: «Надежда Константиновна не всегда вела себя, как надо. Она могла бы проговориться Владимиру Ильичу. Она привыкла всем делиться с ним. И даже в тех случаях, когда этого делать нельзя было… Например, зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин выругал ее по телефону?»[2]

Меж тем отношения между Сталиным и Крупской продолжали сохраняться. Когда в 1932 году покончила самоубийством жена Сталина, Крупская, соболезнуя, написала ему письмо, опубликованное в «Правде» 16 ноября 1932 года[3]:

«Дорогой Иосиф Виссарионыч,

эти дни как-то все думается о вас и хочется пожать вам руку. Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара

---

[1] В.С.Дридзо. Воспоминания. // *Коммунист*. 1989, № 5.

[2] Цит. по: А.Бек. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина // *Московские новости*. № 17, 23 апреля 1989. С. 8—9.

[3] Цитируется также в: *Новое время*. № 46, 14 ноября 2004, см.: http://www.newtimes.ru/time.asp?n=3059.

разговоров с вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они мне тогда придали мужества.

Еще раз жму руку. Н.Крупская».

Письмо еще раз показывает, что и после декабрьской ссоры 1922 года Сталин продолжал поддерживать по-товарищески теплые отношения с супругой Ленина.

Вообще, в кругу ленинских домашних Сталин пользовался большим уважением. Писатель А.Бек записал воспоминания Лидии Фотиевой, в которых она подчеркивает: «Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин. Большой Сталин. (Она не сказала «великий», сказала «большой».— *Прим. А. Бека.).* ...Мария Ильинична еще при жизни Владимира Ильича сказала мне: «После Ленина в партии самый умный человек Сталин»... Сталин был для нас авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек. Он же не раз говорил: "Я только ученик Ленина"»[1].

Нетрудно убедиться: Хрущев вырвал из контекста все процитированные им письма и тем самым серьезно исказил суть случившегося. Он ни словом не обмолвился о резолюции Пленума Центрального комитета, согласно которой на Сталина возлагалась персональная ответственность за изоляцию Ленина от политической жизни во имя сохранения его сил и здоровья. Запрет был наложен и на ленинские отношения с «друзьями» и «домашними». Поскольку секретари едва ли осмелились бы нарушать директиву ЦК, под словом «домашние» подразумевались сестра Ленина и Н.К.Крупская, его жена. Именно ее Сталин критиковал за нарушение предписаний высших партийных инстанций.

Хрущев ничего не сказал о датированном 7 марта 1923 года письменном ответе Сталина на записку Ленина, а также о более поздней и тоже адресованной Сталину просьбе Ленина достать для него яда. Выбросив из рассмотрения эти документы, Хрущев превратно истолковал обстоятельства, в которых Ленин потребовал от Сталина извинений, и тем самым представил характер их отношений в нарочито искаженном свете.

В докладе ничего не сообщается о свидетельствах сестры Ленина М.И.Ульяновой. В 1956 году еще были живы бывшие

---

[1] Цит. по: А.Бек. К истории...

личные секретари Ленина Мария Володичева и Лидия Фотие¬
ва, равно как и бывший секретарь Крупской Вера Дридзо, но
их воспоминания тоже остались невостребованными. Хрущев
оставил без внимания и то обстоятельство, что нарушение
Крупской предписаний ЦК о строгой изоляции Ленина от по-
литических дел, по-видимому, дважды становилось причиной
резкого ухудшения состояния его здоровья. Не стал говорить
Хрущев и о том, что всего через две недели *после* предпола-
гаемого разрыва Ленин обратился именно к Сталину с очень
деликатной просьбой — добыть для него яда. Наконец, в хру-
щевской речи нет ничего о восстановлении нормальных от-
ношений между Крупской и Сталиным.

Хрущев стремился во что бы то ни стало выставить Ста-
лина в дурном свете; истинный ход событий или понимание
их смысла его нисколько не интересовали.

ГЛАВА 2

ПЛОДЫ «ПОПРАННОЙ» КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ

Сталинская «нетерпимость» к коллегиальности. «Моральное и физическое уничтожение» всех несогласных с личным мнением Сталина. Массовые репрессии: роль Хрущева. Кто такие «враги народа»? «Невиновность» Зиновьева и Каменева. «Безобидные» троцкисты. «Попранные нормы» партийной демократии

«Нетерпимость» к коллегиальности

В нескольких фрагментах своей речи Хрущев изъявляет неудовольствие отсутствием у Сталина коллегиальности и жалуется на нарушение им принципа коллективности руководства. Вот одно из типичных заявлений такого рода, прозвучавших в «закрытом докладе»:

«Мы должны серьезно разобрать и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам»[1].

Как видим, обвинение носит весьма общий характер. Его легко опровергнуть, но в столь же общих выражениях, процитировав с этой целью свидетельства тех, кто работал вместе со Сталиным иногда даже значительно теснее, чем когда-либо удавалось Хрущеву.

Маршал Г.К.Жуков всю войну находился рядом со Сталиным, хорошо изучил методы его руководства и подробно рас-

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.131.

сказал о них в воспоминаниях. Имея в виду «закрытый доклад», маршал недвусмысленно указывает на лживость хрущевских заявлений о нетерпимости Сталина к чужим мнениям и об отсутствии в его руководстве коллегиальности. Почти то же можно найти и в мемуарах генерала С.М.Штеменко.

По словам бывшего министра сельского хозяйства СССР И.А.Бенедиктова, занимавшего этот пост (с небольшими перерывами) на протяжении двух десятилетий, все решения Политбюро принимались только коллегиально. Д.Т.Шепилов, хотя и не был столь близок со Сталиным, приводит шутливый, но весьма показательный рассказ на тему коллегиальности. Даже Хрущев, противореча собственным же заявлениям, писал в воспоминаниях об одной из «характерных» черт Сталина — изменять точку зрения, когда кто-то не соглашался с ним, но был способен должным образом аргументировать свое мнение.

А.И.Микоян искренне поддерживал Хрущева и относился к Сталину с неприязнью. В то же время Анастас Иванович выражал недовольство тем, что принципы демократизма и коллективности оставались недостижимым идеалом во времена Хрущева и Брежнева.

Говоря о необходимости, как сказано в «закрытом докладе», «исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия» каких-либо отступлений от коллективности руководства, следует напомнить: Хрущев вскоре сам отрекся от этого принципа, что стало одной из причин его вынужденной отставки в 1964 году. Как следует из публикации материалов октябрьского (1964) Пленума, М.А.Суслов в своей пространной обвинительной речи, с одной стороны, повторил ленинские «характеристики» Сталина 1922 года, чтобы обвинить с их помощью Хрущева, а с другой, — для той же цели воспользовался нападками на «культ», позаимствованными из самого «закрытого доклада»... Издевка, возможно, не осталась незамеченной Хрущевым и остальными слушателями.

Сталин «морально и физически уничтожал» несогласных

Хрущев: «Он [Сталин] действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочно-

го подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением»[1].

В течение всей жизни у Сталина не было хотя бы одного случая, когда кто-то был «исключен из руководящего коллектива» только из-за несогласия с его мнением. Примечательно, что и в докладе Хрущева нет ни одного такого конкретного примера.

Стоит напомнить: Сталин был генеральным секретарем ЦК ВКП(б), в ЦК и в Политбюро у него был только один голос. Центральный комитет мог освободить его в любое время, и сам Сталин пробовал уйти с поста генерального секретаря четыре раза. Но каждый раз его прошения об отставке отклонялись. Последняя из попыток такого рода была предпринята на XIX съезде партии в октябре 1952 года. Она была тоже отклонена, как и все другие.

Хрущев и другие не только *могли* оказывать сопротивление Сталину, но нередко на деле шли против его мнения, к примеру, в случае с проваленной Хрущевым и Микояном попыткой введения по предложению Сталина налога на крестьянство в феврале 1953 года[2]. Никто из тех, кто открыто или неявно противодействовал этому, не был подвергнут ни «исключению из руководящего коллектива», ни моральному истреблению (что бы под этим ни подразумевалось), ни тем паче «физическому уничтожению».

Хотя Сталин никого не освобождал только из-за расхождения во взглядах, именно так поступал Хрущев. 26 июня 1953 года по ложным обвинениям и без предъявления каких-либо доказательств он и его клевреты подвергли внезапному аресту Л.П.Берию. Впоследствии Берия и шесть его ближайших соратников — В.Н.Меркулов, В.Г.Деканозов, Б.З.Кобулов, С.А.Гоглидзе, П.Я.Мешик и Л.Е.Влодзимирский — были расстреляны. Сталин никогда не допускал ничего подобного.

Берия был не единственным человеком в партийном руководстве, кого Хрущев удалил из-за несогласия с ним. В июле 1957 года он созвал Пленум ЦК и добился изгнания Ма¬

---

[1] Там же. 131—132.

[2] См. гл. 9.

ленкова, Молотова, Кагановича и Шепилова, поскольку те не соглашались с проводимой им политикой. Хрущевский беспредел, несомненно, стал главной из причин его отстранения Центральным комитетом в 1964 году.

Хрущев и все, кто его поддерживал, нуждались в каком-то оправдании или объяснении, почему в течение стольких лет они не могли противодействовать Сталину и всем его т.н. «преступлениям» и почему они оставались у руководства партией вместе с ним. Складывается впечатление, что угроза «уничтожения» превратилась в их алиби. Хрущев действительно много раз повторял, что если бы «они» попробовали «восстановить ленинские нормы в партии» или предложили Сталину отставку, «от нас бы мокрого места не осталось»[1].

Кое-кто в коммунистическом движении проницательно заметил, сколь недостойно выглядит подобное оправдание: «Когда советский лидер Анастас Микоян во главе делегации КПСС в Китае присутствовал на VIII съезде КПК в 1956 году, Пэн [Дэхуай] с глазу на глаз спросил его, почему только сейчас советская партия осудила Сталина. Микоян предположительно ответил: «Мы не осмеливались выступать со своим мнением в то время. Поступить так означало смерть». На это Пэн [Дэхуай] возразил: «Что это за коммунист, который боится смерти?»[2].

Но, конечно же, ложно само хрущевское обвинение Сталина в уничтожении всех несогласных с его мнением.

Практика массовых репрессий в целом

Хрущев: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном

---

[1] Например, см.: Юрий Шаповал. Прощание с властью: случай Никиты Хрущева. 40 лет назад, в октябре 1964-го, «отец оттепели» был смещен со всех своих постов. // *Зеркало недели*. 23—29 октября 2004 г.: http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/print/48113/.

[2] См.: Roderick MacFarquhar, *Origins of the Cultural Revolution* (New York: Columbia Univ. Press).Vol. 2 (1983), p.194.

ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935—1937—1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах Гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии»[1].

Ничто в речи Хрущева не выглядит столь отвратительно, как обвинения Сталина в подстрекательстве к массовым и необоснованным репрессиям. Более конкретные утверждения доклада касательно судеб тех или иных подвергшихся репрессиям высокопоставленных большевиков будут рассмотрены ниже; здесь же необходимо сделать ряд замечаний общего характера и выделить в них несколько важных аспектов рассматриваемой далее проблемы репрессий.

Главный из них состоит в том, что именно Хрущев несет личную ответственность за массовые репрессии. Причем, возможно, даже большую, чем кто-либо иной, за исключением разве что Н.И.Ежова, стоявшего во главе НКВД с середины 1936-го до конца 1938 года, и, несомненно, самого кровавого из круга подобных лиц[2]. В отличие от Сталина и центрального партийного руководства (перед кем все первые секретари должны были отчитываться) Хрущев как, впрочем, и Ежов, не понаслышке знал, что значительная часть, а может, и подавляющее число репрессированных с его участием лиц были невиновны или по крайней мере что их участь решалась без тщательного расследования.

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.132.

[2] К деятелям такого же сорта Ю.Н.Жуков причисляет Р.И.Эйхе (Ю.Жуков. «Подлинная история Иосифа Сталина?» // *Литературная газета*. 2007, (№ 8) 28 февраля).

На заседании Президиума ЦК КПСС 1 февраля 1956 года, т.е. за 24 дня до «закрытого доклада», Хрущев выступил в защиту как Ежова, так и Г.Г.Ягоды (предшественника Ежова на посту наркома НКВД). Труднообъяснимым такое заступничество выглядит только до тех пор, пока не учитывается личное мнение Хрущева, что *никаких* заговоров вообще не существовало и что, таким образом, всех тех, кто подвергся репрессиям, следует считать невиновными жертвами. Такой точки зрения Хрущев придерживался довольно длительное время и после XX съезда. В «закрытом докладе» он утверждал, что за репрессии Ежова ответственность нужно возложить на Сталина. Но лживость подобных представлений не могла оставаться неизвестной для самого Хрущева: кто-кто, а он, несомненно, обладал в то время гораздо большим числом доказательств, чем есть в нашем распоряжении сейчас. Однако из всех тех источников, что доступны исследователям в настоящее время, явствует: вина за широкомасштабные незаконные репрессии лежит не на Сталине, а на Ежове.

В дни и месяцы, когда шло следствие, установившее несомненную вину Ежова, Хрущев был кандидатом в члены, а затем членом Политбюро ЦК ВКП(б). В состав Политбюро тогда же входили А.И.Микоян, В.М.Молотов, Л.М.Каганович и К.Е.Ворошилов. Однако только этим обстоятельством нельзя объяснить, почему все они согласились (пусть временно) с основными положениями «закрытого доклада»[1].

Еще до завершения (а нередко начала) официальной процедуры изучения дел, заведенных на тех или иных казненных партийных руководителей, Хрущев *a priori* объявил их жертвами ***необоснованных*** репрессий. Что прямо противоречит имеющимся сейчас доказательствам, хотя достоянием гласности пока стала лишь малая толика документов, касающихся деятельности этих лиц. Подготовленный комиссией П.Н.Поспелова доклад[2] предназначался специально для того, чтобы вооружить Хрущева необходимыми ему материалами и напе¬

---

[1] См. обсуждение этого вопроса в заключительной главе.

[2] «Доклад комиссии Поспелова», или «доклад Поспелова», датирован 9 февраля 1956 г. и официально называется «Доклад комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии». Кроме Поспелова доклад был подписан А.Б.Аристовым, Н.М.Шверником и П.Т.Комаровым.

ред заданным выводом, согласно которому руководящие партработники подверглись несправедливым репрессиям. Однако в докладе остался совсем без рассмотрения внушительный по объему массив свидетельств, наличие которых на архивном хранении, как нам известно, не подлежит никакому сомнению. При всем том сам доклад составлен таким образом, что в нем все равно отсутствуют доказательства невиновности лиц, репрессии в отношении которых он анализирует будто бы всесторонне...

Все имеющиеся свидетельства указывают на существование серии разветвленных правотроцкистских антиправительственных заговоров, куда были вовлечены многие ведущие партийные лидеры, руководители НКВД Ягода и Ежов, высокопоставленные военные и многие другие[1]. Вообще говоря, о сложившейся ситуации так или иначе сообщалось сталинским правительством того времени; умалчивалось лишь о таких существенных частностях, как участие Ежова в руководстве заговора правых, о чем ранее ничего не сообщалось.

Большое число косвенных улик указывает на причастность к правотроцкистскому заговору и самого Хрущева. Несмотря на то, что такая гипотеза опирается на множество свидетельств, она скорее наводит на размышления, нежели представляет собой окончательный вывод. Так или иначе, но с ее помощью можно понять первопричины хрущевских нападок на Сталина и даже объяснить некоторые особенности последующей истории КПСС.

Термин «враг народа»

Хрущев: «Сталин ввел понятие "враг народа". Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие "враг народа" по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо

---

[1] Подробнее см. гл.4.

идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, "признание" самого обвиняемого, причем это "признание", как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого»[1].

Конечно, отнюдь не Сталин ввел это понятие в советский лексикон 1930-х годов.

Собственно, термин *lennemi du peuple* широко использовался еще в период Великой французской революции. Кажется, впервые его употребил публицист Жан-Поль Марат в первом же номере революционного информационного бюллетеня *L'Ami du Peuple* в 1793 году[2]. «Враг народа» — так называется широко известная пьеса Ибсена (1908). Максим Горький употребил это словосочетание в присяге херсонесцев в очерке «Херсонес Таврический», изданном в 1897 году.

Все революционеры 1917 года склонны были смотреть на происходящее в России через призму французской революции 1789 года, поэтому термин «враг народа» получил среди них широкое распространение. Ленин активно пользовался им перед революцией 1905 года. «Кадеты» (конституционные демократы) — политическая партия, выражающая интересы крупной буржуазии, запрещенная декретом Совета народных комиссаров 28 ноября 1917 года как партия «врагов народа».

Locus classicus[3] для термина «враг народа» 1930-х годов стало постановление Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных Комиссаров СССР от 7 августа 1932 г., известное под именем «Закон о трех колосках». Здесь термин «враг народа» относится не к партийным оппозиционерам, а к преследуемым в рамках законодательства ворам, грабителям и жуликам всех разновидностей. Закон подписан председателем ЦИК СССР М.И.Калининым, председателем СНК СССР В.М.Молотовым и секретарем ЦИК СССР А.С.Енукидзе. Подписи Сталина нет, поскольку в это время он не занимал в советском правительстве руководящих должностей в законодательной и исполнительной ветвях власти.

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦККПСС. 1989,* № 3, с.132—133.

[2] См.: http://membres.lycos.fr/jpmarat/ipmif.html.

[3] Классическое место (лат.).

С начала 1917 понятие «враг народа» употребляется в работах Сталина около 10 раз. Много и часто этим термином пользовался и сам Хрущев[1].

Зиновьев и Каменев

Хрущев: «В своем "завещании" Ленин предупреждал, что "октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью". Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и тем более о их расстреле»[2].

Хрущев подразумевает, что именно Сталин должен нести ответственность за необоснованный расстрел Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева. Но вопрос об их признаниях на предварительном следствии и в суде здесь совершенно опущен. А в этом, собственно, все дело.

Как ни парадоксально, но до сих пор нигде и никем не было представлено ни одного доказательства, что признания Зиновьева и Каменева не следует считать чистосердечными. Российские власти пока воздерживаются от публикации следственных материалов, но мы тем не менее располагаем рядом свидетельств их вины, которые стали известны совсем недавно.

Одно из таких свидетельств — опубликованное в 2001 году письмо из частной переписки Сталина с Л.М.Кагановичем, из которого следует, что сам Сталин был по меньшей мере убежден как в виновности Зиновьева и Каменева, так и в том, что заговор с их участием действительно существовал. Еще один важный и напрямую вытекающий вывод состоит в том, что Сталин внимательно изучал признания обвиняемых на суде и пытался строить собственные умозаключения из полученной информации.

Второй из документов — признательные показания бывшего начальника Управления НКВД по Свердловской области Д.М.Дмитриева. Часть из его письменных признаний в 2004 году была опубликована как приложение к отчету о следст¬

---

[1] В последний раз перед «закрытой» речью этот термин был использован Хрущевым в прозвучавшем 11 днями раньше отчетном докладе XX съезду КПСС. См.: Ю.В.Емельянов. *Хрущев. Смутьян в Кремле.* — М.: Вече, с.32.

[2] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.134.

вии, который Берия направил Сталину 23 октября 1938 года. Напомним: именно в те дни Берия занимался выкорчевыванием кадров НКВД, ответственных за фальсификацию дел, обман органов правосудия и поддержку Бухарина, Рыкова и других «правых» при подготовке ими планов свержения правительства.

Среди множества других фактов Дмитриев вспомнил о показаниях по поводу допросов жены Каменева — тех самых, на которые есть ссылка в переписке Сталина и Кагановича, что тем самым гарантирует безупречную верификацию сведений из упомянутого выше письма от 23 августа 1936 года. Остается только добавить: сведения из обоих источников полностью совместимы с тем, что нам известно об антиправительственном заговоре «правых».

Наконец, мы располагаем рядом других документов — протоколами допросов Зиновьева, Каменева и Бухарина из т.н. «архива Волкогонова», в которых все они (еще в ходе предварительного следствия) обвиняют друг друга в изменнической деятельности, а это значит, что все их признания подтверждают друг друга и, подчеркнем, согласуются с показаниями на процессах.

Суровый приговор, вынесенный Зиновьеву, Каменеву и другим подсудимым, можно было бы считать необоснованным только в отсутствие у них вины, какую подтверждают все имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства. Легко предположить: у Хрущева тоже не было никаких доказательств невиновности, иначе он обязательно обнародовал бы их. Поэтому есть все основания считать, что Хрущев лгал и лицемерил, когда сокрушался по поводу печальной участи Зиновьева и Каменева.

Троцкисты

Хрущев: «...Возьмем, к примеру, троцкистов. Сейчас, когда прошел достаточный исторический срок, мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть — из рабочих. Можно было бы назвать

целый ряд людей, которые в свое время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции. Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей?»[1].

Действительно, 3 марта 1937 года в речи на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин в весьма жестких выражениях говорил о троцкистах. Но, указывая на необходимость усиления бдительности, он, тем не менее, не потребовал их преследования. Вместо этого он предложил учредить специальные идеологические курсы для всех руководящих партийных работников. Таким образом, Сталин призывал рассматривать проблему троцкизма как одно из следствий низкого уровня политического сознания большевиков.

На том же Пленуме в своей итоговой речи от 5 марта Сталин выступил резко против огульного наказания всех, кто когда-либо колебался в сторону троцкизма, и одновременно настаивал на строго «индивидуальном, дифференцированном подходе» в данном вопросе. Т.е. именно на том, что согласно «закрытому докладу» Сталин ***не делал.*** Иначе говоря, на XX съезде Хрущев высказал такую же точку зрения, какую на февральско-мартовском (1937) Пленуме твердо отстаивал Сталин, но приписал тому ***прямо противоположные*** *слова* и намерения. Сходство между речами Хрущева и Сталина здесь настолько велико, что Хрущев, похоже, просто переписал соответствующий отрывок из сталинского доклада.

Наконец, несколько слов об основной теме процитированного выше отрывка — о самих троцкистах.

Строго говоря, представления о них как о разоружившихся, а потому безобидных сторонниках альтернативных «сталинизму» теорий не соответствуют действительности. В настоящее время выявлено немало свидетельств, в которых подтверждается правота утверждений советской пропаганды 1930-х годов, согласно которым Троцкий был связан с другими оппозиционерами внутри СССР, что он участвовал в заговоре с целью свержения сталинского правительства и был в контак¬

[1] Там же.

те с немецкими и японскими военными кругами. Документально подтверждается и то, что тайные группы троцкистов вне и внутри партии занимались саботажем и шпионажем в СССР, распространяли ложные обвинения в измене против неугодных им лиц.

Тщательное исследование этих вопросов, основанное на недавно ставшей доступной источниковой базе, все еще ждет своего исследователя, поэтому здесь мы ограничимся лишь ссылкой на генерала П.А.Судоплатова и ряд донесений, полученных из нацистских источников, которые подтверждают правдивость переданных им сведений.

«Попрание» Сталиным норм партийной жизни

Хрущев: «Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться... Разве можно считать нормальным тот факт, что между XVIII и XIX съездами партии прошло более тринадцати лет, в течение которых наша партия и страна пережили столько событий?»[1].

Хрущев стремился представить все так, будто большой перерыв между XVIII и XIX партсъездами связан с нарочитым игнорированием норм партийной жизни со стороны Сталина, и тем самым попытался возложить на него всю меру ответственности за это.

Пока предано огласке совсем немного источников из бывших советских архивов, но из тех, что уже известны, со всей определенностью явствует: сталинское руководство планировало созыв съезда на 1947 или 1948 год, но Политбюро отклонило это предложение по нерассекреченным до сих пор соображениям. Предложение прозвучало из уст А.А.Жданова — одного из тех, чья близость к Сталину общеизвестна. Поэтому крайне маловероятно, что Жданов решился высказаться по вопросу о съезде без предварительного согласования с секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным.

Не менее важно другое: о предложении Жданова, несомненно, должен был знать и член Политбюро Хрущев! И та-

---

[1] О культе личности.,. // *Известия ЦККПСС. 1989,* № 3, с.136.

ким образом становится понятно, почему в «закрытом докладе» нигде напрямую не говорится, что Сталин-де «не смог» или «отказался» от созыва съезда в предусмотренные уставом сроки. Очевидно также, что многие слушатели хрущевского выступления знали о планах проведения высшего партийного форума в более раннее время.

Говоря о ненормально большом перерыве, Хрущев нарочито не учитывает годы Великой Отечественной войны (1941—1945) и войны с Финляндией (1939—1940). Если же вести подсчет только мирных лет, то своевременным был бы созыв съезда в 1947-м, 1948-м или даже 1949-м, т,е через три ***мирных*** года после XVIII съезда партии, который состоялся в 1939 году[1].

Иными словами, Хрущев в очередной раз продемонстрировал свою нечестность: съезд ***планировался*** на 1947 или 1948 год, но по каким-то причинам не состоялся. Хрущеву, по-видимому, были известны и подробности обсуждения в Политбюро, приведшие к этому решению, а также причины отказа от проведения съезда. Хрущев вообще больше никогда не ссылался на данный факт. И он сам, и все, кто пришел к власти после него, не стали публиковать стенограммы упомянутого, а также всех последующих Пленумов ЦК. Эти материалы до сих пор ждут своей публикации.

Прямое отношение к сказанному имеет другое заявление Хрущева: «Почти не созывались пленумы Центрального комитета. Достаточно сказать, что за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного Пленума ЦК. Правда, была попытка созвать Пленум ЦК в октябре 1941 года, когда в Москву со всей страны были специально вызваны члены ЦК. Два дня они ждали открытия Пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального комитета. Этот факт говорит о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны и как высокомерно и пренебрежительно относился он к членам ЦК»[2].

В примечаниях Бориса Николаевского к публикации «закрытого доклада» в журнале «Нью лидер» говорится, что про-

[1] Очередные съезды должны были созываться именно раз в три года, см.: *Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).* — М.: Госполитиздат, 1945, с. 13.

[2] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.136.

цитированное выше утверждение Хрущева ложно; однако последняя фраза из примечания Николаевского говорит о том, что лично ему предпочтительнее было верить изустным хрущевским сентенциям, нежели советским первоисточникам сталинского периода.

Увы, Николаевский лишь принимает желаемое за действительное. Ведь если Хрущев солгал здесь, кто поручится, что он не наврал где-то еще? В научном издании доклада в сборнике «Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС»[1] говорится, что в годы войны намечалось проведение двух Пленумов, но в конце концов состоялся только один. Несмотря на явную ложь, научные редакторы сборника все же уклонились от того, чтобы указать очевидное: Хрущев сказал неправду.

В октябре 1941 года — в самые критический период войны — многие партийные руководители были на фронте. Когда нацистские армии стояли у стен Москвы, Пленум просто не мог бы состояться. И, мало того, Пленум ЦК ВКП(б), собравшийся в более спокойной обстановке 27 января 1944 года, в сущности лишь утвердил новый советский государственный гимн, рассмотрев еще ряд второстепенных вопросов[2]. В 1956 году о его решениях было известно чуть ли не каждому из делегатов XX съезда партии. Но Хрущев все равно не удержался от того, чтобы соврать про то, как за все годы войны, дескать, «не было проведено ни одного Пленума ЦК»! Вероятно, тут мы имеем дело с одним из самых грубых просчетов Хрущева. Конечно, речь идет об одном из многих его лживых утверждений в «закрытом докладе», но в данном случае прозвучавшая с съездовской трибуны неправда была очевидна чуть ли не всем его делегатам, присутствовавшим на закрытом заседании.

---

[1] *Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы.* — М.: РОССПЭН, 2002, прим. 23 на с. 152.

[2] О решениях январского (1944) Пленума ЦК ВКП(б) см.: http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show и name=voyna083 {*Великая Отечественная война. Вопросы и ответы.* П.Н.Бобылев и др. — М.: Политиздат, 1985).

ГЛАВА 3

«ПРОИЗВОЛ СТАЛИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПАРТИИ»

Что в действительности установила «комиссия Поспелова»? Февральско-мартовский Пленум 1937 года. Постышев и «требования» обуздать репрессии

Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями

Хрущев: «Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937—1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т.п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального комитета...

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937—1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. *(Шум возмущения в зале)*.

...Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек»[1].

Данное утверждение — один из трех т.н. «особых случаев»[2] доклада, где Хрущев усиленно намекает, что Сталин должен нести за что-то ответственность, но ничего не говорит, за что именно. Строго говоря, здесь нет ни обвинений, ни «разоблачений», поэтому и опровергать тут нечего.

Конечно, с помощью таких уловок Хрущеву хотелось представить дело так, будто с помощью массовых репрессий Сталин уничтожил большинство делегатов XVII съезда и членов ЦК партии. Подобные намеки совершенно беспочвенны, и их несостоятельность будет показана ниже в данном разделе. Но и при том, что намек на причастность был сделан, несомненно, нарочно, Сталин ***явно*** не обвиняется здесь ни в чем.

Теперь в распоряжении историков есть сам доклад упомянутой Хрущевым комиссии, которая стала известна как «комиссия Поспелова»[3] и получила свое название по имени П.Н.Поспелова, директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и секретаря Центрального комитета партии. Историк Поспелов возглавлял эту комиссию и участвовал в подготовке самого первого варианта хрущевского «закрытого доклада». Сочинения Поспелова, написанные при Сталине, — отвратительные примеры безудержного восхваления «культа личности». Тем не менее после 1953 года Поспелову удалось стать одним из ближайших соратников Хрущева. Поспелова считают политически очень предвзятым историком, но, учитывая его положение, что-то иное выглядело бы еще более стран-

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС. 1989, № 3,* с.136—137.

[2] Подробнее об «особых случаях» и о предложенной автором классификации см. главу «Хрущевская школа фальсификации».

[3] См.: *Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956.* — М.: МФД, 2000, с.317—348, а также: http://www.idf.ru/2/7.shtml.

ным[1]. Если бы нам ничего не было известно о Поспелове, то носящий его имя доклад говорит просто сам за себя.

Главный из выводов доклада комиссии Поспелова, напомним, гласит: все или подавляющее большинство казненных при Сталине партийных лидеров в действительности были ни в чем не виновны. Тем не менее *их невиновность не удостоверяется процитированными в докладе свидетельствами*. Комиссия просто *провозгласила,* что они невиновны, и только. Цель доклада легко просматривается из его структуры: признать Сталина ответственным за массовые репрессии, предумышленно замолчав все и любые из свидетельств, которые не соответствуют этому наперед заданному выводу.

Помимо самого доклада в распоряжении историков есть краткие реабилитационные справки на партийных руководителей, репрессированных в 1930-е годы. Ряд справок подготовлен еще до написания доклада комиссии Поспелова, но большинство появилось после. Вместе с самим поспеловским докладом и другими источниками они подготовлены к печати и изданы Международным фондом «Демократия» («Фондом А.Н.Яковлева»). Поскольку главная из программных целей фонда состоит в разоблачении т.н. «преступлений» Сталина и Коммунистической партии, легко предположить, что фонд использует каждую возможность для публикации документов, с помощью которых ответственность за репрессии ни в чем не повинных людей можно было бы возложить на Сталина.

Ниже будут рассматриваться следующие вопросы:

- Большое число фактов свидетельствует, что значительная часть подвергшихся репрессиям высокопоставленных членов партии из упомянутых в докладе Хрущева в конце концов все же были виновны! По меньшей мере достаточное число свидетельств указывает на это, поэтому краткие справки, поме-

---

[1] Вот лишь некоторые из характеристик Поспелова из биографического справочника: «Участвовал в создании насквозь фальсифицированной "Истории Гражданской войны в СССР". Поспелов был пред. редакционных комиссий "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза", "Истории КПСС" руководил авторским коллективом по составлению биографии В.И.Ленина и т.д. Все подготовленные с его участием работы переполнены подтасовками и извращением действительных фактов и не имеют ничего общего с историей» (см. http://www.hrono.ru/biograf/pospelov.html). Но ни этот, ни какой-либо иной источник сами не свободны от политической и исторической предвзятости!

щенные в докладе комиссии Поспелова, совершенно недостаточны для их оправдания.

- Ежов несет ответственность за фабрикацию уголовных дел против многих советских граждан. Возможно, в их число входит несколько членов партии, названных в докладе Хрущева. Дело Ежова расследовалось, и сам он был казнен по приговору суда (см. ниже отдельную главку о Ежове).

- Многие, если не большинство уголовных дел, в ходе которых были установлены подтасовки признаний и применение пыток против арестованных, расследовались, когда во главе НКВД стоял Берия, сменивший Ежова в конце 1938 года.

- Именно Хрущев положил начало сокрытию конкретных причин арестов, материалов следствия, суда и казни членов Центрального комитета.

В докладе Хрущев сослался на большой процент членов Центрального комитета, которые были избраны на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году и впоследствии стали жертвами репрессий. Как и в изданной в 1989 году более подробной «сводке» о судьбах членов ЦК[1], Хрущев ничего не сказал о том, когда и в силу каких причин делегаты съезда были арестованы, допрошены, а многие из них затем казнены. Хрущевский доклад оставляет впечатление, будто все это совершено Сталиным и без разбирательства с чьей-либо стороны.

Однако истинное положение дел было хорошо известно Хрущеву. В чем легко убедиться, т.к. мы располагаем реабилитационными справками и докладом комиссии Поспелова, откуда недвусмысленно следует, что для арестов и казней существовали вполне определенные причины.

Так, согласно докладу комиссии,

1) «большинство» репрессированных были невиновны. Т.е. подразумевается, что *к некоторым* это все же не относится. Доклад комиссии Поспелова, однако, не уточняет, кто помимо Ежова имеется в виду;

2) кто-то стал жертвой оговора. И Эйхе, и Евдокимов ложно обвиняли других, в том числе членов ЦК, после того, как их начали избивать и пытать;

3) некоторые под пытками дали ложные признания с обвинениями других.

---

[1] О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии. // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 12, с. 82—113.

Вдобавок в докладе комиссии подчеркивается, что признания и стенограммы допросов многих из обвиняемых направлялись Сталину, а он рассылал их другим членам Политбюро. Мы знаем, что это правда, поскольку некоторые из них сейчас опубликованы.

Как Хрущев, так и комиссия Поспелова пытались всю вину за репрессии свалить на Берию и Ежова. Но факты из обоих докладов, — многие из которых были собраны, когда Берия руководил расследованием преступлений и перегибов ежовского НКВД, — и опубликованные там статистические сводки опровергают эту теорию. Истина состоит в том, что именно Берия *положил конец* «ежовщине».

При всей своей тенденциозной заданности доклад комиссии Поспелова чуть приоткрывает завесу секретности над тем, что происходило в действительности; тогда как в «закрытом» выступлении Хрущева все, наоборот, окутано непроницаемой тайной. Достаточно сказать, что соответствующие архивно-следственные материалы не стали доступны исследователям ни в советское время, ни после 1991 года. А следовательно, правда о событиях тех лет все еще неизвестна. Как разумно можно предположить, здесь прослеживается связь с тем, что тщательное исследование могло бы привести к оправданию как Сталина, так и Берии, хотя Хрущев приложил немало сил, чтобы обвинить их во всех грехах.

На самом деле Хрущев был одним из тех, кто несет значительную часть вины за массовые репрессии.

Здесь и в последующих главах будут рассмотрены дела на партийных деятелей, названных Хрущевым. Ни в одном из случаев комиссии Поспелова не удалось собрать достаточного числа доказательств, чтобы установить их невиновность. В ряде случаев в докладе, по сути, признается наличие противоречивых свидетельств.

В постсоветское время в связи с фрагментарным рассекречиванием бывших советских архивов и доступом к ним лишь избранных исследователей пока выявлено не так уж много свидетельств, связанных с обвинениями высших партийных чиновников, упомянутых в речи Хрущева и в докладе комиссии Поспелова. Российское правительство отказалось предавать гласности следственные материалы о ком-либо из тех фигур в полном объеме. Поэтому мы не можем точно удостовериться

в их вине. Однако свидетельства, доступные нам сегодня, демонстрируют абсолютную неадекватность выводов комиссии Поспелова относительно их невиновности.

Подписанная Енукидзе директива от 1 декабря 1934 года

Хрущев: «После злодейского убийства С.М.Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе... постановление»[1].

Это ложное утверждение. Хрущев жаловался делегатам партийного съезда, что закон был подписан правительственным органом — Президиумом ЦИК, — ***а не*** Политбюро ЦК партии. Но в Конституции ничего не сказано о Политбюро, и, таким образом, какие-либо законные основания для передачи законопроекта на рассмотрение Политбюро отсутствуют. На постановлении стоят утверждающие подписи М.И.Калинина и А.С.Енукидзе, председателя и секретаря ЦИК СССР соответственно.

Хрущев ничем не подкрепляет свои слова о том, что решение было принято «по инициативе Сталина». На черновике документа Сталин оставил пометку: «За опубликование». Это значит: проект был передан Сталину, чтобы заручиться его согласием на публикацию постановления в печати. И поскольку тот попал к Сталину, как говорится, в последний момент, крайне маловероятно, что сам закон вышел из-под его пера[2].

Вопрос о законе искажен и в официальном издании «закрытого доклада» (1989), где говорится, что, дескать, «постановление не вносилось на утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции СССР». И опять: никаких свидетельств, доказывающих это утверждение, публикаторами не приводится. Но если так оно и было, неясно, какое

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989, № 3,* с.137—138.

[2] На фотокопии из «Архива Волкогонова» видно, что Сталин и Молотов согласились на публикацию закона и передали его Енукидзе, чья подпись, датированная 2 декабря 1934 года, появляется там вторично под пометкой о передаче постановления для публикации в газетах.

отношение это имеет к Сталину? Ведь он не был председателем ЦИК СССР и не отвечал за его работу. Так или иначе, но выяснение всех этих обстоятельств не имеет значения для наших целей, поскольку о процедуре принятия постановления Хрущев не сказал вообще ни слова. Его недовольство вызвано тем, что Политбюро — партийный орган — не дало своего предварительного согласия. Но и потребности в том не было никакой.

Тот факт, что Хрущев предъявил претензии Сталину за то, что тот не стал добиваться санкции Политбюро, подкрепляет выдвинутую некоторыми исследователями гипотезу, что одна из причин антисталинских нападок Хрущева — стремление Сталина освободить партию от бремени управления обществом и народным хозяйством. Такую теорию в ее различных аспектах разделяют такие исследователи,как Ю.Н.Жуков, Дж. Арч Гетти и Ю.И.Мухин, а также автор настоящей работы.

Хрущев намекает на причастность Сталина к убийству Кирова

Хрущев: «Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при "аварии" автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал. После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова»[1].

Здесь подразумевается, хотя и не говорится Хрущевым в открытую, что Сталин был причастен к убийству Кирова. Как

---

[1] Там же. С. 138.

отмечает Гетти, несколько советских и постсоветских комиссий пытались обнаружить доказательства причастности Сталина к убийству Кирова, но все тщетно. В пространном обсуждении этого вопроса в книге «Дорога к террору»[1] Гетти и Наумов приходят к выводу, что в настоящее время нет доказательств, свидетельствующих, что Сталин имел какое-либо отношение к убийству Кирова. Судоплатов тоже заключает, что нет никаких причин подозревать в этом убийстве Сталина.

Гетти, а с ним большинство российских историков придерживаются мнения, что Сталин-де «сфабриковал» обвинения против оппозиционеров, осужденных и казненных за их мнимую причастность к убийству Кирова. Но есть неплохое свидетельство, из которого следует, что обвинения, выдвинутые по делу об убийстве Кирова, не были ложными. Так, при всем том, что сегодня исследователи получили доступ к крошечному числу архивно-следственных дел (а предано гласности из них и того меньше), мы располагаем, с одной стороны, фрагментом стенограммы допроса Николаева, где он обвиняет в причастности к убийству подпольную группу зиновьевцев, куда входил Котолынов, а с другой, — материалами из состоявшегося днем ***раньше*** допроса Котолынова, где он принимает на себя «политическую и моральную ответственность» за убийство Кирова Николаевым[2].

Телеграмма Сталина и Жданова в Политбюро от 25 сентября 1936 года

Хрущев: «Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

"Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т.Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. **ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года.** Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД"...

---

[1] J. Arch Getty and Oleg V.Naumov. *The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939.* (Yale University Press, 1999), p.141—147.

[2] Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. — М.: МФД, 2003, док. № 481 и 482, с.575—577.

Эта сталинская установка о том, что "НКВД опоздал на 4 года" с применением массовых репрессий, что надо быстро "наверстать" упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы»[1].

Надо сказать, что «эта сталинская установка» вообще не имеет никакого отношения к репрессиям, тем более к массовым, а связана с неудовлетворительным ходом расследования деятельности недавно раскрытого троцкистско-зиновьевского блока. Дж.Гетти показал, что фраза «опоздал... на 4 года» означает время, которое следует отсчитывать не с даты появления «платформы Рютина», а от создания в 1932 году блока троцкистов и правых, о чем стало известно не ранее середины 1936 года[2]. Обнаружение именно этих сведений бросало тень на Ягоду и требовало его срочной замены на посту наркома внутренних дел. Р.Тэрстон, а также М.Янсен и Н.Петров разделяют эту точку зрения[3].

В сущности все это было известно и Хрущеву, только скрыто им в его «закрытом докладе». В проекте хрущевской речи, подготовленном Поспеловым и Аристовым, прямо говорится, что «4 года» следует отсчитывать от формирования блока в 1932 году[4]. Там же Поспелов и Аристов употребили словосочетание «наверстать упущенное». Но это их собственное изобретение; Сталин таких слов не употреблял. Зато их взял на вооружение Хрущев, только умолчал, что «4 года» относится ко времени, прошедшему с создания блока. В докладе комиссии Поспелова ссылка на блок тоже опущена, а опоздание на «4 года» интерпретируются как призыв к проведению репрессий.

Ясно, что, говоря об «упущенном времени», Сталин и Жданов имели в виду необходимость проведения срочных следственных мероприятий, направленных на раскрытие деятельности право-троцкистского блока, связи его членов с представите-

---

[1] О культе личности... // Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с.138.

[2] J.A.Getty. *The Origins of the "Great Purges": Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938.* (Cambridge: 1986), Chapter 5; Он же. The Great Purges Reconsidered. Unpub. PhD diss. Boston College, 1979, p.326.

[3] Robert Thurston. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934—1941. (Yale University Press; 1998),* p.35; Marc Jansen, Nikita Petrov. Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895—1940. (Hoover Institution Press, 2002), p.54.

[4] Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. — М.: РОССПЭН, 2002, с. 125.

лями иностранных правительств и выяснение их причастности к подготовке «дворцового переворота» и актам террора (т.е. убийствам). Опираясь на изыскания в открытом в 1980 году архиве Троцкого в Гарвардском университете, и Гетти, и видный ученый-троцкист Пьер Бруэ обнаружили документальные доказательства существования такого блока.

Выступления Сталина на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦКВКП(б)

Хрущев: «В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников" была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин»[1].

В сталинских выступлениях на том Пленуме нет даже намека на теоретическое обоснование массовых репрессий. Хрущев исказил сталинские слова до неузнаваемости. Никогда Сталин не говорил и том, что «по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба ***должна*** обостряться». Вот что в действительности он сказал в своей первой речи на Пленуме 3 марта 1937 года: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР»[2].

Продолжая, Сталин призвал к строго индивидуальному подходу при разборе персональных дел и к созданию курсов

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989, № 3,* с.139.

[2] И.В.Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года. // *Правда.* 1937, 29 марта. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-20.html.

для политического образования, а не к каким-либо репрессиям, «террору». Что касается «прямой поддержки со стороны наших врагов за пределами СССР», тут Сталин оказался прав. К тому времени накопилось достаточно много фактов, вербовки советских граждан иностранными агентами с целью саботажа и шпионажа и еще больше было выявлено в ближайшие после Пленума месяцы.

Следует отметить: тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма родился у Сталина не в 1937-м, а в 1928 году. Впервые об этом было сказано на июльском (1928) Пленуме ЦК, где, касаясь вопроса обострения классовой борьбы и усиления сопротивления капиталистов, Сталин сделал важные разъяснения: «О чем здесь идет речь? Вовсе не о том, что чем дальше мы будем двигаться вперед, чем сильнее будет развиваться дело социалистического строительства, тем сильнее будто бы будет расти сопротивление капиталистов. Речь идет не об этом. Речь идет о том — **почему** сопротивление капиталистов усиливается *(выделено мной— Г.Ф.)*»[1].

Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов отмечают, что тезис об обострении классовой борьбы получил дальнейшее развитие в речи Валериана Куйбышева на сентябрьском Пленуме ЦК 1928 года. Историки добавляют: на апрельском Пленуме (1929) Бухарин выступил против, но так, что его речь оставляла место для двоякого толкования; он признал, что на некоторых этапах классовая борьба может обостряться, и даже согласился, что 1929 год был как раз таким временем, но отметил, что сам принцип, дескать, не носит всеобщего характера.

5 марта 1937 года Сталин выступил с завершающим докладом на февральско-мартовском Пленуме. Эту речь тоже нельзя называть «теоретическим обоснованием политики массовых репрессий». В ней Сталин вновь недвусмысленно заявил о «необходимости индивидуального, дифференцированного подхода». Далее Сталин вернулся к тому же самому вопросу и опять открыто выступил ***против*** огульно-массового подхода. Он настаивал, что есть, самое большее, несколько тысяч членов партии, о ком можно сказать, что они поддерживали троцкистов,

---

[1] Неправленная стенограмма выступлении Сталина на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 22 апреля 1929 г. // *Как ломали нэп. Стенограммы Пленумов ЦКВКП(б) 1928—1929 гг.* В 5 томах. Том 4. Объединенный Пленум ЦК и ЦККВКП(б) 16—23 апреля 1929 г. - М.: МФД, 2000, с.655.

или «около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов»[1].

Вместо призывов к «массовому террору» Сталин выдвинул веские аргументы *против* такой политики. Юрий Жуков соглашается, что речь Сталина была весьма умеренной[2]. По докладу Сталина была подготовлена резолюция, которая была принята единогласно, но так и не стала достоянием гласности. Жуков цитирует ее.

Призыв к политическому образованию, а не к массовым репрессиям, — поистине кульминация сталинских выступлений. В противоположность лживым заявлениям Хрущева о призывах к «массовым репрессиям» Сталин требовал расширения сети внутрипартийного политпросвета, крайне необходимого для партийных вождей вроде тех, что присутствовали на заседаниях Пленума ЦК. Сталин настаивал, чтобы каждый из партсекретарей подобрал себе двух заместителей, способных взять руководство на себя, пока каждый из секретарей не завершит обучение на 4-месячных, а еще большее число партийных руководителей — на 6-месячных курсах.

Многие или большинство из участников Пленума были первыми секретарями областных, краевых или республиканских организаций ВКП(б). Они, возможно, истолковали такой план как угрозу своему положению. Им, в сущности, предстояло подыскать будущую смену самим себе. Своего рода «соревнование» за эти высокие партийные посты, казалось, было не за горами. Если партсекретари отправятся учиться на курсах, кто поручится, что они вновь займут свои места, когда обучение подойдет к концу?

На самом деле именно первые секретари — включая, как мы видели, самого Хрущева — обратились к политике «массовых репрессий». А курсы политпросвета так никогда и не были организованы. Взамен на следующем Пленуме ЦК секретари обратились к Сталину с леденящими кровь рассказами об угрозе со стороны реакционных элементов и возвращающихся из ссылки кулаков. Секретари потребовали предоставления им чрезвычайных полномочий для вынесения смертных

---

[1] И.В.Сталин. Заключительное слово на Пленуме Центрального комитета ВКП(б). 5 Марта 1937 года. // *Правда*. 1937,1 апреля. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-8.html.

[2] Ю.Н.Жуков. *Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг.* — М.: Вагриус, 2003, с.360 и далее.

приговоров и отправки десятков тысяч человек в лагеря. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В ходе февральско-мартовского Пленума Сталин выступил на заседании комиссии по расследованию дела Бухарина и Рыкова 27 февраля 1937 года. Но и в этой речи Сталин рекомендовал ограничиться весьма сдержанным решением. Гетти и Наумов, изучив голосование комиссии, указывают, что сталинское предложение — административная ссылка — оказалось самым мягким из всех[1]. Ежов, выступивший с основным докладом по разбираемому делу, а также Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев и Якир высказались за то, чтобы «предать Бухарина и Рыкова суду и расстрелять».

(См. подробное обсуждение вопроса в статье В.Боброва и И.Пыхалова, где исследуется слух из воспоминаний вдовы Бухарина А.М.Лариной, согласно которому Сталин будто бы требовал казни, а Якир выступал резко против, — т.е. нечто прямо противоположное тому, что происходило в действительности и что представляет собой одну из крупиц антисталинского «фольклора», имевшую статус исторического «факта» до тех пор, пока в постсоветские времена не были опубликованы соответствующие документы.)

Итак, в общей сложности Сталин выступил три раза — чаще, чем на других Пленумах, и ни одно из его выступлений даже отдаленно не напоминало призыв к массовым репрессиям, как о том заявил Хрущев. Ну, а что касается Ленина, то он действительно говорил что-то очень близкое к тому, что Сталин высказывал в речах 1928—29 годов.

«Ряд членов ЦК сомневались в правильности курса на массовые репрессии». Особенно Постышев

Хрущев: «На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК, по существу, высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с "двурушниками".

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева. Он говорил: "Я рассуждал: прошли та-

[1] Getty, Naumov. P.411—416.

кие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело, партии. Это годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что, пройдя этот крутой период, Карпов и ему подобные попадут в лагерь врага. (Карпов — это работник ЦК партии Украины, которого хорошо знал Постышев.) А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это..." *(Движение в зале.)*»[1].

В середине 1990-х была наконец издана стенограмма февральско-мартовского (1937) Пленума Центрального комитета ВКП(б). И теперь каждый может воочию убедиться: цитата из выступления Постышева — подлинная, а комментарий Хрущева — лживый.

Несомненно, Хрущев знал, что сказанное им — неправда. Он уверял, будто «в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности... курса на массовые репрессии». Но на самом деле на Пленуме не было ***ни одного*** такого выступления. И даже Постышев не говорил ничего похожего! Вслед за процитированным Хрущевым отрывком Постышев потребовал предать суду и Карпова, и всех тех, кто, по его мнению, примкнул к врагам.

В сущности, Постышев показал себя одним из самых жестких партийных руководителей; на январском (1938) Пленуме ЦК за необоснованное исключение из партии большого числа ее членов он сам был выведен из кандидатов в члены Политбюро. Гетти и Наумов подробно описывают, как Постышев был подвергнут на Пленуме суровой проработке за непомерные репрессии, и отмечает, что «сверхбдительный Постышев был принесен в жертву, дабы положить конец репрессиям в партии»[2].

В своем анализе Юрий Жуков соглашается, что на январском (1938) Пленуме сталинское руководство предприняло еще одну попытку приостановить незаконные репрессии, которые проводились под руководством первых секретарей. Документ,

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989, № 3,* с.139—140.

[2] Getty, Naumov. P.517; cf 533ff. Документ, подтверждающий исключение Постышева и его арест см.: *там же.* P.514—516.

подтверждающий, что Постышев был изгнан из Политбюро и арестован за массовые репрессии в отношении невинных людей, опубликован (в переводе) в книге Гетти и Наумова[1].

Хрущев участвовал в работе январского (1938) Пленума и, конечно, дальнейшая судьба и истинные причины отстранения Постышева ему были хорошо известны. Хрущев просто не мог не знать, что «ряд членов ЦК» не высказывал вообще никаких «сомнений в правильности... курса на массовые репрессии». На февральско-мартовском (1937) Пленуме Хрущев сам выступил с резкой речью, где искренно поддержал репрессивную политику.

Более того, не кто иной, как Хрущев, занял освободившееся после Постышева место кандидата в члены Политбюро[2]. По Гетти и Наумову, Хрущев был одним из тех, кто «яростно выступал против Постышева»[3].

Следовательно, Хрущев лгал. Постышев не только не «выражал сомнения» по поводу целесообразности репрессивной политики, но оказался самым оскандалившимся из ее проводников. Именно Постышев стал первым из тех, кто был исключен из кандидатов в члены Политбюро, а вскоре и из партии и затем арестован. Доступная сейчас часть стенограммы январского (1938) Пленума это полностью подтверждает.

Вскоре после январского Пленума Постышев был арестован; он признался в причастности к заговору «правых», назвав множество его участников, включая других первых секретарей и членов ЦК. По словам писателя Владимира Карпова, Постышев подтвердил свои признательные показания в присутствии Молотова и Ворошилова.

Процитированные выше документы — малая часть из вообще имеющихся, но все еще не рассекреченных источников — свидетельствуют о достаточном числе причин считать арест и суд над Постышевым оправданным. Сам он был казнен больше, чем через год после ареста. Известно, что на Постышева заведено пухлое следственное дело и что есть расшифровка стенограммы суда над ним, но, по сути, все это до сих пор не рассекречено российским правительством.

---

[1] Там же. P. 514—516.

[2] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. — М.: АИРО — XX, 1995, с. 167.

[3] Getty, Naumov. P.512.

ГЛАВА 4

«ДЕЛА» НА ЧЛЕНОВ ЦК ВКП(б) И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ВОПРОСЫ

Дело Р.И.Эйхе. Н.И.Ежов. Дело Я.Э.Рудзутака. Показания А.М.Розенблюма. Дело И.Д.Кабакова. С.В.Косиор, В.Я.Чубарь, П.П.Постышев, А.В.Косарев. «Расстрельные списки». Постановления январского (1938) Пленума ЦК ВКП(б). «Банда Берии». «Шифротелеграмма о пытках». По инструкциям Берии Родос истязал Косиора и Чубаря

Дело Р.И.Эйхе

Хрущев: «Центральный комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных "дел" против членов Центрального комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т.Эйхе, члена партии с 1905 года. *(Движение в зале)*»[1].

Далее Хрущев цитирует ряд документов, относящихся к делу Эйхе, а среди них — фрагмент письма Эйхе Сталину от 27 октября 1939 года. Само такое письмо (фактически заявление-жалоба) действительно существует. В письме говорится о незаконных методах следствия, которые Эйхе испытал на самом себе[2]. У нас нет причин сомневаться в правдивости

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК-КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с. 140.

[2] Письмо Р.И.Эйхе И.В.Сталину от 27 октября 1939 года опубликовано в: *Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы.* — М.: РОССПЭН, 2002, с.225—229.

утверждений Эйхе, что следователи подвергали его избиениям, дабы заставить его сознаться в таких поступках, которые он никогда не совершал. Но одновременно нет причин верить всему там написанному «просто на слово».

В докладе комиссии Поспелова тоже цитируется письмо Эйхе. Но никаких доказательств истинности сделанных там заявлений или свидетельств, подтверждающих его невиновность, там не приводится. Все «расследование», проделанное комиссией, подытожено не терпящей возражения фразой: «В настоящее время бесспорно установлена фальсификация дела Эйхе»[1].

Здесь самое время напомнить некоторые истины, которые относятся к разряду прописных или должны считаться таковыми.

Если кого-то избивали, пытали, это не значит, что человек невиновен. Если кого-то вынудили дать ложные показания под пытками, еще не значит, что он невиновен в других преступлениях. Наконец, если кто-то утверждает, что его били, мучили, запугивали и т.д., чтобы выудить ложные показания, еще не значит, что такие заявления о пытках правдивы, т.е. что этого человека взаправду истязали и что признания, полученные таким путем, действительно лживы. Конечно, самый факт таких показаний совсем не значит, что мы имеем дело с неправдой.

Словом, нельзя вместо исторического доказательства использовать его суррогат. Одного только письма Эйхе совершенно недостаточно, чтобы установить истинность чего-либо, в том числе — был он на самом деле подвергнут пыткам или нет.

Например: в одном из фрагментов стенограммы суда 1940 года Ежов заявляет, что подвергся изуверским истязаниям с целью получения от него ложных показаний. И тем не менее виновность Ежова в фальсификации признаний, побоях и пытках, фабрикации дел и физическом уничтожении многих невинных людей не подлежит сомнению.

Но письмо к Сталину — лишь часть правды про Эйхе. Целиком мы ее не знаем, поскольку Хрущев и его преемники по КПСС, а вслед за ним Горбачев, Ельцин и Путин посчитали нецелесообразным предавать огласке материалы дела Эйхе или хотя бы открыть доступ к ним для исследователей.

---

[1] *Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956.*— М.: МФД, 2000, с.328.

Есть надежное свидетельство, что именно Эйхе проторил дорогу для других первых секретарей и стал добиваться (сначала только для себя) чрезвычайных репрессивных полномочий с правом расстрела тысяч людей и отправки еще большего их числа в ГУЛАГ. Иначе говоря, Эйхе на деле развязал те самые массовые репрессии, говоря о которых, Хрущев выражал делегатам XX съезда свое негодование. Именно здесь следует сказать, что один из вариантов развития событий (согласующийся, заметим, как с исследованиями Юрия Жукова, так и с опубликованным недавно заявлением Фриновского), заключался в том, что Ежов, работавший в тесной связи с первыми секретарями, способен был пойти на арест и расстрел Сталина, если тот вдруг откажется удовлетворить предъявленные секретарями требования.

В начале 2006 года из печати вышел пухлый сборник документов, в котором среди прочего были опубликованы материалы из архивно-следственных дел Ежова и его заместителя по наркомату внутренних дел М.П.Фриновского (по одному документу из каждого дела)[1], в которых оба они признаются в участии в заговоре правых, куда также входили Н.И.Бухарин, А.И.Рыков и предшественник Ежова на посту главы НКВД Г.Г.Ягода. Так, Фриновский в заявлении на имя Л.П.Берии от 11 апреля 1939 года называет Е.Г.Евдокимова и Ежова, а также Ягоду среди главных правых заговорщиков. Он специально упоминает Эйхе, который однажды приезжал к Евдокимову, а ещё в одном месте своего заявления пишет о встрече Эйхе с Евдокимовым и Ежовым[2]. Напомним: Евдокимов был очень близок к Ежову; вместе с последним он в феврале 1940 года был обвинен, осужден и казнен. Очевидно, что Фриновский подозревал Эйхе в участии в заговорщической группе правых вместе с Ежовым, Евдокимовым и другими, где, отметим, состоял и он сам. В противном случае у автора заявления просто не было повода упоминать в этой связи Эйхе. Но о последнем Фриновский больше не сообщает никаких подробностей.

Гипотеза Юрия Жукова наилучшим образом объясняет известные факты даже без публикации заявления Фринов¬

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. — М.: МФД, 2006, док. № 37 на с.52—72 и док. № 33 на с.33—50.

[2] Один из таких визитов к Ежову вместе с Евдокимовым Эйхе подтверждает в своем письме к Сталину от 27 октября 1938 года. См.: *Доклад Н.С. Хрущева...* С.228.

ского. Но последнее добавляет ряд важных деталей: Фриновский подтверждает в нем наличие простирающегося по всему Советскому Союзу широкомасштабного заговора правых. Так, Евдокимов, описавший Фриновскому контуры этого заговора в 1934 году, отмечал, что уже к тому времени правые завербовали большое число руководящих работников по всему СССР.[1] Именно такие люди попали под суд и были казнены, как утверждал Хрущев, по сфабрикованным Сталиным обвинениям. Заявление Фриновского помогает понять, что в данном случае нельзя говорить о фальсификации.

Евдокимов подчеркивал, что теперь необходимо начать вербовку членов партии и советских работников более низкого звена, а также крестьян-колхозников с тем, чтобы взять иод контроль разрастающееся повстанчество, которое, по расчетам правых, должно было стать организованным движением и сыграть свою роль при совершении государственного переворота[2].

Из документов, которые оказались в распоряжении Янсена и Петрова, а затем вновь были засекречены, следует, что Эйхе вмешивался в дела НКВД, требуя ареста лиц, против которых у «органов» не было никаких улик[3]. В свою очередь Ежов приказал своим подчиненным не мешать Эйхе, а сотрудничать с ним. Все эти сведения соответствуют тому, что в заявлении Фриновского говорится о его собственной работе и работе Ежова: об избиениях невинных людей, фабрикации против них ложных обвинений с единственной целью — под видом борьбы с вымышленными заговорами скрыть свои собственные заговорщические планы.

Жуков полагает, что цель Эйхе и других первых секретарей состояла в том, чтобы любой ценой сорвать намеченные на декабрь 1937 года альтернативные, состязательные выборы в Верховный Совет[4], в том числе с помощью заявлений о существовании чрезвычайно опасных заговоров оппозиции.

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». С.38.

[2] Там же.

[3] M.Jansen, N.Petrov. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov. 1895—1940* (Hoover Institution Press, 2002), p.91.

[4] По мысли Сталина, выборы в Верховный Совет СССР должны были происходить с участием 2—3 кандидатов на одно место с возможностью их выдвижения не только от ВКП(б), но и от общесоюзных общественных организаций. Как доказательство Жуков публикует образец бюллетеня для выборов 1937 года, где

Неважно, верили они тому сами или нет, но на октябрьском (1937) Пленуме ЦК им удалось оказать нажим на Сталина и Молотова и вынудить их отказаться от идеи альтернативности и состязательности.

На Сталина оказывалось давление и с другой стороны. Один из его ближайших сотрудников по работе над Конституцией и проблемами выборов Я.А.Яковлев неожиданно был взят под арест 12 октября 1937 года. В признательных показаниях, преданных огласке только в 2004 году[1], Яковлев сознался, что находился в троцкистском подполье еще со времен, когда умер Ленин, и при посредничестве немецкого шпиона поддерживал связь с Троцким[2]. Принимая во внимание лавину свидетельств, которые доказывают существование ***реальных*** и чрезвычайно опасных заговоров с участием высокопоставленных лиц в советском правительстве, в партии и в Вооруженных силах, Сталин и Политбюро никак не могли оставить без внимания настойчивые требования первых секретарей начать всеохватную войну против грозящей стране и всем им опасности.

Интересно, что Эйхе был осужден и расстрелян почти в то же самое время, что и Ежов со всеми его подручными. Возникает вопрос: не могло ли быть так, что в основу ***истинных*** обвинений, предъявленных Эйхе на суде, был положен его тайный сговор с бывшим шефом НКВД с целью оговора, возможно, истязаний и уничтожения многих неповинных людей? Как указывал в своих мемуарах авиаконструктор А.С.Яковлев, Сталин говорил, что Ежов был расстрелян за то, что «многих невинных погубил»[3]. По другим документам, которые, вероятно, взяты из дела Ежова, приговор ему был вынесен за участие в антиправительственном заговоре и за подготовку «террористических актов против руководителей партии и правительства»[4]. Не исключено, что за те же самые преступления суду был предан и Эйхе.

было написано: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните».

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. — М.: МФД, 2004, док. №226, с.387—395.

[2] Там же.с..394—395.

[5] А.СЯковлев. *Цель жизни.* — М.: Политиздат, 1969, с.509.

[4] Б.Б.Брюханов, Е.Н.Шошков. *Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1935—1938.* — СПб.: Петровский фонд, 1998, с.145.

Полностью письмо Эйхе Сталину от 27 октября 1939 года прилагалось к докладу комиссии Поспелова. Из текста письма следует, что Эйхе обвинялся как в организации заговора, так и в тесном сотрудничестве с Ежовым[1]. Источник, который ранее был доступен Янсену и Петрову, наводит на мысль, что Эйхе был в очень сильной степени связан с ежовскими массовыми репрессиями.

Заявления Эйхе из письма Сталину об издевательствах и пытках, которые использовались для выбивания из него показаний, скорее всего, заслуживают доверия, т.к. среди своих мучителей он называет З.М.Ушакова и Н.Г.Николаева-Журида. Из независимых источников известно, что оба упомянутых следователя НКВД участвовали в избиении подследственных и фактически именно за это понесли заслуженную кару при Берии.

Николаев-Журид был арестован 25 октября 1939 года. Тем же октябрем датировано письмо Эйхе Сталину. По приговору суда Николаев-Журид расстрелян 4 февраля 1940 года, т.е. в один день с Ежовым и Эйхе. То же самое относится и к Ушакову.

Сказанное означает, что Ежов и его приспешники пытались свалить вину друг на друга и тем самым попытаться уйти от ответственности. А это совпадает с тем, как деятельность Ежова представлена в записке Фриновского, в которой подробно описан эпизод с требованием срочного расстрела ваковского, дабы спрятать концы в воду и не дать Берии допросить его и, возможно, узнать о том, какую именно роль Ежов сыграл в проведении незаконных массовых репрессий, и о его активном участии в заговоре правых[2].

Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года, т.е. задолго до прихода Берии в НКВД, а следовательно, еще до того, как Ежов мог испугаться бериевских допросов Эйхе. Судя по тому, что известно из документов, попавших в распоряжение Янсена и Петрова, между Эйхе и Ежовым произошла какая-то ссора. От Фриновского и из других источников мы знаем, что Ежов и его приспешники обычно пытали тех, кто был ими арестован, чтобы вне зависимости от истинной виновности, заставить их дать против себя изобличающие признания.

---

[1] *Доклад Н.С.Хрущева...С.229.*

[2] *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш».* С.45.

Увы, нам все еще неизвестны другие документы из дела Эйхе, в том числе материалы состоявшегося в феврале 1940 года суда над ним, а также показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства, обвинительное заключение и приговор по его делу. Можно быть уверенным, что само архивно-следственное дело Эйхе существует или, по меньшей мере, существовало в хрущевские времена, поскольку на него есть ссылка в приложении к докладу комиссии Поспелова[1].

Но из всех следственных материалов рассекречен один-единственный документ — письмо Эйхе Сталину. Остальная часть дела все еще остается тайной за семью печатями. Причем и в речи Хрущева, и в докладе Поспелова письмо Эйхе Сталину процитировано не полностью. У Эйхе, в частности, написано: «Подвергаться снова избиениям **за арестованного и разоблаченного к.р. Ежова, который погубил меня,** никогда ничего преступного не совершившего, мне не было сил[2].

Выделенный текст выброшен из доклада Поспелова, равно как и следующие слова: «Мое показание о контрреволюционной связи с Ежовым является наиболее черным пятном на моей совести».

Эйхе, несомненно, был убежден, что Ежов — контрреволюционер (к.р.); в своих первоначальных показаниях Эйхе сознался, что состоит в контрреволюционных связях с Ежовым, но впоследствии отказался от прежних показаний, обвинив во всех своих бедах Ежова, но не Берию.

Хрущев же, наоборот, попытался свалить всю вину на Берию, а не на Ежова. Поскольку Эйхе обличал Ежова, все упоминания о нем из «закрытого доклада» Хрущевым были выброшены. Если бы туда попало заявление Эйхе о том, что Ежов был контрреволюционером, это вызвало бы вопросы со стороны членов Центрального комитета, — вопросы, заметим, крайне неудобные для Хрущева. В недавно изданных материалах допроса Ежова и в заявлении Фриновского подробно говорится о заговорщической деятельности Ежова и о состряпанных им обвинениях против ни в чем не повинных людей. Хрущев и Поспелов покрыли эти преступления — и лишь для того, чтобы свалить всю вину на Сталина и Берию.

---

[1] *Доклад Н.С.Хрущева...С.229*

[2] Так в тексте. См: *там же.*

Разумеется, нам бы хотелось лучше и глубже познакомиться с делом Эйхе, но то, что мы находим в признательных показаниях Фриновского и Ежова, точь-в-точь совпадает с другими известными фактами.

Н.И.Ежов

Хоть мы и нарушаем порядок поднятых в «закрытом докладе» вопросов, именно здесь уместно рассмотреть утверждения Хрущева о Ежове, поскольку эта тема тесно связана с Эйхе.

Хрущев: «Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать»[1].

Изданные в начале 2006 года материалы допросов Ежова и Фриновского полностью подтверждают злонамеренно творимые Ежовым пытки и убийства множества ни в чем не повинных людей. Эти массовые злодеяния были организованы им ради сокрытия своей причастности к заговору правых, шпионажа в пользу военных кругов Германии, планов убийства Сталина и других членов Политбюро и захвата власти путем государственного переворота.

Эти признания — самые яркие из опубликованных за последние годы документальных источников, затрагивающие интересующую нас тему. По своему содержанию они противоречат Хрущеву в каждом из пунктов его доклада: Ежов действовал самостоятельно, а не «под диктовку» Сталина; обвинения против военачальников носили отнюдь не фиктивный характер, а большие московские процессы вовсе не были постановочной фальшивкой (на что Хрущев, правда, только намекал).

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989, №* 3, с.144.

Хрущев и его прихлебатели, творцы-составители доклада Поспелова и авторы «реабилитационных» справок имели в распоряжении всю эту информацию. Но почему тогда ее нет в подписанных ими документах? Объяснение напрашивается само собой: сведения оказались невостребованными потому, что только скрыв их, можно было обосновать выводы, которые представлены в «закрытом докладе» и которые не имеют ничего общего с правдой.

Возникает законный вопрос: почему Ежов делал все это? Юрий Жуков полагает, что Ежов, по всей видимости, был заодно со многими первыми секретарями и состоял с ними в одном заговоре. С первыми секретарями тесно сотрудничали на местах и сообщники Ежова. В документах, которые в начале 1990-х годов оказались в распоряжении Янсена и Петрова и которыми они активно пользуются в своей книге, говорится, что начальник УНКВД Западно-Сибирского края С.Н.Миронов получил от Ежова инструкции, в соответствии с которыми ему запрещалось чинить препятствия Эйхе даже тогда, когда тот настаивал на необоснованных арестах и лично вмешивался в следствие. Остаются пока не рассекреченными стенограммы процессов, где разбирались дела тех, кто был осужден одновременно с Ежовым. Очень может быть, что многие из этих лиц (а среди них и Эйхе) попали на скамью подсудимых и были осуждены вместе с Ежовым за уничтожение невинных людей.

Вся эта информация и много больше, разумеется, была доступна Хрущеву и его «исследователям». За две недели до XX съезда он все еще считал, что не Ежов виноват в своих преступлениях, а один только Сталин![1] В «закрытом докладе» Хрущев чуть подкорректировал свое суждение, но ответственность за действия Ежова там по-прежнему возлагалась на Сталина.

Сталин, однако, считал, что основная вина за содеянное лежит на Ежове, и его доводы полностью совпадают с теми свидетельствами, которые представлены в книге Янсена и Петрова. По крайней мере, в России довольно хорошо известны (чуть выше уже цитировавшиеся) воспоминания авиаконст¬

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.308—309. См. также приложение к главе.

руктора Яковлева, где он вспоминает, как Сталин говорил, что Ежов виноват в том, что лишил жизни многих невинных людей. Нечто похожее Молотов и Каганович рассказывали Феликсу Чуеву.

Освобождение Ежова от обязанностей наркома проходило с большими трудностями. В апреле 1939 года он был арестован и быстро сознался в крупных злоупотреблениях при ведении следственных мероприятий — в истязаниях, фальсификации протоколов признаний и беззаконных расстрелах. Янсен и Петров, полагаясь на документы, которые больше недоступны исследователям, а отчасти — на те, что опубликованы в 2006 году, показывают громадный размах злоупотреблений и описывают преступные методы Ежова и его подручных. Нет ни одного свидетельства, что Сталин или центральное руководство стремились к тому, чтобы направить действия Ежова в указанном направлении, и, наоборот, имеется достаточно доказательств, которыми удостоверяется их убежденность в том, что такие его поступки заведомо преступны.

Дело Я.Э.Рудзутака

Хрущев: «Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак, член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге... Его даже не вызвали в Политбюро ЦК, Сталин не пожелал с ним разговаривать... Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзутак посмертно реабилитирован»[1].

В соответствии с реабилитационной запиской Р.А.Руденко, Рудзутак все-таки оставил письменные признания своей вины[2]. Несомненно, речь идет об очень подробных показаниях, т.к. он назвал «свыше 60 человек» тех, с кем имел заговорщические связи (а среди них дважды упомянут Эйхе). Но на суде Рудзутак отрекся от своих признаний, заявив, что его «принудили» дать их, т.к. «в органах НКВД имеется еще не-

---

[1] О культе личности... // Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с.142.

[2] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.294—295.

выкорчеванный гнойник». При том Руздутак ни единым словом не обмолвился о применении пыток, иначе Генеральный прокурор СССР Руденко, подписавший реабилитационную справку, не преминул бы указать на данное обстоятельство; несмотря на все сказанное, Молотов по прошествии многих лет говорил Чуеву, что Рудзутаку пришлось-таки испытать на себе истязания[1].

С другой стороны, известно множество показаний против Рудзутака. Причем его невиновность не доказывается даже в реабилитационной записке Руденко от 24 декабря 1955 года, где, наоборот, приводятся свидетельства, подтверждающие тот факт, что Рудзутак изобличался показаниями многих других подследственных.

Ясно, что признание кого-то виновным в преступлении следует считать в высшей степени проблематичным, если основой для этого служат только собственные признания подозреваемого или подсудимого. Но многократные, независимые обвинения, добытые у различных обвиняемых различными следователями, — в любой из судебных систем считаются довольно веским доказательством. Например, в современных Соединенных Штатах обвинение подсудимых в тайном сговоре строится исключительно на признаниях его предполагаемых соучастников. И в случае сговора все они считаются виновными в преступлениях, которые совершены другими участниками преступной группы.

Вопреки утверждениям Хрущева в «реабилитационных» материалах отсутствуют какие-либо свидетельства, указывающие на невиновность Рудзутака. Единственное представленное там «доказательство» — «противоречивость» изобличающих его показаний.

Еще известно, что Рудзутак отказался от своих прежних признаний. Но нет никакой гарантии, что он отрекся *от всего,* что говорилось им на предварительном следствии ранее.

Реабилитационная записка Руденко 1955 года — документ, где представлена наиболее полная информация о выдвинутых против Рудзутака обвинениях. Что касается доклада Поспелова, там говорится только о том, что Рудзутак «возглав¬

[1] Ф.И.Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999, с.484.

лял антисоветскую националистическую латышскую организацию, занимался вредительством и был шпионом иностранных разведок»[1].

В «закрытом докладе» говорится, что Сталин не пожелалде выслушивать объяснения Рудзутака. Однако ни в записке Руденко, ни в докладе Поспелова нет ни слова об отказе Сталина говорить с Рудзутаком. Очевидно, Хрущев или Поспелов просто выдумали все это.

Большое число фактов оказалось выпущено.Так, в реабилитационных материалах нет ни слова о Тухачевском, хотя по подозрению в участии в «троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР» Рудзутак был исключен из состава Центрального комитета и из партии на основании того же постановления ЦК ВКП(б)[2].

Таким образом, Хрущев лгал: если даже «реабилитационные» материалы не снимают предъявленных обвинений, ему все равно неоткуда было узнать, был ли виновен Рудзутак или нет. Следовательно, Хрущев говорил, вопиюще пренебрегая правдой: он утверждал, будто хорошо знаком с тем, о чем в действительности не имел понятия.

Нам теперь доподлинно известно, как Ежов вместе со своими подручными, действующими по его указке, фабриковал обвинения против многих тысяч людей. Очень возможно, что в деле Рудзутака есть тоже подложные материалы. Если Ежов и его подручные следователи сфальсифицировали какие-то обвинения против Рудзутака, если сам Рудзутак признал свою вину лишь по некоторым эпизодам, он все равно изобличается множеством других следственных материалов.

Тем большее значение приобретает необходимость тщательного исследования всех доказательств и улик, которые были в распоряжении советских следственных и судебных органов тех лет. Но как раз это-то мы и не можем сделать. Начиная с хрущевской «оттепели» и эпохи Горбачева с её «гласностью» и «открытостью», когда сам собой подразумевался более свободный доступ к архивам, и заканчивая нашими днями, рассекречена лишь крошечная часть следственных материалов

---

[1] См.: Реабилитация: Как это было. Том 1. С.328.

[2] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.294—295. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. / Сост. С.Хлевнюк и др. — М.: АИРО — XX, с. 156.

по делам лиц, обвинявшихся на знаменитых московских показательных процессах 1936, 1937 и 1938 годов.

То же и с делом Рудзутака: ни один документ из него так и не был предан огласке ни в советские времена, ни теперь. Что само по себе очень подозрительно, поскольку арест Рудзутака находится в прямой связи с Тухачевским.

Рудзутак был одним из тех, кого Сталин, выступая 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного совета, обвинил в причастности к военно-политическому заговору[1]. Но казнь Рудзутака состоялась не ранее 28 июля 1938 года, т.е. больше чем через год после суда над группой военных во главе с Тухачевским. Что предполагает длительное и серьезное расследование произошедшего. Но историки по-прежнему лишены доступа к этому архивно-следственному делу.

Рудзутак, несмотря на отсутствие его собственных признаний, обвиняется в показаниях других лиц. Его имя встречается в некоторых документах из НКВД, изданных в сборнике «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД»[2].

Конечно, вину его они не доказывают, поскольку все это «ежовские документы» — признания, появившиеся в период пребывания Ежова во главе НКВД, — а мы уже имели счастье убедиться, что за материалы появлялись в то время. Но они, тем не менее, противоречат утверждениям, будто Рудзутак был невиновен, т.е. совсем не стыкуются с его «реабилитацией».

Личные пометки Сталина на этих[3] и других документах показывают, что он стремился что-то уяснить для себя из направленных ему сводок, но не собирался фабриковать что бы то ни было. Трудно представить, чтобы кто-то мог оставить подобные ремарки исключительно для своих ближайших соратников, а сам не верил в их содержание.

Подсудимые Г.Ф.Гринько, А.П.Розенгольц и Н.Н.Крестинский многажды упоминали Рудзутака на московском процессе 1938 года и со многими подробностями давали о нем об-

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. № 92, с. 202 и далее. О Рудзутаке см. с.204—205.

[2] См., например, документ № 290, где приводятся очень подробные показания М.Л.Рухимовича. Рудзутак назван на с.484, в документе № 323 на с.527—537 и на с.530.

[3] Там же. С.537.

стоятельные показания. В других признательных показаниях, опубликованных в 2006 году, Тамарин называет участником правотроцкистского заговора Розенгольца, а тот в свою очередь заявляет, что в ту же заговорщическую группу его завербовал Рудзутак[1].

По показаниям Крестинского, Рудзутак — центральная фигура заговора. Молотов подтверждает, что Рудзутак жаловался на издевательства и пытки, но отказывался признавать свою вину. Тем не менее, против него есть немало доказательств[2].

Показания А.М.Розенблюма

Хрущев: «Каким образом искусственно — провокационными методами — создавались бывшими работниками НКВД различные «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний т.Розенблюма, члена партии с 1906 года, подвергавшегося аресту Ленинградским управлением НКВД в 1937 году.

При проверке в 1955 году дела Комарова Розенблюм сообщил следующий факт: когда он, Розенблюм, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре». *(Движение в зале.)* С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров».

«Для наглядности, — заявил Розенблюм, — Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». С.84—90, 92—93.
[2] Ф.И.Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. С.483-485.

Будет предана суду головка центра, 4—5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позерн, Шапошникова (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2—3 чел...

...Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля. Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4—5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет». (Материал проверки дела Комарова, л. д. 60—69).

Вот какие подлые дела творились в то время! (Движение в зале)».[1]

Хрущев нигде не заявляет прямо, но с помощью намеков настойчиво пытается создать впечатление о причастности ко всему сказанному Сталина. В действительности имеющиеся сегодня свидетельства — и те, которыми Хрущев обладал во время оно, — указывают на то, что Заковский был «одним из ближайших сотрудников Н.И.Ежова»[2].

Розенблюм[3] дал показания о том, как Заковский фабриковал следственные дела. Арестованный 30 апреля 1938 года Заковский был приговорен к смертной казни 29 августа 1938 года. 22 августа того же года Берия был назначен первым заместителем Ежова по НКВД.

Если Розенблюм говорил правду, отсюда следуют два вывода. Во-первых, Заковский едва ли решился бы делать что-либо без ведома Ежова. Ясно, что последний был вовлечен в

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.142—143.

[2] См. биографию Заковского в: К.А.Залесский. *Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь.* — М.: Вече, 2000. См.: http://www.hrono.ru/biograf/zakovski.html

[3] Речь идет об А.М.Розенблюме. На дату ареста в 1937 году он занимал должность начальника политотдела Октябрьской железной дороги. В докладе Хрущев ссылается не на материалы уголовного расследования, а на показания Розенблюма, которые тот дал комиссии ЦК КПСС в 1955 году. См.: *Доклад Н.СХрущева...* С. 865.

какой-то большой заговор и ради собственного прикрытия фабриковал липовые дела о крупномасштабных конспирациях. Все это хорошо согласуется со сведениями о заговоре Ежова в книге Янсена и Петрова, о чем сообщалось выше.

Во-вторых, Берия, а значит, Сталин и его ближайшие соратники по Политбюро принимали участие в ведении следствия и в конечном счете добились раскрытия заговора и его ликвидации. Не раздувание, а уничтожение ежовского заговора — вот к чему приложили руку Сталин и Берия. Это совпадает с выводами Жукова.

Янсен и Петров приводят сказанные в августе 1938 года слова Ежова о необходимости принять срочные меры для расстрела Заковского в августе 1938 года с тем, чтобы уже никто не смог увидеться с ним и получить показания против Ежова. В недавно опубликованном (февраль 2006 года) заявлении от 11 апреля 1939 года Фриновский полностью подтверждает эти сведения. По Фриновскому и исходя из других свидетельств, Заковский состоял в одном заговоре с Ежовым. В другой части своего заявления Фриновский описывает разговор с Ежовым в октябре 1937 года, где тот говорит о Заковском, что он «наш полностью». Затем 27—28 августа 1938 года «правая рука» Ежова Евдокимов обратился к Фриновскому с просьбой проверить, жив ли еще Заковский и «расстреляны ли все люди Ягоды», поскольку при Берии «следствие по этим делам может быть восстановлено, и эти дела повернутся против нас»[1].

Заковский напрямую обвинялся в том, что методы физического воздействия были превращены им «в правило», как о том говорится в шифротелеграмме Сталина от 10 января 1939 года (подробнее о ней будет сказано ниже). Даже без недавно опубликованных заявлений и признаний Ежова, Фриновского и других текст шифротелеграммы подтверждает, что Сталин выступал против подобного рода «методов».

Но в «закрытом докладе» Хрущев опустил как раз ту часть сталинской телеграммы, где речь идет о Заковском; ибо в ней можно усмотреть противоречие с тем впечатлением, на которое рассчитывал Хрущев. Он пытался свалить на Сталина вину за ежовский заговор, хотя как раз по этой причине именно Сталин инициировал арест, суд и казнь Ежова.

---

[1] Jansen, Petrov. P. 151. *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш»*. С.45. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/frinovskyru.pdf.

Хрущев: «Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. Управление НКВД по Свердловской области "вскрыло" так называемый "Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников", руководимый якобы секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым, членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали якобы широко разветвленные "правотроцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры" и, как правило, эти "организации" и "центры" почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий. (Движение в зале)».[1]

Несмотря на отказ российских властей предать гласности следственные материалы 1930-х годов, есть довольно много свидетельств против Кабакова.

Американский горный инженер Джон Литтлпейдж в годы великой депрессии приехал на работу в СССР, где участвовал в развитии советской горнодобывающей промышленности, а по возвращении в США написал книгу воспоминаний. В мемуарах «В поисках советского золота»[2] Литтлпейдж повествует о саботаже на Урале. По его словам, Кабаков почти ничего не делал для эффективного использования богатой полезными ископаемыми области; у Литтлпейджа зародились подозрения, что за всем этим кроется некий заговор; поэтому он не выразил никакого удивления, когда через какое-то время после процесса над Пятаковым Кабаков был взят под стражу, ибо, как успел заметить Литтлпейдж, оба они находились в тесной связи друг с другом.

Кабаков был выведен из состава ЦК и исключен из партии резолюцией Центрального комитета ВКП(б) от 17—19 мая 1937 года, которая принята «опросом», а затем подтверждена

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.143.

[2] John D.Littlepage, Demaree Bess. *In Search of Soviet Gold* (George G.Harrap & Co. Ltd., 1939).

июньским (1937) Пленумом ЦК партии. Все это предполагает связь с Тухачевским и расследовавшимся в те дни делом о военном заговоре или с более широким заговором правых, т.к. в те же самые дни начались интенсивные допросы Ягоды.

В показаниях бывшего первого секретаря ЦК КП Казахстана Л.И.Мирзояна Кабаков назван среди руководителей правотроцкистского подполья[1]. Его имя фигурирует и в докладе Ежова, который был посвящен анализу природы широко разветвленного заговора на июньском (1937) Пленуме ЦК[2].

П.Т.Зубарев, один из подсудимых на московском («бухаринском») показательном процессе, состоявшемся в марте 1938 года, показал, что Кабаков был известен ему еще с 1929 года как участник заговора правых на Урале. Как подтвердил Зубарев, с указанного времени он работал с Кабаковым в тесной заговорщической связи. Рыков, один из главных обвиняемых на том же процессе наряду с Бухариным, указал на Кабакова как на важного участника заговора правых. Нет никаких свидетельств, что Рыков или другие упомянутые здесь подсудимые на процессе 1938 года подверглись пыткам.

В записке, адресованной Политбюро и подписанной первым секретарем Свердловского обкома А.Я.Столяром, Кабаков назван главой контрреволюционной организации на Урале. Начальник УНКВД по Свердловской области Д.М.Дмитриев, сам осужденный впоследствии как заговорщик, указал на Столяра как на соучастника заговора. Но среди прочего Дмитриев говорит о «ликвидации кабаковщины» на Урале: просто Кабаков стал первым, кому пришлось уйти, а другие, включая Дмитриева и Столяра, еще оставались. Сталинские пометки на записке Столяра свидетельствуют о том, что он только изучал подобные сообщения, но не «организовывал» их[3].

Объявляя во всеуслышание о «реабилитации» Кабакова, Хрущев породил мощный импульс недоверия к материалам московского показательного процесса 1938 года, а хрущевские заявления о будто бы слишком жестоком наказании Зиновьева и Каменева сыграли точно такую же роль в отно-

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. Док. №52, с.280; об том же говорится и в докладе Поспелова: там же, с.323.

[2] Jansen, Petrov. P.75.

[3] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. № 276, с.463.

шении процесса 1936 года. Но сказанное им в «закрытом докладе» не было правдой.

С.В.Косиор, В.Я. Чубарь, П.П.Постышев, А.В.Косарев

Хрущев: «В результате этой чудовищной фальсификации подобных "дел", в результате того, что верили различным клеветническим "показаниям" и вынужденным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы "дела" на видных партийных и государственных деятелей Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других»[1].

Косиор, Чубарь, Постышев[2] и Косарев — точно в таком порядке эти лица перечислены в направленной Сталину записке председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР В.В.Ульриха, где подчеркивается, что все они «на судебных заседаниях Военной коллегии полностью признали себя виновными».

Однако, как отмечает Ульрих, в ходе судебных слушаний «некоторые подсудимые» все-таки отказались от своих показаний, несмотря на то, что были «полностью изобличены другими материалами дела». Таким образом, в отличие от этих «некоторых» Косиор, Чубарь, Постышев и Косарев ***не отказались*** от своих прежних признательных показаний, а подтвердили их в суде.

Косиор и Чубарь

В показаниях от 26 апреля 1939 года Ежов говорит о Косиоре и Чубаре как о двух высокопоставленных советских чиновниках, которые передавали информацию немецкой разведке, т.е., попросту говоря, обвиняет их в шпионаже в пользу Германии[3]. Ежов подчеркивает, что немецкий агент Норден находился в контакте со «многими руководящими работниками из СССР»[4].

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с. 143.
[2] О Постышеве см. главы 3 и 9.
[3] *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерил».* С.57
[4] Там же. С.53.

Как явствует из подготовленных для Хрущева реабилитационных материалов, Косиор сначала выступил с обвинениями Постышева, после чего от этих показаний отказался, а затем вновь их подтвердил[1]. В признаниях Постышева говорится о его преступной связи с Косиором, а также Якиром, Чубарем и другими[2]. Чубарь обвинялся в принадлежности к правотроцкистскому заговору вместе с Антиповым, Косиором, Прамнэком, Сухомлиным, Постышевым, Болдыревым и др.[3]

Будучи глубоким стариком, Л.М.Каганович в беседах с Феликсом Чуевым вспоминал, как поначалу он пытался защитить Косиора и Чубаря, но затем оставил все попытки такого рода, как только ему представили для ознакомления объемистые собственноручные признания Чубаря[4]. Молотов рассказывал Чуеву о своих впечатлениях от очной ставки, во время которой Антипов, считавшийся другом Чубаря, выступил против него с резкими обвинениями. Чубарь все категорически отрицал и очень сердился на Антипова. Молотов хорошо знал обоих по работе в СНК[5].

Как указывается в докладе Поспелова, Косиор был арестован 3 мая 1938 года еще при Ежове, а затем подвергнут пыткам (подробности не сообщаются) и мучительным допросам по 14 часов без перерыва. Из 54 допросов в деле сохранилось только 4 протокола[6]. И, как кажется, здесь налицо все признаки ежовских фальсификаций.

Приговор Косиору был вынесен 26 февраля 1939 года, т.е спустя три месяца после удаления Ежова из НКВД. К этому времени уголовные дела начали пересматриваться, ибо стало очевидным, что Ежов и его пособники подвергали пыткам многих невиновных людей.

Из процитированной выше записки Ульриха следует, что на суде Косиор и Чубарь признали свою вину, хотя некоторые из подсудимых повели себя иначе. Но подробности самих судебных заседаний продолжают оставаться неизвестными, и как в докладе комиссии Поспелова, так и в реабилитацион¬

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.219.

[2] Там же. С.218.

[3] Там же. С.251.

[4] Ф.И.Чуев. Каганович. Шепилов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с.117.

[5] Ф.И.Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. С.486—487.

[6] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.326.

ных справках о них нет ни слова. Стоит повторить еще раз: материалы хрущевского времени представляют собой не непредвзятое изучение архивно-следственных дел, а лишь фальсификаторскую уловку, с помощью которой лица, признанные виновными в законном порядке, могли бы предстать в образе «невинных жертв».

В стенограмме проведенного в октябре 1938 года допроса начальника УНКВД по Свердловской области Дмитриева говорится о «контрреволюционном подполье, возглавляемом Косиором», которое оставалось одной из наиболее законспирированных организаций правых на Украине .[1]

Из показаний Ежова становится яснее ясного, что вина Чубаря и Косиора заключалась в причастности к подпольной организации правых. Но против них есть немало свидетельств и без ежовских признаний. Хрущев не стал их рассекречивать; не преданы они огласке и сейчас.

Косарев

В записке Ульриха Косарев назван среди тех, кто подтвердил в суде признания своей вины. Еще мы знаем, что обвинения против Косарева выдвинуты Постышевым.

Увы, в реабилитационных материалах опубликовано совсем мало сведений о Косареве[2]. Там подтверждается, что Косарев действительно признал свою вину; там же приведены короткие фрагменты его показаний, хотя в реабилитационной записке 1954 года говорится, что эти признания получены в результате санкционированных Берией пыток[3]. Документы из архивно-следственного дела Косарева — протоколы допросов, заседания суда и т.д. — никогда не были доступны исследователям.

Еще из реабилитационных материалов следует, что Косарев враждебна относился к Берии, когда тот возглавлял ЦК КП(б) Грузии. Там также сообщается, что показания получены от Косарева с применением пыток, а обвинения носили ложный характер. Реабилитационная записка объясняет

---

[1] *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш»*. С.590.

[2] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.79—80, 166—168, 219.

[3] *Там же*. С.16.7.

это тем, что Косарев просто поддался на обман, т.к. рассчитывал, что признание вины может спасти ему жизнь. Известны случаи, когда с помощью пыток в ходе допросов из подследственных выбивали признания, но в суде они отказывались от своих показаний. Трудно понять, как Косарев думал спасти свою жизнь, признаваясь в суде в совершении преступлений, которые караются смертной казнью!

В реабилитационных материалах на Косарева просматривается тенденция обвинить во всех грехах Берию, как это хорошо видно, например, из письма вдовы Косарева, написанного в декабре 1953 года[1]. И Хрущев довольно скоро после 23 июня 1953 года[2] стал говорить, что чуть ли не каждый, кто был арестован и осужден в те годы, когда Берия стоял во главе НКВД, пал жертвой сфабрикованных обвинений.

Косарев был арестован 29 ноября 1937 года, т.е. через короткое время после фактического отстранения Ежова от руководства наркоматом внутренних дел. С последним он поддерживал какие-то отношения, поскольку был тогда редактором комсомольской газеты, где работала супруга Ежова. Янсен и Петров допускают, что между Косаревым и Ежовым, возможно, существовала какая-то связь, но сами считают это маловероятным[3].

Между тем в недавно изданном (февраль 2006) протоколе допроса А.Н.Бабулина, племянника Ежова, который участвовал с ним в одном заговоре и дал показания о «моральном разложении» Ежова и его жены Евгении, говорится, что Косарев был одним из «наиболее частых гостей в доме Ежова» наряду с Пятаковым, Урицким, М.Кольцовым, Гликиной, Ягодой, Фриновским, Мироновым, Аграновым и другими работниками НКВД, впоследствии осужденными и расстрелянными вместе с Ежовым[4]. Довольно странный круг общения для «ни в чем не повинного» комсомольского вождя! В своих собственных показаниях Ежов называет Кольцова и Гликину — а именно эти двое фигурируют у Бабулина в списке «наиболее частых гостей» — английскими шпионами, которые именно в этом качестве были связаны с его покойной женой Евгенией.

---

[1] *Там же*. С.79—80.

[2] День, когда Л.П.Берия был снят со всех постов и арестован.

[3] Jansen, Petrov. P. 185.

[4] *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш»*. С.75.

Как отмечал Вадим Роговин, Косарев был уволен с поста генерального секретаря ЦК ВЛКСМ[1] и арестован в ходе необоснованных репрессий комсомольских работников[2]. В популярной печати последних лет появилась серия статей, причем часть из них вышла за подписью членов семьи Косарева, в которых предпринята попытка затвердить представление о том, что выдвинутые против него обвинения были несправедливы, а инструктор ЦК комсомола О.П.Мишакова, написавшая письмо, якобы положившее начало делу Косарева, осудила его незаслуженно.

В некоторых из статей утверждается, что Косарев стойко держался на допросах и ни в чем не признавался. Однако записка Ульриха, наоборот, подтверждает полное признание Косаревым своей вины; о том же говорится и в реабилитационных материалах хрущевского времени, с той только разницей, что там указывается, будто признания были получены от него «обманом». Вот почему маловероятно, что статьи о Косареве в популярной печати надежны в остальных изложенных там «фактах». Без свидетельств, почерпнутых непосредственно из материалов следствия и суда, сказать что-то большее нельзя.

Что бы там ни было, А.И.Мгеладзе указывает в своих воспоминаниях на это как на истинную причину ареста Косарева. Между тем в реабилитационной записке 1954 года Мишакова даже не упоминается. Все там объясняется личной неприязнью Берии за те нелицеприятные оценки личности последнего, которые Косарев допускал в частных разговорах.

После ареста Берии в июне 1953 Хрущев при подстрекательстве остальной части руководства ЦК КПСС, положил начало демонизации Берии всеми возможными средствами. Отказ от упоминания реальной причины ареста Косарева — еще одно свидетельство подготовки реабилитационных справок в чисто политических целях, без сколько-нибудь серьезного исследования доказательств, имеющихся против репрессированных.

У нас нет достаточного количества надежных (т.е. основанных не на сплетнях и слухах) сведений, чтобы сказать нечто большее. Известно лишь то, что Косарев поддерживал очень

---

[1] ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

[2] В.З.Роговин. *Партия расстреляных.* — М.: Аргументы и факты, 1997, глава «Комсомол». См.: http://trst.narod.ru/rogovin/t5/xxvi.htm.

подозрительные связи с Ежовым, его супругой и его сторонниками, и все они оказались соучастниками заговора правых внутри НКВД во главе с Ежовым.

Еще в реабилитационных материалах говорится, что Косарев подвергся жестоким истязаниям[1]. Поскольку, по словам Фриновского, для сокрытия следов собственного заговора Ежов прибегал к физическому насилию как в отношении невиновных, так и против виновных, в том числе против некоторых из своих личных друзей, нельзя исключать, что такие же методы применялись и к Косареву[2].

Конечно, нет доказательств, что ложные обвинения против Косарева выдвинуты Сталиным. Даже в сплетнях, переданных в газетных публикациях, вся вина Косарева сводится к его излишней доверчивости. Зато доподлинно известно, что Хрущев и его «реабилитационная комиссия» утаили огромное число сведений и о Косареве, и о многих других «невинно пострадавших».

В случае Косарева оказались скрытыми все его связи с Ежовым, которые, как представляется, и стали причиной гибели. Самое осторожное умозаключение, какое только можно сделать, состоит в том, что Хрущев объявил Косарева невиновным, откровенно пренебрегая правдой, без какого-либо серьезного исследования вины или невиновности.

Акакий Мгеладзе, бывший первый секретарь ЦК партии Грузии, а в 1930-е годы один из ведущих комсомольских работников, любил и уважал Косарева, когда тот стоял во главе ЦК ВЛКСМ. В недавно изданных, но написанных еще в 1960-е годы воспоминаниях Мгеладзе пишет, как в 1947 году он обсуждал со Сталиным вопрос о Косареве. Внимательно выслушав, Сталин очень спокойно разъяснил: виновность Косарева была тщательно изучена и подтверждена А.А.Ждановым и А.А.Андреевым[3].

Сказанное совпадает с тем, что мы знаем из других источников: тем или иным членам Политбюро обычно поручалась проверка обоснованности арестов, произведенных «ор¬

[1] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.79—80, 166—168, 219.

[2] О Ежове см. выше.

[3] А.И.Мгеладзе. *Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого.* — б /м., 2001, с.172.

ганами», и обвинений, выдвинутых против крупных партийных руководителей[1].

Поначалу Мгеладзе не хотел верить в виновность Косарева и, наверное, предпочел бы думать, что либо Косарев совсем невиновен и оклеветан Берией из-за личной неприязни, либо стал жертвой какой-то своей оплошности. Мгеладзе не постеснялся, хотя и в очень мягкой форме, донести свое мнение до Сталина, который в ответ очень терпеливо пересказал ему результаты проверки дела Косарева, которую проводили Жданов и Андреев. Тогда-то и сам Мгеладзе припомнил, что отчет этой группы, а также доклад Шкирятова по делу Косарева в те далекие годы показались ему тоже весьма убедительными. По словам Мгеладзе, Сталин тогда же заявил, что каждый допускал ошибки и что особенно много их было совершено в 1937 году. Но, как отметил Сталин, к делу Косарева это не относится.

Важность этого свидетельства состоит в том, что доказательства, добытые против Косарева, оказались очень убедительными даже для тех, кто, как Мгеладзе, относился к Косареву с восхищением. Плюс к тому Мгеладзе подтверждает, что Сталин и другие члены Политбюро очень тщательно рассматривали обвинения против Косарева.

«Расстрельные списки»

Хрущев: «Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937—1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников, и была получена его санкция»[2].

Подлинники таких списков действительно существуют; они были подготовлены к печати и изданы сначала на компакт-диске, а затем размещены в Интернете как «Сталинские

---

[1] См.: *Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. I* Сост. А.В.Квашонкин и др. — М.: РОССПЭН, 1999, где издано несколько писем Андреева и Жданова.

[2] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.143.

расстрельные списки»[1]. Увы, само название неточно и тенденциозно, поскольку списки, вообще говоря, не были «расстрельными».

Вслед за Хрущевым редакторы-антисталинисты пишут о списках как о подготовленных заранее «приговорах». Однако их собственное исследование-комментарий показывает несостоятельность таких утверждений. В действительности в списках приводился самый суровый вердикт, который мог быть вынесен судом в случае признания обвиняемого виновным, т.е. там указывалась *максимально возможная* мера пресечения, которую допускалось применять в судебном приговоре, но не окончательный приговор как таковой.

Есть примеры, когда в отношении лиц, фигурирующих в списках, наказание вообще не назначалось или вынесенный приговор оказывался менее суровым, чем мера пресечения, указанная в списке, что в конце концов и спасало таких людей от расстрела. К примеру, упомянутый в докладе Хрущева и доживший до XX съезда А.В.Снегов попал в такие списки дважды — в список от 7 декабря 1937 года по Ленинградской области[2] и в список от 6 сентября 1940 года[3].

В обоих случаях Снегов отнесен к «1 категории», т.е. к лицам, к которым допускалось вынесение приговора к высшей мере наказания — расстрелу. Ко второму списку прилагается краткая сводка обвинительных доказательств, и чувствуется, что их могло быть гораздо больше. Но Снегову не был вынесен смертный приговор, и вместо него он был осужден на длительное заключение в трудовом лагере.

Таким образом, Хрущев знал, что Сталин не выносил «приговоры», а лишь рассматривал списки на предмет возможных возражений. Хрущеву это было доподлинно известно, поскольку сохранилась направленная на его имя записка министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова от 3 февраля 1954 года. О «заранее подготовленных приговорах» там нет ни слова, зато там прямо говорится о следующем: «В архивах МВД СССР обнаружено 383 списка «лиц, **подлежащих**

---

[1] Жертвы политического террора в СССР. На 2-х дисках. Диск 2. Сталинские расстрельные списки. — М.: Звенья, 2004. См. также: http://www.memo.ru/history/vkvs/

[2] См.: http://stalin.memo.ru/spiski/pg05245.htm

[3] См.: http://stalin.memo.ru/spiski/pgl3026.htm

суду Военной коллегии Верховного Суда СССР». Эти списки были составлены в 1937 и 1938 годах НКВД СССР и тогда же представлены в ЦК ВКП(б) **на рассмотрение** *(выделено мной. — Г.Ф.)*[1].

Нет ничего странного, что обвинитель приходил на заседание суда, имея на руках не только доказательства вины подсудимых, но и рекомендации по мерам пресечения, чем судьи могли бы пользоваться в случае признания виновности. Как представляется, на рассмотрение направлялись списки только членов партии, но не беспартийных.

Хрущев скрыл тот факт, что не Сталин, а сам он был напрямую причастен к составлению списков с указанием рекомендованной категории наказания. Хрущев ссылается на НКВД, указывая, что списки составлялись именно там. Но он старательно обходит молчанием тот факт, что НКВД действовал рука об руку с местным руководством ВКП(б) и что значительное число лиц в этих списках, — возможно, даже большее, чем в какой-либо иной местности в СССР, — проживало именно там, где хозяйничал Хрущев.

До января 1938 Хрущев был первым секретарем Московского областного и городского комитетов партии, затем — первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Его письмо Сталину[2] с запросом на расстрел 6500 человек помечено 10 июля 1937 года; но та же дата стоит на «расстрельном списке» по Москве и Московской области[3].

В письме к Сталину Хрущев подтверждает свое участие в «тройке», которая была наделена полномочиями для отбора лиц, подлежащих репрессиям. В ту же «тройку» входил С.Ф.Ре¬денс, начальник управления НКВД по Московской области, и заместитель прокурора Московской области К.И.Маслов. (Хрущев допускает, что «в необходимых случаях» его мог заменять второй секретарь А.А.Волков).

Волков пробыл в должности второго секретаря МК ВКП(б) лишь до начала августа 1937 года, когда он вышел из подчинения Хрущева, что, возможно, и спасло его жизнь[4]. Маслов

---

[1] См.: www.memo.ru/history/vkvs/images/intro1.htm.

[2] См. главу 5.

[3] http://www.memo.ru/history/vkvs/spiski/pg02049.htm.

[4] Волков 11 августа 1937 г. был избран первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, а с октября 1938 по февраль 1940 г. занимал должность первого секретаря

оставался прокурором Московской области до ноября 1937 года; в 1938 году он был арестован и в марте 1939 расстрелян по обвинению в контрреволюционной подрывной деятельности[1]. Та же участь постигла К.И.Мамонова[2], который поначалу занял место Маслова, а потом был расстрелян с ним в один день. Реденс тоже не избежал наказания: в ноябре 1938 года его арестовали как участника «польской диверсионно-шпионской группы», судили и по приговору суда расстреляли 21 января 1940 года. На страницах своей книги Янсен и Петров упоминают Реденса как одного из «людей Ежова»[3]. В годы «оттепели» Реденс, по настоянию Хрущева, был реабилитирован, но с такими грубыми нарушениями законодательства, что в 1988 году реабилитация Реденса была отменена[4].

Иначе говоря, за исключением Волкова все ближайшие соратники Хрущева, принимавшие участие в репрессиях в Москве и Московской области, понесли за свои действия суровое наказание. Но каким образом удалось избежать кары самому Хрущеву? Разгадка всего этого остается под покровом непроницаемой тайны...

Постановление январского (1938) Пленума ЦК ВКП(б)

Хрущев: «Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году»[5].

Здесь Хрущев только намекает (и более четко формулирует свою мысль позже), что маховик репрессий раскручивался именно Сталиным. Но, как мы уже видели, документальные свидетельства, наоборот, упорно говорят, что репрессии раз-

---

Чувашского обкома ВКП(б). Судя по всему,умер своей смертью в 1941 или 1942 году. Подробный рассказ о Волкове опубликован в газете «Советская Белоруссия» 21 апреля 2001 г., см. также: http://sb.by/article.php?articleID=4039.

[1] См.: http://www.mosoblproc.rU/history/prokurors/7/ и http://www.memo.ru/memory/donskoe/d39.htm.

[2] См.: http://www.mosoblproc.rU/history/prokurors/8/ и http://mos.memo.ru/shot-63.htm.

[3] Jansen, Petrov, p.56,165.

[4] Реабилитация: Как это было. Т.3. Середина 80—х годов — 1991. — М.: МФД, 2004, с.660.

[5] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.144.

дувались Ежовым и сонмом первых секретарей, куда Хрущев входил как один из ведущих «репрессантов». Сталин и та часть центрального руководства ВКП(б), которая не участвовала в заговоре, пыталась сократить масштабы и поставить под контроль проведение репрессий. В конечном итоге им удалось добиться сурового наказания для тех, против кого были получены доказательства участия в фабрикации дел, в уничтожении неповинных людей.

Гетти и Наумов проделали исчерпывающий анализ материалов январского (1938) Пленума ЦК ВКП(б)[1]. Из их обстоятельного рассмотрения следует, что Сталин и центральное партийное руководство были крайне озабочены проблемой бесконтрольности репрессий. Именно по этой причине и как раз на этом Пленуме Постышев был снят со своей должности. Подробное рассмотрение данного вопроса в книге Р.Тэрстона[2] подтверждает тот факт, что Сталин пытался обуздать первых секретарей, НКВД и сами репрессии как таковые.

На январском (1938) Пленуме ЦК выступил Маленков и, очевидно, вторя Сталину, доложил о массовом и самовольном исключении из партии коммунистов Куйбышевской области. Для наших целей самым существенным следует считать лишь то, что главная вина за эти деяния, как уже говорилось, возложена была на Постышева. Постановление ЦК ВКП(б) от 9 января 1938 года обвиняло его в «ошибках»; он получил выговор и был освобожден от обязанностей первого секретаря Куйбышевского обкома.

И.А.Бенедиктов, занимавший в 1938—1958 годы ключевые посты в руководстве сельским хозяйством СССР (нарком земледелия, затем министр сельского хозяйства) и часто участвовавший в заседаниях ЦК и Политбюро, отмечает, что на январском Пленуме Сталин начал исправлять беззакония, допущенные в ходе репрессий.

В январе 1938 года во главе наркомата внутренних дел Украинской ССР стал А.И.Успенский, но уже к концу года в Москве стало известно о чинимых им беззакониях. Предупрежденный Ежовым 14 ноября 1938 года Успенский скрылся от

---

[1] J. Arch Getty and Oleg V.Naumov. *The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939.* (Yale University Press, 1999), p.498—512.

[2] R.Thurston. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934—1941.* (Yale University Press; 1998), p. 109, 112; см. его же, часть 4.

грозящего ему ареста, и, симулировав самоубийство, перешел на нелегальное положение. Он был объявлен во всесоюзный розыск и арестован только 14 апреля 1939 года. По некоторым сведениям, Ежов подслушал телефонный разговор Сталина с Хрущевым, после чего предупредил Успенского.

Вне зависимости от того, в чем состояла вина лично Успенского, ответственность за фабрикацию обвинений невинных людей он должен разделить с Хрущевым, поскольку оба они были членами одной и той же «тройки»[1]. В материалах допросов многих арестованных говорится, что, выполняя указания Ежова, Успенский фальсифицировал дела в крупных масштабах[2].

«Банда Берии»

Хрущев: «Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это "враг народа". А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов»[3].

Это ложь. Р.Тэрстон подробно пишет о том, как Хрущев исказил то, что в действительности случилось, когда Берия стал во главе НКВД[4]. Его приход, по словам историка, тотчас повлек за собой период «поразительного либерализма»: пытки прекратились, заключенным были возвращены их законные права. Сообщники Ежова лишились своих должностей, многие из них пошли под суд и были признаны виновными в незаконных репрессиях.

В соответствии с докладом комиссии Поспелова, аресты резко пошли на убыль: за 1939—1940 годы их число сократилось более чем на 90% по сравнению с 1937—1938 годами. Число казней в 1939—1940 годах упало ниже 1% от уровня 1937—1938 годов.[5] Берия принял на себя руководство наркоматом внутренних дел в ноябре 1938 года, и, таким образом, указан¬

---

[1] Н.С.Хрущев. *Время. Люди. Власть.* Кн. 1. Часть1. — М.: Московские новости, 1999, с.172—173.

[2] Jansen & Petrov. P.84, 148.

[3] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.144.

[4] Robert Thurston. *Life and Terror...* P.118—119.

[5] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.317. См. также: http://www.idr.ru/2/7.shtml.

ный выше временной отрезок приходится как раз на тот период, когда все бразды управления «органами» были сосредоточены в его руках. Хрущев пользовался докладом комиссии Поспелова для «закрытого доклада», поэтому не мог не знать этих фактов, но решил не упоминать их, чтобы таким образом не дать аудитории ни малейшего повода усомниться в предложенной им трактовке исторических событий.

Именно в бытность Берии во главе НКВД прошли судебные процессы в отношении тех, кто обвинялся в незаконных репрессиях, массовых казнях, пытках и фальсификациях уголовных дел. Хрущеву это было известно, но тоже скрыто им.

«Шифротелеграмма о пытках»

Хрущев: «Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, Сталин направил 10 января 1939 года шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод".

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б)»[1].

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС. 1989, №* 3, с.145.

Хрущев нарочно ввел слушателей в заблуждение как минимум в трех или даже в четырех случаях:

- Крайне важные части были выброшены из текста телеграммы, поскольку они расходились с целями «закрытого доклада».

- Хрущев скрыл, что имеющийся у него текст телеграммы никогда и никуда не отсылался. В сущности, сам документ выглядит так, будто он изготовлен не в 1939-м (как это указано в самой телеграмме), а в 1956 году.

- Хрущев ничего не сказал о других сомнительных особенностях текста т.н. «телеграммы», известных нам из стенограммы июньского Пленума ЦК КПСС 1957 года, где разбиралось дело «антипартийной группы» Маленкова, Молотова и Кагановича.

- Не исключено, что сама т.н. «шифротелеграмма» была сфальсифицирована с личным участием Хрущева.

И содержание, и форма этой «шифротелеграммы», полный текст которой опубликован лишь в 1990-х годах, весьма проблематичны. Потребуется объемистая статья-исследование, чтобы распутать все связанные с этим вопросы. Но некоторые из них будут прояснены чуть ниже.

Суть «телеграммы» подозрительна с первых же ее строк, ибо первые секретари предстают там чуть не в виде ангелов. Хрущев, по-видимому, просто не мог упустить случая, чтобы не сказать в своей речи: руководители парторганизаций выражали недовольство пытками, и сие, дескать, надобно поставить в упрек Сталину и его прихвостню Берии! Оба они — «плохие парни», в то время как первые секретари делали все от них зависящее, чтобы воспротивиться их кровавым замыслам!

Но мы уже упоминали хорошо документированное исследование Ю.Н.Жукова «Иной Сталин», где сказано, что на самом деле именно первые секретари настаивали на развязывании массовых репрессий. Этому противились Сталин и центральное партруководство в Политбюро (т.н. «узкое руководство», как называл их Жуков). Жуков утверждает, что видел документ, где Хрущев ходатайствует об увеличении списка лиц по «1-й категории» до 20 000 без указания каких-либо фамилий[1]. Гетти ссылается на хрущевский запрос о 41 000 человек обеих категорий[2].

---

[1] *Комсомольская правда.* 2002, 3 декабря. Ответы на вопросы читателей газеты перепечатаны в: http://www.nomad.su/?a=15-200212030006.

[2] J. Arch Getty. Excesses are not permitted.: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s. // *The Russian Review.* Vol.61 (January 2002), p.127.

Вот что еще важно отметить: Хрущев выпустил из «шифротелеграммы» большой фрагмент, где, во-первых, оцениваются и разграничиваются условия применения «методов физического воздействия», а во-вторых, названы имена известных высокопоставленных сообщников Ежова по НКВД, которые, как там подчеркивается, «понесли заслуженную кару» за свои преступления.

Среди последних назван Заковский, — тот самый, о ком Хрущев, цитируя Розенблюма, отзывался как об одном из наиглавнейших фальсификаторов (см. выше). Если бы Хрущев решился зачитать эту часть телеграммы, она могла бы вызвать недоверие к основополагающему тезису его доклада — о раздувании Сталиным массовых репрессий вместо попыток их обуздания. В недавно изданных материалах по «делу Ежова» говорится, что Заковского он считал одним из самых преданных сообщников, а когда того все же арестовали, Ежов потребовал проверить, расстрелян ли Заковский, поскольку он может «расколоться» и рассказать Берии о следственных фальсификациях и казнях, в которых принимали участие люди Ежова.

«Шифротелеграмма» о пытках — яркий пример хрущевской изворотливости, для понимания которого необходимо пространное аналитическое исследование. Вот лишь самые важные из тех особенностей документа, рассмотрение которых не расходится с поставленной нами целью:

1. Документ датирован 10 января 1939 года и в лучшем случае представляет собой копию черновика телеграммы. Она напечатана на машинке на обычном листке бумаги. На ней нет никакой визы — ни сталинской, ни чьей бы то ни было. В последней по времени («полуофициальной») публикации уже не говорится, что документ-де «подписан» Сталиным, зато теперь утверждается, что там есть вставка, вписанная Сталиным «от руки»[1]. Но это блеф чистой воды; редакторы не приводят никаких свидетельств, доказывающих, что дело обстоит именно так, как они пишут. И ясно лишь одно: им очень хочется убедить читателей, что это подлинный документ 1939 года.

2. Если перед нами не подделка, то считать «телеграмму» черновиком подлинного, но неотправленного послания тоже

[1] *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш»*. Док. № 8, с. 14—15 и прим. на с. 15.

нет достаточных оснований. Вообще, очень *похоже,* что «телеграмма» была напечатана в 1956 году, поскольку именно тогда о ней стало известно. Более того, шрифты машинописной вставки 1956 года и основной части документа выглядят неотличимо друг от друга.

Совершенно неясно, на каком основании делопроизводитель 1956 года оставил пометки на секретном архивном документе 1939 года. Почему в 1956 году такие пометки делаются на подлиннике «шифротелеграммы», а не на отдельной карточке, тогда как снятие еще одной копии в 1939 году[1] вообще никак не отражено в документе?

Разумеется, все эти и многие другие обстоятельства, связанные с «шифротелеграммой», надлежит проверить объективно и с научной точки зрения. Но российские власти и не думают проводить такого рода исследований как в связи с интересующей нас «телеграммой», так и в отношении любых других документов сомнительной подлинности, которые вдруг обнаружились вскоре после развала СССР. Если мы имеем дело с копией, что кажется правдоподобным, то где подлинник документа, с которого она снята?

3. На июльском (1957) Пленуме ЦК КПСС, где в ответ на попытку «свалить» Хрущева им были выдвинуты обвинения против т.н. «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова, — Молотов и Каганович заявили, что решение об использовании «физического воздействия» в отношении определенных категорий арестованных действительно существовало и что все члены Политбюро подписали его. Хрущев тогда возразил, что было ***два*** таких решения, и он подразумевает не «шифротелеграмму», а совсем ***другой*** документ. Однако к теме «другого документа» Хрущев нигде и ни при каких обстоятельствах больше не возвращался. Что за документ он имел в виду? Мы никогда не узнаем...

По словам остальных членов Политбюро, участвовавших в обсуждении, оригинал документа был уничтожен, и единственная его копия чудом сохранилась в Дагестанском обкоме партии. Но в нашем распоряжении есть совсем другая копия. Напечатанная не на специальном бланке, а на самом обычном

---

[1] Речь идет об обнаруженном Дж.Гетти варианте «шифротелеграммы», о котором сказано ниже.

листке бумаги, она выглядит в лучшем случае как черновик, перепечатанный незадолго до 1956 года, либо просто как заурядная подделка. Никакой иной копии обнаружить не удалось, а «шифротелеграмма» из «Дагестанского обкома» нигде, никому и никогда так и не была представлена для ознакомления.

Разумеется, Хрущев не стал бы уничтожать столь ценное свидетельство против Сталина, — если только там не содержались сведения, способные опорочить самого Хрущева. Или, — и это обстоятельство перевешивает все другие, — если такая телеграмма никогда не существовала! В таком случае упоминание копии «из Дагестанского обкома» надлежит расценивать как лживую уловку, с помощью которой остальные члены ЦК пытались взять «антипартийную группу» на пушку.

Дж.А.Гетти удалось обнаружить в архиве ту же самую «шифротелеграмму», но с другой датой — 27 июля 1939 года[1]. В случае подлинности (а текст ее опубликован не был), и если в июле 1957 года Молотов говорил правду, что телеграмма была подписана всеми членами Политбюро, тогда ***там должна стоять подпись Хрущева:*** ведь после январского (1938) Пленума он стал кандидатом в члены (заняв освободившееся после Постышева место), а с 22 марта 1939 года — членом Политбюро ЦК ВКП(б). Из чего следует: Хрущев должен нести равную ответственность наряду с Молотовым, Маленковым и Кагановичем.

А если телеграмма отсылалась 10 января 1939 года, как о том Хрущев говорил в «закрытом докладе», тогда его утверждающая подпись там была не нужна. При этом он, конечно, (а) читал телеграмму и (б) несет всю полноту ответственности за исполнение содержащихся там указаний, т.е. использование методов «физического воздействия» против арестованных, ибо, занимая пост первого секретаря ЦК КП(б)У, Хрущев инициировал репрессии против многих тысяч людей.

Поэтому не исключено, что Хрущев пытался отыскать подлинник телеграммы от 27 июля 1939 года и затем вычистил из архивов все, что ему удалось найти. Перед этим с документа была снята копия (и вычеркнуто имя Ежова, присутствовавшее в более поздней версии документа), но проставлена дата, относящаяся к тому времени, когда Хрущев еще не входил в состав Политбюро.

---

[1] J. Arch Getty. Excesses are not permitted. P. 114 n.4.

Множество различных авторов, в том числе профессиональные историки, уверяют, что при Хрущеве уничтожению подверглась очень большая часть документов. В интервью Юрия Жукова[1], книге Никиты Петрова[2], исследовании Марка Юнге и Рольфа Биннера[3] говорится, что Хрущев истребил больше документов, чем кто бы то ни было. Ту же мысль в 1989 году высказывал экс-министр сельского хозяйства СССР Бенедиктов.

Так или иначе, нам доподлинно известно, что Хрущев ***по меньшей мере*** с умыслом выборочно процитировал документ, дабы ввести своих слушателей в заблуждение.

По инструкциям Берии Родос истязал Косиора и Чубаря

Хрущев: «Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса, который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их "преступность", он тем самым давал материал для крупных политических выводов.

Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: "Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги". *(Шум возмущения в зале)*.

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Бе-

---

[1] Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. Часть 3. // Комсомольская правда. 2002, 12 ноября.

[2] Н.Петров. Первый председатель КГБ Иван Серов. — М.: Материк, 2005, с. 157—162.

[3] М.Юнге, Р.Биннер. *Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения.* — М.: АИРО-XX, 2003, с. 16.

рии. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: "Я считал, что выполняю поручение партии". Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица»[1].

Плутовство Хрущева здесь замаскировано намеками, будто показания, добытые Б.В.Родосом с помощью пыток, стали единственным основанием для приговора и казни Косиора и Чубаря. Как мы уже видели, против этих лиц имеется большое число таких свидетельств, которые не имеют отношения к использованию против них «методов физического воздействия». В частности, в признательных показаниях Ежова от 26 апреля 1939 года оба они были названы участниками заговора правых и немецкими шпионами.

Хрущев подразумевает, что Родос был «человеком Берии»[2]. Но, как отмечается в реабилитационных материалах, карьеру следователя Родос начал в годы, когда НКВД возглавлял Ежов[3].

Возможно, Родос лишь «выполнял поручения», как он сам заявлял об этом Президиуму ЦК. Если пытки были санкционированы Центральным комитетом и Родос получил распоряжение применять их против обвиняемых (чего он, кажется, не отрицал), то тогда, возможно, ему действительно приходилось подчиняться приказам такого характера. В этом случае он не совершал приписываемых ему преступлений. Возможно, истинная его вина состояла в том, что он продолжал быть следователем как при Берии, так и при Ежове. Хрущев приложил все усилия, чтобы свалить на Берию вину чуть не за все на свете.

Родос был предан суду по специальному постановлению Президиума ЦК КПСС от 1 февраля 1956 года и приговорен к смертной казни 21—26 февраля, т.е. в те самые дни, когда

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС: 1989,* № 3, с. 145.

[2] Петров указывает, что Родос был арестован 5 октября 1953 года, т.е. вместе с другими участниками «банды Берии». См.: Н.Петров. *Первый председатель КГБ Иван Серов.* С.393.

[3] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С. 176.

проходил XX съезд КПСС[1]. Зачем надо было так торопиться? Складывается впечатление, что расправа над Родосом нужна была, чтобы просто поскорее спрятать концы в воду. Как начальник следственной части НКВД Родос принимал активное участие в расследовании «деятельности» Ежова и вел дела тех, кто входил в ближайший круг супруги Ежова, — И.Э.Бабеля, В.Э.Мейерхольда и ряда других. Хрущеву, несомненно, повезло, что ему удалось найти таких, как Берия и Родос: на них можно было переложить всю ответственность за репрессии, в том числе и за некоторые свои «грешки». Крайне спешное избавление от Родоса дает основания думать, что между Хрущевым и Ежовым сохранялась какая-то незримая связь, которая своими корнями уходит в годы, когда Хрущев был одним из первых секретарей.

---

[1] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.411, прим. 13. Не позже 1954 года Родос был арестован как участник «банды Берии», но материалы его дела до сих пор не рассекречены. На выставке «1953 год. Между прошлым и будущим» (2003) в Выставочном зале Федеральных архивов в Москве демонстрировались два документа, капающиеся-Родоса. См. каталог выставки: http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/stalin_sp.shtml

ГЛАВА 5

СТАЛИН И ВОЙНА

«Проигнорированные» предупреждения. Донесение Воронцова. Германский перебежчик. Расстрелянный генералитет Красной Армии. «Прострация» Сталина в первые дни войны. Сталин — «никудышный» полководец. 1942 год: катастрофа под Харьковом. Военные операции «по глобусу». Сталин «принижал» заслуги маршала Жукова

Сталин «не принял во внимание» предупреждения о начале войны

Хрущев: «Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны...

В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом "внезапности" нападения немцев на Советский Союз...

Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий...

Как видите, игнорировалось все: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?»[1].

Германия действительно совершила против Советского Союза акт агрессии, и это одно из тех утверждений Хруще¬

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с. 145—146 и 148.

ва, которое не вызывает сомнений. Что касается его других заявлений о войне, их опровергает великое множество свидетельств.

Маршал авиации А.Е.Голованов — один из близких соратников Сталина, размышлявших на тему внезапности нападения Германии. Маршал полагал, что ответственность за случившееся несправедливо возлагать только на одного человека, и она должна быть поделена — как, впрочем, и победные лавры — между всеми теми, кто занимал в те годы ключевые посты в армии и государстве.

Документы, изданные после распада СССР, показывают: Сталин и советское руководство ожидали немецкого нападения, но предупреждения, поступавшие из множества источников, были невнятными и взаимоисключающими. Пытаясь объяснить причины просчетов советского руководства накануне войны, В.В.Кожинов выделяет две главные проблемы: обилие преднамеренной дезинформации и противоречивость самих разведданных, поступающих в советские «верхи».

Напомним: в канун нападения Германская армия разработала план дезинформационных мероприятий для введения в заблуждение руководства СССР. Опубликован предназначенный для этих целей подробный приказ Кейтеля, датированный 15 февраля 1941 года[1].

Вадим Кожинов находит много общего между позицией советского руководства и еще более разительным просчетом президента США Ф.Д.Рузвельта: не удалось разгадать планы японцев в отношении Перл-Харбора. Но, как далее отмечает Кожинов, историкам не приходит в голову осуждать президента Ф.Д.Рузвельта за его неспособность предвидеть это нападение! Что касается сути хрущевских упреков, многие из них легко повернуть против самого докладчика: так, обвинять Сталина за то, что он не смог предугадать время и направление главного удара гитлеровцев, значит, оказаться в плену концепции «культа личности», т.е. полностью уверовать в такие его

---

[1] 1941 год. Документы. В 2-х кн. Кн. 1. — М.: МФД, 1998, с. 661—664. Документ: «Указание штаба оперативного руководства ОКВ о мероприятиях по дезинформации». См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/germandisinfo.html.

сверхчеловеческие способности, которыми он, по необъяснимым причинам, не смог воспользоваться[1].

Советский Союз не мог объявить мобилизацию, т.к. это было бы истолковано как объявление войны. В 1914 году такая мобилизация спровоцировала начало Первой мировой войны. В случае объявления мобилизации в 1941-м у Гитлера оказались бы веские основания для объявления войны, а СССР оставался бы уязвимым перед лицом германо-британского пакта. На составленном в 1940 году плане операции «Ост» генерал-майор Маркс сделал такую пометку: «Русские не окажут нам услуги своим нападением на нас»[2].

СССР не мог доверять и британским предупреждениям: англичане чуть ли не в открытую стремились натравить Гитлера на Советский Союз. И, если бы им не удалось заключить мир с Германией против Советов, они сделали бы все от них зависящее, чтобы, по меньшей мере, ослабить обе эти страны, как того жаждали многие представители британских правящих кругов.

Далеко не симпатизировавший Сталину маршал К.Л.Мерецков в мемуарах, вышедших из печати в 1968 году, т.е. уже после отставки Хрущева, писал о ситуации, сложившейся в самый канун войны, как о чрезвычайно запутанной и непредсказуемой. Сменивший Мерецкова на посту начальника Генштаба в январе 1941 года маршал Г.К.Жуков пережил позорную опалу после войны, затем стал на сторону Хрущева в разоблачении им «культа личности», но в конце жизни маршал высказывал твердое мнение, что под сталинским руководством СССР сделал все возможное, чтобы подготовиться к вооруженной схватке с гитлеризмом.

Заочный спор между маршалом Жуковым и другим выдающимся военачальником Второй мировой войны маршалом А.М.Василевским характеризует разброс мнений и оценок, который сохранялся у непосредственных участников событий

---

[1] Хотя Хрущев прямо не касался этого вопроса, мы все равно хотели бы упомянуть, что сейчас опубликованы документальные свидетельства, согласно которым командующий войсками Западного фронта, где Красная Армия оказалась небоеготовой и понесла самые крупные потери, а Германская армия добилась самых впечатляющих успехов после 22 июня 1941 года, генерал Д.Г.Павлов фактически был виновен в подготовке поражения и заговора в пользу Германии.

[2] 1941 год. Кн. 1. С.154.

относительно того, как именно советские Вооруженные силы должны были готовиться к возможному нападению. Василевский полагал, что избежать поражений советских войск в начальный период войны можно было только в случае приведения в боевую готовность главных сил Красной Армии при их законченном развертывании вдоль границ еще до нападения Германии. В комментарии, составленном в 1965 году, т.е. уже после смещения Хрущева, Жуков подчеркнул, что взгляды Василевского по данному вопросу представляются ему глубоко ошибочными.

И еще: несмотря на отсутствие упоминания об этом в «закрытом докладе», здесь все равно следует напомнить о самом известном «предупреждении», полученном из источника в германском посольстве в Японии от известнейшего советского разведчика Рихарда Зорге. Как недавно стало известно, сообщение Зорге о нападении Германии 22 июня 1941 года оказалось фальшивкой, сработанной в годы хрущевской «оттепели»[1].

Донесение Воронцова

Хрущев: «Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: "Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из Ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах..."»[2]

---

[1] 22 июня 1941 года. Могло ли все быть по-иному? // *Красная Звезда*. 2001, 16 июня. См.: http://www.redstar.ru/2001/06/16_06/4_01.html.

[2] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с. 146.

В данном случае мы знаем точно: Хрущев пошел на сознательный обман, ибо мы располагаем текстом записки адмирала Н.Г.Кузнецова, в которой он информирует Сталина о депеше Воронцова и вдобавок дает краткую оценку ее содержания. Но мнение Кузнецова оказалось выброшенным из «закрытого доклада», что коренным образом искажает суть самого донесения. Хрущев намеренно скрыл от аудитории тот факт, что командование ВМФ расценило полученные Воронцовым сведения как дезинформацию, специально направленную на то, чтобы ввести в заблуждение советское руководство!

Идея жульнической ссылки на депешу Воронцова, очевидно, принадлежала самому Хрущеву. Ее нет ни в докладе комиссии Поспелова, ни в подготовленном Поспеловым—Аристовым 18 февраля 1956 года проекте хрущевской речи; отсутствует она и в т.н. «диктовках» самого Хрущева от 19 февраля 1956 года. Мы также не знаем, как и откуда сообщение попало к Хрущеву.

Редакторы сборника «Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС» не стали перепечатывать записку Кузнецова и не дали ссылку на нее. Невозможно представить, что они остались в неведении относительно оригинала письма, поскольку оно было опубликовано в известнейшем из журналов, посвященном военной истории[1]. Вдобавок редакторы ошибочно отождествляют «Бозера» с советским разведчиком в германском Генеральном штабе ВВС Х.Шульце-Бойзеном, хотя даже у Хрущева о Бозере говорится именно как о *«советском подданном»*.

Все выглядит так, как если бы редакторы возжелали прикрыть хрущевское вранье, для чего и воспользовались недомолвками такого рода. Как представляется, подобная уловка свидетельствует о преднамеренном сокрытии истины этим внешне респектабельным изданием.

Хрущев лгал. Однако такие случаи, как письмо Воронцова, должны быть особенно интересны исследователям, поскольку предоставляют уникальную возможность изучить мотивы появления в «закрытом докладе» лживых утверждений.

---

[1] *Военно-исторический журнал.* 1992, № 2, с.39—40.

Чуть ниже Хрущев в своем докладе вновь затронул тему «предупреждений»: «Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ — 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания»[1].

Это утверждение Хрущева тоже расходится с истиной. Но в отличие от депеши Воронцова, которая вплоть до недавнего времени оставалась засекреченной, историю германского солдата-перебежчика помнили, надо думать, многие из присутствовавших на съезде.

Упомянутого солдата звали Альфред Лисков. И нельзя не сказать, что его предупреждение не осталось без внимания. Доклад о задержании 21 июня в 21.00 дезертировавшего из Германской армии Лискова был по телефону передан 22 июня в 3.10 ночи — менее чем за час до нападения. Таким образом, следует признать неверными оба утверждения из доклада Хрущева: во-первых, его заявление, что само предупреждение было передано Сталину загодя и немедленно, а во-вторых, что «сигнал остался без внимания». Остается сказать, что о предстоящем нападении Лисков узнал под вечер 21 июня от своего ротного командира — лейтенанта Шульца.

Вскоре после бегства через границу Лисков был доставлен в Москву. 27 июня 1941 года «Правда» напечатала статью с его рассказом, фотографией и листовкой с призывом к германским солдатам переходить на советскую сторону. По некоторым сведениям, сам Лисков вскоре погиб. А погранчасть, куда первоначально попал германский перебежчик, воспользовалась полученной от него информацией и, подорвав мост, отошла на оборонительные рубежи, где всего через несколько, часов была уничтожена германской армией.

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.148.

В мемуарах, написанных в 1960-х годах, Хрущев не стал повторять утверждения про полученное от немецкого солдата предупреждение и о том, как оно было будто бы проигнорировано.

Расстрелянные полководцы

Хрущев: «Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 годов в результате подозрительности Сталина по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке»[1].

Хрущев здесь не высказывается напрямую, а только намекает на то, что он вместе со своими сторонниками будет говорить все последующие годы:

- Маршал М.Н.Тухачевский и восемь командиров, осужденных вместе с ним 11 июня 1937 года, оказались-де невиновными и были осуждены по заведомо ложным обвинениям в подготовке заговора с целью свержения правительства и в шпионских связях с, Германией и Японией.

- Казни или увольнения из Красной Армии оказались настолько масштабными, что это нанесло непоправимый ущерб советской обороноспособности. Репрессированные полководцы были более образованны и обладали большим опытом, чем все те, кто пришел им на смену.

Что ж, попробуем рассмотреть эти утверждения в свете рассекреченных за последние годы документов.

1. Из тех немногих свидетельств, что стали известны после распада СССР, явствует, что Тухачевский и осужденные с ним командиры были действительно виновны в том, что им инкриминировалось. Однако пока рассекречено ничтожно малое число таких источников: власти, под чьим контролем на-

---

[1] Там же.

ходится доступ в такие ведомственные учреждения, как архив ФСБ и президентский архив, — где, собственно, и хранятся архивно-следственные материалы по «делу военных», а также открытых и закрытых процессов 1936—1938 годов, — не спешат предавать огласке хранящиеся там документы.

Даже несмотря на отрицание какой-либо вины командующих со стороны официозной российской науки, сами первоисточники говорят об обратном. Например, в недавно опубликованном протоколе признательных показаний Ежова подтверждается существование *трех* самостоятельных, но соперничающих между собой групп военных заговорщиков: во-первых, «крупных военных работников» во главе с А.И.Егоровым, во-вторых, троцкистской группы Я.Б.Гамарника, И.Э.Якира и И.П.Уборевича и, наконец, «офицерско-бонапартистской группы» Тухачевского[1].

Характерный штрих: Хрущев настоял на реабилитации Тухачевского и большинства других командиров в 1957 году. Но более или менее подробное изучение материалов по «делу военных» началось не ранее чем в 1962 году. Отчет соответствующей комиссии, где в сущности опубликованы лишь дополнительные доказательства виновности военачальников, оставался засекреченным вплоть до 1994 года.

2. Начиная с хрущевских времен Тухачевскому и другим репрессированным военачальникам воздаются почести чуть не Героев Советского Союза. Эта тенденция, как ни удивительно, продолжает сохраняться и после «демонтажа» СССР в 1991 году.

«Чудовищные», как то и дело приходится слышать, масштабы репрессий тоже легко объяснимы: Хрущев и последовавшие за ним историки-антикоммунисты во много раз завысили количество расстрелянных и уволенных в запас командиров Красной Армии в 1937—38 годы. Толковые исследования на эту тему появились еще в хрущевские «те 10 лет», а сегодня число таких работ значительно умножилось. Так, благодаря последним из них выяснилось, что в результате выдвижения новых кадров взамен казненных, арестованных и уволенных в запас командиров Красной Армии значительно возрос как об-

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. — М.: МФД: Материк, 2006, с.61.

щий уровень военного образования комначсостава, так и количество тех, кто обладал опытом участия в боевых действиях, в том числе прошедших горнило Первой мировой войны[1].

Остается сказать, что Хрущев несет персональную ответственность за уничтожение многих офицеров Киевского военного округа (КВО). Подписанное им постановление Военного совета КВО цитирует генерал Д.А.Волкогонов. Более полный вариант документа приводится в приложении.

«Утеря» Сталиным способности к управлению в начале войны

Хрущев: «Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам...»[2].

Все сказанное абсолютно не соответствует истине, и Хрущев не мог не знать об этом. Большинство из тех, кто в первые недели войны (и много позднее) работал бок о бок со Сталиным, были живы и занимали высокие государственные должности. Но они никогда не говорили о чем-то подобном. Ну а сам Хрущев в начале войны неотлучно пребывал на Украине и лично никак не мог удостовериться, что именно Сталин говорил или делал.

Историкам сейчас хорошо известен журнал посетителей, принятых Сталиным в его рабочем кабинете в Кремле. Записи в нем убедительно доказывают: Сталин был чрезвычайно деятелен с самого первого часа войны и даже раньше. Конечно, такие источники доступны были и Хрущеву. Записи посе¬

---

[1] Пользуясь случаем, упомянем здесь лучшие из русскоязычных публикаций последних лет на эту тему: Г.И.Герасимов. Действительное влияние репрессий 1937—1938 гг. на офицерский корпус РККА. // *Российский исторический журнал.* 1999, № 1. См. также: http://www.hrono.ru/statii/206l/rkka_repr.html; И.В.Пыхалов. *Великая оболганная война.* — М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. Глава 2 «Была ли обезглавлена Красная Армия». См. также: http://militera.lib.ru/research/pyhalov_i/02.html

[2] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.148.

тителей за 21—28 июня 1941 года, опубликованные в журнале «Исторический архив», с документальной точностью подтверждают непрекращающуюся активность Сталина в эти дни[1].

Маршал Жуков никогда не был особенно расположен к Сталину. Тем не менее в своих мемуарах он пишет о Сталине с большим уважением и опровергает многие из хрущевских измышлений, в том числе связанные с первыми днями и месяцами Великой Отечественной войны.

Еще одно важное свидетельство принадлежит генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Георгию Димитрову, который записал в своем дневнике, что после вызова в Кремль, в 7:00 утра 22 июня 1941 года он застал там И.В.Сталина, А.Н.По¬скребышева, маршала С.К.Тимошенко, адмирала Н.Г.Кузнецова, начальника Главного политуправления РККА Л.З.Мехлиса и наркома внутренних дел Л.П.Берию. Далее в дневнике следует такая запись: «Удивительное спокойствие, твердость, уверенность у Сталина и у всех других».

Пытаясь спасти от разоблачения хрущевское вранье о мнимой бездеятельности Сталина в первые дни войны, историки-антикоммунисты ухватились за факт отсутствия записей в журнале посетителей сталинского кабинета за 29 и 30 июня. На этом основании они стремятся уверить, что в воображаемую прострацию Сталин впал именно тогда.

Но даже такой безжалостный антисталинист, как советский историк-диссидент Рой Медведев, расценил эту версию как ложную. Как пишет Медведев, сказанное Хрущевым нужно считать «чистой выдумкой»[2], хотя она повторяется в таких внешне респектабельных изданиях, как биографии Сталина, написанные Дж.Льюисом и Ф.Уайтхедом (1990), А.Баллоком (1991), а также в «Оксфордской энциклопедии Второй мировой

---

[1] *Исторический архив.* 1996. № 2, с.51—54; юс также можно найти в: http.// www.hrono.ru/libris/stalin/16-13.html. Очень добротный источник этой информации — 10-я глава вышеупомянутой книги Игоря Пыхалова *«Великая оболганная война»* («Впадал ли Сталин в прострацию»); см.: http://militera.lib.ru/research/pyhalov_i/10.html.

[2] Фраза о «чистой выдумке» (complete fabrication) есть только в английском издании книги Медведевых «Неизвестный Сталин», см.: R.Medvedev, Z-Medvedev. *The Unknown Stalin* (Woodstock, NY: The Overlook Press, 2003), p. 242. Автор, по-видимому, считает, что русскоязычному читателю не следует давать повода думать, что весь «закрытый доклад» Хрущева соткан из недомолвок, безосновательных обвинений и утверждений откровенно лживого характера.

войны» (1995). Развивая далее эту мысль, Медведев приводит в подтверждение своих слов различные свидетельства.

Сталин продолжал оставаться вполне работоспособным с 22 июня и далее, включая 29 и 30 июня. 29 июня произошел его известный спор с участием Тимошенко и Жукова. Микоян описал его Г.А.Куманеву[1]. В тот же день Сталин подготовил и подписал директиву о развертывании партизанского движения. 30 июня решением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) был образован Государственный Комитет Обороны.

Хотя между судьбами и убеждениями генералов Волкогонова и Судоплатова фактически нет ничего общего, в 1990-х годах, когда они писали свои книги, оба были враждебно настроены к Сталину. И оба независимо друг от друга пришли к выводу: рассказывая о том, как Сталин вел себя в первые дни войны, Хрущев лгал.

Сталин — «никудышный» военачальник

Хрущев: «Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней»[2].

Кроме Хрущева, никому и в голову не приходило говорить об этом! Наоборот, в книге мемуаров, написанной после смещения Хрущева, маршал Жуков высказал твердое убеждение,

---

[1] Г.А.Куманев. Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства: встречи, беседы, интервью, документы. — М.: Былина, 1999, с.28—29.

[2] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.149.

что Сталин был исключительно компетентным военачальником. В своих воспоминаниях маршал Василевский специально упоминает именно это хрущевское заявление и затем выражает категорическое с ним несогласие. Маршал авиации А.Е.Голованов рассуждал о Сталине и его талантах Верховного главнокомандующего в самых лестных выражениях.

Харьков, 1942 год

Хрущев: «Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян, который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас.

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова...

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный "гений" Сталина, вот чего он нам стоил»[1].

Это утверждение не только ошибочно: большинство военачальников не считали Сталина ответственным за поражение под Харьковом, а некоторые были убеждены, что вина должна быть возложена на Хрущева!

По словам академика А.М.Самсонова, Жуков тоже не был согласен с мнением Хрущева.

Маршал А.М.Василевский назвал откровенно лживой хрущевскую версию харьковской операции.

Примечательно, что изданная после отставки Хрущева «Краткая история» Великой Отечественной войны возлагает вину за поражение под Харьковом не на Сталина и ГКО, а

---

[1] Там же. С. 149—150.

на фронтовое командование[1]. Такая оценка согласуется с тем, что Сталин изложил в письме от 26 июня 1942 года, которое цитируется множеством источников, в том числе в биографии маршала Тимошенко (1994) Р.М.Португальского, А.С.Доманка и А.П.Коваленко, в которой авторы возлагают ответственность не только на Баграмяна, но также на Тимошенко и самого Хрущева.

Чуть раньше в том же «закрытом докладе» Хрущев заявил: «Тот, кто сопротивлялся этому *(безоговорочному подчинению. — Г.Ф.)* или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением»[2].

Это неправда, и не случайно в подтверждение сказанного Хрущев не удосужился привести ни единого примера. Маршал Тимошенко пережил Сталина на 17 лет, Хрущев — на 18, маршал Баграмян — на 29. Они упорно держались своей точки зрения на операцию под Харьковом, но ни один из них не понес наказания, тем более не был «уничтожен».

Несмотря на неприязнь к Сталину, Дмитрий Волкогонов полагал, что Хрущеву после долгих лет либо изменила память, либо в данной части доклада он просто лгал, пытаясь «задним числом создать себе историческое алиби»[3].

Военные операции Сталин «планировал по глобусу»

Хрущев: «Я звоню Василевскому и умоляю его:

— Возьмите, — говорю, — карту, Александр Михайлович, покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка.

А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. *(Оживление в зале.)* Да, товарищи, возьмет глобус и по-

---

[1] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история.— М.: Воениздат, 1970, с. 164—165.

[2] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС.* 1989, N» 3, с.131—132.

[3] Д.А.Волкогонов. *Сталин. Политический портрет.* В 2-х томах. — М.: Новости, 1992, т.2, гл.8, с.777. См.: http://militera.lib.ru/bio/volkogonov_dv/08.html.

называет на нем линию фронта. Так вот, я и говорю т. Василевскому, покажите на карте обстановку...»[1]

Мы имеем дело с наиболее очевидной ложью во всем «закрытом докладе» Хрущева. Никто даже не пытался хоть как-то подтвердить столь нелепое измышление. Зато очень многие авторы отвергают его, некоторые с негодованием. Достаточно обратиться к отзывам многих военачальников, а также к мнению Молотова.

Сталин «принижал» заслуги маршала Жукова

Хрущев: «Сталин проявлял большой интерес к оценке тов. Жукова как военного полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил:

— Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий.

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне:

— Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

Я на это ответил тогда:

— Не знаю, тов. Сталин, кто это выдумал, но это неправда.

Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова»[2].

За исключением Хрущева никто больше не слышал, чтобы Сталин говорил нечто подобное. По замечанию самого Жукова, часто цитируемому другими авторами, Сталин никогда не оскорблял его, хотя и понизил в должности в 1946 году. Слова маршала можно рассматривать как упрек Хрущеву, ибо трудно вообразить какую-либо иную причину, почему Жукову вздумалось вписывать в воспоминания такое замечание.

Но Сталин действительно перевел Жукова на менее значимую должность, когда выяснилось, что маршал — вместо

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.149.

[2] Там же. С. 150.

того, чтобы передать германские трофеи государству, которое могло бы использовать их, чтобы возместить чудовищные потери, причиненные Германией в годы войны, — оказался причастным к присвоению этих ценностей в крупных масштабах[1]. Поскольку о послевоенном понижении Жукова в должности известно было всем, но об истинных причинах — лишь немногим, Хрущев здесь как будто заискивал перед Жуковым. Услуги маршала были востребованы очень скоро: в 1957 году Хрущеву понадобилась поддержка, чтобы одержать верх над «сталинистами» Маленковым, Молотовым, Кагановичем и Шепиловым, когда те попробовали было отправить Хрущева в отставку.

---

[1] Подробности дела были опубликованы в загадочном, но явно официозном журнале *«Военные архивы России»,* 1993, №1, с.175—245. Следующий номер журнала так и не появился.

ГЛАВА 6

«ПОПРАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Массовые депортации. «Ленинградское дело». «Мингрельское дело». Отношения с Югославией. «Дело врачей-вредителей»

Массовое выселение народов

Хрущев: «Вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев, без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями...

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям»[1].

Говоря о массовом переселении народов; Хрущев упомянул карачаевцев, калмыков, балкарцев, чеченцев и ингушей. По каким-то причинам он «забыл» сказать о крымских татарах и немцах Поволжья.

Надо отметить, что, касаясь темы выселений, никаких особых «тайн» Хрущев не раскрыл: обо всем было достаточно хорошо известно в период проведения самих акций. Как «от-

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известил ЦК КПСС. 1989,* № 3, с. 151—152.

кровение» следует расценивать лишь три выдвинутых против Сталина обвинения: (1) выселение производилось «без каких бы то ни было исключений», (2) оно «никак не диктовалось военными соображениями»; (3) «целые народы» понесли наказание «за враждебные действия отдельных лиц или групп». Именно эти «разоблачения» будут рассмотрены далее.

События, ставшие причиной высылки, проведение самих операций и их последствия очень хорошо представлены документами из советских архивов. Хотя до распада СССР вся архивная информация по данному вопросу оставалась засекреченной, несомненно, что Хрущев имел доступ к этим материалам. Он сам или его помощники должны были знать, сколь далек от правды каждый из критических выпадов «закрытого доклада».

Судите сами.

1. Примеры исключений из списка лиц, подлежащих высылке, приводит в своей книге Игорь Пыхалов, ссылаясь на документы, опубликованные в работах крупнейшего российского эксперта по данному вопросу Н.Ф.Бугая.

2. С военной точки зрения депортации обеспечивали безопасность тылов Красной Армии. В случае каждой высланной народности большая часть ее населения активно либо пассивно, но оказывала поддержку Германии, участвовала в повстанческом движении против Советского правительства, создавая угрозу для Вооруженных сил СССР. Вдобавок нельзя было быть до конца уверенным, что в 1944 году Германия не двинет снова свои армии на Восток, как это было в три предыдущих года войны.

Несмотря даже на свое откровенно неодобрительное отношение к высылкам, Н.Ф.Бугай и А.М.Гонов отмечают: «Советское правительство, вообще говоря, правильно выбрало приоритеты, опираясь при их выработке на свое право поддерживать порядок за линией фронта, и в особенности на Северном Кавказе...»[1].

Именно здесь стоит напомнить, как в «закрытом докладе» Хрущев с юмористическим оттенком сказал: «Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и не-

---

[1] N.F.Bugai, A.M.Gonov. "The Forced Evacuation of the Chechens and the Ingush."// *Russian Studies in History*. Vol.41, No. 2, Fall 2002, p.59.

куда было выслать. А то он бы и их выселил» *(Смех, оживление в зале.)*[1]

Подразумевается, что все это шутка, т.к. на полном серьезе Хрущев и не утверждал, что Сталин собирался выслать украинцев. Впрочем, Хрущев, возможно, потому упомянул украинцев, что в повстанческом движении на стороне нацистов и против Советского Союза участвовала не столь значительная часть населения республики. Тем не менее, все это вызвало серьезные проблемы в тылу Красной Армии по мере ее продвижения на Запад по территории Польши и Германии в 1944—45 годах[2]. Принимая во внимание массовый характер антисоветских восстаний среди крымских татар и населения Чечено-Ингушетии, власти страны имели все основания полагать, что подобное может произойти и на Украине.

3. Вопрос о том, должен ли весь народ подлежать высылке, следует разбить на две части.

Во-первых, насколько массовый характер носило повстанческое движение среди этих этнических групп? Действительно ли они были столь широкими, что в них принимало участие большинство населения? Ниже будут приведены свидетельства, показывающие, что в случае двух народностей, которые взяты нами в качестве примера, восстания носили массовый характер и в них принимало участие не менее половины населения этой народности.

Во-вторых, вопрос геноцида. Дробление небольшой национальной группы, представители которой тесно связаны друг с другом языком, историей, культурой, фактически привело бы к ее гибели.

В случае чеченцев, ингушей и крымских татар сотрудничество с нацистами проявилось столь массово, что изоляция и наказание «только виновных» уничтожило бы их как народность. Вместо этого национальные меньшинства сохранили свое этническое единство, а их численность в конце концов выросла.

Крымские татары

Крымские татары подверглись массовой высылке. Довольно много документов, посвященных их депортации, из преж¬

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.152.

[2] Ю.Н.Жуков. *Сталин: Тайны власти*. — М.: Вагриус, 2005, с.432—433.

де засекреченных архивов сейчас предано огласке. Естественно, они были изданы исследователями антикоммунистического толка, чьи комментарии весьма тенденциозны. Зато сами документы чрезвычайно интересны!

Вот некоторые сведения, почерпнутые оттуда.

В 1939 году численность крымских татар составила 218 000 человек. Что означает: около 22 000, или 10% населения, составляли мужчины призывного возраста. По новейшим данным из советских источников, в 1941 году 20 000 крымских призывников дезертировали из Вооруженных сил СССР; к 1944 году те же 20 000 крымско-татарских ополченцев перешли на сторону нацистской Германии и с оружием в руках боролись против Красной Армии.

Итак, сотрудничество с гитлеровцами было поистине массовым. Но тут мы приходим к одному из трудных вопросов: как в данном случае должна была поступать Советская власть?

Можно было ничего не делать и всех оставить без наказания. Что, как представляется, вряд ли было бы возможно.

Можно было расстрелять 20 000 дезертиров. А можно было всех мужчин призывного, т.е. детородного, возраста приговорить к тюремному заключению. Но и то, и другое фактически означало бы уничтожение крымско-татарского народа.

Вместо этого Советское правительство решило выслать в Среднюю Азию целиком весь народ, что и было осуществлено в 1944 году. Им дали землю и на несколько лет освободили от уплаты налогов. Крымско-татарский народ был сохранен, а к концу 1950-х годов даже наметился рост его численности.

Чеченцы и ингуши

В 1943 году в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике (ЧИАССР) проживало приблизительно 450 000 чеченцев и ингушей. Что означает: среди них 40—50 тыс. составляли мужчины призывного возраста. В 1942 году, т.е. в разгар военных успехов нацистской Германии, 14 576 мужчин были призваны на военную службу, из которых 13 560 чел., или 93 %, дезертировали и либо скрылись, либо влились в орудовавшие в горной местности повстанческие или бандитские группировки.

Массовое сотрудничество чеченского и ингушского населения с германскими Вооруженными силами не подлежит сомнению. 23 февраля 2000 года радио «Свобода» передало интервью чеченских националистов, в котором они горделиво хвастали тем, что подняли прогерманское антисоветское вооруженное восстание, начавшееся в феврале 1943 года, т.е. в то самое время, когда продвижение Германии вглубь Кавказа было наибольшим. Проблематичность данного свидетельства состоит в том, что здесь мы имеем дело с намеренным сокрытием правды. Само восстание на самом деле разразилось, но шло оно под нацистским флагом и с целью союза с нацистской Германией.

Как отмечают Бугай и Гонов, жертвы среди высылаемых были невелики — 0,25 % от их общей численности: «Отчеты НКВД свидетельствуют об отправке 180 эшелонов, которые перевезли 493 269 чеченцев и ингушей, а также представителей других народностей, взятых в то же время под стражу. Во время операции 50 человек были убиты, 1272 — умерли в пути»[1].

Поскольку переселение проводилось в зимние месяцы и в то самое время, когда шла самая жестокая война в европейской и, возможно, в мировой истории, цифры понесенных потерь не кажутся слишком высокими.

Последнее, впрочем, выходит за рамки нашего интереса к проблеме, поскольку мы хотели лишь найти подтверждение или, наоборот, опровержение выдвинутых Хрущевым обвинений. Напомним, что в «закрытом докладе» он заявил: (1) высылка целых народов производилось «без каких бы то ни было исключений», (2) причины для таких переселений отсутствовали, (3) сотрудничество с оккупационными властями и факты измены представляли собой «действия отдельных лиц или групп». И, как только что было показано, все три хрущевских утверждения не соответствуют истине: (1) исключения все же были; (2) для переселений существовали серьезные доводы «за» военного характера; (3) фактически предательство носило не единичный, а массовый характер. Хрущев в который раз солгал.

[1] Bugai, Gonov. P.56.

«Ленинградское дело»

Хрущев: «После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и неимоверных усилий. Страна переживала политический подъем...

И вот в этот период вдруг возникает так называемое "ленинградское дело". Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие...

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и "ленинградское дело" — это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии»[1].

«Ленинградское дело» окутано ореолом тайны и значительности и несет в себе известную долю притягательности. Есть множество причин думать, что в самом «деле» речь идет все же не о фальсификации, а о совершении тяжких преступлений.

К счастью, перед нами не стоит цель выяснить все обстоятельства произошедшего. Наша задача гораздо скромнее: показать, что Хрущев лгал, утверждая, будто все дело — «результат произвола, который допускал Сталин». Поскольку это как раз тот случай, где автор «закрытого доклада» продемонстрировал свое вопиющее пренебрежение правдой.

В течение ряда лет Хрущев поднимал вопрос о том, кто именно должен нести ответственность за «ленинградское дело», но каждый раз говорил о нем по-разному, очевидно, сообразуясь в каждом случае с потребностями момента.

После смерти Сталина в самый первый раз вопрос о «деле» был поднят Л.П.Берией. 25 июня 1953 года, т.е. за день до своего ареста Берия направил в Президиум ЦК записку о ходе следствия по делу бывшего заместителя министра госбезопасности М.Д.Рюмина. В записке Берия обвинил Рюмина в фальсификации следственных материалов по «ленинградскому делу». Кажется, документ вызывал у Хрущева определен-

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.152.

ные затруднения, ибо там напрямую обвинялся С.Д.Игнатьев, бывший министр МГБ СССР, уволенный еще при жизни Сталина.

Год спустя, 3 мая 1954 года, возглавляемый Хрущевым Президиум ЦК КПСС утвердил постановление, посвященное «ленинградскому делу». Главным виновником там был назван предшественник Игнатьева на посту министра МГБ В.С.Абакумов. А спустя всего несколько дней Хрущев выступил на собрании актива ленинградской парторганизации, посвященном только что принятому постановлению ЦК КПСС о «ленинградском деле», где кроме Абакумова ответственность возлагалась... на Берию! Но в период следствия по этому делу Берия не имел отношения ни к МГБ, ни к МВД, ни к их контролю со стороны ЦК.

А еще два года спустя, выступая с трибуны XX съезда, Хрущев возложил всю вину на Сталина. Но минуло немногим более года, и в июне 1957 года Хрущев неожиданно заявил, что Сталин, оказывается, был против ареста Вознесенского и других «ленинградцев» и что подстрекательскую роль к их аресту и казни играли Берия и Маленков!

Чему здесь верить? Ясно только одно: какова бы ни была роль Маленкова, Берия, безусловно, не имел к тому никакого касательства. Нет никаких оснований полагать, что в 1957 году Хрущев говорил правду, как, впрочем, и в любое другое время...

«Мингрельское дело»

Хрущев: «Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии...

Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию»[1].

Единственное конкретное обвинение, выдвинутое здесь Хрущевым, состоит в том, что Сталин-де лично надиктовал решения ЦК КПСС от 9 ноября 1951-го и 27 марта 1952 годов. Мы знаем, что дело обстояло совершенно иначе.

Постановление Политбюро от 9 ноября 1951 года опубликовано вместе с комментариями в одном из научных сборников. Его редакторы зафиксировали все случаи сталинской правки: в ряде случаев она связана с уточнением формулировок, а в остальных — смягчает поначалу довольно резкие обвинения в национализме[2]. Вместе с постановлением от 27 марта 1952 года[3] оба решения приняты по результатам обсуждений на заседаниях Политбюро[4]. Причем в случае постановления от 27 марта 1952 года Сталин собственноручно вписал в протокол заседаний Политбюро его название, но сам вопрос уже стоял в повестке дня.

Но главное утверждение Хрущева, согласно которому Сталин, дескать, несет ответственность за фабрикацию «мингрельского дела», «делавшуюся под "гениальным" руководством Сталина —"великого сына грузинского народа", как любили называть грузины своего земляка», — все это оказывается на поверку неправдой. Документы, на которые ссылается Н.Петров, свидетельствуют: истинной причиной возникновения дела была «борьба против клановости в грузинском руководстве»[5], а не что-то иное.

10 апреля 1953 года, т.е. месяц спустя после смерти Сталина, Президиум ЦК КПСС принял постановление, в котором бывший министр МГБ Игнатьев обвинялся в фальсификации следственных материалов и истязаниях многих из аре-

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.153.

[2] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953 гг. / Сост. О.В.Хлевнюк и др. — М.: РОССПЭН, 2002, с.350—352. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/mingrelianres.pdf.

[3] Там же. С.352—354.

[4] См.: там же. Прим. 1 на с.351 и прим. 1 на с.354.

5 Н.Петров. Первый председатель КГБ Иван Серов. — М.: Материк, 2005, с.114.

стованных. Игнатьев был назван ответственным по меньшей мере за отсутствие должного контроля за своими подчиненными — Рюминым, Цепковым и другими. 1 апреля 1953 года в записке Берии в Президиум Игнатьеву была поставлена в вину фабрикация «дела врачей», а 5 апреля опросом членов ЦК КПСС, — т.е. с участием в голосовании Хрущева, — за проявленную халатность Игнатьева освободили от обязанностей секретаря ЦК КПСС. Наконец, 28 апреля — и опять с ведома Хрущева — Игнатьев был выведен из состава ЦК. Берия в записке от 25 июня 1953 в Президиум ЦК обвинил Игнатьева в том, что с. его ведома и согласия Рюмин и другие подчиненные применяли пытки, в том числе в отношении тех, кто проходил по «ленинградскому делу».

Тем не менее именно Хрущев способствовал тому, чтобы сразу после ареста Берии Игнатьев вновь занял ответственные партийные посты. Игнатьев был делегатом XX съезда, и аккурат на него сослался Хрущев, когда в докладе речь зашла о «деле врачей» — о «деле», за которое Президиум ЦК КПСС однажды уже подверг Игнатьева жесточайшей критике и вывел из состава секретарей!

Борис Николаевский в комментариях к публикации «закрытого доклада» в журнале «Нью лидер» пишет, что «дело о мингрельском заговоре» обязано своим появлением именно Игнатьеву.

Взаимоотношения с Югославией

Хрущев: «На июльском Пленуме ЦК подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблаговидная роль Сталина. Ведь в "югославском деле" не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого "дела" не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной»[1].

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.154.

Это другая ложь. В июле 1953 года Хрущев, Молотов и Маленков выступили с нападками на Берию за его планы нормализовать отношения с Югославией. В те времена они называли Тито и Ранковича «агентами капиталистов», которые «ведут себя как враги Советского Союза».

Но в речи на XX съезде Хрущев уже именует их «товарищами»! Иными словами, он и другие члены Президиума ЦК хлестко раскритиковали Берию за попытку наладить отношения с СФРЮ и за его отношение к югославам как «товарищам»; но когда в результате политического курбета Хрущев сам поменял мнение по данному вопросу на прямо противоположное, он поставил в вину Сталину именно то, что тот ***не сделал*** то же самое!

«Дело врачей-вредителей»

Хрущев: «Следует также напомнить о "деле врачей-вредителей". *(Движение в зале.)* Собственно, никакого "дела" не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности) написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения. Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить. Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котята, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это "дело", то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное "дело" было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов Правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину»[1].

Сообщение Хрущева о «деле врачей» целиком лживо.

«Дело врачей» попало в «разработку» МГБ с 1952 года. А письма Л.Ф.Тимашук были написаны еще в 1948 году. Они касались методов лечения А.А.Жданова незадолго до его скоропостижной кончины. Врачи-евреи в этих письмах не упоминались. И вообще, Тимашук не имела никакого касательства к «заговору врачей» и делу, которое возникло только 4 года спустя. Здесь Хрущев просто оклеветал невинную женщину.

В описываемое время во главе Министерства госбезопасности СССР стоял Игнатьев, а не Берия. Как уже отмечалось, Президиум ЦК КПСС, членом которого был Хрущев, 5 апреля 1953 года освободил Игнатьева от обязанностей секретаря ЦК, а 28 апреля вывел его из состава членов ЦК за фальсификацию следственных материалов по «делу врачей». Если не считать самого Игнатьева, стремившегося уйти от ответственности любой ценой, обвинять Сталина больше никому не приходило в голову.

---

[1] *Там же*. С. 154—155.

Именно Берия положил конец фальсификациям следственных материалов по «делу врачей», освободил самих врачей и добился взятия под стражу виновных, а среди них — Игнатьева, который был освобожден сразу после того, как во второй половине июня 1953 года с Берией было покончено.

По словам дочери Сталина Светланы Аллилуевой, ее отец не верил в виновность врачей.

Из-за старости и болезней Сталин почти отстранился от дел и не успевал следить за развитием событий. Он полагал, что состояние дел в МГБ неблагополучно[1]. По всей видимости, для исправления положения Сталин планировал назначить министром Берию, хотя, возможно, он держал в голове и «мингрельское дело».

Статьи о «заговоре врачей» перестали появляться на страницах центральных газет еще до смерти Сталина. Известный антисталинист и бывший советский диссидент Жорес Медведев утверждает, что этот и ряд других фактов указывают на то, что именно Сталин распорядился положить конец нападкам на «врачей-вредителей» в печати[2]. Медведев обращает внимание, что Сталин выступал против антисемитизма, сопровождавшего всю кампанию разоблачения врачей. Исследователь признает: Сталину вообще был чужд антисемитизм, с проявлениями которого он боролся всю жизнь.

---

[1] См. дневниковую запись В.А.Малышева на заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 года: «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома.// «Вестник Президента РФ» в: *Источник*. 1997, № 5, с.141.

[2] Жорес Медведев. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. — М.: Права человека, 2003, с.208 и далее, 216.

ГЛАВА 7

БЕРИЯ, ЕГО «КОЗНИ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

«Агент иностранной разведки Берия». Обвинения, выдвинутые Каминским. Дело Картвелишвили-Лаврентьева. Расправа с М.С.Кедровым. Папулия Орджоникидзе и его брат Серго

Берия — «агент иностранной разведки»

Хрущев: «В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину»[1].

Сегодня уже никто не повторяет хрущевские россказни про «агента иностранной разведки Берию». Они полностью опровергнуты имеющимися доказательствами. Более того, ни Молотов, ни Каганович не верили этому даже тогда, когда сами в 1953 году ставили Берии в укор такого рода обвинения.

Несмотря на множество критических стрел, выпущенных по адресу Берии в ходе июльского (1953) Пленума Центрального комитета, Микоян — главный очевидец бериевского «шпионажа» еще со времен Баку начала 1920-х годов — был вынужден признать, что у ЦК нет никаких доказательств, подтверждающих его работу на иностранные спецслужбы[2].

Хрущев расценил предложение Берии о создании единой и нейтральной Германии как «уступку Западу» и только на этом основании заклеймил его как «агента империалистов». Однако в марте 1952 года Сталин тоже предлагал союзникам начать объединение Германий при непременном условии германского неучастия в каких-либо военных блоках. После смер¬

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС. 1989, №* 3, с.155.

[1] *Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы.* — М.: МФД, 1999, с.315.

ти Сталина «Правда» дважды (в апреле и мае 1953 года) опубликовала различные варианты этого предложения.

Берия, возможно, никогда не имел столько власти, чтобы на страницах печатного органа ЦК КПСС тиснуть какую-нибудь отсебятину. Он был одним из членов ЦК, и его соображения по поводу будущего Германии оставались только предложениями. Нет ничего предосудительного и в том, что такой вопрос был вообще поднят; ведь в конце концов без коллективного утверждения решения «германской проблемы» оно все равно не могло быть претворено в жизнь.

На поверку слова Хрущева про «уступку Западу» тоже оказываются неправдой: союзники СССР по антигитлеровской коалиции придерживались прямо противоположного мнения и отказывались рассматривать вопрос об объединении Германий. В сущности, если бы Советский Союз продолжал настаивать на своем предложении, Запад попал бы в очень неудобное положение, поскольку идея объединения была очень близка подавляющей части немецкого населения. И если бы западные державы продолжали выступать против, стало бы ясно, что это они, а не СССР проводят недружелюбную политику в отношении послевоенной Германии.

В беседах с Феликсом Чуевым находившийся уже в весьма преклонных летах Молотов пространно объяснил, почему предложения Берии о создании нейтральной Германии он тоже рассматривал как действия «агента империализма». Но на прямой вопрос, на самом ли деле Берия был агентом иностранных разведок и подтверждаются ли эти обвинения документально, Молотов отвечал отрицательно.[1] Примерно в таком ключе обвинения в шпионаже обсуждались и на июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС.

Каминский о работе Берии у мусаватистов

Хрущев: «Были ли сигналы о том, что Берия — враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский говорил,

---

[1] Феликс Чуев. Молотов: полудержавный властелин. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999, с. 409; Он же. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. — М., 1992, с.66.

что Берия работал в мусаватистской разведке. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно»[1].

После распада СССР появилось довольно много документальных материалов, опровергающих эту хрущевскую фальшивку. Так, совсем недавно стало известно письмо И.П.Павлуновского от 25 июня 1937 года, где подтверждается факт ведения Берией подпольной большевистской работы в среде азербайджанских националистов («мусаватистов»).

В «Автобиографии» 1923 года Берия подробно описывает свою нелегальную работу у мусаватистов и грузинских меньшевиков, чего бы он никогда не стал делать, если бы это не характеризовало его партийную работу с положительной стороны[2].

Другие источники тоже подтверждают: Берия вел подпольную работу по заданию большевиков. Действительно, трудно вообразить заступничество С.М.Кирова за Берию или его тесную товарищескую близость с семейством Орджоникидзе, как о том свидетельствует сын Лаврентия Павловича Серго, если бы преданность Берии большевистской партии не была абсолютно неоспорима.

Совершенно очевидно, что Хрущев просто воспользовался старыми кривотолками еще того времени, когда Берия взаправду находился в подполье. Нелегальная работа весьма опасна; Берии нужно было иметь такое «прикрытие», чтобы обвести вокруг пальца лидеров «Мусават» и заставить их поверить в свою преданность. Нет ничего удивительного, что многие рядовые большевики тоже были введены в заблуждение. Письмо Берии 1933 года к Орджоникидзе показывает, что в указанное время он все еще пытался бороться с распространением порочащих его слухов. Ему вряд ли бы пришло в голову писать по такому поводу письмо к одному из самых влиятельных членов Политбюро при стремлении сохранить все в глубочайшей тайне.

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.155.

[2] Берия: Конец карьеры./ Сост.В.Ф.Некрасов. — М.: Политиздат, 1991, с.320—325:323.

Хрущев имел доступ ко всем тем сведениям, которыми мы располагаем сегодня, и даже больше. Он должен был знать, что заявление Каминского лживо, а все сказанное им самим по поводу работы Берии у мусаватистов — тоже неправда.

Дело Картвешшвили-Лаврентъева

Хрущев: «Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов. Серго в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать "дело" против Картвелишвили»[1].

Картвелишвили (более известный под русифицированным псевдонимом Лаврентьев) был исключен из партии и арестован 22 июня 1937 года во время июньского (1937) Пленума ЦК ВКП(б) и расстрелян 22 августа 1938 года, когда во главе НКВД стоял Ежов, не Берия.

Существует записка, направленная Берией Сталину, где сообщается о раскрытии в Грузии подпольной группы «правых», в которой состоял и Картвелишвили. Однако датирована она 20 июля 1937 года, т.е. появилась почти через месяц после ареста Картвелишвили[2].

Последняя должность Картвелишвили перед арестом — секретарь Крымского обкома ВКП(б)[3]; Берия в то время был первым секретарём ЦК КП(6) Грузии и, следовательно, не мог повлиять ни на арест, ни на освобождение Лаврентьева из-под стражи, поскольку на Крым его властные полномочия не распространялись.

Что ещё мы знаем о Лаврентьеве?

Картвелишвили упоминается в нескольких документах, составленных и подписанных Г.С.Люшковым[4]— приспешником Ежова, а не Берии. Люшков был причастен к тому же за¬

---

[1] О культе личности... // Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с.156.

[2] Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938.— М.: МФД, 2004, док. № 142, с.252.

[3] Доклад Хрущева... С. 840; Лубянка: Сталин и ГУГБ НКВД, с 672. См. также: http://wvvw.hrono.ru/biograf/kvartveli.html

[4] Там же, док. № 196 от 11 сентября 1937 года (с.347 и далее); № 207 от 19 сентября 1937 года (с.368 и далее); № 309 от 29 марта 1938 года (с.507).

говору, что и Ежов, участвовал в истязаниях и казнях многих невинных людей. Ну а сам Ежов, как известно, был настроен против Берии на все 100%.

В реабилитационных материалах на Постышева говорится, что последний дал показания на Картвелишвили как на одного из заговорщиков[1].

Сведения о Картвелишвили содержатся и в признаниях Я.А.Яковлева, одного из ближайших сподвижников Сталина по работе над Конституцией СССР (1936), зам. председателя Комитета партийного контроля и члена ЦК ВКП(б). Яковлев подвергся внезапному аресту 10 октября 1937 года и в своих подробных показаниях от 15—18 октября 1937 года среди многих других краевых руководителей-заговорщиков назвал Картвелишвили. Как явствует из пометок и рукописного комментария Сталина к документу, яковлевские признания застали его явно врасплох.

Справка о Картвелишвили в докладе комиссии Поспелова во всем винит одного Берию[2]. Но это просто не соответствует истине, даже если выдвинутые против Картвелишвили обвинения были ложными. Самая значительная часть последних фигурирует в «документах Люшкова» и (куда меньшая) в показаниях Яковлева, но все они не имеют никакого отношении к Берии.

Картвелишвили был арестован в июне 1937 года, т.е. задолго до того, как Берия стал первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Сейчас трудно отыскать надежную дату смерти Картвелишвили-Лаврентьева. На Одной из Интернет-страниц общества «Мемориал» указывается, что Лаврентьев был приговорен судом и расстрелян 22 августа 1938 года[3]. Если верить этим сведениям, тогда выходит, что в допросах и пытках Лаврентьева-Картвелишвили Берия не мог принять участия, если б даже хотел: его утвердили на должность заместителя Ежова по НКВД в тот самый день, когда в отношении Картвелишвили смертный приговор был приведен в исполнение. Фактически же Берия оставался на посту первого секретаря ЦК КП(б) Грузии вплоть до 31 августа 1938 года[4].

---

[1] Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. — М.: МФД, 2000, с.219.

[2] *Реабилитация: Как это было.* Том 1, с. 331—332.

[3] См.: http://v\rww.memo.ru/memory/communarka/ChaptlQ.htm#_KMi_2450.

[4] Н.В.Петров, К.В.Скоркин. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999, с.107; См.: http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb42.htm.

Как отмечается в докладе комиссии Поспелова[1], с помощью пыток, истязаний Картвелишвили вынудили оговорить себя и других. Это похоже на правду, поскольку, как явствует из заявления Фриновского, Ежов и его приспешники, включая самого Фриновского, то и дело прибегали к подобного рода «методам».

Сопоставляя даты и факты, можно с очень большой долей вероятности считать Берию абсолютно непричастным к судьбе Картвелишвили. Хрущев должен был знать это. Возможно, именно поэтому дата гибели Лаврентьева не указана в докладе комиссии Поспелова, готовившемся специально для того, чтобы оказать Хрущеву всяческую помощь в обосновании самых нелепых обвинений против Берии.

«Зверская расправа» над М.С.Кедровым

Хрущев: «Вот что писал в Центральный комитет партии... старый коммунист т. Кедров:

"Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю"»[2].

Подробности дела М.С.Кедрова неизвестны, ибо все связанные с ним архивно-следственные материалы все еще недоступны исследователям. Но для наших целей это не столь уж важно.

Не так давно Академия ФСБ и издательство «Русь» подготовили к печати сборник документов, благодаря которому мы теперь можем с уверенностью сказать: к подготовке заключения о необходимости расстрела М.С.Кедрова Берия не причастен. Инициативный документ с запросом на санкцию «директивных органов Союза ССР» подписан начальником следственной части НКВД СССР Л.Е.Влодзимирским, утвержден зам. наркома внутренних дел Б.З.Кобуловым, согласован с Прокурором СССР В.М.Бочковым и направлен Берии на исполнение[3]. Что, собственно, им и было выполнено.

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1, с.332.

[2] О культе личности... // Известия ЦК КПСС. 1989, №3, с. 156.

[3] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1941 года.— М.: Русь, 2000, с.215—216 и прим. на с.215. Факты, изложенные в документах, были подтвержде¬

Кедров расстрелян не по инициативе Берии — это в данном случае главное.

Конечно, про Кедрова известно гораздо больше. К примеру, нет почти никаких сомнений, что смертный приговор ему вынесен по суду, но, к сожалению, здесь у нас слишком мало места для рассмотрения различных аспектов этого дела. Достаточно того, что все приведенные выше сведения были в распоряжении Хрущева и он лгал, говоря о роли Берии в деле Кедрова.

Папулия, брат Серго Орджоникидзе

Хрущев: «Берия учинил также жестокую расправу над семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия расчищал себе путь, избавляясь от всех людей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться»[1].

Как отмечается в исследовании О.В.Хлевнюка[2], наиболее правдоподобная причина самоубийства Г.К.Орджоникидзе связана с его плохим здоровьем. Долгое время Серго мучили болезни, но работа в последний день жизни у него «протекала в достаточно привычном русле»[3].

Смерть Орджоникидзе никоим образом не была связана ни со Сталиным, ни с братом Папулией (Павлом), ни с Берией. Напротив: «Судя по известным фактам, Орджоникидзе активно защищал Берию и поддерживал с ним хорошие отношения вплоть до середины 1930-х годов»[4].

ны Влодзимирским и Кобуловым в 1953 году в ходе следствия по «делу Берии», см: А.В.Сухомлинов. Кто вы, Лаврентий Берия? — М.: Детектив-Пресс, 1993, с. 153 и 219—220.

[1] О культе личности... // Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с. 157.

[2] Oleg Khlevniuk. In Stalin's Shadow: the Career of 'Sergo' Ordzhonikidze. (NY: Sharpe, 1995).

[3] Khlevniuk. См. гл. 12—13; О.В.Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е годы. — М.: Россия молодая, 1993, с. 115.

[4] Khlevniuk, p.106.

В день своего 50-летия 24 октября 1936 года или что-то около этой даты Серго узнал, что его старший брат Папулия арестован в Грузии[1]. Другой брат Серго Валико (Иван) пытался защитить Папулию в грузинском ЦК, но в результате сам лишился работы. Берия возглавлял КП(б) Грузии, поэтому в середине декабря 1936 года именно к нему Серго позвонил с просьбой о помощи. По словам Хлевнюка, «Берия показал удивительную заботу»; он вник в дело, помог Валико восстановиться на работе и ответил Серго, написав очень вежливую записку[2].

Серго покончил жизнь самоубийством в ночь с 17 на 18 февраля 1937 года[3]. Относящийся к Сталину весьма неприязненно Хлевнюк попытался было отыскать свидетельства сталинской причастности к смерти Серго и даже предпринял попытку некой «реконструкции» телефонной размолвки между ними, но, в конце концов, все его попытки оказались тщетными.

В ноябре 1937 года Папулия был расстрелян. Хлевнюк не приводит никаких подробностей в связи с расстрелом Папулии, т.к., очевидно, не владеет иной информацией. Ясно, что связь между уходом Серго из жизни и казнью Папулии очень проблематична. Поэтому почти нет сомнений, что самоубийство Орджоникидзе связано было только с состоянием его здоровья.

По словам сына Л.П.Берии, отношения Серго с братом Папулией были всегда натянутыми. К тому же Папулия был враждебно настроен к Советскому Союзу, поэтому, когда Серго приезжал в Тбилиси, он всегда старался остановиться погостить в доме у Берии.

В хрущевские времена, а затем при Горбачеве широкое распространение получили рассказы о «либерализме» Орджоникидзе и о том, как он будто бы сопротивлялся проведению московских показательных процессов и т.п. Следует иметь в виду, что нет никаких свидетельств, доказывающих такую точку зрения. Наоборот, как отмечает Дж.Арч Гетти, «Орджоникидзе, как представляется, вообще не протестовал против

---

[1] Khlevniuk, p. 105; Хлевнюк, с.77.

[2] Khlevniuk, p. 105; Хлевнюк, с.80.

[3] Khlevniuk, p. 147; Хлевнюк, с.116—129.

террора, в том числе направленного против Зиновьева, Каменева и Бухарина; и в сущности именно к нему Сталин обратился с просьбой подготовить доклад о вредительстве в промышленности к февральскому (1937) Пленуму ЦК... Проект речи, которую Орджоникидзе готовил к февральскому Пленуму 1937 года как главный докладчик по вопросу о вредительстве в промышленности, получил одобрение Сталина и соответствовал твердой линии времени...»[1].

Подведем, наконец, итог: каждое из утверждений Хрущева касательно Берии и Орджоникидзе — ложь.

- Орджоникидзе не считал себя противником Берии и не был им. Приезжая в Тбилиси, Серго скорее остановился бы у Берии, нежели хотел увидеться со старшим братом Папулией.

-. Как сообщает Хлевнюк, Папулия был казнен в ноябре 1937 года,— спустя несколько месяцев после самоубийства Серго (февраль 1937 года), и, таким образом, «ликвидация» Папулии должна быть исключена из возможных мотивов ухода Г.К.Орджоникидзе из жизни.

- Самоубийство Г.К.Орджоникидзе не имело никакого отношения к Берии. Антисталинист Олег Хлевнюк приходит к выводу, что Серго покончил с жизнью из-за плохого состояния здоровья.

---

[1] J. Arch Getty, The Politics of Repression Revisited. P. 131, n.64 p. 140. In Ward, Chris, ed. *The Stalinist Dictatorship*. London, New York: Arnold, 1998. Гетти ссылается на документ из РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ), ф.558. Оп.1. Д.3350. Л.1—16.

ГЛАВА 9

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

«И.В.Сталин. Краткая биография». «Краткий курс истории ВКП(б)». Сталинская подпись на постановлении от 2 июля 1951 года о сооружении скульптуры в свою честь. Дворец Советов. Ленинские и Сталинские премии

«И. В.Сталин. Краткая биография»

Хрущев:. «Товарищи! Культ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его "Краткой биографии", вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого "великого вождя" и "непревзойденного полководца всех времен и народов". Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей его "Краткой биографии"? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

[1] "В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин".

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет:

[2] "Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования".

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: "Сталин — это Ленин сегодня". Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

[3] "Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня".

Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения:

[4] "Товарищ Сталин, — пишет он, — развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о

взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки". *(Движение в зале.)*

Далее сам же Сталин пишет:

[5] "Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства".

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора — редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии»[1].

О характере правки Сталиным «Краткой биографии» впервые стало известно из материалов, опубликованных в журнале «Известия ЦК КПСС» № 9, 1990, после чего их перепечатали многие другие издания. Публикация помогает понять, насколько хрущевские утверждения о корректуре Сталиным его биографии далеки от правды. Ведь даже такой антисталинист, как В.А.Белянов, автор вступительной статьи и редактор публикации, признает, что многие сталинские исправления и можно, и должно рассматривать как доказательства сталинской скромности, ибо они направлены на удаление непомерных восхвалений в свой адрес, вписанных в книгу ее составителями.

Хрущев преднамеренно исказил смысл некоторых использованных им фрагментов текста. Он, например, привел только первую часть фразы, которая выше обозначена нами [1]. С помощью таких умолчаний Хрущев нарочито представил в ложном свете и остальные цитаты. Вот отрывок, выпущенный Хрущевым: «В своем интервью немецкому писателю Людвигу, где он отмечает великую роль гениального Ленина в деле преобразования нашей Родины, Сталин просто заявляет о себе:

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с. 157—158.

"Что касается меня, то я только ученик Ленина, и моя цель — быть достойным его"».

В отрывке [1] — там, где стоит многоточие, — Хрущев выбросил вписанные Сталиным фамилии многих видных партийных руководителей. Вот как фрагмент выглядит целиком (выкинутая Хрущевым часть выделена полужирным курсивом): «В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии в составе Сталина, ***Молотова, Калинина, Ворошилова, Куйбышева, Фрунзе, Дзержинского, Кагановича, Орджоникидзе, Кирова, Ярославского, Микояна, Андреева, Шверника, Жданова, Шкирятова и других...»***

Что касается отрывка [3], тут все ясно и без обращения к первоисточнику: Сталин потому так отредактировал текст, где его заслуги приравниваются к ленинским, чтобы всем и каждому стало ясно: он только ***продолжатель*** дела Ленина.

Авторство фрагментов [4] и [5] Хрущев приписывает Сталину. Но такое утверждение ошибочно. Оба отрывка принадлежат перу генерал-майора М.Р.Галактионова — истинного автора всего раздела биографии, посвященного войне. Акцентируя внимание на этом факте, Л.В.Максименков подчеркивает: «Вопреки обвинению, выдвинутому Хрущевым, Сталин, редактируя текст, систематически снижал его торжественно-экспрессивный характер. Так, бюрократически-псевдодемократическое "товарищ Сталин" первоначально звучало как "генералиссимус Сталин", "учение" ("о постоянно действующих факторах") было заменено Сталиным на "положение", а "бессмертные образцы военного оперативного искусства" стали "выдающимися"»[1].

Леонид Максименков, опираясь на публикуемую им запись беседы Сталина с авторами второго (послевоенного) издания «Краткой биографии», очень подробно рассматривает все высказанные тогда критические замечания. Из первоисточника следует, что самое первое из отданных Сталиным распо-

[1] Л.В.Максименков. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // *Свободная мысль.* 1993, № 10. См. также: http://www.situation.ru/app/j_artp_677.htm.

ряжений касалось подготовки новой и подробной биографии Ленина — факт, о котором не упоминалось ни в годы хрущевской «оттепели», ни в период горбачевской «гласности».

Дополнительно скажем, что Сталин жестко критиковал авторов «Краткой биографии» за «эсеровский подход», проявившийся в воздании ему непомерных похвал, и бросил им упрек за «воспитание идолопоклонников». Сталин отверг все восхваления, связанные с приписываемыми ему учениями, вместо этого отдавая должное теоретическим заслугам Ленина.

Максименков приходит к выводу, что Хрущев грубо исказил характер сталинских поправок к «Краткой биографии», и обращает внимание, что и сочинители периода «оттепели», и авторы позднейших лет не стали вносить должные коррективы в концепцию, заложенную «закрытым докладом». В других фрагментах, выправленных по настоянию Сталина, речь шла о важной роли женщин в революции и жизни советского общества.

Просматривая в 1998 году личные бумаги В.Д.Мочалова, одного из участников работы над «Краткой биографией», Р.И.Косолапов обнаружил рукописные записи двух встреч со Сталиным, посвященных обсуждению его краткой биографии. Найденные материалы вошли в подготовленный Косолаповым сборник «Слово товарищу Сталину»[1].

Ричард Косолапов — почитатель Сталина и член одной из неокоммунистических партий современной России. Но именно эта его работа несколько раз цитируется в сносках к недавней биографии Сталина, написанной Робертом Сервисом. Словом, и нам не должно возбраняться использование одного из документов из сборника Косолапова. С выдержкой из записей Мочалова, где Сталин осуждает возвеличение роли своей личности, можно познакомиться в приложении к главе.

«История ВКП(б). Краткий курс»

Хрущев: «Известно, что над созданием "Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)" работала комиссия Центрального комитета партии... И это по-

---

[1] Слово товарищу Сталину./ Сост. Р.И.Косолапов. — М.: ЭКСМО, 2002, с.451—476.

ложение было отражено в макете "Краткой биографии" Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает "Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)"».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

"В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)"

Что же тут еще больше скажешь?

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?»[1].

Кажется, никто кроме Хрущева не утверждал, что Сталин самолично приписал себе заслуги в создании «Краткого курса». Молотов, например, припоминая, что, по-видимому, одна из глав книги была все же написана Сталиным, решительно заявил, что сам Сталин никогда не говорил, что «Краткий курс» написан именно им.

Как бы то ни было, но в действительности указание на авторство «Краткого курса» впервые появилось в самом первом издании «Краткой биографии» Сталина (1940),— книги, к которой, как показано цитировавшимся выше Максименковым, Сталин не имел прямого, документально подтверждаемого авторского или редакторского отношения.

Максименков поясняет: «Занятый руководством советско-финской "зимней" войной, он *(Сталин. — Г.Ф.)* устранился от редактирования книги... 14 декабря 1939 года, за неделю до шестидесятилетнего юбилея Сталина, на имя вождя был отправлен макет Биографии-1 *(т.е. первого издания «Краткой биографии». — Г.Ф.)* с сопроводительным письмом Митина и

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.158—159.

Поспелова: "Дорогой товарищ Сталин. Посылаем проект Вашей «Краткой биографии», подготовленной ИМЭЛом[1] совместно с Управлением пропаганды и агитации. Просим просмотреть эту работу и дать Ваши указания о возможности ее публикации". Сталин подчеркнул весь текст сопроводительной записки и написал поперек страницы карандашом: "Некогда «просматривать». Вернуть в «ИМЭЛ». И.Сталин"»[2].

Фраза о роли Сталина в создании «Краткого курса» не была вписана им самим и о себе, а принадлежит перу одного из многих авторов и редакторов, трудившихся над книгой. И здесь Хрущев солгал.

Остается лишь выяснить: какова истинная роль Сталина в создании «Краткого курса»?

В одном из своих очерков Рой Медведев, далеко не симпатизирующий Сталину, пишет о нем как о "главном авторе «Краткого курса»"[3]. Историк отмечает, что хрущевские обвинения Сталина чуть ли не в плагиате совершенно безосновательны, и в доказательство сказанного ссылается на публикацию в журнале «Вопросы истории» машинописных текстов со сталинской правкой и ряда других помещенных там материалов[4].

Несмотря на очевидные пробелы и неполноту выявленных первоисточников, все они, по мнению Медведева, не оставляют сомнений в том, что работа над «Кратким курсом» шла под руководством и при активном участии Сталина как одного из главных авторов учебника.

Хрущев уверял: Сталин не имел права писать о самом себе как об авторе «Краткого курса», ибо он им, дескать, никогда и не был. В действительности Сталин имел все основания сказать, что он один из основных авторов «Краткого курса», но нигде и ни перед кем не выпячивал этого. (Даже один

---

[1] Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

[2] Л.Максименков. Культ. Заметки... См.: http://www.situatiori.ru/app/j_artp_677.htm.

[3] Рой Медведев. *Что читал Сталин? Люди и книги. Писатель и книга в тоталитарном обществе.* — М.: Права человека, 2005, с.217—232.

[4] И.В.Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Публикация, комментарии и вступительная статья М.В.Зеленова. // *Вопросы истории.* 2002, №11, 12; 2003, № 3,4.

из ближайших его соратников, Молотов, в точности не знал, как много написано Сталиным, полагая, что его перу принадлежит только часть главы о диалектике, поскольку ее они когда-то обсуждали.) В данном случае Хрущев перещеголял сам себя: он не просто солгал, а выплеснул потоки лжи на головы несчастных делегатов, внимавших «закрытому докладу» на XX съезде КПСС.

Сталинская подпись на постановлении от 2 июля 1951 года о сооружении скульптуры в свою честь

Хрущев: «Это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волго-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди»[1].

Нет, это не факт, ибо все рассказанное Хрущевым известно только с его слов. Относящиеся к делу источники никогда не публиковались, и нет свидетельств, что кому-либо удалось познакомиться с ними. Между тем и сам Хрущев не говорит, будто именно Сталин ***предложил*** или ***внес на рассмотрение*** проект соответствующего постановления, а следовательно, следует считать, что он этого никогда не делал.

Как следует из записей в журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина, 2 июля 1951 года он действительно проработал 1 час и 45 минут. Президиум ЦК собрался 26 июня, а заседание бюро Совета министров СССР, куда входили Берия, Булганин, Каганович, Микоян, Молотов и сам Хрущев, состоялось с участием Сталина **с** 21:30 до 23:15[2]. Таким образом, ***возможно,*** он и подписал постановление Совета министров, если, конечно, оно действительно рассматривалось в тот день.

Но здесь важно отметить: сам факт подписи Сталина мало что значил в те годы. 16 февраля 1951 года Политбюро приняло решение, согласно которому в отсутствие Сталина засе-

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.159.

[2] Исторический архив. 1997, № 1, с.24.

дания Президиума Совета министров должны были проводиться под председательством трех зампредов СМ СССР поочередно, а вместо заверяющей подписи главы государства (т.е. Председателя Совмина) — следовало использовать резиновый штемпель со сталинским факсимиле. Подлинник решения ЦК ВКП(б) и штемпели в 2003 году экспонировались в Москве на выставке «1953 год. Между прошлым и будущим».

Итак, Сталин больше не подписывал «постановлений и распоряжений Совета министров СССР», однако они продолжали выходить с утверждающей подписью даже в его отсутствие. Такая практика получила распространение с февраля 1951 года, поэтому логично предположить, что в июле того же года она еще не отошла в прошлое. Так или иначе, без знакомства с подлинниками документов мы не можем сказать наверняка, действительно ли Сталин лично заверил эти документы.

Что касается распоряжения от 4 сентября 1951 года, маловероятно, что его готовил сам Сталин. С 10 августа 1951 года и вплоть до 11 февраля 1952 года он не заходил в свой рабочий кабинет в Кремле, находясь в «отпуске», вероятно, по состоянию здоровья, и приступил к исполнению своих обязанностей только 12 февраля[1].

Но главное, — о чем Хрущеву было хорошо известно, — Сталин к тому времени проявлял политическую активность лишь от случая к случаю. В июне 1953 года многие члены Политбюро, включая Хрущева, отмечали, что в последние годы Сталин не мог работать с полной отдачей сил[2]. Именно об этом сам Сталин заявил на Пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 года: «Я уже стар. Бумаг не читаю»[3].

Как явствует из журнала посетителей кремлевского кабинета Сталина, его загруженность работой стала уменьшаться

---

[1] Исторический архив. 1997, №1, с.25. С соответствующими страницами журнала посетителей можно познакомиться в: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/istarkh_197.pdf.

[2] См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы.— М.: МФД, 1999, с.170 (Микоян), с. 236 (Хрущев), с. 274 (Каганович), с. 334 (Ворошилов).

[3] «В чьи руки вручим эстафету нашего великого дела?» Неопубликованная речь И.В.Сталина на Пленуме Центрального комитета КПСС 16 октября 1952 года (по записи Л.Н.Ефремова). // Советская Россия. 2000, 13 января. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinoctl652.pdf, а также http://wwvv.kprf.ru/analytics/10828.shtml.

с февраля 1950 года. Исходя из сведений источника, Сталин работал 73 дня в 1950 году, и лишь 48 дней — в 1951-м и 45 дней — в 1952-м[1].

Так что крайне сомнительно, что распоряжение от 4 сентября 1951 года было подписано самим Сталиным. А что касается его подписи на постановлении от 2 июля 1951 года, нам о ней ничего не известно.

Но и в случае подлинной сталинской подписи на документе, а не отпечатка с резинового штемпеля, проставленного по решению Политбюро, — все это не имеет большого значения. Ведь даже Хрущев не отважился утверждать, что инициатива в сооружении памятника принадлежала самому Сталину.

Дворец Советов

Хрущев: «Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить»[2].

В недавно опубликованной статье об истории архитектурных планов, конкурсов и причинах окончательного отказа от сооружения Дворца Советов М.Волченков со ссылкой на «закрытый доклад» показывает: хрущевские заявления по этому вопросу явным образом расходятся с истиной. При Хрущеве Дворец тоже не был построен, а на месте огромного котлована, в конце концов, /«вырос» плавательный бассейн «Москва». Комитет, отвечавший за строительство, вскоре переключился на сооружение других зданий.

Иными словами, от планов строительства Дворца Советов отказался не Сталин, а его преемники.

---

[1] Ю.Н.Жуков. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков.* — М.: ТЕРРА, 2000, с.549. См.: Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. // *Исторический архив.* 1997, № 1, с.24—25. См также: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/istarkhl97.pdf.

[2] О культе личности... // Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с.159.

Хрущев: «Возьмем вопрос о Сталинских премиях. Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем...

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года "Об учреждении премий В.И.Ленина за научные работы". Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить»[1].

Большинству делегатов XX съезда было известно, что и здесь Хрущев говорит неправду. Ленинские премии присуждались с 1925 по 1934 год за выдающиеся достижения в области науки, технологии, литературы, искусства и архитектуры. Точно не известно, почему присуждение этих премий прекратилось[2]. Но никто, кажется, не винил в том Сталина.

С 1930 года и вплоть до распада Советского Союза наивысшей из государственных наград СССР оставался орден Ленина, который вручался за особо выдающиеся заслуги в самых разных областях. Предлагалось учредить и орден Сталина, но такие попытки дважды были пресечены самим Сталиным. Конечно, Хрущев тоже знал об этом.

Что касается Сталинских премий, первоначально идея «придать премиям имя Сталина» высказана была в 1933 году в одном из писем Максима Горького. Но тогда против этого предложения резко выступил сам Сталин, хотя поддержал все остальные соображения знаменитого писателя.

К мысли о вручении премий имени Сталина вернулись в ознаменование его 60-летия в декабре 1939 года[3]. Нет ни-

---

[1] Там же.

[2] Приостановка, а затем прекращение выдачи Ленинских премий была, по-видимому, связана с прекращением деятельности Коммунистической академии, при которой была создана соответствующая комиссия по Ленинским премиям. Вопрос о ликвидации Комакадемии «ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий, Академии наук и Коммунистической академии», рассматривался с начала 1935 года, т.е. времени, когда выдача премий прекратилась.

[3] Постановление Совнаркома СССР от 20 декабря 1939 года об учреждении премии и стипендии им. Сталина подписано Председателем СНК В.М.Молотовым и управляющим делами СНК М.Д.Хломовым (*Правда*. 1939,21 декабря). Поскольку

каких сведений, что свое название премии получили по инициативе Сталина. Хорошо известно другое: Сталинские премии стали присуждаться не вместо Ленинских; они были учреждены, когда в СССР не было вообще ***никаких*** ежегодных премий в области науки и искусства. А следовательно, противопоставление Ленинской и Сталинской премий, вообще говоря, необходимо признать некорректным.

вручение премий в области художественной литературы и критики первоначально не предусматривалось, в начале 1940 года было принято дополнительное постановление «Об учреждении премий имени Сталина по литературе», также подписанное Молотовым и Хломовым *(Правда.* 1940, 2 февраля). См.: http://feb-web.ru/feb/sholokh/critics/nos/nos-486-.htm.

ГЛАВА 9

СТАЛИН: ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ У ВЛАСТИ

Предложение Сталина повысить налог на колхозы. Сталинское недовольство Постышевым. «Дезорганизация» работы Политбюро. Сталин подозревал, что Ворошилов —«английский шпион»? «Разнузданный произвол» в отношении Андреева. «Необоснованные» обвинения Молотова и Микояна. Расширение состава Президиума ЦК

Предложение Сталина повысить налог на колхозы

Хрущев: «При рассмотрении этого проекта *(заготовительных цен на продукты животноводства.— Г.Ф.)* Сталин внес предложение повысить налог на колхозы и колхозников еще на 40 миллиардов рублей, так как, по его мнению, крестьяне живут богато, и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться по государственному налогу.

Вы только подумайте, что это означало? Ведь 40 миллиардов рублей — это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили за всю сданную и проданную ими государству продукцию 26 миллиардов 280 миллионов рублей.

Разве такое предложение Сталина основывалось на каких-то данных? Конечно, нет. Факты и цифры в таких случаях его не интересовали»[1].

По уверениям Хрущева, проблемы налогообложения рассматривались Сталиным в феврале 1953 года, т.е. совсем незадолго до смерти вождя. Но никому так и не удалось записать

---

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.161.

мнение Сталина по данному вопросу. И лишь Хрущеву довелось услышать то, что не удалось больше никому другому...

В самый первый раз Хрущев вспомнил о предполагаемом увеличении налога на июльском (1953) Пленуме ЦК, целиком посвященном «делу Берии». Тогда же Микоян и Молотов тоже назвали цифру в 40 миллиардов рублей, но вслед за Хрущевым. Причем оба упомянули ее в контексте, не оставляющем сомнений, что до хрущевской речи им ничего не было о ней известно.

Микоян, выступивший на октябрьском (1952) Пленуме ЦК против дополнительных налогов на крестьянство, вспоминает лишь то, что Сталин однажды заговорил о сдаче «лишней курицы». Но сам же признается, что большего не слышал, т.к. вопрос обсуждался в его отсутствие. Но о 40 млрд. Микоян не написал в своих воспоминаниях ни слова[1].

Сталинское недовольство Постышевым

Хрущев: «Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался репрессиям. В этом отношении характерна история с Т.Постышевым. В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос:

— Кто вы такой?

Постышев *твердо* заявил с присущим ему окающим акцентом:

— Большевик я, товарищ Сталин, большевик!

И это заявление было расценено сначала как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, объявленного без всяких к тому оснований "врагом народа"»[2].

Как уже отмечалось, Постышев был исключен из списка кандидатов в члены Политбюро и из партии, затем арестован и в конце концов осужден и расстрелян за проведение повальных репрессий среди ни в чем не повинных членов партии. Хрущев присутствовал на том Пленуме (январь 1938 года) и потому не мог не знать, что именно стало первопричиной

---

[1] См.: А.И.Микоян. *Так было.* — М.: Вагриус, 1999, гл. 46, с.559—568.

[2] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.162—163.

нареканий в адрес Постышева. Поэтому Хрущев, конечно же, лгал, утверждая, что приговор вынесен Постышеву «без всяких к тому оснований».

Но, по всей вероятности, он лгал и про то, что такая беседа вообще состоялась. Рассказ о словопрениях между Постышевым и Сталиным мы находим только в «закрытом докладе» Хрущева и в его же подготовительных «диктовках» к речи на XX съезде. И только.

Кажется, больше никому не посчастливилось оказаться свидетелем подобного разговора. Ничего не говорится о нем и в воспоминаниях самого Хрущева, хотя многие страницы там посвящены Постышеву.

Как отмечают Гетти и Наумов, нет никаких свидетельств, удостоверяющих наличие трений между Сталиным и Постышевым до январского Пленума 1938 года. Как говорилось ранее, именно на нем Постышев был выведен из числа кандидатов в члены Политбюро и вскоре после того арестован. Таким образом, хлесткий «обмен мнениями» между Сталиным и Постышевым, — если таковой состоялся, — мог произойти только в дни январского Пленума ЦК.

Борис Николаевский и ряд других комментаторов «закрытого доклада» полагают, что упомянутый Хрущевым разговор произошел годом раньше —в дни февральско-мартовского (1937) Пленума ЦК. Такое мнение основано на одном из утверждений все того же доклада, где говорится, что Постышев открыто выступил против Сталина. Между тем довольно объемистая стенограмма Пленума без пропусков и купюр была опубликована в 1992—1995 годах. И, как случалось не раз, тогда же выяснилось, что Хрущев здесь снова солгал: в стенограмме выступления Постышева на февральско-мартовском Пленуме нет даже намека на критику Сталина. Не было на том Пленуме и пресловутого обмена колкими репликами.

Что касается стенограммы январского (1938) Пленума, она известна лишь в отрывках, хотя некоторым из историков удалось познакомиться с полным тестом всех его заседаний. Тем не менее никто из исследователей-архивистов специально не отмечал, что описанный Хрущевым диалог состоялся в ходе январского Пленума. Таким образом, весьма вероятно, что и здесь Хрущев сказал неправду. Только нельзя быть до конца уверенным.

Даже если Сталин говорил что-то подобное, его слова, разумеется, не могли стать причиной для ареста Постышева, последующего суда над ним и вынесения ему смертного приговора. Постышев понес суровое наказание не из-за пререканий со Сталиным, а за вопиющее по масштабам избиение партийных кадров. Вне зависимости от того, высказывал ли Сталин недовольство Постышевым в таких выражениях, — а здесь самое время напомнить, что кроме самого «закрытого доклада» тому нет никаких подтверждений, — Хрущев все равно лгал, когда указывал причины, будто бы предопределившие участь Постышева.

Зачем, вообще, Хрущеву понадобилось говорить об этом? Надо полагать, ему нужно было своеобразное «алиби» для тех, кто работал со Сталиным на протяжении многих лет.

Многие делегаты, вероятно, задались бы вопросом: почему ближайшие соратники Сталина не осудили его за «преступления», обвинения в которых выдвинул Хрущев? Почему, зная обо всем, они не сделали ничего, чтобы остановить Сталина? Хотя предложенное Хрущевым объяснение выглядит явно неубедительным, никакого иного ответа он дать не смог: «Нас убили, если бы протестовали. Посмотрите, что случилось с Постышевым только за напоминание, что он большевик!»

«Дезорганизация» работы Политбюро

Хрущев: «Серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых "пятерок", "шестерок", "семерок", "девяток". Вот, например, решение Политбюро от 3 октября 1946 года:

"Предложение тов. Сталина.

1. Поручить Комиссии по внешним делам при Политбюро (шестерке) заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой.

Секретарь ЦК — И.Сталин".

Что это за терминология картежника? *(Смех в зале.)* Ясно, что создание подобных комиссий — "пятерок", "шестерок", "семерок" и "девяток" внутри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов»[1].

Даже такой враждебно настроенный к Сталину автор, как Эдвард Радзинский, признает: Хрущев говорит здесь неправду. Подкомиссии внутри Политбюро — лишь один из способов распределения нагрузки среди его членов. В самом принципе нет ничего нового или зазорного, и «узкие составы» внутри Политбюро тоже не были изобретением сталинского времени.

Разумеется, о «принижении» или «дезорганизации» Сталиным роли Политбюро в данном случае не может быть и речи.

Сталин подозревал, что Ворошилов — «английский шпион»?

Хрущев: «В результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом. *(Смех в зале.)* Да, английским агентом»[2].

В своих мемуарах Хрущев пересказывает множество слухов, которые, как он уверяет, были известны только очень узкому кругу лиц. Его рассказ, долженствующий проиллюстрировать «крайнюю мнительность и подозрительность» Сталина, как раз один из таких случаев: кроме самого Хрущева рассказанная им история ничем больше не подтверждается.

О ней нет упоминаний даже в мемуарах Микояна — книге, где прозорливый читатель сможет легко отыскать множество ложных «воспоминаний», иначе говоря, случаев, которых не было в действительности (вроде обсуждения Сталиным никогда не существовавшего послания чехословацкого президента Э.Бенеша об измене маршала Тухачевского[3]). Поэтому, появись рассказы такого сорта у Микояна или какого-то другого мемуариста, у нас все равно оставались бы закон-

1 О культе личности... // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с. 163.

2 Там же.

3 А.И.Микоян. *Так было.* С.553.

ные основания отнестись к ним с большим сомнением. Так или иначе, но про «агента» Ворошилова нет ни слова даже в микояновских воспоминаниях.

«Разнузданный произвол» в отношении Андреева

Описанные до конца главы события имеют прямое отношение к октябрьскому Пленуму ЦК 1952 года, состоявшемуся сразу после XIX съезда КПСС.

Хрущев: «Сталин единолично отстранил также от участия в работе Политбюро и другого члена Политбюро, Андрея Андреевича Андреева.

Это был самый разнузданный произвол»[1].

Строго говоря, мы точно не знаем, что именно сказал Сталин на октябрьском (1952) Пленуме ЦК КПСС, поскольку официальный стенографический отчет до сих пор не предан огласке (по словам Микояна, речи Сталина и других выступавших на Пленуме не стенографировались). Достоверно известно только одно: сразу после смерти Сталина новое партийное руководство приложило недюжинные усилия, чтобы не только пересмотреть основные его решения, но и вообще стереть о них какую-либо память.

Поэтому ***официальная*** причина невключения Андреева в новообразованный (из прежнего Политбюро) Президиум ЦК КПСС в точности не известна. Но у нас есть достаточно иных оснований, чтобы утверждать: Хрущев здесь тоже лжет. И вот почему.

Андреев лишился своего поста в Совете министров 15 марта 1953 года, т.е. спустя 10 дней после смерти Сталина[2]. Что ж, если удаление Андреева из Президиума ЦК КПСС считать актом «разнузданного произвола», как тогда расценить принятое Хрущевым, Маленковым и Берией решение не восстанавливать его в Президиуме ЦК, а вдобавок отстранить еще и от работы в Совмине? Наконец, почему, не считаясь с допущенной ранее несправедливостью, та же правящая «тройка» тем же решением перевела Андреева на откровенно декоративную должность в Президиуме Верховного Совета СССР?

---

[1] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС*. 1989, № 3, с.164.

[2] См.: www.hrono.ru/biograf/andreev_aa.html.

Ответ достаточно прост. Как следует из неофициальной записи выступления Сталина на октябрьском Пленуме 1952 года, Андреев не получил назначения в Президиум ЦК КПСС из-за своей почти полной глухоты[1]. Присутствовавший на Пленуме писатель Константин Симонов сообщает о чем-то подобном[2]. Каких-то иных свидетельств, упоминающих Андреева и оставленные очевидцами события, больше нет. Но из двух имеющихся недвусмысленно следует, что, по предложению Сталина, Андреева не включили в состав членов и кандидатов Президиума ЦК из-за проблем со здоровьем.

Таким образом, даже в отсутствие официальной стено¬граммы Пленума нетрудно убедиться, что Хрущев лгал. Андреев был отстранен от работы в Президиуме ЦК КПСС отнюдь не вследствие «разнузданного произвола» со стороны Сталина.

«Необоснованные» обвинения Молотова и Микояна

Хрущев: «А возьмите первый Пленум ЦК после XIX съезда партии, когда выступил Сталин и на Пленуме давал характеристику Вячеславу Михайловичу Молотову и Анастасу Ивановичу Микояну, предъявив этим старейшим деятелям нашей партии ничем не обоснованные обвинения.

Не исключено, что если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы»[3].

Из всего, что известно об октябрьском (1952) Пленуме от малого числа очевидцев, оставивших о нем свои письменные свидетельства, с полной уверенностью можно утверждать только одно: выступая, Сталин подверг критике Молотова и Микояна.

---

[1] «В чьи руки вручим эстафету нашего великого дела?» Неопубликованная речь И.В.Сталина на Пленуме Центрального комитета КПСС 16 октября 1952 года (по записи Л.Н.Ефремова). // *Советская Россия.2000,* 13 января. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinoctl652.pdf. а также http://www.kprf.ru/analytics/10828.shtmL

[2] К.М.Симонов. Глазами человека моего поколения. — М.: Новости, 1988, с.246.

[3] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.164.

Вот эти немногочисленные свидетельства: воспоминания А.И.Микояна «Так было» и Д.Т.Шепилова «Непримкнувший», мемуарно-публицистическая книга писателя Константина Симонова «Глазами человека моего поколения» и, наконец, краткая запись выступления Сталина, сделанная Л.Н.Ефремовым. Микоян, конечно, был «ветераном» ЦК, а трое остальных — его новыми членами. За исключением записи Ефремова, точная дата составления которой неизвестна, все другие свидетельства появились спустя многие годы после самих событий.

Чтобы понять, говорил ли Хрущев правду, нам нужно разобраться со следующим:

- во-первых, истинно ли, что обвинения, выдвинутые Сталиным против Молотова и Микояна, были «ничем не обоснованы»;

- во-вторых, верно ли, что Молотов и Микоян не выступали бы на XX съезде, если бы Сталин продолжал находиться у власти.

Источники говорят об этом так.

По словам Шепилова, критике Молотова в речи Сталина он отвел всего несколько абзацев. Еще меньше места в его воспоминаниях отведено критическим замечаниям о Микояне. Последний, как отмечает Дмитрий Трофимович, выступил с возражениями, но, не удержавшись, набросился на Молотова, обвинив его в тесной связи с недавно расстрелянным Вознесенским, что, по словам Микояна, следовало расценивать как ***«страшный криминал».*** Но сам Шепилов не считал, что сталинские обвинения носили необоснованный характер или таили в себе угрозу жизни или свободе для Молотова и Микояна. Про речь Сталина на Пленуме Шепилов вспомнил лишь затем, чтобы пояснить, почему в 1952 году ни тот, ни другой не попали в состав нового Бюро Президиума.

Симонов в очень краткой записке, посвященной Пленуму и написанной в марте 1953 года, оставил без внимания прозвучавшие в речи Сталина обвинения Молотова и Микояна, сделав акцент на его настойчивых призывах к ленинской твердости и бесстрашию. В более развернутых воспоминаниях, появившихся в 1979 году, Симонов припомнил, сколь яростной критике подвергся Молотов, и поделился своими смутными впечатлениями, что в основе обвинений, предъявленных ему и Микояну, лежала их общая предрасположенность к «капиту¬

лянтству». Как утверждает Симонов, Микоян тоже подвергся суровой проработке, но восстановить в памяти, за что именно, писатель не смог. По словам Симонова, Молотов и Микоян взяли слово, чтобы дать ответ на прозвучавшую в их адрес критику, что, заметим по ходу дела, опровергает другое заявление Хрущева, в соответствии с которым Сталин-де требовал от всех «безоговорочного подчинения своему мнению». Симонов полагал, что критика Молотова и Микояна (независимо от причин ее появления) понадобилась, чтобы оправдать их отсутствие в составе нового Бюро Президиума.

В мемуарах Микояна, написанных тоже годы спустя, говорится, что Сталин осудил Молотова за промахи во внешнеполитической деятельности, а также Молотова и самого автора воспоминаний — за допущенные ими ошибки во внутренней политике. В мемуарах Микояна Сталин предстает строгим, но уважительным критиком. Посему мемуарист даже не упоминает, что, услышав речь Сталина, был напуган обвинениями в свой адрес.

В записи Ефремова Сталин порицает отдельные поступки Молотова и Микояна, но его критические суждения тоже не выглядят как угроза.

В весьма пространных мемуарах Хрущев отводит октябрьскому (1952) Пленуму всего несколько строк, но не говорит там о какой-либо опасности для Микояна или Молотова.

Но что можно сказать о правдивости утверждений Хрущева? Обвинения, или, лучше сказать, критику Молотова и Микояна в речи Сталина нельзя считать «ничем не обоснованной». Правда, что в ее основе могли быть ошибочно истолкованные обстоятельства, но только не отсутствие обстоятельств как таковых. Здесь мы скорее имеем дело с различиями в политических взглядах между Сталиным и двумя другими членами Политбюро.

Вообще, хрущевское заявление, что, дескать, проживи Сталин еще немного, «не исключено», что Молотов и Микоян не выступали бы на XX съезде, нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Зато легко показать иное: основанная лишь на догадках версия Хрущева не согласуется с тем, что Сталин делал и что говорил на XIX съезде партии. Микоян и Молотов, хотя и не были избраны в очень узкий состав Бюро Президиума, все же вошли как в ЦК, так и в его Президиум (25 членов). Их непо¬

падание в Бюро, конечно же, не означало, что они тем самым теряют возможность выступить на следующем съезде КПСС.

Увы, состояние источниковой базы не позволяет доказать, что Хрущев солгал и здесь. Но в то же время нет никаких оснований принимать такого рода домыслы просто на веру.

Расширение состава Президиума ЦК

Хрущев: «Сталин, видимо, имел свои планы расправы со старыми членами Политбюро. Он не раз говорил, что надо менять членов Политбюро. Его предложение после XIX съезда избрать в Президиум Центрального комитета 25 человек преследовало цель устранить старых членов Политбюро, ввести менее опытных, чтобы те всячески восхваляли его. Можно даже предполагать, что это было задумано для того, чтобы потом уничтожить старых членов Политбюро и спрятать концы в воду по поводу тех неблаговидных поступков Сталина, о которых мы сейчас докладываем»[1].

Хрущев здесь лгал, поскольку нет вообще никаких доказательств, которые могли бы подкрепить его заявление. Естественно, не подтверждается оно и сохранившимися письменными свидетельствами очевидцев тех событий. Так, согласно записи Ефремова, Сталин, выступая на Пленуме, предельно ясно выразил мысль о причинах избрания Президиума в расширенном (по сравнению с прежним Политбюро) составе. Сам 40-летний Ефремов был особенно тронут словами Сталина о необходимости пополнения руководящих рядов партии силами энергичных и более молодых работников: не случайно, что в ефремовской записи именно этой части отведено довольно много места.

---

[1] Там же.

ГЛАВА 10

ПОСЛЕДСТВИЯ ХРУЩЕВСКИХ «РАЗОБЛАЧЕНИЙ». ФАЛЬШИВЫЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

Тивель. Постышев. Косарев. Рудзутак. Кабаков. Эйхе

В своей речи на XX съезде Хрущев доложил о работе «партийной комиссии Президиума ЦК», которая, по его словам, выяснила следующее: «Многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937—1938 годах "врагами", в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т.п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами»[1]. Затем докладчик перешел к обсуждению уголовных дел на некоторых лиц, чья невиновность, по его словам, полностью установлена.

Документы комиссии, во главе которой стоял П.Н.Поспелов, были опубликованы после распада Советского Союза. Почти одновременно были преданы гласности подписанные Генеральным прокурором СССР Р.А.Руденко реабилитационные справки, которыми пользовался Поспелов. Одни и те же цитаты и другие совпадения убеждают, что именно реабилитационные материалы послужили основой для поспеловского доклада.

Доклад комиссии Поспелова обсуждался несколько раз, но в атмосфере, не отличающейся строгой взыскательностью, вот почему вопрос о выявлении там каких-либо фальсификаций даже не возникал. Некоторые из содержащихся там передержек очевидны. Так, в одном из разделов доклада его ав-

[1] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов.Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.136—137.

торы приходят к выводу, что т.н. «блоки» и «центры» оппозиционной деятельности, дескать, представляют собой плоды фальсификаций следователей из НКВД. Но, как теперь известно, такое утверждение безосновательно, поскольку в личном архиве Троцкого выявлены документы, подтверждающие существование в СССР оппозиционного «блока» троцкистов и «правых»[1].

Так или иначе, реабилитационные материалы как таковые еще никогда не становились темой для научно-исторических исследований. Все предыдущие работы на указанную тему — например, труды В.З.Роговина и В.П.Наумова — опирались исключительно на цитаты из «закрытого доклада», краткий пересказ воспоминаний Хрущева и на полные безудержного бахвальства свидетельства, оставленные тем же самым автором[2].

Ниже обсуждаются реабилитационные материалы на некоторых партийных руководителей, чьи имена были названы в «закрытом докладе» Хрущева, а содержание этих справок, постановлений сравнивается со сведениями из источников, опубликованных в постсоветский период. Как следует из таких сопоставлений, реабилитационные материалы не ставили своей целью выяснить правду о виновности или невиновности тех или иных репрессированных лиц. Да и могло ли быть иначе? Ведь даже известные нам свидетельства там вообще не рассматривались. И как знать, какие еще сведения скрываются в архивно-следственных делах, содержание которых мы пока не знаем?

---

[1] Там же. С.322—323. See J. Arch Getty, «Trotsky in Exile: The Founding of the Fourth International», Soviet Studies 38, No. 1 (January 1986), p. 28 & notes 18—21, p. 34; Pierre Broue, «Trotsky et le bloc des oppositions de 1932», Cahiers Leon Trotsky 5 (January—March 1980), p.5—37.

[2] В.П.Наумов. «К истории секретного доклада Н.СХрущева на XX съезде КПСС» // *Новая и новейшая история.* 1996, № 4, см. также: http://vivovoco.nns.ru/VY/PAPERS/HISTORY/ANTIST.HTM: «Приложение 1: Из истории разоблачения сталинских преступлений» в книге: В.З.Роговин. *Партия расстрелянных.* — М., 1997. См. также: http://web.mit.edu/people/fjk/Rogo\in/volume5/pi.html. Роговин наивно повторяет изложенную Хрущевым версию событий, которая, как очевидно, предназначена для обслуживания его собственных интересов. Наумов чуть более критически настроен к заявлениям Хрущева и мемуарам Микояна, но и он не подвергает сомнению правдивость того, что случилось, включая подготовку материалов по реабилитации.

Возникает вопрос: зачем вообще готовились реабилитационные справки? Если говорить о членах ЦК, упомянутых в докладе, единственное разумное объяснение состоит в необходимости вооружить Хрущева такими внешне правдоподобными материалами, чтобы его заявления о невиновности тех или иных лиц не выглядели голословными.

Но в отношении менее крупных служащих, членов партии более низкого звена и многих-многих простых людей реабилитационные справки готовились по совершенно иным причинам. Если не все, то большая их часть появилась в ответ на обращения родственников репрессированных, и лишь единичные примеры таких письменных ходатайств преданы сегодня огласке.

Однако и здесь нет полной уверенности, что рассмотрение вины или невиновности таких лиц проводилось сколько-нибудь надлежащим образом. Вот один из красноречивых примеров.

А.Ю.Тивель

Американский исследователь Дж.А.Гетти получил доступ и опубликовал краткое описание материалов из персонального партийного дела Александра Юльевича Тивель-Левита, расстрелянного по приговору суда в 1937 году. В мае 1957 года Верховный суд СССР отменил приговор в отношении Тивеля, и он был восстановлен в партийных рядах. Тем не менее в партийном досье никаких следов рассмотрения уголовного дела Тивеля не оказалось: там лишь указывается, что вынесенный ему приговор основан на противоречивых и вызывающих сомнение материалах.

С другой стороны, есть множество иных сведений о Тивеле. Из них тотчас выясняется: кого-кого, а Тивеля никак нельзя считать «обыкновенным советским обывателем», как его почему-то назвал Гетти[1]. Тивель работал секретарем у Зиновьева; в соавторстве Тивель написал книгу, которая стала официальной историей Коминтерна за первые 10 лет существования этой организации; наконец, главные из фигур на втором по-

---

[1] J. Arch Getty and Oleg V.Naumov. *The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939.* (Yale University Press, 1999), p.1.

казательном процессе (январь 1937 года) Юрий (Георгий) Пятаков и Григорий Сокольников указали на Тивеля как на одного из известных им заговорщиков. Причем, по показаниям Сокольникова, ***с ним самим*** Тивель установил личные связи как участник троцкистской группы, которая готовила убийство Сталина:

«**Сокольников:** В 1935 году ко мне пришел Тивель и сообщил, что он связан с террористической группой Закса-Гладнева. Тивель спрашивал указаний о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина. .. Я был связан с Тивелем непосредственно, Тивель был непосредственно связан с группой Закса-Гладнева. Был ли Тивель сам членом этой группы, я не знаю»[1].

И еще. Упомянутый здесь Закс-Гладнев тоже работал в издательстве и приходился Зиновьеву зятем (мужем сестры). Виктор Серж описал встречу с Зиновьевым, которая происходила в 1927 году на квартире Закса как раз после провала троцкистской демонстрации против тогдашнего партийного руководства (т.е. Сталина и Бухарина) и в связи со смертью убежденного троцкиста Адольфа Иоффе, покончившего счеты с жизнью из чувства протеста; на той встрече собравшиеся обсуждали планы перехода оппозиции к подпольной деятельности.

На открытом процессе в январе 1937 года Сокольников и Пятаков назвали Тивеля; о его деятельности они, несомненно, давали показания и на предварительном следствии, только, по-видимому, гораздо более подробные[2]. Между тем имя Тивеля прозвучало на процессе, когда сам он был не просто жив, но оставался на свободе. Правда, из партии его «вычистили» еще в августе 1936 года, что, по-видимому, стало следствием состоявшегося в том же августе процесса Зиновьева—

---

[1] Процесс антисоветского троцкистского центра (23 — 30 января 1937 года). — М.: НКЮ Союза ССР; Юридическое издательство, 1937, с.74.

[2] О сохранившихся стенограммах допросов Сокольникова на предварительном следствии нам известно из коротких цитат: *Реабилитация: Полит. процессы 30—50-х годов.* /Под общ. ред. А.Н.Яковлева. — М.: Политиздат, 1991, с.228—229.

Каменева. В декабре 1936 года Тивель был упомянут Ежовым во время очной ставки Бухарина с одним из его обвинителей — Куликовым[1].

По словам Гетти, реабилитация Тивеля стала результатом ходатайств его жены, которая просила смыть клеймо «члена семьи врага народа» с ее сына. Хотя реабилитация и состоялась, из весьма скромного числа доступных сегодня источников следует, что большая их часть указывает на причастность Тивеля к серии заговоров 1930-х годов. В еще большей степени сказанное относится к делам высокопоставленных руководителей большевистской партии, названных Хрущевым в его докладе.

П.П.Постышев

В речи на закрытом заседании XX съезда Хрущев утверждал, что на февральско-мартовском (1937) Пленуме «в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии» и что «наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева»[2]. Проверить истинность хрущевских слов не представлялось возможным вплоть до публикации в 1992—95 годах материалов февральско-мартовского Пленума и в особенности стенограммы выступлений на нем Постышева.

Но после предания гласности материалов Пленума оказалось: сказанное Хрущевым — заведомая ложь. Ни Постышев, ни другие члены ЦК даже не помышляли выступать с критикой «курса на массовые репрессии».

Но хрущевское жульничество тем не ограничилось[3]. Сам Постышев несет личную ответственность за массовые репрессии. Его действия Сталин расценил как «расстрел» ни Б чем не повинных членов парторганизации Куйбышевской области. Именно репрессии стали главной причиной удаления По-

[1] «Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 года». // Вопросы истории. 2002, № 3, с.6.

[2] См.: Вопросы истории. 1995, №5/6,1995. Фрагмент, процитированный Хрущевым, опубликован на с.4.

[3] Другие лживые заявления Хрущева, касающиеся январского Пленума, более подробно рассмотрены в гл.3.

стышева с занимаемой должности, его исключения из состава Центрального комитета, а затем из партии и в конце концов привели к аресту, проведению официального расследования и вынесению ему смертного приговора.

Впрочем, вплоть до настоящего времени российское правительство не только воздерживается от публикации документов из дела Постышева, но и не подпускает к ним никого из исследователей[1]. Увы, без доступа к архивно-следственным материалам — к таким, как стенограммы судебных заседаний, признательные показания и протоколы допросов, а среди прочего к таким из них, где другие подследственные выдвигают обвинения против Постышева и где сам он обвиняет других — без ознакомления с такого рода источниками невозможно получить верное представление о том, что же произошло в действительности. Итак дело обстоит с каждым, кого Хрущев в своем докладе назвал среди невинных жертв необоснованных репрессий.

Иначе говоря, мы лишены возможности выяснить всю подноготную произошедшего как в случае с Постышевым, так и при изучении дел других репрессированных членов ЦК. Все, что можно сделать, — сравнить сведения из опубликованных к настоящему времени реабилитационных справок с тем, что известно о Постышеве из иных преданных огласке источников.

Фрагмент доклада комиссии Поспелова о Постышеве значительно короче, чем посвященная ему довольно немногословная реабилитационная справка, из которой, судя по всему, и почерпнуты все сведения, но с одним важным отличием — к ним добавлены резкие нападки лично на Сталина.[2] Хрущев,

---

[1] Одна из причин отказа в доступе к документам связана с принятием странного закона, по которому родственники репрессированных должны давать свое согласие на предание огласке материалов, касающиеся судеб их близких. Сын Постышева Леонид, известный экономист, дал несколько интервью, в которых он с большой теплотой вспоминает отца и считает само собой разумеющимся, что тот был ни в чем не виновен. Поскольку и на официальном уровне, и неформально родственники репрессированных то и дело сталкивались с ущемлением своих законных прав, именно они больше всего выигрывали от реабилитаций. Вот почему члены семей обычно обращались с ходатайствами реабилитировать своих репрессированных родственников, хотя в случае с Постышевым инициатива, по-видимому, принадлежала самому Хрущеву.

[2] Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. — М.: МФД, 2000, с.325.

разумеется, был хорошо знаком со всеми материалами, поскольку они рассылались членам Президиума. На некоторых из них стоят их визы, однако самое большое число документов направлялось на имя Хрущева[1]. Ниже основное внимание будет сфокусировано на рассмотрении реабилитационной справки, поскольку она содержит более подробные сведения о Постышеве.

Кое-что становится заметным почти сразу: в реабилитационной справке о Постышеве[2] нет ни слова об организации им массовых противозаконных репрессий членов партии, о чем имеется довольно много источников. Само собой разумеется, что освещение этой темы в «закрытом докладе» не вызвало бы неприязни к Сталину и не прибавило бы симпатий к Постышеву.

Но особенно важно, что вопрос обойден молчанием и в реабилитационной справке. Если в деле нашлось бы хоть что-то, способное обелить Постышева, такие факты непременно попали бы в нее. При добросовестном изучении дела Постышева вопрос о его роли в раздувании репрессий просто невозможно было оставить без внимания! Окажись он затронутым в реабилитационной справке, кто-то из политических оппонентов Хрущева, например, Молотов или Каганович, могли бы затребовать себе реабилитационную справку, и хрущевские плутни тогда бы выплыли наружу.

Хрущев участвовал в Пленуме Центрального комитета в январе 1938 года, когда Постышев подвергся резкой критике и затем был исключен из ЦК за проводимые им репрессии. Конечно, Хрущев просто не мог не знать как о проступках Постышева, так и о причинах его исключения из ЦК, и не вызывает сомнений, что он голосовал в поддержку такого решения.

---

[1] Документы с резолюциями членов Президиума см.: *Там же.* С.203,207,217, 220, 227, 229, 231, 233, 236, 237, 251, 260, 261, 263. Направленные Хрущеву: *Там же.* С. 192. В некоторых случаях имя Хрущева не значилось в качестве адресата, но из пометок на реабилитационных справках следует, что они направлялись именно ему: *Там же.* С. 188, 191, 208, 233, 236, 237, 251, 264. Некоторые из справок либо сначала были посланы Маленкову или Булганину, либо направлялись копии, которые были обнаружены в их архивах и затем опубликованы.

[2] Речь идет о записке Генерального прокурора СССР Р.А.Руденко от 19 мая 1955 года. См.: *Там же.* С.218—220.

Из имеющихся свидетельств явствует: и реабилитационная справка, и опирающийся на нее доклад Поспелова построены на мошенничестве. Оба документа вместо объективного рассмотрения дела следуют заранее спланированной методе, чтобы, несмотря ни на что, представить Постышева невиновным ни в каких злодеяниях. Конечно, Хрущев не мог не быть в курсе проделанных манипуляций.

Примечательно, что в случае реабилитационной справки о Постышеве (как, впрочем, о большинстве или почти всех репрессированных) не только Хрущеву, но и другим участникам январского (1938) Пленума из числа членов Президиума — Молотову, Кагановичу, Микояну, Ворошилову — следовало знать о хрущевских плутнях[1].

Нельзя, наконец, исключать, что Постышева судили лишь за одно или за ограниченное число тяжких преступлений, например, за участие в правотроцкистском заговоре. К такой практике нередко прибегают в США, когда рассматривают в суде не все караемые смертью правонарушения, какие есть в деле обвиняемого. Не исключено, что Постышева и не судили за другие преступления, — в конечном счете, лишить человека жизни можно только раз.

Но в случае «полной реабилитации» необходимо аннулировать приговор за все ***преступления, в которых осужденный был признан виновным.*** Если же преступление всего одно и обвинение по нему признается несостоятельным, тогда осужденного можно считать «невиновным»: его единственное обвинение будет аннулировано. Очень похоже, что в деле Постышева так все и случилось. То же самое, по-видимому, относится ко многим, если не ко всем «реабилитированным», чьи справки процитированы в докладе Поспелова.

Подготовленная прокуратурой справка подтверждает, что Постышев сознался в участии в правотроцкистском заговоре и в шпионаже в пользу японской разведки. Но те, кого Постышев назвал своими сообщниками, либо ничего не сказали о

---

[1] Помимо упомянутых уже членов Президиума (т.е. Хрущева, Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна) до 1939 и в 1956 году членом ЦК состоял Николай Шверник, близкий соратник Хрущева. Маршал Семен Буденный был кандидатом в члены ЦК в 1934, 1939 и 1956 годах. Авраамий Завенягин состоял кандидатом в 1934 и 1939 годах, в 1956 году избран в члены ЦК. Булганин в 1934 году был кандидатом в члены ЦК.

нем самом в показаниях, либо назвали его среди тех, против кого были нацелены их собственные заговоры[1].

Некоторые сведения, указанные в реабилитационной справке, выглядит довольно странно. Судите сами:

- «Бывший секретарь ЦК Компартии Украины Попов Н.Н. показал, что он, Балицкий и Якир пытались использовать Постышева в своих антисоветских целях, но это им сделать не удалось»[2].

Сказанное весьма интересно! Если бы Постышев был невиновен, ему следовало сообщить о попытках его вовлечения в заговор. Однако нет никаких свидетельств, что Постышев повел себя именно так. Неясно в этом случае, как быть с его «невиновностью»?[3]

- Среди участников одного с ним заговора Постышев назвал командарма 1 ранга Иону Якира, командующего Киевским военным округом, который был осужден и казнен вместе с маршалом Тухачевским, но сам Якир «никаких показаний в отношении Постышева не дал».

А допрашивали ли Якира о Постышеве? Если нет, тогда отсутствие упоминаний о нем не имеет особого значения. И почему указание на такую немаловажную подробность не вошло в реабилитационную справку?

- «Косиор С.В. в начале следствия назвал Постышева в числе участников военного заговора на Украине, затем от этих показаний отказался, а впоследствии снова их подтвердил».

Такие утверждения едва ли оправдывают Постышева. Признательные показания не доказывают вину, равно как и последующий отказ от них ее не опровергает.

- «В деле Косиора имеется заявление Антипова Н.К., в котором он утверждает, что между Косиором и Постышевым были весьма ненормальные личные отношения и что Посты-

---

[1] Из письма Ульриха Сталину от 16 марта 1939 года следует, что Постышев был среди тех, кто полностью признал свою вину в суде. См.: http://stalin.memo.ru/images/intro_1.htm.

[2] Здесь и далее приводятся цитаты из «Записки Р.А.Руденко в ЦК КПСС о реабилитации П.П.Постышева», см.: *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.218—220.

[3] Согласно УК РСФСР тех лет, «недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» считалось тоже контрреволюционным преступлением (ст. 58—12).

шев не входил в общий центр контрреволюционных организаций на Украине».

В марте 1937 года Постышева перевели с Украины на должность первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б). Тот факт, что он был удален из руководства украинским центром заговора, не доказывает его невиновность.

- «На предварительном следствии Постышев показал, что шпионскую связь с японской разведкой он осуществлял через работников восточного отдела Наркоминдел СССР Мельникова Б.Н., Козловского Б.И. Как установлено проверкой, Мельников Б.Н., признавая себя виновным в связях с японской разведкой, никаких показаний о Постышеве не дал, а Козловский Б.И. вообще не арестовывался. Таким образом, "показания" Постышева о его контрреволюционной деятельности на Украине и связях с японской разведкой не нашли своего подтверждения и, как установлено в настоящее время, они были сфальсифицированы органами НКВД».

Напротив: если Постышев сознался в шпионаже в пользу Японии, назвав своим связником Мельникова, а тот в своих показаниях подтвердил, что он японский агент, то все вместе это, скорее, удостоверяет, а не опровергает вину Постышева — вне зависимости от того, упоминал его Мельников или нет!

В реабилитационной справке указывается: в рапорте, направленном в НКВД, следователь П.И.Церпенто признался, что им и следователем Визелем написан один из протоколов допроса Постышева и что оба они выполняли распоряжение Г.Н.Лулова (предположительно их начальника); в свою очередь Лулов предостерегал Постышева, чтобы тот придерживался содержащихся там показаний. В той же справке сообщается, что Церпенто лично участвовал в фабрикации следственных дел, а среди прочего признался в фальсификации допроса Постышева как соучастник. Но про содержание этого допроса ничего не сообщается, хотя определенно говорится, что речь идет об одном-единственном протоколе.

Заключительная часть «реабилитационной справки» на Постышева гласит: «Прокуратура СССР считает возможным внести протест на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Постышева Павла Петровича на предмет прекращения его дела и посмертной реабилитации.

Прошу Вашего согласия».

Сама реабилитационная записка датирована 19 мая 1955 года. Всего через два месяца — 18 июля 1955 года появилась такая записка, посвященная К.В.Уханову, в которой говорилось: «Произведенной проверкой установлено, что следствие по делу Уханова производили бывшие сотрудники НКВД СССР Пулов и Церпенто, разоблаченные впоследствии как преступники, пробравшиеся на работу в органы государственной безопасности и осужденные к расстрелу за ряд преступлений, в том числе за фальсификацию следственных дел.

Из уголовного дела по обвинению Дулова видно, что он являлся выходцем из социально чуждой среды: брат Дулова Мендель — крупный капиталист, проживающий в Палестине. В СССР Дулов прибыл в порядке обмена из Польши. Во время XIV съезда ВКП(б) Дулов, работая в Ленинграде, выступал против генеральной линии партии. В деле Дулова находится его записка на имя Зиновьева, в которой Дулов выражает одобрение по поводу одного из выступлений Зиновьева.

Из дела по обвинению Церпенто видно, что он в 1934 году являлся участником контрреволюционной троцкистской группы в Саратовском пединституте. В это время Церпенто был завербован как негласный агент — осведомитель органов НКВД. В 1937 году Церпенто был уже переведен на штатную должность в центральный аппарат НКВД СССР.

В показаниях Церпенто и Дулова содержатся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что, допрашивая арестованных, они вымогали от них показания на невиновных лиц и в особенности домогались ложных оговоров в отношении руководящих партийных и советских работников. Фальсифицируя уголовные дела, Церпенто и Дулов не останавливались перед вымогательством ложных показаний в отношении отдельных руководителей партии и правительства. Таким путем Церпенто и Дуловым были сфальсифицированы многочисленные следственные дела, в том числе дело по обвинению Постышева, ныне посмертно полностью реабилитированного, и других лиц[1].

Короче говоря, Дулов обвинялся в поддержке зиновьев¬цев, а Церпенто — сторонников Троцкого. Какое отношение это имеет к Постышеву, мы увидим чуть ниже. Ну а здесь об-

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.233—234.

ратим внимание вот на что: реабилитационная справка недвусмысленно указывает на наличие троцкистско-зиновьевского заговора, тогда как доклад Поспелова, подготовленный всего через несколько месяцев, существование такого заговора категорически отрицает.

Далее в посвященной Уханову записке приводится фрагмент из признательного заявления одного из ближайших ежовских приспешников по НКВД — М.П.Фриновского, а там сообщается, как, поощряя фабрикацию выбитых с помощью пыток показаний, Ежов стремился утаить свою собственную роль одного из главарей антиправительственного правотроцкистского заговора. Заявление часто цитировалось в прежние годы, но полностью было опубликовано лишь в феврале 2006 года.

Сказанное свидетельствует о довольно важных вещах.

- Один протокол допроса составлен следователями еще до суда над Постышевым.

- Из довольно объемистого заявления Фриновского процитирована только та часть, где затрагивается вопрос о фальсификации признательных показаний и фабрикации клеветнических обвинений, — иными словами, о методах, очень похожих на те, что использовали Лулов и Церпенто.

Суд и казнь Постышева состоялись 26 февраля 1939 года[1], а значит, следствие по его делу было завершено, когда, сменив в ноябре 1938 года Ежова, НКВД возглавил Берия. Чуть позднее (т.е. опять-таки при Берии) предстали перед судом и получили смертные приговоры следователи Церпенто и Лулов.

- Вопрос о массовых репрессиях партийных кадров в реабилитационной справке о Постышеве вообще не упоминается. И через два месяца после написания реабилитационной записки Постышев был «полностью реабилитирован».

- Те, кого Постышев обвинял в своих показаниях, либо ответили ему встречными обвинениями (Косиор), либо совсем не упоминали его имени (Якир, Антипов, Мельников).

- Подследственные, признавшиеся в подготовке террористических актов против Постышева, одновременно сознались в участии в собственных заговорах.

---

[1] Церпенто говорил, что его показания можно легко проверить, если вызвать и допросить Постышева и Бубнова — другого арестованного. См.: *Там же.* С.219. К тому времени Постышев, вероятно, был уже расстрелян, только Церпенто ничего не знал об этом.

Если Постышев и впрямь состоял в заговоре, это могло быть известно только очень ограниченному числу его сообщников. Таким образом, интриги других заговорщиков против Постышева ни в коей мере его не оправдывают.

Итак, что же получается? А вот что: есть только одна версия событий, способная непротиворечиво объяснить все затронутые проблемы: записка о реабилитации Постышева — плод мошеннических ухищрений. Ни одно из ключевых обвинений, выдвинутых против Постышева, не подвергалось тщательному исследованию, и выходит, что его имя не ограждено ни от одного из них. Реабилитационные материалы отнюдь не ставили перед собой задачу установить вину или невиновность. Им предназначалась роль фигового листка, который потребовался Хрущеву, чтобы оправдать его хулу в адрес Сталина за смертный приговор, вынесенный Постышеву.

По той же причине доклад Поспелова, опирающийся на лживые реабилитационные справки, представляет собой такое же жульничество. Несколько абзацев, посвященных Постышеву, менее подробны и написаны с явным намерением дискредитировать лично Сталина. Весь поспеловский доклад задумывался не ради каких-то исследований, а как подсобный материал для политической полемики.

А.В.Косарев

Своя реабилитационная справка есть и на Александра Косарева[1]. Но ни в докладе Поспелова, ни в первоначальном варианте речи Поспелова и Аристова[2], ни в т.н. «диктовках» Хрущева к самому «закрытому докладу» Косарев не удостоился хотя бы абзаца. Поэтому все, что о нем сказано на XX съезде, добавлено самим Хрущевым. Помимо прочего, здесь мы имеем дело с убедительным доказательством того, что, работая над своим выступлением, Хрущев пользовался не только

---

[1] Там же. С.166—168. от 4 августа 1954 года.

[2] «Проект доклада "О культе личности и его последствиях", представленный П.Н.Поспеловым и А.Б.Аристовым» в: *Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы.* — М.: РОССПЭН, 2002, с. 120—133; См. также: *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.353—364.

докладом Поспелова и проектом «закрытой» речи, подготовленным Поспеловым и Аристовым, но самостоятельно знакомился со справками по реабилитации.

Вообще, об участи Косарева известно гораздо меньше, чем, скажем, о судьбе Постышева, но лишь потому, что российские власти пока не сделали достоянием гласности какие-либо материалы, касающиеся последних месяцев жизни бывшего комсомольского вожака. В посвященной Косареву реабилитацией ной записке причина его ареста 28 ноября 1938 года объясняется личной неприязнью Берии. Косарев, как утверждается, поначалу отказывался давать показания о своей изменнической деятельности, но затем к нему стали применяться пытки, и 5 декабря он подписал фальшивые признания, в которых сознался в своем участии в правотроцкистском заговоре с целью свержения Советского правительства.

В реабилитационной записке вся ответственность возложена на Берию, который, как там говорится, ненавидел Косарева, а тот в свою очередь презирал Берию за искажения истории компартии Грузии и притеснения старых грузинских большевиков. Возглавив НКВД, Берия воспользовался первой же возможностью, чтобы арестовать Косарева и его жену.

Как далее гласит записка по реабилитации, от Берии будто бы поступил приказ, чтобы расследование вели его ближайшие сотрудники — Богдан Кобулов и Лев Шварцман, начальник и его помощник по следственной части НКВД, — и, чтобы добиться от Косарева признаний, потребовал применить к нему меры физического воздействия. В ходе следствия Кобулов и Шварцман избивали бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Валентину Пикину, которая, несмотря на физические страдания, отказалась давать ложные показания на Косарева. В справке сообщается, что Косарев признал себя виновным и подтвердил свои показания в суде только в обмен на обещания Ко¬булова и Берии сохранить ему жизнь. Однако прошение о помиловании Берия передавать никуда не стал, и Косарева расстреляли.

Хрущев расправился над Берией и еще семью его подчиненными, в том числе Кобуловым, в 1953 году. Следователь Шварцман, который (наряду с вдовой Косарева) предоставил практически все сведения, вошедшие в реабилитацион¬

ную справку, был казнен в хрущевские времена, в 1955 году. В справке пересказывается «жуткая история» про Берию — одна из очень похожих на те, что распространял сам Хрущев. Берия, как там утверждается, преследовал Косарева из чувства личной мести, не имея для этого никаких политических поводов.

Весь материал реабилитационной записки производит странное впечатление, поскольку из других источников известно, что против Косарева выдвигались обвинения политического характера, о чем еще будет сказано ниже. Притом в реабилитационной записке отсутствуют не только контрдоводы, доказывающие их несостоятельность, но и само упоминание о таких обвинениях.

В.З.Роговин приводит свидетельство, в соответствии с которым Косарев в марте 1938 года встречался с Сергеем Уткиным, бывшим секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ, который недавно вышел из тюрьмы и сетовал, что НКВД принудил его к ложным показаниям. Косарев дал резкий отпор таким жалобам и направил на имя Ежова донос, который стал причиной повторного ареста и 16-летнего заключения Уткина в лагерях ГУЛАГа. Близкие связи Косарева и Ежова засвидетельствованы также племянником последнего — Анатолием Бабулиным, чьи показания недавно были опубликованы[1].

По словам Роговина, использовавшего источники горбачевского времени, Косарева арестовали вскоре после Пленума ЦК ВЛКСМ, который проходил с 19 по 22 ноября 1938 года и где присутствовали и выступали многие видные члены Политбюро ЦК ВКП(б): Сталин, Молотов, Каганович, Андреев, Жданов, Маленков и Шкирятов. Поводом стало увольнение и преследование со стороны Косарева и его подручных инструктора ЦК ВЛКСМ Мишаковой, которая незадолго до того выдвинула обвинения против комсомольских руководителей Чувашии.

Акакий Мгеладзе в 1930-е годы руководил ЦК ЛКСМ Грузии, а позднее стал первым секретарем ЦК грузинской компартии. В 2001 году дождались публикации написанные им еще в 1960-е годы мемуары, многие страницы которых посвящены

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. — М.: МФД, 2006, док. № 40, с.74—78.

его встречам со Сталиным. Мгеладзе вспоминает, что примерно в 1950 году он поинтересовался у Сталина судьбой Косарева, который когда-то вызывал у него восхищение. Высказав мнение, что не верит обвинениям, выдвинутым против Косарева, Мгеладзе поинтересовался, не могло ли здесь произойти трагической ошибки.

Сталин, спокойно выслушав, все вопросы, сказав в ответ, что каждый в те годы совершил немало ошибок, в том числе и он сам, Сталин, но к Косареву это не имеет отношения: его дело дважды обсуждалось на Политбюро, и по поручению последнего материалы НКВД проверяли Жданов и Андреев. И тогда сам Мгеладзе тоже припомнил, что читал стенограмму Пленума ЦК ВЛКСМ, на котором снимали Косарева. Причем выступления Жданова, Андреева и Шкирятова оказались настолько убедительны, что у него отпали малейшие сомнения в виновности Косарева.

Очевидно, что выдвинутые против Косарева обвинения носили серьезный политический характер. Они, по всей видимости, включали связь с Ежовым, который признался в своих показаниях, что стоял во главе правотроцкистского заговора. Не исключено, что стенограмма Пленума ЦК ВЛКСМ, архивно-следственные материалы из НКВД и другие связанные с делом Косарева документы, возможно, существовали не только в годы правления Хрущева, но хранятся где-то и сейчас. Однако доступ исследователей к ним закрыт.

В воспоминаниях, написанных после отставки в 1964 году, Хрущев упоминает и Мишакову, и Косарева и вскользь касается обвинений, выдвинутых против него на Пленуме ЦК ВЛКСМ. Но о «мести» со стороны Берии там вообще нет ни слова[1]. С другой стороны, то, что в мемуарах Хрущева говорится о Мишаковой, Пленуме и т.д., напрочь отсутствует в реабилитационной справке 1954 года! Напомним, что в последней вся ответственность возложена на Берию и его жажду мести! Какова бы ни была истина, мы не имеем права верить ничему из того, что написано в реабилитационной справке. Тем

---

[1] Н.С.Хрущев. Время. Люди. Власть.(Воспоминания). В 4 книгах. Книга 1. Часть I. — М.: Московские новости, 1999, с.199. См.: http://kursk1943.mil.ru/kursky/arch/books/memo/hruschev_ns/1_1.html.

более что это как раз тот документ, на который Хрущев опирался в своем «закрытом докладе»...

Я.Э.Рудзутак

Ян Рудзутак был арестован в мае 1937 года одновременно с маршалом Тухачевским и вместе с военачальниками Красной Армии обвинялся в участии в одном заговоре с ними[1]. В речи на расширенном заседании Военного совета 2 июня 1937 года Сталин подробно говорил о заговоре Тухачевского, назвав Рудзутака среди тех тринадцати руководителей-заговорщиков, чьи имена стали к тому времени известны следствию[2].

Но записка о реабилитации Рудзутака, датированная 24 декабря 1955 года, обо всем этом умалчивает[3]. Там сообщается, что на предварительном следствии Рудзутак хотя и признал себя виновным в антисоветской деятельности, но показания его были «явно противоречивы, неконкретны и неубедительны»; в судебном заседании он виновным себя не признал и от ранее полученных от него признаний отказался «как от вымышленных». И ни слова об участии в заговоре военных!

Соответствующий раздел доклада Поспелова[4] опирается на реабилитационную справку и вместе с сообщением о посмертной реабилитации добавляет к ней: «Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов». Как будет показано ниже, заявления о «тщательности» весьма далеки от истины, а реабилитационная справка на Рудзутака — очередная

---

[1] Рудзутак и Тухачевский названы в постановления ЦК ВКП(б) от 24 мая 1937 года, в котором они обвинялись в участии в «троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР». 25—25 мая 1937 года оба были исключены из состава ЦК, см.: *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938.* — М.: МФД, 2004, док № 86, 87, с.190.

[2] Речь Сталина опубликована в: *Источник.* 1994, № 3; *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД.* Док. № 92, с.202—209 и перепечатана многими другими изданиями. См.: http://stalin.newmail.ru/stalin_sobr/14-5.htm.

[3] Записку Р.А.Руденко о реабилитации Я.Э.Рудзутака см.: Реабилитация: Как это было. Том 1. С.294—295.

[4] Там же. С.328—329.

попытка обелить его путем сокрытия и замалчивания ключевых фактов, свидетельствующих о его виновности.

Многие подследственные выдвинули обвинения против Рудзутака. Реабилитационная записка пытается умалить их значение самыми разными способами. Например:

- Некоторые из арестованных (Магалиф, Эйхе и др.) на предварительном следствии дали против Рудзутака изобличительные показания, но «в суде от этих показаний они отказались».

Отказ от показаний не делает его «более правдивым», чем первоначальные признания.

- Рудзутака назвали своим сообщником Алкснис, Герман и «другие советские и партийные работники, по национальности латыши», однако следствие по их делам «проводилось с грубейшими нарушениями закона».

Реабилитационная справка на Я.И.Алксниса[1] была подготовлена лишь три недели *спустя*. Поэтому упоминание о результатах проверки его дела по меньшей мере некорректно. В справке говорится, что Алкснис дал признательные показания на предварительном следствии и повторил их в суде, но с одной важной оговоркой: «на следствии он признавал себя виновным в результате применения к нему мер физического воздействия». Никаких дополнительных подробностей — таких, как имена следователей-истязателей, которые могли бы удостоверить это заявление, — в справке не приводится.

- Ряд лиц (Чубарь, Кнорин, Гамарник и Бауман) к тому времени были провозглашены невиновными, поэтому «не могли иметь антисоветских связей с Рудзутаком».

В соответствии с реабилитационной справкой о Чубаре[2] последний признался в принадлежности к правотроцкистской заговорщической организации и в таком качестве фигурирует в следственных материалах других лиц, например, в деле Антипова, который назван заговорщиком в показаниях Рыкова. Чубарь также сознался в шпионаже для Германии.

На предварительном следствии Кнорин[3] признал себя виновным в том, что, участвуя в заговоре, руководил правотроц¬

---

[1] «Записка Р.А.Руденко в ЦК КПСС о реабилитации Я.И.Алксниса» от 14 января 1956 года, см.: *Там же.* С.300—301.

[2] Там же. С.251—252.

[3] Там же. С.272—274.

кистской организацией в Коминтерне, поддерживал связь по антисоветской работе с Гамарником и вместе с Рудзутаком и Эйдеманом руководил антисоветской националистической латышской организацией, а также занимался шпионажем в пользу латвийской, польской и других иностранных разведок. Свои показания Кнорин подтвердил и в суде.

Бауман и Гамарник вообще не были осуждены, поэтому дело ограничилось их партийной реабилитацией, протекавшей обычно еще более формально, чем юридическая.

- В показаниях Бухарина и Рыкова утверждается, что по своим убеждениям Рудзутак принадлежал к «правым» и им сочувствовал, но боялся открыто признаваться в своих политических симпатиях.

- Показания Крестинского, Розенгольца, Гринько, Постникова, Антипова, Жукова и других «весьма противоречивы и неконкретны и поэтому не могут быть признаны доказательством виновности Рудзутака».

Несколько слов мы должны сказать об используемых здесь риторических приемах:

- Отречение от показаний не означает ни их правдивости, ни лживости. В каждом из таких случаев мы просто не знаем, какое именно из двух утверждений не соответствует истине.

- Не знаем мы и того, отказался ли Рудзутак от всех своих показаний или только от некоторых. В настоящее время известно лишь, что во многих случаях — таких, как дело генерал-лейтенанта ВВС П.В.Рычагова или наркома внутренних дел Г.Г.Ягоды, — обвиняемые подтверждали свою причастность к заговору, но категорически отрицали виновность в шпионаже в пользу Германии[1].

- Чубарь, Кнорин и другие репрессированные были «реабилитированы», что означает отмену их приговоров по процессуальным причинам, но это ***не то же самое,*** что признание их абсолютной «невиновности».

- Предполагается, что показания подследственных «противоречат» друг другу. Однако ошибочно было бы считать их совершенно бездоказательными. Наоборот: идентичные или

---

[1] О Рычагове см.: Там же. С.165. О Ягоде см.: Судебный отчет. — М.: Международная семья, 1997, с.569; см. также: http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotlsud.htm.

слишком похожие друг на друга признания как раз и будут очень подозрительны. Нет оснований для отбрасывания таких показаний только на основе «противоречий», — по крайней мере без дополнительного изучения причин их появления.

Рудзутак упомянут в показаниях Гринько, Розенгольца и много раз назван Крестинским во время «бухаринского» процесса в марте 1938 года. Реабилитационные материалы просто игнорируют эти свидетельства.

Между тем имя Розенгольца как заговорщика фигурирует в недавно опубликованных признаниях Ежова и его родственника и соратника А.М.Тамарина. Что, скорее, свидетельствует не о невиновности, а о доверии к изобличающим Рудзутака показаниям Розенгольца.

Рудзутак назван и в признаниях Рухимовича от 8 февраля 1938 года[1]. Нет сомнений, что Ежов и его подручные фабриковали ложные показания и с помощью пыток принуждали подследственных подписывать их, что подтверждается в покаянном заявлении Фриновского на имя Берии. Один из очевидцев подтверждает, что Рухимович подвергался избиениям, но не ежовскими следователями, многие из которых были осуждены за фальсификацию уголовных дел[2]. Тем не менее само по себе применение на допросах физического насилия не означает, что полученные таким образом показания следует считать ложными или правдивыми.

И.Д.Кабаков

Реабилитационная справка на Ивана Кабакова отсутствует; его фамилию просто включили в список из 36 репрессированных высших партийных чиновников наряду с Эйхе и Евдокимовым, но без каких-либо попыток разобраться в выдвинутых против него обвинениях. В известных сегодня архивно-следственных материалах, которые, бесспорно, были дос¬

---

[1] *Лубянка. Сталин и Главное управление...* Док. № 290.

[2] По свидетельствам очевидцев, Рухимовича избивал Мешик, тоже один из близких соратников Берии, который был казнен в декабре 1953 года. В реабилитационной справке на Рудзутака назван следователь НКВД Ярцев, который фабриковал протоколы допросов и который, как специально указывается, впоследствии был приговорен к расстрелу. См.: *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.295.

тупны Хрущеву в 1956 году, довольно много свидетельств посвящено Кабакову[1].

На правотроцкистском («бухаринском») показательном процессе (март 1938) подсудимые Рыков и Зубарев назвали Кабакова среди сообщников по антиправительственному заговору. До сих пор никто не утверждал, что эти показания получены в результате угроз или физического насилия, но все они остались «незамеченными» как в отчете комиссии Поспелова, так и в «закрытом докладе» Хрущева. Американский горный инженер Джон Литтлпейдж выразил твердое убеждение, что Кабаков был одним из организаторов саботажа в уральском регионе.

Р.И.Эйхе

Роберт Эйхе — первый, кто в хрущевском докладе был назван среди невинных жертв сталинского произвола. Его дело рассматривается последним, потому что оно еще более показательно, чем все остальные[2].

Как в случае с другими упомянутыми в речи Хрущева лицами, ни советские, ни российские власти не рискнули допустить исследователей к архивным материалам предварительного и судебного производства по делу Эйхе, но и без них ясно: действуя заодно с НКВД, Эйхе был причастен к проведению крупномасштабных необоснованных репрессий. Вероятнее всего, вынесение смертного приговора напрямую связано с совершением таких злодеяний. Тот факт, что Эйхе участвовал в репрессиях рука об руку с Ежовым, заставляет любого исследователя задаться вопросом: а не носили ли их связи заговорщический характер? Хотя мы по-прежнему не располагаем доказательствами для окончательных выводов.

В самом конце фрагмента «закрытого доклада», посвященного Эйхе, Хрущев говорит: «В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован»[3].

---

[1] См. подробнее главу 4.

[2] Об аресте Эйхе, следствии и суде более подробно говорится в главе 4.

[3] О культе личности... // *Известия ЦККПСС.* 1989, № 3, с.142.

Данное утверждение ложно. С речью на закрытом заседании XX съезда КПСС Хрущев выступил 25 февраля 1956 года, тогда как решение о реабилитации Эйхе, по имеющимся источникам, состоялось только в марте. Но только этим все несообразности не исчерпываются: хотя Эйхе, как никому, уделено в хрущевском докладе места больше, чем любому другому репрессированному партруководителю, отдельной и специально посвященной ему реабилитационной справки нет. 2 марта 1956 года Эйхе *списочным порядком* был представлен к реабилитации вместе с 35 другими репрессированными членами и кандидатами в члены ЦК ВКП(б). Документ представляет собой обыкновенный список, в котором совершенно отсутствуют подробности, касающихся того или иного лица[1].

Наибольший по объему и независимый от других частей фрагмент «закрытого доклада» об Эйхе представляет собой пространную цитату из его заявления на имя Сталина от 27 октября 1939 года. Несомненно, это одна из наиболее заряженных эмоционально частей всего хрущевского выступления: Эйхе страстно настаивает на своей невиновности и в подробностях описывает физические истязания, какие ему довелось испытать, когда от него домогались признаний в преступлениях, которые он никогда не совершал. В письме Эйхе неоднократно пишет о своей преданности партии и лично Сталину.

Впечатление такое, что кристально чистый коммунист идет на смерть из-за сфабрикованных против него обвинений. Заявление поистине убийственное! Но поскольку послание полностью было опубликовано в 2002 году, можно теперь легко удостовериться: из-за существенных купюр документ подвергся существенным искажениям.

Отрывок из «письма Эйхе Сталину» от 27 октября 1939 года из доклада Поспелова не во всем совпадает с тем, что Хрущев процитировал в своем «закрытом» съездовском выступлении. В обоих случаях речь идет о значительных пропусках из того, что предположительно следует считать полным текстом документа. Слово «предположительно» здесь употребле-

---

[1] Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т.2. Февраль 1956 — начало 80-х.— М.: МФД, 2003, с.16—18. Реабилитирующая резолюция Президиума ЦК КПСС, см.: там же. С.18—19.

но из-за оговорки публикаторов, указывающих, что само письмо воспроизведено ими по копии.

Письмо не имеет никаких архивных атрибутов, и только в конце его есть приписка, что подлинник заявления «находится в архивно-следственном деле Эйхе». Но атрибуты самого дела тоже не указаны. Что следует понимать так: российские власти не желают, чтобы исследователи знали, где хранятся материалы по делу Эйхе, — если таковые еще, конечно, существуют...

Даже составителям и редакторам официозного издания «закрытого доклада» не дозволено было познакомиться как с письмом, так и с архивно-следственным делом Эйхе![1] Причины такого отказа не известны, но изучение фрагментов, «не попавших» в доклады Поспелова и Хрущева, помогает найти некоторые из возможных объяснений[2].

Письмо Эйхе помещено в приложении к данной главе. Условные обозначения позволяют понять, какие именно части процитированы в «закрытой» речи Хрущева, какие использованы комиссией Поспелова и какие есть у обоих. Но наибольший интерес представляют, конечно же, выброшенные ими фрагменты текста письма.

Достаточно беглого знакомствах содержанием документа, чтобы уяснить главное: предание широкой огласке целиком всего заявления стало бы губительным для целей «закрытого доклада». И вот почему:

- Эйхе ссылается на свое письмо к «народному комиссару Л.П.Берия»; подразумевается, что оно написано после ареста Эйхе 29 апреля 1938 года, но не ранее 25 ноября того же года, когда Берия, сменив Ежова, был назначен наркомом внутренних дел:

- Как далее говорится в заявлении, «комиссар Кобулов» высказал сомнения в том, что Эйхе мог выдумать все свои признания, пытаясь таким образом разобраться, как появились показания о его контрреволюционной деятельности. Напомним: Богдан Кобулов — один из шести подсудимых по «делу Берии» (Деканозов, Гоглидзе, Кобулов, Меркулов, Мешик, Влодзимир¬

---

[1] «Письмо Р.И.Эйхе И.В.Сталину», см.: *«Доклад Н.С. Хрущева...»* С 225—229.

[2] Разумеется, представленные ниже замечания не претендуют на всестороннее исследование этого очень важного документа.

ский), под сенью юридических декораций расстрелянных в декабре 1953 года. Выброшенная фраза с положительной стороны характеризует Кобулова, а значит, и Берию, и показывает их ответственное отношение к службе в Наркомате внутренних дел, чего Хрущев не мог допустить ни в каком случае.

- Из письма следует, что многие партийные руководители изобличали Эйхе как участника заговора. Оправдываясь, он расценивал такие обвинения как «провокации» и пытался дать им различные объяснения. Тем не менее создается впечатление, что арест Эйхе был полностью оправдан, поскольку человек, чье имя фигурирует в показаниях столь многих участников заговора, может действительно оказаться причастным к преступлению. Вывод напрашивается сам собой: чтобы определить, какая именно вина лежит на Эйхе, требовалось тщательное изучение следственных материалов по его делу, но Хрущев не мог допустить таких проверок, ибо многие его неправды тогда сразу выплыли бы наружу.

- Эйхе возлагает вину на двух следователей НКВД — Ушакова и Николаева — за жестокие пытки (избиения), которые ему довелось испытать. И нам тоже кое-что известно о мучителях Эйхе: оба действовали по указке Ежова, были арестованы, осуждены и расстреляны за фабрикацию лживых показаний и истязания подследственных.

- Именно при Берии начались аресты и расследования деятельности многих руководителей НКВД, причастных к пыткам и следовательским фальсификациям, но Хрущев как никто другой запятнал себя участием в незаконных репрессиях. И именно он сыграл первостепенную роль в судебной расправе над Берией в 1953 году, а в последующем — не упускал случая, чтобы возвести на него любую напраслину. Неудивительно, что в «закрытом докладе» вину за отчаянное положение Эйхе Хрущев возложил тоже на Берию, приписав ему злоупотребления, к каким тот был непричастен. Вот почему публикация заявления Эйхе никак не отвечала хрущевским интересам.

- Помимо прочего, из письма Эйхе следует, что с отстранением Ежова методы ведения следствия в НКВД стали возвращаться в русло законности. Так, подследственный Эйхе получил право на письменное обращение к наркому внутренних дел СССР Л.П.Берии. Начальник следственной части НКВД Б.З.Кобулов нашел возможность выслушать Эйхе и пытался

разобраться в доводах, которые тот привел в свое оправдание. И, наконец, дважды ему разрешили написать заявления на имя Сталина, и, как подразумевается, оба послания дошли до адресата.

Сказанное косвенно подтверждает, что именно Берия и, разумеется, Сталин потребовали от НКВД проведения тщательного расследования случаев, аналогичных делу Эйхе, и выяснения, кто прав, кто виноват. Так во всяком случае могли подумать делегаты съезда, слушавшие доклад Хрущева, но цели самого докладчика были совершенно иными — представить Сталина и Берию безответственными руководителями, которые поощряли самый разнузданный произвол.

- Эйхе дает понять, что сами заговоры существовали в действительности, и в подтверждение своих слов называет ряд членов ЦК, которые либо сами состояли в них, либо дали признательные показания, указав на него как на одного из заговорщиков. Стоит сказать, что основная направленность хрущевского доклада — утвердить всех во мнении, что заговоров как таковых никогда не существовало.

- Эйхе сообщает, что Евдокимов и Фриновский выдвинули против него обвинения в причастности к заговорщической деятельности Ежова. Именно на него, а также на следователя Ушакова Эйхе возлагает вину за выбивание из него ложных признаний. Хотя сам он отрицает наличие каких-либо конспиративных связей с Ежовым, Фриновский утверждает прямо противоположное.

Называя Ежова «арестованным и разоблаченным контрреволюционером», Эйхе затрагивает тем самым вопрос о собственном заговоре бывшего наркома внутренних дел. Сведения, удостоверяющие существование такого заговора, стали известны лишь в 2006 году, когда было опубликовано заявление Фриновского и один из протоколов допроса Ежова.

Нет повода сомневаться, что ежовские следователи действительно выбивали из Эйхе показания, поскольку и Ежов, и Фриновский признались в использовании «физических методов» на допросах подследственных, но только сам этот факт не обязательно свидетельствует о невиновности Эйхе. Как отмечал Фриновский, и он сам, и Ежов фабриковали липовые дела и казнили своих сообщников по заговору, чтобы не допустить вскрытия их злодеяний на допросах у Берии.

Публикация полного текста письма Эйхе (не говоря уж о предании огласке материалов из его дела) могла бы спутать Хрущеву все карты. Была бы поднята проблема организованного Ежовым заговора, что противоречило основной задаче «закрытого доклада» — свалить вину за все и вся на Сталина и Берию.

При знакомстве с письмом выплыли бы наружу имена многих высокопоставленных партийных деятелей, чьи следственные дела надлежит хорошенько изучить, прежде чем удастся отделить недостоверные показания от правдивых.

- Так, среди лиц, упомянутых Эйхе, — Евдокимов. Тот самый, кого и Ежов, и Фриновский назвали своим ближайшим сообщником по заговору. Странно, однако, что в постановлении Президиума ЦК КПСС от 6 марта 1956 года фамилия Евдокимова стоит в одном «реабилитационном» списке вместе с Эйхе!

- Среди других названных в письме членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) — В.И.Межлаук, С.В.Косиор, Э.К.Прамнэк, Н.И.Пахомов, причем оба последних выдвинули против Эйхе ложные обвинения.

Опровержения выдвинутых обвинений — такие, как письмо Эйхе на имя Сталина, — заслуживают не большего доверия, чем признания вины. Тем не менее в доклады Хрущева и Поспелова ими помещены только те тщательно отсеянные фрагменты заявления, где Эйхе пишет о своей невиновности.

Если неискаженный текст письма рассматривать вместе с другой информацией, где речь идет о роли Эйхе в массовых репрессиях, мы неизбежно придем к умозаключению, что Поспелов и Хрущев приложили максимум усилий для сокрытия свидетельств, указывающих на виновность Эйхе. Именно таким образом обоим докладчикам удалось пресечь попытки любого серьезного исследования как его собственного дела, так и роли Эйхе в заговоре Ежова.

Эйхе упоминает слова Сталина о том, что «каждый член ЦК имеет право знакомиться с особой папкой П[олит]Б[юро]». Возможно, далеко не все члены ЦК 1956 года знали, что собой представляли «особые папки». Поэтому наверняка бы возник вопрос, наделены ли ***они сами*** таким правом?

Хрущев не смог бы отказать членам ЦК, если бы те, зная, что их требования правомочны, захотели изучить архивно-

следственные материалы на тех или иных лиц. Можно с уверенностью говорить о жестких ограничениях, наложенных на доступ к особым папкам, поскольку даже таким членам Политбюро, как Молотов и Каганович, не удалось воспользоваться сведениями из уголовных дел. Очень может быть, что инициатива запретительных мер исходила от самого Хрущева. В противном случае трудно понять, как именно Хрущеву и хрущевцам удалось избежать разоблачения лживых обвинений, выдвинутых ими против «антипартийной группы» в 1957 году.

В общем, письмо Эйхе, если рассматривать его ***во всей полноте,*** могло стать весьма опасным средством для противодействия замыслам Хрущева. По содержанию оно, скорее, оправдывает Сталина и Берию и подтверждает наличие масштабного заговора с участием по меньшей мере некоторых членов ЦК, но не только. Хрущев решился процитировать вырванные из контекста выдержки из документа, лишь когда удостоверился, что кроме него самого и его сторонников больше никто не имеет доступа к делу Эйхе.

* * *

Анализ справок и других реабилитационных материалов позволяет сформулировать выводы, которые важны для проделанного в предыдущих главах исследования «закрытого доклада» Хрущева.

- Значительная часть материалов против репрессированных лиц оставлена в реабилитационных справках без внимания.

- Ни один из фактов, подтверждающих виновность членов ЦК, названных в хрущевском докладе, не стал предметом пристального изучения. Зато обнаружение малейших противоречий давало повод для отклонения любых из свидетельств.

Без ознакомления с архивно-следственными делами нельзя установить, что же произошло в действительности. Но для наших нынешних целей это не так уж необходимо. Имеющихся сведений вполне достаточно, чтобы утверждать:

- Реабилитационные справки не устанавливают невиновность тех, кому они посвящены.

- Такие справки вообще не ставили перед собой задачу поиска истины. Вся их роль сводилась к подготовке «докумен-

тального обеспечения» для последующего объявления тех или иных лиц «невиновными».

У нас теперь есть возможность познакомиться с тем, чем пользовался Хрущев и что имел в своем распоряжении Поспелов, а также узнать, какими сведениями их подпитывал Руденко. Анализ доступных материалов, так или иначе, приводит нас к выводу: Хрущев отдавал приказания Руденко, чтобы тот состряпал «оправдательные» бумаги — более или менее похожие на правду реабилитационные справки, посредством которых репрессированные лица могли быть провозглашены невиновными.

При сопоставлении того, что мы знаем об обвинениях осужденных, следует отдать предпочтение не «реабилитационным» справкам на Постышева, Косарева и Рудзутака, а научному анализу всех имеющихся свидетельств. Этот вывод хорошо согласуется с тем, что Хрущев говорил неправду во многих частях своего «закрытого доклада», что, я надеюсь, теперь можно считать доказанным.

ГЛАВА 11

СКРЫТЫЕ ПРУЖИНЫ ХРУЩЕВСКИХ «РАЗОБЛАЧЕНИЙ»

Почему Хрущев выступил с критикой Сталина? Был ли Хрущев заговорщиком? Александр Щербаков. Влияние на советское общество. Политические последствия

Десятилетиями считалось: Хрущев отважился на резко критическое выступление против Сталина, руководствуясь мотивами, изложенными в самом «закрытом докладе». Но теперь удалось установить иное: все хрущевские обвинения или «разоблачения» Сталина оказались *неправдой.* Поэтому вопрос встает с еще большей остротой: что *послужило причиной для столь вопиющей лжи?*

Почему Хрущев выступил с критикой Сталина?

Почему Хрущев выступил с погромной речью против Сталина? Каковы были его истинные мотивы? Доводы, прозвучавшие из уст Хрущева, уже нельзя принимать всерьез. Они столь же фальшивы, как и хрущевские «разоблачения», о чем знал, как правило, сам докладчик или не придавал тому никакого значения.

Какие-то обстоятельства подстегивали Хрущева, но именно их он обошел глухим молчанием в своем выступлении на закрытом заседании XX съезда КПСС. Образно говоря, помимо хорошо известного «закрытого» выступления существовал ***второй,*** и по-настоящему ***секретный*** доклад, который так и остался непроизнесенным и неизвестным. Вниманию читателей предлагается очерк, цель которого состоит не в поисках ответа, а, скорее, в постановке самого вопроса в таком ракурсе. Вот почему ниже будут обсуждаться очевидные (и не

очень) предположения, а также темы для будущих исторических изысканий.

Ясно: затевая кампанию «реабилитаций» и перекладывая вину на Сталина, Хрущев стремился упредить разоблачение собственной роли в массовых репрессиях 1930-х годов. Даже в Москве и на Украине — там, где Хрущев стяжал заслуженную и общепризнанную репутацию «архитектора террора», — обвинения, выдвинутые против Сталина, вкупе с реабилитацией жертв необоснованных казней, и, что еще важнее, множества уцелевших членов их семей, несомненно, могли смягчить озлобленность населения.

До недавнего времени доклад Хрущева всеми принимался за чистую правду. Но исследование, проделанное автором, показывает, что такой подход неуместен. Этот вывод непроизвольно влечет за собой множество вопросов. Например: почему Хрущев выступил с «закрытым докладом»? Зачем ему понадобилось так много усилий (фабрикация псевдоисследований, уничтожение и сокрытие документов) и столько политических жертв — неужели все ради какой-то речи, которая с утилитарной точки зрения соткана ***сплошь*** из лжи?

Один из ответов был дан Коммунистической партией Китая. Китайские коммунисты считали, что Хрущев и его сторонники добивались радикальных изменений политического курса, каким СССР, по мнению КПК, следовал при Сталине. Здесь следует вспомнить, что ряд экономических и политических реформ хрущевского времени воспринимался в КНР как отказ от основ марксизма-ленинизма.

В такой интерпретации есть доля истины. Причины появления подобных взглядов имели корни в самой советской действительности. Выработка политики, ныне ассоциируемой с именами Хрущева и таких его эпигонов, как Брежнев и другие, началась сразу после смерти Сталина, но еще задолго до захвата Хрущевым господствующего положения в руководстве страны. Фактически же многие из указанных тенденций прослеживаются еще с конца 1940-х — начала 1950-х годов в т.н. «позднесталинский» период.

Трудно сказать, в какой степени сам Сталин придерживался или противился такой политике. В последние годы он был все меньше и меньше активен политически. Если взять, к примеру, его книгу «Экономические проблемы социализ¬

ма в СССР» (1952) и постановления XIX съезда КПСС (1952), то иногда кажется, что ему хотелось указать на другой путь строительства коммунизма. Годы спустя Микоян расценил последние сталинские взгляды как «невероятно левацкий загиб»[1]. Тотчас после смерти Сталина «коллективное руководство» пришло к общему мнению: отказаться от упоминания как самой книги, так и сталинских планов, постепенно освободить партию от функций государственного управления.

Вторая гипотеза состоит в том, что Хрущев воспользовался критикой Сталина как оружием в борьбе с другими членами Президиума ЦК КПСС, особенно — с Маленковым, Молотовым и Кагановичем. Такая политическая линия связана была с известным риском: не мог же Хрущев заранее знать, что его оппоненты не выступят с контробвинениями и не применят к нему более жестких мер? Возможно, здесь кроется ответ на вопрос, почему ему удалось найти опору среди таких беспринципных людей, как Поспелов, сыгравших значительную роль в «расчистке» архивов от документов, раскрывающих роль Хрущева в организации массовых репрессий.

Возможно, Хрущев и сам понимал, что с устранением Берии он оставался единственным, кто обладал своей «программой» и политической волей для воплощения в жизнь собственных устремлений. Оглядываясь назад, можно увидеть, насколько пассивными в те годы были другие члены Президиума. По всей видимости, они всегда полагались на Сталина, уступая ему инициативу по принятию наиболее ответственных решений. Нельзя исключать, что пассивность была кажущейся и за ней скрывалась борьба политических идей внутри советского руководства.

Историк Юрий Жуков предложил третью гипотезу. По его мнению, цель Хрущева состояла в том, чтобы положить конец демократическим реформам, которые прочно ассоциировались с именами Сталина и его ближайших соратников по Президиуму ЦК (до 1952 года — Политбюро), прежде всего Георгия Маленкова, который пытался проводить их в жизнь некоторое время после смерти вождя. Суть преобразований сводилась к изъятию у партии несвойственных ей функций управления политикой, экономикой и культурой и передаче их избираемым

---

[1] А.И.Микоян. *Так было.* — М.: Вагриус, 1999, гл. 46, с.559.

на выборах Советам. «Преобразование» или «реструктуризацию» госуправления планировалось провести в рамках социалистической системы — в противоположность ничем не сдерживаемой кампании по реставрации хищнического капитализма в период горбачевской «перестройки».

Жуков подробно описывает случаи противостояния, с одной стороны, Сталина и его сторонников, стремившихся оттеснить партию от рычагов государственной власти, а с другой — остальных членов Политбюро, которые решительно выступили против реформ. В мае 1953 года, т.е. вскоре после смерти Сталина, высший орган исполнительной власти — Совет министров СССР — принял постановление, которое лишало дополнительного денежного содержания, или т.н. «конвертов», крупных партийных руководителей и тем самым по уровню реальных зарплат ставило их на порядок-два ниже, чем служащих госаппарата того же ранга. Жуков отмечает, что именно Маленков выступал за необходимость такого постановления. По духу оно соответствовало идее отстранения партии от управления государством, его хозяйством и культурой и передачи всех властных полномочий правительственным органам. Примечательно, что постановление обрело законную силу незадолго до противоправных карательных мер, обрушившихся на Берию — одного из тех, кто, как мы знаем, поддерживал реформы.

В конце июня 1953 года Берия подвергся неожиданному аресту и заточению в тюремную камеру или, по другой версии, — цинично был расстрелян прямо на месте. А уже в августе Хрущеву удалось — неизвестно только как — восстановить «конверты» для высокопоставленных партчиновников, увеличив размер премиальных и выплатив недополученное за три месяца. Еще через три недели состоялся Пленум Центрального комитета, и буквально в последние минуты его работы был воссоздан пост Первого секретаря ЦК (до 1934 года — Генерального секретаря), на который, разумеется, избрали Хрущева. Здесь трудно не увидеть, как партийная номенклатура вознаградила «своего человечка»...

Жуков подытоживает: «Вот в этом-то возвращении партаппарата к власти и кроется, по моему глубочайшему убеждению, истинный смысл XX съезда. Ну а необходимость скрыть это...

вынудила отвлечь внимание от настоящих событий, сосредоточить его на прошлом с помощью закрытого доклада»[1].

Спору нет, элементы правды содержатся как в попытках объяснить все случившееся «борьбой за власть», так и в аргументах «китайской» (антиревизионистской) версии. Но, как представляется, лишь гипотеза Жукова охватывает при рассмотрении все известные факты и одновременно согласуется как с содержанием самого «закрытого доклада», так и с представленными автором доказательствами лживости всех хрущевских «разоблачений».

Сталин и его сторонники отстаивали план демократизации СССР, одним из ключевых элементов которого должны были стать всеобщие, равные, прямые и тайные выборы с выдвижением не менее 2—3 кандидатов на одно место. План предусматривал такое перераспределение власти в СССР, чтобы места партийных руководителей вроде Хрущева могли занять компетентные и избранные на альтернативной основе госуправленцы. Но партия тоже осталась бы в выигрыше: освобождение от несвойственных функций заложило бы основы ее возрождения как политической организации, объединяющей в своих рядах преданных борцов за коммунизм, а не карьеристов и ненасытных корыстолюбцев. Хрущев получил поддержку у первых секретарей, которые настроены были саботировать любые попытки таких преобразований и лишь стремились увековечить собственные привилегии.

Современные обозреватели оценивают и внешнюю, и внутреннюю политику Хрущева как резкое отступление от той, что ранее отождествлялась с именем Сталина. В сущности, политические перемены (правда, совсем иные, но в чем-то созвучные с теми, что позднее инициировал или поддерживал Хрущев) начались сразу после смерти Сталина, когда будущий Первый секретарь ЦК занимал не самое влиятельное положение в Президиуме[2]. Среди «реформ», шедших вразрез с долголетней политикой Сталина, как правило, называют:

---

[1] Ю.Н.Жуков Крутой поворот... назад. См.: XX *съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС, 22 февраля 1996 г.* Это единственное выступление на конференции, на которое отреагировал сам Горбачев, высказав резкое несогласие с докладчиком. См.: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=554&art_id=24755.

[2] На самом деле следует считать, что т.н. послесталинская «оттепель» началась в последние годы жизни Сталина по меньшей мере в области советской куль-

- поворот к рыночно-ориентированной экономике;

- смещение экономических акцентов с тяжелой промышленности и производства средств производства в сторону товаров народного потребления;

- отход от классической марксистско-ленинской концепции о том, что, пока существует империализм, войны с ним неизбежны; переход в международных делах к политике уклонения любой ценой от прямых вооруженных столкновений с империалистическими державами;

- отречение от признания авангардной роли рабочего класса в социальных революциях ради укрепления союза с другими классами;

- введение в оборот новых тезисов о возможности победы над капитализмом с помощью «мирного соревнования» и о переходе к социализму без революций парламентским путём;

- отрицание сталинского положения о движении к коммунизму через более высокие стадии социализма.

Без коренных перемен в советском обществе и внутри КПСС[1] Хрущев никогда бы не смог прийти к власти, задумать и подготовить «закрытый доклад», выступить с ним с трибуны XX съезда и добиться признания и успеха.

Хрущев — заговорщик?

В другой своей работе Жуков подчеркивает: похоже, именно первые секретари, возглавляемые Робертом Эйхе, положили начало массовым репрессиям 1937—1938 годов[2]. Хрущев тоже был первым секретарем и принимал активное участие в проведении крупномасштабных репрессий, в том числе казней десятков тысяч людей.

туры. Эта идея развита в последних работах Вадима Кожинова, см.: В.В.Кожинов. *Россия. Век XX (1939—1964). (Опыт беспристрастного исследования.)* — М.: Алгоритм, 1999, глава «О так называемой оттепели», с.309—344.

[1] До 1952 года партия носила название Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) — ВКП(б).

[2] Краткий пересказ и обсуждение гипотезы Жукова вместе с цитатами из его книг и статей изложены мной в работе «Сталин и борьба за демократические реформы» — G.Furr, "Stalin and the Struggle for Democratic Reform", в: *Cultural Logic,* 2005, см.: http://clogic.eserver.org/2005/2005.html.

Большая часть секретарей оказалась на скамье подсудимых и получила расстрельные приговоры. Одни, как, к примеру, Кабаков, были осуждены за участие в заговоре. Другие, как Постышев (по крайней мере на первых порах), обвинялись в массовых необоснованных репрессиях членов партии. Надо полагать, Эйхе входил в ту же самую группировку. Впоследствии многие из секретарей предстали перед судом как руководители собственных заговоров. А Хрущев не только каким-то чудом избежал обвинений а 1937—1938 годах, но даже получил повышение по партийной линии.

Могло ли быть так, что Хрущев тоже состоял в заговоре, но как один из соучастников высшего ранга так и остался неразоблаченным? По понятным причинам, представить доказательства этой гипотезы практически невозможно. Однако именно она могла бы наилучшим образом объяснить и логически связать все имеющиеся свидетельства.

«Закрытый доклад» Хрущева то и дело представляют как подготовительный шаг к реабилитации Бухарина. И действительно, некоторые из подсудимых «бухаринского» процесса 1938 года были реабилитированы вскоре после XX съезда. Поэтому разумно, чтобы Бухарин тоже оказался в их числе. Но получилось иначе. Годы спустя Хрущев писал в воспоминаниях, что, как ни хотелось ему реабилитировать Бухарина, этим намерениям не суждено было осуществиться из-за противодействия руководителей некоторых зарубежных компартий. Как отмечал Микоян, документ на реабилитацию Бухарина был подготовлен и подписан, но в последний момент Хрущев пошел на попятную[1].

Почему среди подсудимых всех трех московских показательных процессов Хрущев особенно настаивал на реабилитации Бухарина? Все, по-видимому, объясняется стойкой преданностью, какую в сравнении с другими Хрущев испытывал по отношению к Бухарину. Возможно, речь шла только о приверженности к идеям бухаринизма. Но такое объяснение не единственное.

Начиная с хрущевских времен, но особенно после проведенной при Горбачеве формальной реабилитации Бухарина в

---

[1] Н.С.Хрущев. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания.)* В 4 книгах. Книга 2. Часть III.— М.: Московские новости, 1999, с. 192. А.И.Микоян. *Так было.* Гл. 49 «Хрущев у власти», с.611.

1988 году его «невиновность» стала считаться сама собой разумеющейся. Но как показано в публикации, подготовленной автором этих строк вместе с коллегой из России, для утверждений такого рода нет достаточных оснований[1]. Имеющиеся свидетельства — лишь малая часть того, чем советские власти располагали в 1930-е годы, — убедительно указывают на Бухарина как на соучастника крупномасштабного антиправительственного заговора.

Предложенный подход подразумевает правдивость показаний Бухарина, с которыми он выступил на процессе 1938 года. Но, как известно, ***всю*** правду он не сказал и тогда. Как подметил Дж.Гетти, Бухарин категорически отказывался признавать что-либо, но лишь до тех пор, пока показания не стал давать арестованный Тухачевский. Последнее, по-видимому, стало известно Бухарину, и лишь тогда имя маршала появилось в его признаниях.

Есть свидетельства, что Бухарин знал имена других заговорщиков, но о некоторых из них не проронил ни слова ни на следствии, ни в суде. По словам Фриновского, среди прочих там фигурировал и Ежов[2]. Все это выглядит очень правдоподобно, учитывая имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Ежове. Мог ли среди известных Бухарину лиц быть Хрущев? Если да, то только в случае принадлежности последнего к самым высокопоставленным руководителям заговора, а потому наиболее законспирированным.

Из того, что известно сегодня, следует: Хрущев был одним из организаторов массовых репрессий, — возможно, даже самым крупным из всех за исключением самого Ежова и его подручных, а также, вероятно, Эйхе[3]. Одно из объяснений, по-видимому, кроется в том, что, находясь в должности первого секретаря, Хрущев в 1937—1938 годах стоял во главе московского городского и областного комитетов ВКП(б), а затем — большевистской организации Украинской ССР. Словом, в обоих случаях ему довелось руководить партийно-хозяйствен-

---

[1] См.: Г.Ферр, В.Бобров. «Первые признательные показания Н.И.Бухарина на Лубянке» // *Клио*. 2007, № 1.

[2] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. — М.: МФД, 2006, с.47.

[3] Ю.Жуков. «Подлинная история Иосифа Сталина?» // Литературная газета. 2007, № 8, 28 февраля.

ными делами многонаселенных и исключительных по своему значению регионов. Поскольку заговор созрел внутри самой партии (во всяком случае таковы подозрения об истоках его возникновения), естественно было бы считать, что он пустил крепкие корни именно в Москве, тогда как на Украине его подпитывали националистически ориентированные оппозиционные течения.

В категорической форме Фриновский подчеркивал: цель проводимых им и Ежовым репрессий,— в том числе пыток, фабрикации лживых показаний, юридически оформленных убийств тысяч невинных людей, — состояла в том, чтобы предстать перед советским руководством преданнейшими из преданных и таким способом скрыть собственные заговорщические планы. Сценарий, описанный Фриновским, не просто вероятен. Он представляет собой единственную разумную трактовку событий из всех возможных.

Похоже, что Постышев и Эйхе, два первых секретаря, которые обрекли на смерть тысячи невинных жертв, действовали из сходных побуждений, причем по меньшей мере Эйхе участвовал в репрессиях рука об руку с Ежовым. Неужели другие первые секретари не могли действовать таким же образом? Если говорить конкретно о Хрущеве, разве не мог он участвовать в массовых фальсификациях, инсценировках правосудия и казнях, чтобы только скрыть свою истинную роль в событиях 1937—1938 годов?

Что ж, вот два альтернативных объяснения: (1) сотни тысяч репрессированных действительно участвовали в антиправительственном заговоре, или (2) эти люди были уничтожены потому, что «Сталин страдал паранойей». Между тем известные сегодня документы свидетельствуют: именно Сталин пытался обуздать кровавые аппетиты деятелей вроде Хрущева, требовавших от Центра санкций на увеличение «лимитов» на массовые расстрелы и отправки в ГУЛАГ. И никому, заметим, до сих пор не приходило в голову считать Хрущева «параноиком»...

Антикоммунисты, троцкисты и приверженцы концепции «тоталитарного» устройства СССР то и дело прибегают к тезису о «паранойе», чтобы дать толкование тем или иным событиям советского прошлого. Увы, такая трактовка ничего не объясняет, а, наоборот, демонстрирует отсутствие сколько-

нибудь вразумительных объяснений. Ни о какой «паранойе» не может быть и речи: не Сталин, а другие члены ЦК, в особенности первые секретари, инициировали массовые репрессии и казни.

Фриновский утверждает: Бухарин хотя и знал об участии Ежова в правотроцкистском заговоре, но давать показания о нем на предварительном следствии и на процессе отказался. По словам Фриновского, Бухарин хранил молчание в ответ на обещания Ежова сохранить ему жизнь. Не исключено, что так оно и было. Только следует иметь в виду: такая трактовка отнюдь не прибавляет доверия к Бухарину, который, в конце концов, был старым большевиком, участником революционных событий в Москве в октябре 1917 года.

Революционеры-подпольщики нередко шли на казнь, но не выдавали своих товарищей. Почему бы не допустить, что Бухарин отказался назвать Ежова только по этой причине? Известно, что до суда и ареста Бухарин не сказал «всей правды» ***ни в одном*** из своих заявлений. И поскольку он не «разоружился», тогда почему бы ему не продолжить борьбу со Сталиным? Бухаринские раболепно-угоднические заверения в преданности и «внутренней привязанности» к Сталину[1] невозможно читать без смущения. Заявления такого пошиба не могут быть искренними, и Сталин едва ли верил им больше, чем мы сегодня.

Мы видели, что Бухарин начал давать признательные показания и указал на Тухачевского лишь ***после*** того, как тот был арестован и сам признался в участии в заговоре. Если Бухарин положил голову на плаху и (неважно, по каким причинам) отказался выдать своего сообщника (Ежова), можно ли поверить, что он не унес в могилу имена других заговорщиков?

Нет точных сведений, был ли Хрущев одним из неразоблаченных конспираторов и знал ли о нем Бухарин. Зато доподлинно известно, что антиправительственное подполье сохранилось в СССР после 1937—1938 годов[2], а некоторые из

---

[1] Письмо Бухарина к Сталину от 10 декабря 1937 года было опубликовано в один год сразу в двух российских журналах. Слова о любви к Сталину разбросаны по всему письму, хота фраза о «внутренней привязанности» помещена в: «"Прости меня, Коба..." Неизвестное письмо Н.Бухарина» // Источник. 1993, № 0, с.24, вторая колонка.

[2] См., например: Grigory Tokaev, *Comrade X.* (London: Harvill Press, 1956).

заговорщиков и далее оставались на высоких постах. Еще мы знаем, что Хрущев сохранял преданность Бухарину по прошествии двух десятилетий после его казни.

Версия, согласно которой будущий Первый секретарь ЦК долгие годы оставался глубоко законспирированным соучастником разветвленного правотроцкистского заговора, становится более правдоподобной, если вспомнить о роли Хрущева в *других* известных заговорах.

- 5 марта 1953 года, когда Сталин был еще жив, «старая гвардия» из состава бывшего Политбюро инициировала отмену принятого всего полгода назад постановления октябрьского (1952) Пленума об увеличении численности членов Президиума ЦК КПСС и ряд иных перемен фундаментального характера. Все решения были приняты без каких-либо обсуждений и без одобрения со стороны членов Президиума в его полном составе (не говоря уж об отсутствии голосования всех членов ЦК). Власть, таким образом, перешла в руки «коллективного руководства», что фактически означало произошедший в стране *партийно-государственный переворот*.

- Хрущев был движущей силой заговора с целью отстранения от власти — ареста и, возможно, убийства — Лаврентия Берии. Известно, что первоначально не планировалось брать его под стражу: как следует из проекта (черновика) выступления Маленкова, Берию следовало освободить от должности зампреда Совета министров СССР и министра МВД с одновременным назначением министром нефтяной промышленности.

- Поскольку Хрущеву удалось перекрыть для членов Президиума ЦК доступ к архивным делам, которые использовались комиссиями по реабилитации, мы вправе говорить о тайном соглашении среди тех, кто подпитывал его необходимыми материалами, не допуская к ним никого другого.

Очевидно, что в сговоре участвовал Поспелов, который возглавлял комиссию, созданную по настоянию Хрущева и по запросу последнего подготовившую нужный ему доклад. Еще один соучастник заговора — Генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко, чья подпись стоит на самых важных реабилитационных справках. Другие члены реабилитационных комиссий плюс следователи и архивисты, принимавшие участие в поиске первоисточников для справок и поспеловского докла-

да, по-видимому, дали клятвенное обещание молчать и, следовательно, тоже участвовали в заговоре.

Известны лишь некоторые имена тех, кто изучал архивно-следственные материалы, но какие-либо дополнительные сведения о самих исследователях практически отсутствуют. К примеру, некий Борис Викторов, по его словам, входил в группу юристов, занимавшуюся реабилитациями. В 1990 году он опубликовал книгу и ряд статей, одна из которых была напечатана 29 апреля 1988 года в «Правде», чтобы в очередной раз поведать о невиновности маршала Тухачевского и других военачальников, осужденных 11 июня 1937 года.

Не вызывает сомнений, что перед нами одна из мошеннических уловок. Викторов ***провозглашает*** участников заговора в Красной Армии невиновными, но ничем ***не доказывает*** свои утверждения. Он цитирует документ сомнительного свойства и оставляет без внимания поистине убийственные свидетельства, с которыми ему, несомненно, удалось познакомиться. Последние стали сейчас известны, однако еще не были преданы огласке, когда рукописи викторовских сочинений готовились к печати. Тем самым Викторов выдает себя как одного из соучастников «заговора» с намерением вооружить Хрущева фальшивыми доказательствами невиновности лиц, упомянутых в «закрытом докладе».

Общепризнано, что после прихода Хрущева к власти архивы подверглись тщательной расчистке, в результате чего многие документы были изъяты и, надо полагать, уничтожены.[1] Историки соглашаются: погибшие документы, скорее всего, имели отношение к роли Хрущева в массовых репрессиях конца 1930-х годов. Поскольку, как теперь очевидно, каждое из утверждений «закрытой» речи не соответствует истине, а реабилитационные справки и доклад Поспелова ничуть не меньше искажают события прошлого, то весьма вероятно, что уничтожению подверглось и множество других документов.

Поистине титаническая работа была проделана с привлечением большого числа архивистов и тех, кто следил за их ра-

---

[1] Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. Часть 3. // *Комсомольская правда.* 2002,12 ноября; Н.Петров. *Первый председатель КГБ Иван Серов.* — М.: Материк, 2005, с. 157—162; М.Юнге, Р.Биннер. *Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения.* — М.: АИРО—XX, 2003, с. 16.

ботой. Думается, масштабы изысканий оказались столь велики, что сил только Руденко и Поспелова явно не хватало. Поэтому к работам привлекался значительный штат архивистов и должностных лиц, включая всецело преданных Хрущеву партчиновников. Естественно, всем им было доподлинно известно, какие именно свидетельства Хрущев пытался скрыть или уничтожить.

Александр Щербаков

В январе 1938 года Хрущев был снят с поста первого секретаря московского городского и областного комитетов ВКП(б) и назначен руководить ЦК компартии Украины. Освободившуюся должность через некоторое время занял Александр Сергеевич Щербаков.

В своих воспоминаниях Хрущев пишет о Щербакове с большой неприязнью, а причины такого недоброжелательства не ясны. В недавней биографии Щербакова, написанной А.Н.Пономаревым и изданной Главным архивным управлением Москвы, исследуются истоки такой враждебности. Как там указывается, антагонизм к Щербакову прослеживается с того времени, когда тот вопреки нажиму Хрущева наотрез отказался раздувать на бумаге отчетные цифры о «рекордном» урожае, полученном за счет двойного учета семенного зерна[1].

Еще больше неприятностей сулила начатая в Москве проверка жалоб и апелляций от исключенных из партии в 1937—1938 годах: за тот самый период, когда во главе московского городского и областного комитетов стоял Хрущев, из 12 000 письменных обращений до 90% дел разрешилось в пользу заявителей. Однако Пономарев умалчивает, что значительное число из тех исключенных были казнены, а апелляции поданы уцелевшими членами их семей.[2]

Конечно, Хрущев входил в состав репрессивной «тройки» и лишь изредка уступал в ней место одному из своих замес¬

[1] А.Н.Пономарев. Александр Щербаков. Страницы биографии. — М.: Издательство Главархива Москвы, 2004, с.49 и прим.7 на с.66.

[2] Печальные итоги работы хрущевской «тройки» Пономарев иллюстрирует следующим примером: на апрель 1939 года из 690 протестов, вынесенных прокуратурой г.Москвы на решения «троек», суды рассмотрели 130, отклонив из них лишь 14. См.: *Там же.* Прим. 9 на с.66.

тителей. Все остальные члены московской «тройки» по приговору суда были казнены за проведение незаконных репрессий. Логично полагать, что в силу столь серьезных компрометирующих обстоятельств Хрущев чувствовал себя чрезвычайно уязвимым. В конце концов, лишь на очень немногих из первых секретарей можно возложить такую же меру ответственности за массовые противозаконные деяния, в том числе за исключения из партии, отправки в лагеря и казни десятков тысяч неповинных людей, — как на Хрущева.

Пономарев приводит свидетельство, показывающее, что Щербаков в свою очередь тоже весьма прохладно относился к Хрущеву. На XVIII съезде ВКП(б) Щербаков выступил с докладом и ни разу не упомянул в нем своего предшественника. Для сравнения: Г.М.Попов, второй секретарь как при Щербакове, так и при Хрущеве, расточал многие похвалы в адрес последнего — факт, который особенно выделяется на фоне щербаковского молчания[1].

Опираясь на рассказы членов семьи Щербакова и документы московского Главархива, Пономарев постарался опровергнуть множество ходульных обвинений, выдвинутых в воспоминаниях Хрущева; например, его утверждение, что Щербаков был, дескать, «подвержен пороку пьянства»[2]. Между тем, по словам детей и сослуживцев, Щербаков почти совсем не употреблял спиртного. Пономарев приводит примеры двуличного отношения к членам семьи Щербакова после его кончины. Пока был жив Сталин, Хрущев демонстрировал симпатию к осиротевшему семейству, но когда сам пришел к власти, по его личному распоряжению Щербаковых лишили дачи, а все принятые ранее постановления о чествовании Щербакова были отменены[3].

Не кто-либо, а сам Хрущев обладал «ядовитым, змеиным характером»[4]. Несмотря на политическую близость, Анастас Микоян осудил Хрущева за его недобросовестность и нелояльность к людям, а также за приверженность к искажению

---

[1] Там же. С.51—52.

[2] Хрущев. *Время. Люди. Власть.* Кн.2. Часть III, с.41.

[3] Пономарев, с.276—*277.*

[4] В кавычках — слова-характеристика Щербакова в воспоминаниях Хрущева: Хрущев. *Цит. соч.* С.39.

исторических фактов[1]. Отчего Хрущев был так враждебно настроен к Щербакову и его семье? Почему он столь откровенно ненавидел персонально Щербакова?

В мемуарах Хрущев почему-то обходит молчанием роль Щербакова в разоблачении А.В.Снегова — одного из участников заговора 1937 года. В 1950-е Хрущев близко сошелся со Снеговым, и, освободив его из заключения, назначил на важный пост в МВД СССР. Впоследствии Хрущев не раз прибегал к консультациям Снегова, а в 1956 году процитировал его письмо в «закрытом докладе». По словам зятя Хрущева Алексея Аджубея, Снегов был другом и доверенным лицом Хрущева[2].

Современные историки считают, что Хрущев стремился скрыть истинный размах и характер своего участия в массовых репрессиях. В сталинские времена злоупотребления в этой сфере становились причиной для предания суду и последующего вынесения смертных приговоров многим из партийных чиновников и руководителей госбезопасности. Из чего следует: на протяжении почти двух десятилетий Хрущев боялся раскрытия своей роли одного из крупных организаторов массовых незаконных репрессий. Его страхи были тем сильнее, что он, как предполагается, сам участвовал в правотроцкистском заговоре и просто чудом избежал разоблачения.

---

[1] Пономарев (прим. 32 на с.207) цитирует воспоминания Микояна «Так было». Автор этих строк проверил правильность приведенных цитат.

[2] А.И.Аджубей. Крушение иллюзий.— М.: Интербук, 1991, с.162—167. После освобождения Хрущева на Снегова были наложены партийные взыскания за распространение троцкистских идей, см.: *Реабилитация: Как это было.* Т.2. Февраль 1956 — начало 80-х. — М.: МФД, 2003, с.521—525.

Откуда у Хрущева взялось настолько приязненное отношение, что он лично ходатайствовал об освобождении Снегова из лагеря в 1954 году, а в последующие годы оказывал ему поддержку и покровительство? Следует думать, что дружеские отношения они завязали как минимум еще до ареста Снегова. Возможно, Хрущев ухитрился устроить все так, что, несмотря на доказательства вины, Снегов смог избежать смертной казни, хотя фигурировал среди лиц, подлежащих суду по «первой категории».

Принимая во внимание близость обоих и то, что Снегов был приговорен за причастность к заговору, а Хрущев принял на себя хлопоты по «спасению» и протекции Снегова — человека, который не принадлежал к числу влиятельных руководителей, — логично предположить: может, Снегов тоже кое-что знал про Хрущева? Без сомнения, в случае расстрела Снегова с Хрущевым не случилось бы ничего страшного. Если же они были близкими товарищами, тогда обретает смысл все, что Хрущев делал для Снегова, поддерживая его.

О пагубных итогах хрущевских репрессий Щербаков знал, как, наверное, никто иной. К тому же его мнение имело достаточный вес как у Сталина, так и в Политбюро[1]. В мае 1941 года Щербаков был утвержден одним из секретарей ЦК и таким образом занял в партийной иерархии более высокое положение, нежели Хрущев.

Щербаков умер в мае 1945 года в возрасте 44 лет. 10 декабря 1944 года он перенес сердечный приступ и с тех пор поправлял свое здоровье в домашних условиях. 9 мая 1945 года врачи разрешили ему встать с постели и прогуляться по праздничной Москве, ликовавшей в честь победы над нацистской Германией, которая была одержана в тяжелейшей борьбе. В результате у Щербакова случился еще один сердечный приступ, от которого 10 мая он скончался.

Почему медики позволили человеку с больным сердцем вставать с кровати, когда основной метод лечения предполагает в таких случаях строгий постельный режим?[2] Один из врачей Щербакова Яков Этингер признался следователю М.Т.Лихачеву, что делал все от него зависящее, лишь бы сократить Щербакову жизнь, поскольку считал последнего антисемитом[3]. На допросе у министра МГБ В.С.Абакумова Этингер сначала отказался от своих показаний, а затем подтвердил их вновь. Вскоре после этого Этингер умер в тюрьме.

---

[1] Как первый секретарь ЦК КП(б)У Хрущев руководил массовыми репрессиями на Украине. Свою должность он занимал до 1949, т.е. почти 12 лет, поэтому у него было достаточно времени, чтобы замести следы и обезопасить себя от возможных неприятностей.

[2] Пономарев (с. 275 и прим. 20 на с.277) кратко замечает, что врачи «не возражали» против прогулки, которая стала причиной смерти Щербакова. Иначе говоря, Пономарев затрагивает вопрос о врачебном решении, но пытается расследовать случившееся..

[3] Я.Я.Этингер. *Это невозможно забыть: Воспоминания.* — М.: Весь мир, 2001, с.87. См.: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.xtmpl?Key=10153&page=78&print=yes. Письмо Рюмина к Сталину от 2 июля 1951 года, из которого Этингер почерпнул эти сведения, в переводе на английский опубликовано в: Jonathan Brent and Vladimir P.Naumov, *Stalin's Last Crime: The Plot Against the Jewish Doctors, 1948—1953.* NY: Harper Collins, 2003, pp. 115—118. Сама книга ужасно ненадежна. Но опубликованные там ***документы*** могут быть подлинными, ибо помещены в книгу В.П.Наумовым, видным архивистом, у которого действительно мог быть доступ к такого рода архивным источникам. Русскоязычные тексты документов не публиковались.

Пономарев разбирает обвинения Щербакова в антисемитизме и доказывает, что все они беспочвенны, см.: Пономарев, с.212—213, 218—222, 227—228.

Все произошедшее стало частью т.н. «дела врачей», ряд страниц которого содержат явные признаки следовательских фальсификаций. Не исключено, что показания Этингера были добыты у него под пытками, а сам он, возможно, не совершал врачебных ошибок, ускоривших смерть Щербакова. Однако те из обвиняемых по «делу врачей», кто в 1948 году лечил Андрея Жданова, покаялись в том, что медицинская помощь оказывалась ему неправильно, что, в конце концов, привело к его преждевременной кончине. Своему пациенту они позволяли не только вставать с постели, но и разрешили ему прогулки; когда вызванная ими для снятия ЭКГ женщина-кардиолог пришла к выводу, что у Жданова сердечный приступ, лечащие врачи категорически отвергли поставленный диагноз, потребовав исключить упоминание о нем из составленного кардиологом письменного заключения. Ничего себе «ошибка»! Объективно говоря, поведение врачей полностью отвечает определению «заговора», и лишь не ясно, действительно ли заговорщики собирались умерщвлять партийных руководителей, в чем их обвиняли впоследствии, либо вся их вина заключалась в создании порочной системы круговой поруки.

Напомним: у такого рода событий своя история. На процессе Бухарина—Рыкова в марте 1938 года лечащие врачи Плетнев и Левин сознались в участии в заговоре с целью умерщвления писателя Максима Горького, члена ЦК Валериана Куйбышева и председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского, которого Генрих Ягода хотел поскорее убрать со своего пути, чтобы с должности зампреда пересесть в освободившееся кресло. Обвинения, предъявленные Плетневу и Левину, подтверждаются ранее не публиковавшимися материалами досудебных допросов Ягоды и протоколами его очных ставок с Плетневым, Крючковым и Левиным. Имеются также две стенограммы допросов Енукидзе на предварительном следствии. Все перечисленные документы в целом подтверждают виновность Ягоды. А доктор Левин вдобавок допускает наличие прямой связи с Енукидзе[1].

---

[1] Материалы очных ставок Ягоды см.: *Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов*. — Казань, 1997, с.218—223. Первый из протоколов допросов Енукидзе (от 30 мая 1937) опубликован: *там же,* с.508—517. В нем следователь НКВД ссылается на более ранний протокол допроса Енукидзе (от 27 апреля 1937), который опубликован

В мае 1957 года была подготовлена реабилитационная справка на первого из подсудимых «бухаринского» процесса Акмаля Икрамова[1]. Однако единственное доказательство, которое приводилось в пользу его невиновности, состояло в том, что все выступившие с обвинениями Икрамова (включая Бухарина) в тех же самых показаниях назвали лиц, которые к 1957 году уже были провозглашены «реабилитированными»[2]. Любопытно, но справка ни единым словом не упоминает, что Икрамов, признавший свою виновность в суде, и его обвинители-подследственные действовали по принуждению.

Подобным же образом к декабрю 1957 года «реабилитацию» получили еще несколько участников того процесса. За исключением Ягоды все другие подсудимые дождались своего часа при Горбачеве, но их «реабилитация» стала уже чистой формальностью. На совещании историков в 1962 году Поспелову задали вопрос: что говорить школьникам об осужденных по делу правотроцкистского блока? И тот, не колеблясь, заявил, что «ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были»[3].

в: *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938.*— М.: МФД, 2004, № 60, с. 144—156. Последнее издание, опубликованное «фондом А.Н.Яковлева», имеет полуофициальный статус, поэтому ранее опубликованный документ подтверждает подлинность апрельского протокола допроса Енукидзе. О контактах Левина с Енукидзе см.: там же, с.222.

[1] Вскоре (3 июня 1957) Икрамов был реабилитирован, см.: http://www.memo.ru/memory/cornmunarka/chapter5.htm.

[2] Реабилитация: Как это было. Т.2. Февраль 1956 — начало 80-х. — М.: МФД, 2003, с. 135.

[3] Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по Историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. — М.: Наука, 1964, с.298. Юрий Фельштинский, известный российский ученый-троцкист, утверждает, что Поспелов сделал свое заявление, будто" бы «резюмируя официальные результаты секретных расследований, произведенных соответствующими органами ЦК КПСС» (Ю.Г.Фельштинский. *Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М.Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями.* — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1993, с.92). Нет никаких причин доверять этому утверждению, поскольку полная цитата из выступления Поспелова звучит так: «Я могу заявить, что достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были». Как известно, с трибуны именно XXII съезда были оглашены наиболее отвратительные исторические фальшивки, как, например, зачитанное Шелепиным письмо Ионы Якира (об этом письме см. ниже). Поэтому нет причин считать, что на совещании Поспелов говорил правду.

На самом же деле Бухарин подтвердил в суде свою причастность к подготовке террористических актов, хотя отрицал, что передавал шпионские сведения лично, а только через соучастников по заговору. Рыков же, отвергая обвинения в шпионаже, сознался в попытках свергнуть правительство. Вот почему Поспелов лишь предал огласке то, что Хрущев только подразумевал в «закрытом докладе».: московские процессы, дескать, сфабрикованы, а показания подсудимых на них не соответствуют действительности.

В «закрытом докладе» Хрущев объявил лживым и «дело врачей-вредителей». Но он солгал, заявив, что оно сфабриковано Берией, ибо на самом деле именно последний раньше всех других обнаружил, что некоторые обстоятельства дела весьма сомнительны.

В любом случае смерть Щербакова, скорее всего, оказалась на руку Хрущеву. Большая часть из того, что он говорил о времени пребывания Сталина у власти, оказалась неправдой, поэтому было бы просто неблагоразумно «верить» ему и в данном случае. С учетом свидетельств о причастности представителей советской медицины к преступлениям, разбиравшимся на московском процессе 1938 года, будет весьма опрометчиво отметать саму мысль, что по крайней мере некоторые из послевоенных заговоров с участием врачей могли вполне иметь место в действительности.

В конце концов, остается загадкой, почему день или больше смертельно больной Сталин не получал никакой медицинской помощи, пока, наконец, не выяснилось, что у него инсульт. Каковы бы ни были детали случившегося, Хрущев — один из участников тех событий.

Влияние на советское общество

Оставив в стороне личные мотивы Хрущева, теперь обратимся к такой интересной и важной теме, как последствия «закрытого доклада».

Поскольку не просто отдельные положения, а весь «закрытый доклад» от начала и до конца соткан из лжи, наши прежние исторические и политические представления требуют коренного пересмотра.

Например, тот факт, что в основу «закрытого доклада» положены результаты работы комиссии Поспелова, проделавшей вопиюще нечестное исследование, бросает тень на все и каждую из комиссий, созданных при Хрущеве для изучения тех или иных вопросов истории.

В частности, речь идет о «реабилитационных» комиссиях, созданных для пересмотра дел тех лиц (в основном членов компартии), кто по решению суда был приговорен к смертной казни либо получил длительные сроки заключения в лагерях и колониях ГУЛАГа. Почти во всех известных нам случаях комиссии оправдывали осужденных и объявляли их «реабилитированными», т.е. невиновными по всем статьям вынесенных им приговоров. Все такие лица впоследствии были провозглашены невинными «жертвами сталинских репрессий».

Увы, лишь в редких случаях комиссия представляла хоть какие-то свидетельства, которые признавались ею достаточными для «реабилитации». В ряде случаев, наоборот, есть серьезные основания полагать, что «реабилитированные» вовсе не были невиновными.

Так, на июньском (1957) Пленуме ЦК, который с подачи Хрущева превратился в судилище над «сталинистами» Маленковым, Молотовым и Кагановичем, маршал Г.К.Жуков за¬читал грубо искаженный текст письма Ионы Якира. (Напомним, что в июне 1937 года Якир предстал перед судом и был приговорен к смертной казни вместе с маршалом Тухачевским за участие в подготовке государственного переворота с участием политических кругов Германии и оппозиционных групп внутри СССР).

Маршал Жуков высказался так: «29 июня 1937 года накануне своей смерти он *(Якир. — Г.Ф.)* написал письмо Сталину, в котором обращается: "Родной, близкий товарищ Сталин! Я смею так к Вам обратиться, ибо все сказал, и мне кажется, что я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей. Я умираю со словами любви к Вам, партии, стране, с горячей верой в победу коммунизма".

На этом заявлении имеется такая резолюция: "В мой архив. Ст. подлец и проститутка. Сталин. Совершенно точное

определение. Молотов. Мерзавцу, сволочи и б. — одна кара — смертная казнь. Каганович"»[1].

Процитированный фрагмент — один из ярких примеров лжи, ибо своим письмом Якир в действительности не столько живописует незапятнанность своей прежней репутации, сколько, наоборот, признает вину и раскаивается в содеянном. Вот как выглядит более полный текст того же послания, которое вошло в доклад комиссии Н.М.Шверника по «делу о заговоре в Красной Армии», представленный Хрущеву незадолго до отставки в 1964 году и опубликованный лишь три десятилетия спустя (фрагменты, выброшенные при зачтении письма Жуковым, выделены полужирным шрифтом): «Родной, близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал, и мне кажется, что я **снова** честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной честной работе на виду партии, ее руководителей — **потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства... Теперь я честен каждым своим словом,** я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

На заявлении Якира имеются следующие резолюции: "Мой архив. Ст[алин]."; "Подлец и проститутка. И.Ст[алин]."; "Совершенно точное определение. К.Ворошилов"; "Молотов". "Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара — смертная казнь. Л.Каганович"»[2].

Кроме некоторых несущественных ошибок (письмо Якира, к примеру, написано 9-го, а не 29 июня 1937 года), в выступлении Жукова можно заметить ряд существенных искажений. Первое и главное из них состоит, конечно, в том, что

---

[1] Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: МФД, 1998, с.39.

[2] Военно-исторический архив. 1997, вып. 1, с.194. Опубликовано также в: Военные архивы России. 1993, № 1, с.50. Это была первая публикация «Справки Шверника», но сам журнал труднодоступен, а выход его единственного номера окружен ореолом таинственности. Так или иначе, но второй номер «Военных архивов России» так и не появился, а первый, несмотря на указанный на нем 1993 год был напечатан, по-видимому, позднее.

Якир несколько раз ***подтвердил*** вину в совершенных им преступлениях. Вместе со Сталиным, Молотовым и Кагановичем свою резолюцию на письме оставил и Ворошилов, но его имя совсем не упомянуто Жуковым. Буквально накануне Пленума Ворошилов дал «задний ход» и отступился от Маленкова, Молотова и Кагановича, добивавшихся отставки Хрущева. Тот в свою очередь, несмотря на жесткую критику в адрес Ворошилова, сделал для него исключение и не стал требовать наказания, назначенного оставшейся «тройке». Точно то же оскопленное письмо Якира в 1961 году Александр Шелепин зачитал на XXII съезде КПСС[1].

В 1957 году ни один из членов «антипартийной группы» не опротестовал совершенный Жуковым подлог. Из чего можно заключить: ни Маленков, ни Молотов, ни Каганович не имели доступ к архивным источникам, несмотря даже на то, что все они были членами Президиума ЦК КПСС. Возможно, сам маршал Жуков и не помышлял о том, что зачитывает текст подложного документа. Но для хрущевских «дознавателей» такие манипуляции не составляли секрета: ведь письмо Якира получено было именно от них. С другой стороны, они не осмелились бы сделать ни шагу без ведома Хрущева. Следовательно, он тоже был в курсе махинаций с письмом Якира.

По тем же причинам нельзя верить ни одному из «реабилитационных» решений, на основании которых многие из репрессированных членов партии были объявлены невиновными. Что также верно и в отношении других материалов, подготовленных специально для Хрущева.

Среди таких документов — справки I спецотдела МВД СССР, подписанные неким «полковником Павловым». В относительно недавней работе Олега Хлевнюка справки представлены «главным источником наших знаний о масштабах репрессий».[2] В павловских документах приводятся сведения, позволяющие оценить количество арестованных, осужденных и расстрелянных в 1930-е годы[3]. Но поскольку справки готовились для нужд Хрущева, нет никакой уверенности в досто¬

---

[1] *Правда*. 1961, 27 октября.

[2] The History of the Gulag. (Yale U.P., 2004), p.287.

[3] Справка послужила источником для хорошо известной статьи Гетти, Риттершпорна и Земскова: Getty, Rittersporn and Zemskov, "Victims of the Soviet Penal System in the Prewar Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence," *AHR*. October 1993, p.1017—1049.

верности представленных там сведений. Может, Хрущев был заинтересован в преувеличении — или для данного конкретного случая, наоборот, преуменьшении — числа репрессированных? Или сам Павлов (как потом Поспелов) полагал, что цифры следует подогнать под те или иные значения? Имея в виду жульнический характер всех других подготовленных для Хрущева материалов, нет оснований уповать и на точность павловских справок.

Если говорить об исторической науке, то практически все исследования, посвященные Сталину и его эпохе и опубликованные за последние полвека, так или иначе опираются на советские публикации хрущевского времени[1]. В число таких работ входят многие или даже большинство неэмигрантских источников, обильно процитированных в сочинениях Роберта Конквеста, в том числе в его увесистом «Большом терроре». Другой пример: в знаменитой биографии Бухарина, написанной Стивеном Коэном[2], все свидетельства последней главы книги, где речь идет о 1930-х годах, почерпнуты из источников хрущевского периода и иногда из самого «закрытого доклада»; тем самым почти каждое утверждение автора оказывается ложным. Ни одно из исследований такого рода нельзя считать научно состоятельным, если нет возможности проделать независимую проверку всех содержащихся там утверждений.

В равной степени сказанное относится и к первичным источникам: Хрущев и его ближайшие соратники самым бесчестным образом использовали их в речах и деловой переписке. Поэтому без ознакомления с подлинниками документов и текстами без купюр невозможно сказать, насколько добросовестно они процитированы самим Хрущевым и авторами книг и статей, издававшихся в годы т.н. «оттепели».

Политические последствия

«Закрытый доклад» поверг мировое коммунистическое движение в кризис. Но в ответ появился ***контрдовод,*** согласно которому XX съезд был необходим для оздоровления как

---

[1] Конечно, наиболее здравомыслящие и осторожные ученые уже давно усомнились в исторической ценности таких работ, как «К суду истории» Роя Медведева (1974) или *«Архипелаг ГУЛАГ»* Александра Солженицына (1973).

[2] Stephen Cohen. *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (A.Knopf, 1973).

коммунистического движения, так и советского общества. Необходимо предать огласке наиболее мрачные страницы прошлого, о которых почти ничего не знали зарубежные компартии и кое-кто в СССР; смертельно опасную раковую опухоль нужно было безжалостно вырезать с тела мирового коммунистического движения так, чтобы, выздоровев, с новыми силами идти к заветной цели.

В последующие годы стало еще заметнее, что СССР приближается не к бесклассовому обществу, а, скорее, идет в противоположном направлении. Многие остались преданными движению с Советским Союзом во главе, сохраняя веру в чистоту коммунистических идеалов. Миллионы людей во всем мире надеялись и верили, что общество, которое понесло такие потери, затем назвало по имени и вынесло суровый приговор совершенным преступлениям, как о том не раз говорил Хрущев, обладает сплоченностью и достаточной силой духа, чтобы исправиться и, не считаясь с любыми крутыми поворотами, если те окажутся необходимыми, идти вперед к светлому коммунистическому Завтра.

Представления такого рода больше не вызывают доверия.

Как теперь понятно, Хрущев и ***не помышлял*** «править кораблем коммунизма». Такое ничем не стесненное надругательство над правдой, как его «закрытый доклад», несовместимо ни с марксизмом, ни с какими бы то ни было высокими побуждениями. Никакие созидательные, демократические и свободолюбивые принципы не могут зиждиться на лжи. Вместо попыток возродить коммунистическое движение и партию большевиков, отклонившихся от истинного курса из-за досадных ошибок, Хрущев приступил к их уничтожению.

Он сорвал с себя маску честного коммуниста и предстал в обличий политического горе-руководителя, алчущего личных выгод, скрывающего за непроницаемой миной официального лица свою лживую натуру и отсутствие высоких нравственных идеалов, — т.е. человека такого типа, который хорошо известен в капиталистических странах. Принимая во внимание убийство Берии и его «банды» в 1953 году, Хрущев предстал в еще более неприглядном свете, а именно — как политический головорез. ***В действительности*** он сам был виновен в преступлениях, в которых ***облыжно*** обвинил Сталина в речи на XX съезде.

Но мошенническая природа хрущевского доклада заставляет пересмотреть взгляды и на тех «сталинистов», которые пытались и не смогли убрать Хрущева из руководства в 1957 году и кого он сам выдворил из ЦК, а затем из партии. Несмотря на все свои промахи и прегрешения, будучи глубокими стариками, Молотов и Каганович предстают в беседах с Феликсом Чуевым людьми, беззаветно преданными Ленину, Сталину и коммунистическим идеалам. По иронии судьбы Молотов предсказывал ниспровержение социализма прокапиталистическими силами внутри КПСС, когда в 1980-е годы сам активно добивался восстановления в Коммунистической партии.

Тем не менее поддержка основных положений хрущевской критики Сталина Молотовым и Кагановичем наводит на мысль, что у каждого из них были свои сомнения в правильности политики 1930—40-х и начала 1950-х годов. В той или иной степени оба они разделяли взгляды Хрущева. К тому же обстоятельства проведения репрессий 1930-х годов им не были известны в полном объеме, и, застигнутые врасплох, они не смогли дать отповедь тому, что Хрущев и его присные наговаривали на них, пока, наконец, не стало слишком поздно.

Возможно, единственный положительный шаг, совершенный послесталинским руководством, связан с критикой и частичным ниспровержением отвратительного «культа личности», который они сами создали вокруг Сталина. Но даже здесь Хрущев не заслуживает доверия. Именно он выступил против попыток критики «культа», которые в самые первые дни после смерти Сталина предпринял Георгий Маленков. Последний оказался достаточно честен и обвинил не ушедшего из жизни Сталина, а тех полных сил индивидуумов из его ближайшего окружения (не делая исключений для себя самого), у кого не хватило мужества и твердости положить конец «культу личности», с которым вождь, в конце концов, смирился, но никогда его не поощрял и всегда смотрел с неприязнью.

Хрущеву не потребовалось много времени, чтобы создать вокруг своей собственной персоны еще больший «культ», чем когда-то был у Сталина. За пристрастие к неумеренному восхвалению своих заслуг Хрущев в 1956 и 1957 годах удостоился резкой критики даже со стороны своих ближайших сторонников, а его высокомерие и страсть к самовозвеличению оказались главными обвинениями, выдвинутыми против него

Президиумом ЦК при отрешении со всех постов в октябре 1964 года[1].

Мошенническая природа «закрытого доклада» ставит нас перед необходимостью переосмысления сталинского периода советской истории и переоценки личности самого Сталина. Его фигура, освобожденная как от оков идолопоклонническо-го «культа», так и от хрущевских наветов, и та направленность политики, которую он пытался проводить в жизнь, заслуживают того, чтобы занять центральное место в истории СССР и всего коммунистического движения.

---

[1] Материалы октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС, на котором Хрущев был освобожден от всех должностей, опубликованы в: Исторический архив. 1993. № 1, с.3—19.

ПРИЛОЖЕНИЯ

О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ. ДОКЛАД ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС ТОВ. ХРУЩЕВА Н.С. XX СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА[1]

25 февраля 1956 года

Товарищи! В Отчетном докладе Центрального комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС немало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в Гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно. Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии, — речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на опре¬

[1] Текст доклада печатается по публикации в: *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3.с.128—166.

деленном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности.

В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу.

* * *

Разрешите, прежде всего, напомнить вам, как сурово осуждали классики марксизма-ленинизма всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу Маркс заявлял:

«...Из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль впоследствии поступал как раз наоборот)» (Соч. К.Маркса и Ф.Энгельса, т.XXVI, изд. 1-е, с. 487—488).

Несколько позже Энгельс писал: «И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас» (Соч. К.Маркса и Ф.Энгельса, Т.XXVIII, с.385).

Известна величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина. Ленин всегда подчеркивал роль народа как творца истории, руководящую и организующую роль партии как живого, самодеятельного организма, роль Центрального комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционно-освободительным движением.

Придавая большое значение роли вожаков и организаторов масс, Ленин вместе с тем беспощадно бичевал всякие проявления культа личности, вел непримиримую борьбу против чуждых марксизму эсеровских взглядов «героя» и «толпы», против попыток противопоставить «героя» массам, народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в неразрывной связи с массами, в том, что за партией идет народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция. «Только тот победит и удержит власть, — говорил Ленин, — кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» (В.И.Ленин. ПСС, 4-е изд., т.26, с.259).

Ленин с гордостью говорил о большевистской Коммунистической партии как вожде и учителе народа, он призывал выносить на суд сознательных рабочих, на суд своей партии все важнейшие вопросы; он заявлял: «Ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи» (Соч., т.25, с.239).

Ленин решительно, выступал против всяких попыток умалить или ослабить руководящую роль партии в системе Советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является его коллективность. Еще в дореволюционные годы Ленин называл Центральный комитет партии коллективом руководителей, хранителем и истолкователем принципов партии. «Принципы **партии**[1]**,** - указывал Ленин, — блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный комитет» (Соч., т.13, с.116).

Подчеркивая роль Центрального комитета партии, его авторитет, Владимир Ильич указывал: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную...» (Соч., т.33, с.443).

При жизни Ленина Центральный комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непримиримым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товари¬

[1] Здесь и далее выделено публикаторами доклада. — *Г.Ф.*

щам по работе. Он убеждал, терпеливо разъяснял свое мнение другим. Ленин всегда строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального комитета.

Помимо всего великого, что сделал В.И.Ленин для победы рабочего класса и трудового крестьянства, для победы нашей партии и претворения в жизнь идей научного коммунизма, его проницательность проявилась и в том, что он своевременно подметил в Сталине именно те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям. Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, В.И.Ленин дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности Генерального секретаря в связи с тем, что Сталин слишком груб, недостаточно внимателен к товарищам, капризен и злоупотребляет властью.

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Это письмо — важнейший политический документ, известный в истории партии как «завещание» Ленина,— роздано делегатам XX съезда партии. Вы его читали и будете, вероятно, читать еще не раз. Вдумайтесь в простые ленинские слова, в которых выражена забота Владимира Ильича о партии, о народе, о государстве, о дальнейшем направлении политики партии.

Владимир Ильич говорил: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов.Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.».

Этот ленинский документ был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемеще-

нии Сталина с поста Генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и сумеет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Товарищи! Необходимо доложить съезду партии о двух новых документах, дополняющих ленинскую характеристику Сталина, данную Владимиром Ильичом в его «завещании».

Эти документы — письмо Надежды Константиновны Крупской председательствовавшему в то время в Политбюро Каменеву и личное письмо Владимира Ильича Ленина Сталину.

Зачитываю эти документы:

1. Письмо Н. К. Крупской:

«Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем. можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию[1] как более близким товарищам В.И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская».

Это письмо было написано Надеждой Константиновной 23 декабря 1922 года. Через два с половиной месяца, в марте 1923 года, Владимир Ильич Ленин направил Сталину следующее письмо:

---

[1] Г.Е.Зиновьеву. — *Г.Ф.*

2. Письмо В. И. Ленина.

«Товарищу Сталину.
Копия: **Каменеву и Зиновьеву.**

Уважаемый т. Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. *(Движение в зале.)*

С уважением: **Ленин.**

5-го марта 1923 года».

Товарищи! Я не буду комментировать эти документы. Они красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер.

Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной: Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича.

Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, вдуматься во все то, что было допущено Сталиным, убеждаешься в справедливости опасений Ленина. Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии.

Мы должны серьезно разобрать и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело

место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам. Он действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением. Это особенно проявилось в период после XVII съезда партии, когда жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии.

Следует сказать, что партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

Партия провела большую идейную политическую борьбу против тех людей в своих рядах, которые выступали с антиленинскими положениями, с враждебной партии и делу социализма политической линией. Это была упорная, тяжелая, но необходимая борьба, потому что политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока, и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией. Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928—1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на «ситцевую индустриализацию», ставка на кулака и тому подобное. У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением.

Вот почему партия вела непримиримую борьбу с идейных позиций, разъясняла всем членам партии и беспартийным массам, в чем вред и опасность антиленинских выступлений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа по разъяснению линии партии дала свои плоды: и троцкисты, и правые оппортунисты были политически

изолированы, подавляющее большинство партии поддержало ленинскую линию, и партия сумела вдохновить и организовать трудящихся на проведение в жизнь ленинской линии партии, на построение социализма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других — к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935—1937—1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах Гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии.

Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие «враг народа» по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось вопреки всем нормам современной юридической науки «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала

затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого.

Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии.

Следует сказать, что и в отношении людей, которые в свое время выступали против линии партии, часто не было достаточно серьезных оснований, чтобы их физически уничтожить. Для обоснования физического уничтожения таких людей и была введена формула «враг народа».

Ведь многие лица, которых впоследствии уничтожили, объявив их врагами партии и народа, при жизни В.И.Ленина работали вместе с Лениным. Некоторые из них и при Ленине делали ошибки, но, несмотря на это, Ленин использовал их на работе, поправлял, стремился к тому, чтобы они оставались в рамках партийности, вел их за собой.

В этой связи следует ознакомить делегатов съезда партии с неопубликованной запиской В.И.Ленина в Политбюро ЦК в октябре 1920 года. Определяя задачи Контрольной комиссии, Ленин писал, что эту Комиссию необходимо сделать настоящим «органом партийной и пролетарской совести».

«К[а]к особое задание Ко[нтрольной] К[омиссии], рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям т[ак]. н[азываемой], оппозиции, потерпевшим психол[огический] кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа показывания) подходящую к их психологичес[ким], особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро цека и т.п.».

Всем хорошо известно, как непримирим был Ленин к идейным противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же время Ленин, как это видно из зачитанного документа, из всей практики его руководства партией, требовал самого внимательного партийного подхода к людям, которые проявляли колебания, имели отступления от партийной линии, но которых можно было вернуть

на путь партийности. Ленин советовал терпеливо воспитывать таких людей, не прибегая к крайним мерам.

В этом проявлялась мудрость Ленина в подходе к людям, в работе с кадрами.

Совсем иной подход был характерен для Сталина. Сталину были совершенно чужды ленинские черты — проводить терпеливую работу с людьми, упорно и кропотливо воспитывать их, уметь повести за собой людей не путем принуждения, а оказывая на них воздействие всем коллективом с идейных позиций. Он отбрасывал ленинский метод убеждения и воспитания, переходил с позиций идейной борьбы на путь административного подавления, на путь массовых репрессий, на путь террора. Он действовал все шире и настойчивее через карательные органы, часто нарушая при этом все существующие нормы морали и советские законы.

Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление.

Это, конечно, не способствовало сплочению рядов партии, всех слоев трудового народа, а, наоборот, приводило к уничтожению, отсечению от партии честных, но неугодных Сталину работников.

Наша партия вела борьбу за претворение в жизнь ленинских планов построения социализма. Это была идейная борьба. Если бы в этой борьбе был проявлен ленинский подход, умелое сочетание партийной принципиальности с чутким и внимательным отношением к людям, желание не оттолкнуть, не потерять людей, а привлечь их на свою сторону, то мы, вероятно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, применения методов террора в отношении многих тысяч людей. Исключительные меры были бы применены только к тем лицам, которые совершили действительные преступления против советского строя.

Обратимся к некоторым фактам истории.

В дни, предшествовавшие Октябрьской революции, два члена ЦК партии большевиков — Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана вооруженного восстания. Более того, 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» они опубликовали свое заявление о подготовке большевика-

ми восстания и о том, что они считают восстание авантюрой. Каменев и Зиновьев раскрыли тем самым перед врагами решение ЦК о восстании, об организации этого восстания в ближайшее время.

Это было изменой делу партии, делу революции. В.И.Ленин в связи с этим писал: «Каменев и Зиновьев **выдали** Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании...» (Соч., т.26, с.194). Он поставил перед ЦК вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Но после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, Зиновьев и Каменев были выдвинуты на руководящие посты. Ленин привлекал их к выполнению ответственнейших поручений партии, к активной работе в руководящих партийных и советских органах. Известно, что Зиновьев и Каменев при жизни В.И.Ленина совершили немало других крупных ошибок. В своем «завещании» Ленин предупреждал, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью». Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и, тем более, о их расстреле.

Или возьмем, к примеру, троцкистов. Сейчас, когда прошел достаточный исторический срок, мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть — из рабочих. Можно было бы назвать целый ряд людей, которые в свае время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции. Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей? Мы глубоко уверены, что если бы жив был Ленин, то такой крайней меры в отношении многих из них не было бы принято.

Таковы лишь некоторые факты истории. А разве можно сказать, что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может. Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и,

когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью. Вспомните хотя бы борьбу В.И.Ленина против эсеровских организаторов антисоветских восстаний, против контрреволюционного кулачества в 1918 году и других, когда Ленин, без колебания, принимал самые решительные меры по отношению к врагам. Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем идейного воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве.

Ленин применял суровые меры в самых необходимых случаях, когда в наличии были эксплуататорские классы, бешено сопротивлявшиеся революции, когда борьба по принципу «кто — кого» неизбежно принимала самые острые формы, вплоть до Гражданской войны. Сталин же применял самые крайние меры, массовые репрессии уже тогда, когда революция победила, когда укрепилось Советское государство, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства, когда наша партия политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно. Ясное дело, что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти. В этом никакой мудрости нет, кроме проявления грубой силы, что так беспокоило В.И.Ленина.

Центральный комитет партии за последнее время, особенно после разоблачения банды Берия, рассмотрел ряд дел, сфабрикованных этой бандой. При этом обнаружилась весьма неприглядная картина грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина. Как показывают факты, Сталин, воспользовавшись неограниченной властью, допускал немало злоупотреблений, действуя от имени ЦК, не спрашивая мнения членов ЦК и даже членов Политбюро ЦК, зачастую не ставя их в известность о единолично принимаемых Сталиным решениях по очень важным партийным и государственным вопросам.

* * *

Рассматривая вопрос о культе личности, нам необходимо прежде всего выяснить, какой ущерб это нанесло интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим государством рабочих и крестьян, видя в этом главное условие успешного строительства социализма в нашей стране. Указывая на огромную ответственность большевистской партии как правящей партии Советского государства, Ленин призывал к строжайшему соблюдению всех норм партийной жизни, к осуществлению принципов коллективности руководства партией и страной.

Коллективность руководства вытекает из самой природы нашей партии, построенной на началах демократического централизма. «Это значит, — говорил Ленин, — что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые» (Соч., т.11, с.396).

Известно, что сам Ленин показывал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Не было такого важного вопроса, по которому Ленин принимал бы решение единолично, не посоветовавшись и не получив одобрения большинства членов ЦК или членов Политбюро ЦК.

В самые трудные для нашей партии и страны периоды Ленин считал необходимым регулярно проводить съезды, конференции партии, пленумы ее Центрального комитета, на которых обсуждались все важнейшие вопросы и принимались всесторонне разработанные коллективом руководителей решения.

Вспомним, например, 1918 год, когда над страной нависла угроза нашествия империалистических интервентов. В этих условиях был созван VII съезд партии для обсуждения жизненно важного и неотложного вопроса — о мире. В 1919 году, в разгар Гражданской войны, созывается VIII съезд партии, на котором была принята новая программа партии, решены та-

кие важные вопросы, как вопрос об отношении к основным массам крестьянства, о строительстве Красной Армии, о руководящей роли партии в работе Советов, об улучшении социального состава партии и другие. В 1920 году созывается IX съезд партии, определивший задачи партии и страны в области хозяйственного строительства. В 1921 году на X съезде партии были приняты разработанная Лениным новая экономическая политика и историческое решение «О единстве партии».

При жизни Ленина съезды партии проводились регулярно, на каждом крутом повороте в развитии партии и страны Ленин считал прежде всего необходимым широкое обсуждение партией коренных вопросов внутренней и внешней политики, партийного и государственного строительства.

Весьма характерно, что свои последние статьи, письма и заметки Ленин адресовал именно партийному съезду как высшему органу партии. От съезда к съезду Центральный комитет партии выступал как высокоавторитетный коллектив руководителей, строго соблюдающий принципы партии и проводящий в жизнь ее политику.

Так было при жизни Ленина.

Соблюдались ли эти священные для нашей партии ленинские принципы после кончины Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Особенно это проявилось за последние полтора десятка лет его жизни. Разве можно считать нормальным тот факт, что между XVIII и XIX съездами партии прошло более тринадцати лет, в течение которых наша партия и страна пережили столько событий? Эти события настоятельно требовали принятия партией решений по вопросам обороны страны в условиях Отечественной войны и по вопросам мирного строительства в послевоенные годы. Даже после окончания войны съезд не собирался более семи лет.

Почти не созывались пленумы Центрального комитета. Достаточно сказать, что за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного пленума ЦК. Правда, была попытка созвать Пленум ЦК в октябре 1941 года, когда в Москву со всей страны были специально вызваны чле¬

ны ЦК. Два дня они ждали открытия Пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального комитета. Этот факт говорит о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны и как высокомерно и пренебрежительно относился он к членам ЦК.

В этой практике нашло свое выражение игнорирование со стороны Сталина норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства.

Произвол Сталина по отношению к партии, к ее Центральному комитету особенно проявился после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году.

Центральный комитет, располагая многочисленными фактами, свидетельствующими о грубом произволе в отношении партийных кадров, выделил партийную комиссию Президиума ЦК, которой поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б).

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937—1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т.п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального комитета.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937—

1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. *(Шум возмущения в зале.)*

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и Гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, **большинству** участников XVII съезда партии. *(Шум возмущения в зале.)*

Нужно напомнить, что XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Делегатами съезда были избраны активные участники строительства нашего социалистического государства, многие из них вели самоотверженную борьбу за дело партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах Гражданской войны, они храбро дрались с врагами, не раз смотрели в глаза смерти и не дрогнули. Как же можно поверить, чтобы такие люди в период после политического разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после великих побед социалистического строительства оказались «двурушниками», перешли в лагерь врагов социализма?

Это произошло в результате злоупотребления властью со стороны Сталина, который начал применять массовый террор против кадров партии.

Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным комитетом, ни с партией. Если до XVII съезда он еще признавал мнение коллектива, то после полного политического разгрома троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, когда в результате этой борьбы и побед социализма было достигнуто сплочение партии, сплочение народа, Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро. Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты, всех других он держал в таком положении, что они должны были только слушать и восхвалять его.

После злодейского убийства С.М.Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро — это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе следующее постановление:

«1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела— приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась «подготовка» террористических актов, и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих «признаний» и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством т. Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при «аварии» автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал. После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова. *(Движение в зале.)*

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. **ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года.** Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». Следует кстати заметить, что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разобла-

чением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал по крайней мере на 4 года».

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкисты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен, многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства. Ясно, что оснований для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы. Как только политическая обстановка в стране улучшилась, как только в январе 1920 года был взят Красной Армией Ростов и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие Советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом,

и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле» (Соч., т.30, с.303—304).

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После того, как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

Этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «вредительстве», подготовке каких-либо выдуманных «покушений» и т.п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева. Он говорил: «Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что, пройдя этот крутой период, Карпов и ему подобные попадут в лагерь врага. (Карпов — это работник ЦК партии Украины, которого хорошо знал Постышев.) А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как мож-

но пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...» *(Движение в зале.)*

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в **десять** раз!

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии. Устав партии, принятый XVII съездом, исходил из ленинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии, «должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля», что только при условии, если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937—1938 годах, были исключены из партии незаконно, с грубым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Теперь, когда расследованы дела в отношении некоторых из этих мнимых «шпионов» и «вредителей», установлено, что эти дела являются фальсифицированными. Признания многих арестованных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний.

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Центральный комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных «дел» против членов Центрального комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе, члена партии с 1905 года. *(Движение в зале.)*

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал: «Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны — результатом грязной фальсификации, вымышленных материалов следователей.

Эйхе писал в своем заявлении: «25 октября с.г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться со следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться

с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело — это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

...Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепы, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники, и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым, и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, так же было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука, и многие другие моменты...

...Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня». (Дело Эйхе. Т.1, пакет).

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия, и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее: «Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня — это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру так же с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы». (Дело Эйхе. Т.1).

4 февраля Эйхе был расстрелян. *(Шум возмущения в зале.)* В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак, член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака: «...Его единственная просьба к суду — это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще невыкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства».

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, хотя Рудзутак, как известно, являлся в свое время председателем Центральной контрольной комиссии, которая была создана по мысли Ленина для борьбы за единство партии. Председатель же этого высокоавторитетного партийного органа стал жертвой грубого произвола: его даже не вызвали в Политбюро ЦК, Сталин не пожелал с ним разговаривать. Он был осужден в течение 20 минут и расстрелян. *(Шум возмущения в зале.)*

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано, и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзутак посмертно реабилитирован.

Каким образом искусственно — провокационными методами — создавались бывшими работниками НКВД различные «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний т.Розенблюма, члена партии с 1906 года, подвергшегося аресту Ленинградским управлением НКВД в 1937 году.

При проверке в 1955 году дела Комарова Розенблюм сообщил следующий факт: когда он, Розенблюм, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре». *(Движение в зале.) С* невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров».

«Для наглядности, — заявил Розенблюм, — Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра, 4—5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позерн, Шапошникова (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2—3 чел...

...Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут иг-

рает немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4—5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет». (Материал проверки дела Комарова, л.д.60—69.)

Вот какие подлые дела творились в то время! *(Движение в зале.)*

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. Управление НКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников», руководимый якобы секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым, членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали якобы широко разветвленные «правотроцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры», и, как правило, эти «организации» и «центры» почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий. *(Движение в зале.)*

В результате этой чудовищной фальсификации подобных «дел», в результате того, что верили различным клеветническим «показаниям» и вынужденным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы «дела» на видных партийных и государственных деятелей — Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других.

В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах.

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на

Военной коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937—1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников, и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается, и большое количество их прекращается как необоснованных и фальсифицированных. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной коллегией Верховного суда уже реабилитированы 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы.

Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937—1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937—1938 годах.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как и многих других, без санкций прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы.

Факты показывают, что многие злоупотребления были сделаны по указанию Сталина, не считаясь с какими-либо нормами партийной и советской законности. Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью, в чем мы убедились, работая вместе с ним. Он мог посмотреть на человека и сказать: «что-то у вас сегодня глаза бегают», или: «почему вы сегодня часто отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза». Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, которых он знал много лет. Везде и всюду он видел «врагов», «двурушников», «шпионов».

Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю.

Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это «враг народа». А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов. А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом — применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания».

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, — Сталин направил 10 января 1939 года шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса, который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым давал материал для крупных политических выводов.

Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был

вытащить из них признание, что они враги». *(Шум возмущения в зале.)*

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: «Я считал, что выполняю поручение партии». Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица.

* * *

Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические «исследования», то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой «активной обороны», то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применив такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооруженными силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в такого рода романах, кинофильмах и «исследованиях» всецело полководческому гению Сталина.

Надо внимательно разобраться в этом вопросе, так как это имеет огромное, не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение.

Каковы факты в этом вопросе?

До войны в нашей печати и во всей воспитательной работе преобладал хвастливый тон: если враг нападет на священную советскую землю, то мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Однако эти декларативные заяв-

ления далеко не во всем подкреплялись практическими делами, чтобы обеспечить действительную неприступность наших границ.

В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он сразу же поставил перед собой задачу разгромить коммунизм. Об этом фашисты говорили прямо, не скрывая своих планов. Для осуществления этих агрессивных планов заключались всевозможные пакты, блоки, оси, вроде пресловутой оси Берлин — Рим — Токио. Многочисленные факты предвоенного периода красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Советского государства, и сконцентрировал большие войсковые соединения, в том числе танковые, поблизости от советских границ.

Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. Само собой разумеется, что Черчилль делал это отнюдь не из-за добрых чувств к советскому народу. Он преследовал здесь свои империалистические интересы — стравить Германию и СССР в кровопролитной войне и укрепить позиции Британской империи. Тем не менее Черчилль указывал в своем послании, что он просит «предостеречь Сталина с тем, чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность». Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий.

Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: «Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

В своем донесении от 22 мая 1941 года помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что «...Наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнется и в первых числах июня...».

В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 года докладывалось: «Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР, — и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий...».

Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения.

Были ли у нас время и возможности для такой подготовки? Да, и время, и возможности были. Наша промышленность находилась на таком уровне развития, что она была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым. Это подтверждается хотя бы тем, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности, в результате занятия врагом Украины, Северного Кавказа, западных районов страны, важных промышленных и хлебных районов, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны, пустить там в ход вывезенное из западных промышленных районов оборудование и обеспечить наши Вооруженные силы всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была вовремя и по-настоящему мобилизована для обеспечения армии вооружением и необходимым снаряжением, то мы понесли бы неизмеримо меньше жертв в этой тяжелой войне. Однако такой мо-

билизации своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу.

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии по существу в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных снарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено.

Да дело, к сожалению, не только в танках, артиллерии и самолетах. К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов.Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами. *(Движение в зале.)*

Так обстояло дело с вооружением.

Нельзя не вспомнить в этой связи и такой, например, факт. Незадолго до нападения гитлеровских армий на Советский Союз Кирпонос, будучи командующим Киевского Особого военного округа (он впоследствии погиб на фронте), написал Сталину, что немецкие армии подошли к Бугу, усиленно подготовляют все к наступлению и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление. Учитывая все это, Кирпонос предлагал создать надежную оборону, вывести тысяч 300 населения из пограничных районов и создать там несколько мощных укрепленных полос: вырыть противотанковые рвы, создать укрытия для бойцов и так далее.

На эти предложения из Москвы был дан такой ответ, что это провокация, что никаких подготовительных работ на гра¬

нице делать не следует, что не нужно давать немцам повода открыть против нас военные действия. И наши границы не были по-настоящему подготовлены для отпора врагу.

Когда фашистские войска уже вторглись на советскую землю и начали военные действия, из Москвы последовал приказ — на выстрелы не отвечать. Почему? Да потому, что Сталин вопреки очевидным фактам считал, что это еще не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и что если мы ответим немцам, то это послужит поводом для начала войны.

Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ — 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания.

Как видите, игнорировалось все: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?

А к чему привела такая беспечность, такое игнорирование очевидных фактов? Это привело к тому, что в первые же часы и дни противник истребил в наших пограничных районах огромное количество авиации, артиллерии, другой военной техники, уничтожил большое количество наших военных кадров, дезорганизовал управление войсками, и мы оказались не в состоянии преградить ему путь в глубь страны.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 годов в результате подозрительности Сталина по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала ос-

нову воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы «разоблачать» своих старших командиров как замаскировавшихся врагов. *(Движение в зале.)* Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине. Достаточно сказать, что те из них, кто сохранился, я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский (а он сидел), Горбатов, Мерецков (он присутствует на съезде), Подлас (а это замечательный командир, он погиб на фронте) и многие, многие другие, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с первых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины. Но ведь многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидала.

Все это вместе взятое и привело к тому положению, которое создалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины.

Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней.

Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян, который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас.

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения.

Я звоню Василевскому и умоляю его:

— Возьмите, — говорю, — карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. *(Оживление в зале.)* Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот, я и говорю т. Василевскому, покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать наме-

ченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на эта ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции.

После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов.Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

«Выслушав» таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

— Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный «гений» Сталина, вот чего он нам стоил. (Движение *в зале.)*

Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян как-то сказал, что вот, мол, Хрущев тогда был прав, когда звонил по поводу Харьковской операции, что напрасно его тогда не поддержали.

Надо было видеть, как рассердился Сталин! Как это так признать, что он, Сталин, был тогда не прав! Ведь он «гений», а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается, что он всегда прав. И он никому и никогда не признавался ни в одной большой или малой своей ошибке, хотя он совершал немало ошибок и в теоретических вопросах, и в своей практической деятельности. После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение.

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу.

Тем более позорным и недостойным явился факт, когда после нашей великой победы над врагом, давшейся нам очень тяжелой ценой, Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы над врагом, так как Сталин исключал всякую возможность, чтобы заслуги, одержанные на фронтах, были приписаны кому бы то ни было, кроме его самого.

Сталин проявлял большой интерес к оценке тов.Жукова как военного полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил:

— Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий.

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне:

— Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

Я на это ответил тогда:

— Не знаю, тов. Сталин, кто это выдумал, но это неправда.

Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова.

В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя, как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию, что все победы, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше. Как Кузьма Крючков — сразу на пику 7 человек поднимал. *(Оживление в зале.)*

В самом деле, возьмите наши исторические и военные кинокартины или некоторые произведения литературы, которые

читать тошно. Ведь все они предназначены для пропаганды именно этой версии для прославления Сталина, как гениального полководца. Вспомним хотя бы картину «Падение Берлина». Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми" стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит — это Поскребышев, неизменный его оруженосец. *(Смех в зале.)*

А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где Правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет. Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем. В таком извращенном виде все это показано народу. Для чего? Для того, чтобы возвеличить Сталина, и все это — вопреки фактам, вопреки исторической правде.

Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места.

Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ — вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Члены ЦК партии, министры, ваши хозяйственники, деятели советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники — каждый находился на своем посту и самоотверженно отдавал свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм проявил наш тыл — славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций, преодолевая неимоверные трудности и лишения военного времени, отдавали все свои силы делу защиты Родины.

Величайший подвиг совершили в войне наши советские женщины, которые вынесли на своих плечах огромную тяжесть производственной работы на фабриках и в колхозах, на различных участках хозяйства и культуры, многие женщины принимали непосредственное участие на фронтах Великой Отечественной войны, наша мужественная молодежь, которая на всех участках фронта и тыла внесла свой неоценимый вклад в дело защиты Советской Отчизны, в дело разгрома врага.

Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться на ходу, создать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его.

Величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения, будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия. *(Бурные аплодисменты.)*

Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Обратимся к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев, без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автоном-

ная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. *(Смех, оживление в зале.)* "

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям.

После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и неимоверных усилий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое «ленинградское дело». Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и «ленинградское дело» — это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и

взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берия. Как теперь установлено, именно Берия «подбрасывал» Сталину состряпанные им и его подручными материалы в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров.

Центральный комитет партии проверил так называемое «ленинградское дело», невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела — Абакумов и другие — были преданы суду, их судили в Ленинграде, и они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давал направление «ленинградскому делу», и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться.

Как только Сталин получил от Берия и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать «дело» Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предрешена их судьба.

Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов.

На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть, действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава Советского Союза и перехода ее в состав турецкого государства? *(Оживление в зале, смех.)*

Это, конечно, чепуха. Трудно даже себе представить, как могли прийти в голову подобные предположения. Всем известно, как поднялась Грузия в своем экономическом и культурном развитии за годы Советской власти.

Промышленная продукция Грузинской республики в 27 раз превышает производство дореволюционной Грузии. В республике заново созданы многие отрасли промышленности, которых не было там до революции: черная металлургия, нефтяная промышленность, машиностроение и другие. Уже давно ликвидирована неграмотность населения, тогда как в дореволюционной Грузии неграмотных насчитывалось 78 процентов.

Сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся в Турции, могли ли грузины стремиться присоединиться к Турции? В Турции в 1955 году выплавлено стали на душу населения в 18 раз меньше, чем в Грузии. В Грузии производится электроэнергии на душу населения в 9 раз больше, чем в Турции. По данным переписи 1950 года, было 65 процентов населения Турции неграмотным, а среди женщин — около 80 процентов. В Грузии имеется 19 высших учебных заведений, в которых обучается около 39 тысяч студентов, что в 8 раз больше, чем в Турции (на тысячу человек населения). В Грузии за годы Советской власти неизмеримо поднялось материальное благосостояние трудящихся.

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все

больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм.

И, как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под «гениальным» руководством Сталина — «великого сына грузинского народа», как любили называть грузины своего земляка. *(Движение в зале.)*

Произвол Сталина давал себя знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза.

На июльском Пленуме ЦК подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблаговидная роль Сталина. Ведь в «югославском деле» не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого «дела» не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного к Тито, спросил:

— Читал?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

— Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем». Такое заявление отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем — и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем — и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем — и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие.

Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами

за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям.

Вот к чему приводила мания величия Сталина. Он полностью утрачивал чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран.

Теперь мы внимательно разобрались в вопросе с Югославией и нашли правильное решение, которое одобряется народами и Советского Союза, и Югославии, как и всеми трудящимися стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством. Ликвидация ненормальных отношений с Югославией осуществлена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей». *(Движение в зале.)* Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности) написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев, Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить.

Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котята, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов Правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину. Как этот провокатор смог добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке.

Были ли сигналы о том, что Берия — враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский говорил, что Берия работал в мусаватистской разведке. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что-либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского.

Были и другие сигналы. Представляет интерес заявление т. Снегова в Центральный комитет партии (кстати сказать, недавно реабилитированного после 17-летнего пребывания в лагерях). В своем заявлении он пишет: «В связи с постановкой вопроса о реабилитации бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева мною даны представителю КГБ подробные пока-

зания о роли Берия в расправе с Картвелишвили и преступных мотивах, которыми Берия руководствовался.

Считаю необходимым восстановить важный факт в этом вопросе и сообщить о нем в ЦК, поскольку я считал неудобным помещать его в следственных документах.

30.X. 1931 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП состоялся доклад секретаря Заккрайкома Картвелишвили. Присутствовали все члены бюро крайкома, из которых я один — живой. На этом заседании И.В.Сталин в конце своего выступления внес предложение сформировать секретариат Заккрайкома в составе: 1-м секретарем — Картвелишвили, 2-м — Берия (это впервые в истории партии Берия был назван как кандидат на партийный пост), тут же Картвелишвили репликой заявил, что знает хорошо Берия и поэтому категорически отказывается с ним работать. Тогда И.В.Сталин предложил вопрос оставить открытым и решить его в рабочем порядке. Через 2 дня было решено о выдвижении Берия на партийную работу и об уходе Картвелишвили из Закавказья.

Подтвердить это могут тт. Микоян А.И. и Каганович Л.М., присутствовавшие на этом заседании.

Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов.Серго в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать «дело» против Картвелишвили.

Характерно, что Картвелишвили по этому «делу» обвиняется в террористическом акте против Берия».

В обвинительном заключении по делу Берия подробно изложены его преступления. Но кое-что стоит напомнить, тем более что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Здесь я хочу напомнить о зверской расправе Берия над Кедровым, Голубевым и приемной матерью Голубева — Батуриной, которые пытались довести до сведения ЦК о предательской деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом. Вот что писал в Центральный комитет партии тов.Андрееву (тов.Андреев был тогда секретарем ЦК) старый коммунист т. Кедров: «Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройди-

те мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я не запятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унизительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразоружающимся врагом и настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилен отвратить от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары.

Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л.П.Берия не допустят свершиться той жестокой, непоправимой несправедливости.

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю».

Старого большевика т. Кедрова Военная коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берия. *(Шум возмущения в зале.)*

Берия учинил также жестокую расправу над семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия

расчищал себе путь, избавляясь от всех людей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться. *(Шум возмущения в зале.)* Вот что представлял из себя Берия.

Центральным комитетом партии Берия был разоблачен вскоре после смерти Сталина. В результате тщательного судебного разбирательства были установлены чудовищные злодеяния Берия, и он был расстрелян.

Спрашивается, почему же Берия, который уничтожил десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина, разжигая в нем чувство подозрительности, во всем угождал Сталину, действовал при его поддержке.

* * *

Товарищи!

Культ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его «Краткой биографии», вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого «великого вождя» и «непревзойденного полководца всех времен и народов». Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же. Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей

его «Краткой биографии»? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина: «В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин».

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет: «Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: «Сталин — это Ленин сегодня». Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом: «Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня». Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения: «Товарищ Сталин, — пишет он, — развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиа-

ции в современной войне, об артиллерии как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки». *(Движение в зале.)*

Далее сам же Сталин пишет: «Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора — редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии.

Таковы, товарищи, факты. Надо прямо сказать, что это позорные факты.

И еще один факт из той же «Краткой биографии» Сталина. Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке: «Комиссия Центрального комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением: «В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)». Что же тут еще больше скажешь! *(Оживление в зале.)*

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина и, по существу, весь послеоктябрьский пе-

риод истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там главным образом говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах. Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях. *(Движение в зале.)* Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором **ни слова** нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии. К вашему сведению следует сказать, что Президиум ЦК уже принял решение о создании нового текста гимна, который отражал бы роль народа, роль партии. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались монументы Сталина — эти «памятники при жизни»? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волго-

Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Кто был вблизи Сталинграда, тот видел, какая там статуя высится, причем в таком месте, где людей мало бывает. А на ее сооружение затрачено много средств, и это в то время, когда наши люди в этих районах после войны еще жили в землянках. Судите сами, правильно ли писал Сталин в своей биографии о том, что он «не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования»?

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года «Об учреждении премий В.И.Ленина за научные работы». Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я уже говорил, приводя факты, как писалась хотя бы «Краткая биография Сталина», все события освещались так, что Ленин как будто играл второстепенную роль даже при совершении Октябрьской социалистической революции. Во многих кинокартинах, в произведениях художественной литературы образ Ленина освещается неправильно, недопустимо принижается.

Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1919-й год», где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову, конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми — и народом, и партией. И внуки за это будут благодарить. *(Продолжительные аплодисменты.)*

При освещении событий, связанных с Октябрьской революцией и Гражданской войной, в ряде случаев дело изображалось так, что главная роль везде как бы принадлежит Сталину, что всюду и везде он подсказывает Ленину, как и что надо делать. Но ведь это же клевета на Ленина! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года, а Ленина в стране все знали; вся партия знала, весь народ знал, от мала до велика. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Все это надо решительно пересмотреть, чтобы нашли свое правильное отражение в истории, литературе, произведениях искусства роль В.И.Ленина, великие деяния нашей Коммунистической партии и советского народа — народа-творца, народа-созидателя. *(Аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Культ личности способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождал грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывание недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей.

Нельзя не видеть и того, что в результате многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных работников многие наши кадры стали работать неуверенно, с оглядкой, бояться нового, остерегаться и собственной тени, меньше стали проявлять инициативы в работе.

А возьмите решения партийных и советских органов. Они стали составляться по шаблону, зачастую без учета конкретной обстановки. Дело дошло до того, что выступления партийных и других работников даже на самых небольших заседаниях, совещаниях по любым вопросам произносились по шпаргалке. Все это порождало опасность оказенивания партийной и советской работы, бюрократизации аппарата.

Отрыв Сталина от жизни, незнание им действительного положения дел на местах можно наглядно показать на примере руководства сельским хозяйством.

Все, кто хоть мало-мальски интересовался положением в стране, видели тяжелое состояние сельского хозяйства, а Сталин этого не замечал. Говорили ли мы об этом Сталину? Да, говорили, но он нас не поддерживал. Почему же так получилось? Потому, что Сталин никуда не выезжал, с рабочими и колхозниками не встречался и не знал действительного положения на местах.

Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам. А кинофильмы приукрашивали, лакировали положение дел в сельском хозяйстве. Колхозная жизнь во многих кинофильмах изображалась так, что столы трещали от обилия индеек и гусей. Видимо, Сталин думал, что в действительности так оно и есть.

Владимир Ильич Ленин по-другому смотрел на жизнь, он все время был тесно связан с народом; принимал крестьян-ходоков, часто выступал на фабриках и заводах, ездил в деревни, беседовал с крестьянами.

Сталин отгородился от народа, он никуда не выезжал. И так продолжалось десятки лет. Последняя его поездка на село была в январе 1928 года, когда он ездил в Сибирь по вопросам хлебозаготовок. Откуда же он мог знать положение в деревне?

И когда Сталину в одной из бесед было сказано, что положение в сельском хозяйстве у нас тяжелое, особенно плохо обстоит дело в стране с производством мяса и других продуктов животноводства, была создана комиссия, которой было поручено подготовить проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах». Мы разработали такой проект.

Конечно, наши тогдашние предложения не охватывали всех возможностей, но были намечены пути подъема общественного животноводства. Предлагалось тогда поднять заготовительные цены на продукты животноводства, чтобы повысить материальную заинтересованность у колхозников, работников МТС и совхозов в развитии животноводства. Но проект, разработанный нами, не был принят, в феврале 1953 года он был отложен.

Более того, при рассмотрении этого проекта Сталин внес предложение повысить налог на колхозы и колхозников еще на 40 миллиардов рублей, так как, по его мнению, крестьяне

живут богато, и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться по государственному налогу.

Вы только подумайте, что это означало? Ведь 40 миллиардов рублей — это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили за всю сданную и проданную ими государству продукцию 26 миллиардов 280 миллионов рублей.

Разве такое предложение Сталина основывалось на каких-то данных? Конечно, нет. Факты и цифры в таких случаях его не интересовали. Если что сказал Сталин, значит, это так и есть — ведь он «гений», а гению не нужно считать, ему достаточно посмотреть, чтобы сразу все определить, как должно быть. Он сказал свое слово, а потом все должны повторять за ним сказанное и восторгаться его мудростью.

Но что было мудрого в предложении увеличить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Ровным счетом ничего, так как это предложение исходило не из реальной оценки действительности, а из фантастических измышлений оторванного от жизни человека.

Сейчас в сельском хозяйстве мы стали понемногу выкарабкиваться из тяжелого положения. Выступления делегатов XX съезда партии радуют каждого из нас, когда многие делегаты говорят, что есть все условия выполнить задания шестой пятилетки по производству основных продуктов животноводства не за пять лет, а за 2—3 года. Мы уверены в успешном выполнении заданий новой пятилетки. *(Продолжительные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи!

Когда мы сейчас резко выступаем против культа личности, получившего при жизни Сталина широкое распространение, и говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим чуждым духу марксизма-ленинизма культом, у отдельных людей может возникнуть вопрос: как же так, ведь Сталин стоял во главе партии и страны 30 лет, при нем были достигнуты крупные победы, разве можно отрицать это? Я считаю, что так ставить вопрос могут только ослепленные и безнадеж-

но загипнотизированные культом личности люди, которые не понимают сущности революции и Советского государства, не понимают по-настоящему, по-ленински роли партии и народа в развитии советского общества.

Социалистическую революцию совершил рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, при поддержке среднего крестьянства, совершил народ, руководимый большевистской партией. Великая заслуга Ленина состоит в том, что он создал боевую партию рабочего класса, вооружил ее марксистским пониманием законов общественного развития, учением о победе пролетариата в борьбе с капитализмом, он закалил партию в огне революционных битв народных масс. В ходе этой борьбы партия последовательно отстаивала интересы народа, стала его испытанным вождем, привела трудящихся к власти, к созданию первого в мире социалистического государства.

Вы хорошо помните мудрые ленинские слова о том, что Советское государство сильно сознательностью масс, о том, что историю теперь творят миллионы и десятки миллионов людей.

Организаторской работе партии, ее многочисленных местных организаций, самоотверженному труду нашего великого народа обязаны мы своими историческими победами. Эти победы — результат огромной по своему размаху деятельности народа и партии в целом, они вовсе не являются плодом руководства одного лишь Сталина, как это пытались представить в период процветания культа личности.

Если по-марксистски, по-ленински подойти к существу этого вопроса, то надо со всей прямотой заявить, что практика руководства, сложившаяся в последние годы жизни Сталина, стала серьезным тормозом на пути развития советского общества.

Сталин долгими месяцами не рассматривал многие важнейшие и неотложные вопросы жизни партии и страны. При руководстве Сталина наши мирные отношения с другими странами нередко ставились под угрозу, так как единоличные решения могли вызвать и иногда вызывали большие осложнения.

За последние годы, когда мы освободились от порочной практики культа личности и наметили ряд мер в области внутренней и внешней политики, все видят, как буквально на глазах растет активность, развивается творческая инициатива широких масс трудящихся, как благотворно начинает сказываться это на результатах нашего хозяйственного и культурного строительства. *(Аплодисменты.)*

Некоторые товарищи могут задать вопрос: куда же смотрели члены Политбюро ЦК, почему они своевременно не выступили против культа личности и делают это лишь в последнее время?

Прежде всего, надо иметь в виду, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы по-разному в разные периоды. В первое время многие из них активно поддерживали Сталина, потому что Сталин является одним из сильнейших марксистов и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры, на работу партии.

Известно, что Сталин после смерти В.И.Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения. Исходя из ленинского учения, партия во главе со своим Центральным комитетом развернула большую работу по социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции. В то время Сталин завоевал популярность, симпатии и поддержку. Партии пришлось вести борьбу с теми, кто пытался сбить страну с единственно правильного, ленинского пути, — с троцкистами, зиновьевцами и правыми, буржуазными националистами. Эта борьба была необходима. Но затем Сталин, все более злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против честных советских людей террористические методы. Как уже говорилось, именно так Сталин поступил с видными деятелями нашей партии и государства — Косиором, Рудзутаком, Эйхе, Постышевым и многими другими.

Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался репрессиям. В этом отношении характерна история с Т.Постышевым.

В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос:

— Кто вы такой?

Постышев твердо заявил с присущим ему окающим акцентом:

— Большевик я, товарищ Сталин, большевик!

И это заявление было расценено сначала как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, объявленного без всяких к тому оснований «врагом народа».

Об обстановке, сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Николаем Александровичем Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал:

— Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой или в тюрьму.

Ясно, что такая обстановка ставила любого из членов Политбюро в крайне тяжелое положение. Если к тому же учесть, что за последние годы Пленумы ЦК партии фактически не созывались, а заседания Политбюро проводились от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро высказаться против той или иной несправедливой или неправильной меры, против очевидных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как уже отмечалось, многие решения принимались единолично или опросом, без коллективного обсуждения.

Всем известна печальная судьба члена Политбюро т. Вознесенского, ставшего жертвой репрессий Сталина. Характерно отметить, что решение о выводе его из состава Политбюро нигде не обсуждалось, а было проведено опросом. Также опросом были проведены решения об освобождении с занимаемых постов тт. Кузнецова и Родионова.

Серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых «пятерок», «шестерок», «семерок», «девяток». Вот, например, решение Политбюро от 3 октября 1946 года:

«Предложение тов.Сталина.

1. Поручить Комиссии по внешним делам при Политбюро (шестерке) заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов.Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой.

Секретарь ЦК — И. Сталин».

Что это за терминология картежника? *(Смех в зале.)*

Ясно, что создание подобных комиссий — «пятерок», «шестерок», «семерок» и «девяток» внутри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов.

В невыносимые условия был поставлен один из старейших членов нашей партии — Климент Ефремович Ворошилов. На протяжении ряда лет он фактически был лишен права принимать участие в работе Политбюро. Сталин запретил ему появляться на заседаниях Политбюро и посылать ему документы. Когда заседало Политбюро и тов.Ворошилов об этом узнавал, то каждый раз он звонил и спрашивал разрешения, можно ли ему прийти на это заседание. Сталин иногда разрешал, но всегда выражал недовольство. В результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом. *(Смех в зале.)* Да, английским агентом. И к нему дома был подставлен специальный аппарат для подслушивания его разговоров. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин единолично отстранил также от участия в работе Политбюро и другого члена Политбюро, Андрея Андреевича Андреева.

Это был самый разнузданный произвол.

А возьмите первый Пленум ЦК после XIX съезда партии, когда выступил Сталин и на Пленуме давал характеристику Вячеславу Михайловичу Молотову и Анастасу Ивановичу Микояну, предъявив этим старейшим деятелям нашей партии ничем не обоснованные обвинения.

Не исключено, что если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы.

Сталин, видимо, имел свои планы расправы со старыми членами Политбюро. Он не раз говорил, что надо менять членов Политбюро. Его предложение после XIX съезда избрать в Президиум Центрального комитета 25 человек преследовало цель устранить старых членов Политбюро, ввести менее опытных, чтобы те всячески восхваляли его. Можно даже предполагать, что это было задумано для того, чтобы потом уничтожить старых членов Политбюро и спрятать концы в воду по поводу тех неблаговидных поступков Сталина, о которых мы сейчас докладываем.

Товарищи! Чтобы не повторить ошибок прошлого, Центральный комитет решительно выступает против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно возвеличили. Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед

партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!

Товарищи! Ленин не раз подчеркивал, что скромность является неотъемлемым качеством подлинного большевика. И сам Ленин был живым олицетворением величайшей скромности. Нельзя сказать, что в этом деле мы во всем следуем ленинскому примеру. Достаточно хотя бы сказать, что многочисленным городам, фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, советским, культурным учреждениям розданы у нас на правах, если можно так выразиться, частной собственности имена тех или иных государственных и партийных деятелей, еще здравствующих и процветающих. В деле присвоения своих имен различным городам, районам, предприятиям, колхозам многие из нас соучастники. Это надо исправить. *(Аплодисменты.)*

Но делать это надо с умом; без торопливости. Центральный комитет обсудит это дело и хорошенько разберется, чтобы не допустить здесь каких-либо ошибок и перегибов. Я помню, как на Украине узнали об аресте Косиора. Киевская радиостанция обычно начинала свои радиопередачи так: «Говорит радиостанция имени Косиора». В один из дней радиопередачи начались без упоминания имени Косиора. И все догадались, что с Косиором что-то случилось, что он, наверное, арестован.

Так что если мы всюду начнем снимать вывески и проводить переименования, то люди могут подумать, что с теми товарищами, чьи имена носят предприятия, колхозы или города, что-то произошло, что, наверное, и они арестованы. *(Оживление в зале.)*

Чем у нас иной раз измеряется авторитет и значение того или иного руководителя? Да тем, что его именем названо столько-то городов, заводов и фабрик, столько-то колхозов

и совхозов. Не пора ли нам покончить с этой «частной собственностью» и провести «национализацию» фабрик и заводов, колхозов и совхозов. *(Смех, аплодисменты. Возгласы: «Правильно!»)* Это будет на пользу нашему делу. Культ личности сказывается ведь и в такого рода фактах.

Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия. *(Бурные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы.

Для этого необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить как чуждый духу марксизма-ленинизма и несовместимый с принципами партийного руководства и нормами партийной жизни культ личности, вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме.

Восстановить и последовательно проводить во всей нашей идеологической работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе, как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим нам предстоит провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства. В частности, необходимо в ближайшее время провести работу по созданию полноценного, составленного с научной объективностью марксистского учебника по истории нашей партии, учебников по

истории советского общества, книг по истории Гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Во-вторых, последовательно и настойчиво продолжать проводимую в последние годы Центральным комитетом партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства и прежде всего высшего принципа — коллективности руководства, по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных Уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики.

В-третьих, полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью. Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности.

* * *

Товарищи!

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза с новой силой продемонстрировал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг своего Центрального комитета, ее решимость выполнить великие задачи коммунистического строительства. *(Бурные аплодисменты).* И тот факт, что мы сейчас во всей широте ставим принципиальные вопросы о преодолении чуждого марксизму-ленинизму культа личности и о ликвидации причиненных им тяжелых последствий, говорит о великой моральной и политической силе нашей партии. *(Продолжительные аплодисменты.)*

У нас есть полная уверенность в том, что наша партия, вооруженная историческими решениями своего XX съезда, поведет советский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Да здравствует победоносное знамя нашей партии — ленинизм! *(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)*

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВАМ 1-10.

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ»

Неприятие культа самим Сталиным

Очень многие свидетельства говорят о том, что на протяжении многих лет Сталин выступал резко против насаждения культа своей личности. Вот лишь некоторые выдержки из писем, выступлений и бесед Сталина, в которых выражена эта точка зрения.

Июнь 1926 года:

«Должен вам сказать, товарищи, по совести, что я не заслужил доброй половины тех похвал, которые здесь раздавались по моему адресу. Оказывается, я и герой Октября, и руководитель компартии Советского Союза, и руководитель Коминтерна, чудо-богатырь и все, что угодно. Все это пустяки, товарищи, и абсолютно ненужное преувеличение. В таком тоне говорят обычно над гробом усопшего революционера. Но я еще не собираюсь умирать...

Я, действительно, был и остаюсь одним из учеников передовых рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса»[1].

Октябрь 1927 года:

«Да что Сталин, Сталин человек маленький»[2].

---

[1] И.В.Сталин. Ответ на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г. // И.В.Сталин. *Сочинения*. Т.8.— М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948, с. 173. См.: http://www.hrono.ru/libris/stalin/8-19.html.

[2] И.В.Сталин. Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Речь на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦИК ВКП(б) 23 октября 1927 г. // *Там же*. Т.10, с.172. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/10-15.html.

Декабрь 1929 года:

«Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию. И именно потому, что отношу их на счет нашей славной ленинской партии, беру на себя смелость ответить вам большевистской благодарностью»[1].

Апрель 1930 года:

«Иные думают, что статья "Головокружение от успехов" представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было»[2].

Август 1930 года:

«Вы говорите о Вашей "преданности" мне. Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может *быть*... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь "принцип" преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой»[3].

Декабрь 1931 года:

«Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником...

Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю... Великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон Кихота...

Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой кол-

---

[1] И.В.Сталин. Всем организациям и товарищам, приславшим приветствия в связи с 50-летием т. Сталина. // *Там же*. Т. 12, с. 140. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/12-6.html.

[2] И.В.Сталин. Ответ товарищам колхозникам. // *Там* же, с.213. См. также: http://www.hrono.ru/libris/staIin/12-11.html.

[3] И.В.Сталин. Письмо тов. Шатуновскому. // *Там же*. Т. 13, с.19. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-31.html.

легии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения. На основании опыта трех революций мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — однобокие...

Никогда, ни при каких условиях наши рабочие не потерпели бы теперь власти одного лица. Самые крупные авторитеты сходят у нас на нет, превращаются в ничто, как только им перестают доверять рабочие массы, как только они теряют контакт с рабочими массами»[1].

Февраль 1933 года:

«Письмо Ваше о переуступке мне второго Вашего ордена в награду за мою работу — получил.

Очень благодарен Вам за теплое слово и товарищеский подарок. Я знаю, чего Вы лишаете себя в пользу меня, и ценю Ваши чувства.

Тем не менее я не могу принять Ваш второй орден. Не могу и не должен принять не только потому, что он может принадлежать только Вам, так как только Вы заслужили его, но и потому, что я и так достаточно награжден вниманием и уважением товарищей и — стало быть — не имею права грабить Вас.

Ордена созданы не для тех, которые и так известны, а главным образом для таких людей-героев, которые мало известны и которых надо сделать известными всем.

Кроме того, должен Вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше чем нужно, —уверяю Вас»[2].

Май 1933 года:

«**Робинс.** Я считаю для себя большой честью иметь возможность Вас посетить.

Сталин. Ничего особенного в этом нет. Вы преувеличиваете.

---

[1] И.В.Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. // *Там же,* с. 105—107 и 110. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-2.html.

[2] И.В.Сталин. Письмо тов. И.Н.Бажанову. // *Там же,* с.235. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-29.html.

Робинс *(смеется)*. Самым интересным для меня является то, что по всей России я нашел всюду имена Ленин — Сталин, Ленин — Сталин, Ленин — Сталин вместе.

Сталин. Тут тоже есть преувеличение. Куда мне с Лениным равняться?»[1]

Январь 1937 года:

«**Фейхтвангер.** Я здесь всего 4—5 недель. Одно из первых впечатлений: некоторые формы выражения уважения и любви к вам кажутся мне преувеличенными и безвкусными. Вы производите впечатление человека простого и скромного. Не являются ли эти формы для вас излишним бременем?

Сталин. Я с вами целиком согласен. Неприятно, когда преувеличивают до гиперболических размеров. В экстаз приходят люди из-за пустяков. Из сотен приветствий я отвечаю только на 1—2, не разрешаю большинство их печатать, совсем не разрешаю печатать слишком восторженные приветствия, как только узнаю о них. В девяти десятых этих приветствий — действительно полная безвкусица. И мне они доставляют неприятные переживания.

Я хотел бы не оправдать — оправдать нельзя, а по-человечески объяснить, — откуда такой безудержный, доходящий до приторности восторг вокруг моей персоны...

Очень большое дело — освобождение от эксплуатации, и массы это празднуют по-своему. Все это приписывают мне, — это, конечно, неверно, что может сделать один человек? Во мне они видят собирательное понятие и разводят вокруг меня костер восторгов телячьих.

Фейхтвангер. Как человек, сочувствующий СССР, я **вижу** и чувствую, что чувства любви и уважения к вам совершенно искренни и элементарны. Именно потому, что вас так любят и уважают, не можете ли вы прекратить своим словом эти формы проявления восторга, которые смущают некоторых ваших друзей за границей?

Сталин. Я пытался несколько раз это сделать. Но ничего не получается: Говоришь им — нехорошо, не годится это. Люди думают, что это я говорю из ложной скромности.

---

[1] И.В.Сталин. Беседа с полковником Робинсом 13 мая 1933 г. (Краткая запись) // *Там же,* с.260. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-3.html.

Хотели по поводу моего 55-летия поднять празднование. Я провел через ЦК ВКП(б) запрещение этого.[1] Стали поступать жалобы, что я мешаю им праздновать, выразить свои чувства, что дело не во мне. Другие говорили, что я ломаюсь. Как воспретить эти проявления восторгов? Силой нельзя. Есть свобода выражения мнений. Можно просить по-дружески.

Это проявление известной некультурности...

То, что некоторых людей за границей это огорчает, тут ничего не поделаешь. Культура сразу не достигается...

Фейхтвангер. Я говорю не о чувстве любви и уважения со стороны рабочих и крестьянских масс, а о других случаях. Выставляемые в разных местах ваши бюсты — некрасивы, плохо сделаны. На выставке планировки Москвы, где все равно прежде всего думаешь о вас,— к чему там плохой бюст? На выставке Рембрандта, развернутой с большим вкусом, к чему там плохой бюст?

Сталин. Вопрос закономерен. Я имел в виду широкие массы, а не бюрократов из различных учреждений. Что касается бюрократов, то о них нельзя сказать, что у них нет вкуса. Они боятся, если не будет бюста Сталина, то их либо газета, либо начальник обругает, либо посетитель удивится. Это область карьеризма, своеобразная форма "самозащиты" бюрократов: чтобы не трогали, надо бюст Сталина выставить.

Ко всякой партии, которая побеждает, примазываются чуждые элементы, карьеристы. Они стараются защитить себя по принципу мимикрии — бюсты выставляют, лозунги пишут, в которые сами не верят. Что касается плохого качества бюстов, то это делается не только намеренно (я знаю, это бывает), но и по неумению выбрать. Я видел, например, в первомайской демонстрации портреты мои и моих товарищей: похожие на всех чертей. Несут люди с восторгом и не понимают, что портреты не годятся. Нельзя издать приказ, чтобы выстав¬

---

[1] Как отмечает публикатор документа Л.Максименков, 19 декабря 1934 года по заявлению Сталина Политбюро принимает решение: «Уважить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря в день пятидесятипятилетнего юбилея его рождения никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.163. Ед. хр. 1048. Л.26). См.: Л.Максименков. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // *Вопросы литературы.* 2004, № 2. См. также: http://magazines.russ.ru/voplit/2004/2/maxl3.html.

ляли хорошие бюсты — ну их к черту! Некогда заниматься такими вещами, у нас есть другие дела и заботы, на эти бюсты и не смотришь»[1].

Февраль1938 года:

«Я решительно против издания "Рассказов о детстве Сталина".

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, "добросовестные" брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория "героев" и "толпы" есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку»[2].

«Подобные начинания ведут к усилению "культа личностей"»

Ниже приводятся свидетельства мемуаристов и выдержки из вторичных источников, где также поднимается вопрос о «культе личности» и отношении к нему Сталина.

Вадим Роговин со ссылкой на «Вопросы истории КПСС» (1990, № 3, с. 104), отмечает, что в 1934 году на письме Всесо¬

---

[1] Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером. 8 января 1937 года. Цит. по: Л.Максименков. Очерки номенклатурной истории... См. также: http://magazines.russtru/voplit/2004/2/maxl3.html. Описание того же самого фрагмента беседы см.: Л.Фейхтвангер. *Москва 1937.0тчет о поездке для моих друзей.* — М.: Художественная литература, 1937. Гл.З. См. также: http://istoria.hl O.ru/lib/read.php?what=moscow37&p=28 http://istoria.h_10.ru/lib/read.php?what-moscow378cp=29.

[2] И.В.Сталин. Письмо в Детиздат при ЦК ВЛКСМ. // *Вопросы истории.* 1953, №11. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-29.html.

юзного общества старых большевиков, в котором предлагалось провести пропагандистскую кампанию, посвященную его 55-летию, он наложил резолюцию: «Я против, так как подобные начинания ведут к усилению "культа личностей", что вредно и несовместимо с духом нашей партии»[1].

В статье «Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре» Леонид Максименков приводит ряд (из большого множества) документированных примеров осуждения Сталиным возвеличения его личности:

«Прочитав в 1933 году рукопись пьесы "Ложь" А.Н.Афиногенова, Сталин написал драматургу пространное письмо, в примечании к которому отметил: "P.S. Зря распространяетесь о «вожде». Это нехорошо и, пожалуй, неприлично. Не в «вожде» дело, а в коллективном руководителе — в ЦК партии. И.Ст[алин]" Что имел в виду Сталин? Один из героев пьесы, заместитель наркома Рядовой, в споре с бывшим оппозиционером Накатовым с пафосом утверждал: "Я говорю о нашем Центральном комитете... Я говорю о вожде, который ведет нас, сорвав маски со многих высокообразованных лидеров, имевших неограниченные возможности и обанкротившихся. Я говорю о человеке, сила которого создана гранитным доверием сотен миллионов. Имя его на всех языках мира звучит как символ крепости большевистского дела. И вождь этот непобедим..." Сталин собственноручно отредактировал и исправил эту тираду, заменив ключевые слова-символы: "Я говорю о нашем Центральном комитете, который ведет нас, сорвав маски со многих высокообразованных лидеров, имевших неограниченные возможности и обанкротившихся. Я говорю о Центральном комитете партии коммунистов Советской страны, сила которого создана гранитным доверием сотен миллионов. Знамя его на всех языках мира звучит как символ крепости большевистского дела. И этот коллективный вождь непобедим..."»[2].

«В 1936-м вышел в свет биографический очерк о жизни Серго Орджоникидзе, составленный М.Д.Орахелашвили.

---

[1] В.З.Роговин. *Сталинский неонэп.* — М., 1994, глава «Культ Сталина и фальсификация истории». См.: http://trst.narod.ru/rogovih/t3/xli.htm.

[2] Л.Максименков. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре. // *Свободная мысль.* 1993, № 10. См. также: http://www.situation.ru/app/j_art_677.htm.

Сталин прочитал эту книгу и на ее страницах оставил много пометок. В очерке, например, об июльском кризисе 1917 года рассказывалось так: "В этот тяжелый для пролетарской революции период, когда перед лицом надвинувшейся опасности многие дрогнули, на посту руководителя ЦК и петроградской партийной организации твердо оставался товарищ Сталин *(Ленин находился в подполье.— Прим. Л.Максименкова.)*. Тов. Орджоникидзе был непрерывно с ним, ведя под его руководством энергичную, беззаветную борьбу за ленинские лозунги партии". Приведенные слова были подчеркнуты Сталиным, а на полях он красным карандашом написал: "А ЦК? А партия?" В другом месте шла речь о VI съезде РСДРП (лето 1917 года), о том, как Ленин, скрываясь в Разливе, "давал руководящие указания по вопросам, стоявшим в повестке дня съезда. Для получения директив Ленина т.Орджоникидзе, по поручению Сталина, дважды ездил к Ленину в шалаш". Сталин опять задал свой вопрос: "А ЦК где?"»[1]

«27 января 1937 года, просмотрев сценарий кинофильма "Великий гражданин" (сюжет фильма режиссера Ф.М.Эрмлера напоминал историю с убийством С.М.Кирова), Сталин направил письмо руководителю советской кинематографии Б.З.Шумяцкому, в котором дал знакомое конкретное указание: "Упоминание о Сталине нужно исключить. Вместо Сталина следовало бы поставить ЦК партии"»[2].

В дневнике Георгия Димитрова, видного деятеля болгарского и мирового коммунистического движения, есть запись о торжественном обеде на кремлевской квартире К.Е.Ворошилова в связи с 20-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Взяв слово для тоста, Димитров стал развивать мысль о Сталине как продолжателе дела Ленина:

«Д[имитров]: ...Нельзя говорить о Ленине, не связывая его со Сталиным! (Все поднимают бокалы!)

Сталин: Я очень уважаю т.Димитрова. Мы друзья и останемся друзьями. Но я не согласен с ним. Он даже не по-марксистски выразился. Для победы дела необходимы соответствующие условия, а вожди найдутся»[3].

---

1 *Там же.*

2 *Там же.* См. также: *Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма.* / Сост. Ю.П.Сенокосов. — М.: Политиздат, 1989, с.494.

3 Цит. по: Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Вступительная статья, составление, комментарий, приложение В.А.Невежина. — М.: АИРО—XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, с. 149.

Другая дневниковая запись относится к встрече в Кремле 26 апреля 1939 г., во время которой обсуждалось первомайское воззвание Коминтерна. На вопрос Сталина, видел ли Димитров текст воззвания, тот ответил, что в последней редакции — нет, но что это — плод коллективного творчества, а Мануильский — главный редактор. Сталин обратил внимание на фрагменты воззвания, восхваляющие его личность (Да здравствует наш Сталин! Сталин — это мир! Сталин — это коммунизм! Сталин — наша победа!), и заявил:

«Мануильский — подхалим! Он был троцкистом! Мы его критиковали, что когда шла чистка троцкистских бандитов, он молчал, не выступал, а он начал подхалимничать. Это что-то подозрительно! Его статья в "Правде" "Сталин и мировое коммунистическое движение" вредная, провокационная статья».

«Иосиф Виссарионович, — записал далее Димитров, — не согласился оставить в воззваний "под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина", а только "Маркса — Энгельса — Ленина"[1].

60-летие Сталина совпало с советско-финляндской войной, а 65-летие — с Великой Отечественной, поэтому устройство пышных празднеств в те годы было неуместным. Но, как отмечает Акакий Мгеладзе, Сталин выступил резко против устройства торжеств и в более спокойное время, в 1949 году, и с большой неохотой поддался на уговоры соратников по ЦК:

«Сталину сообщили, что члены Политбюро высказываются за то, чтобы широко отметить семидесятилетие со дня его рождения. Иосиф Виссарионович категорически возражал.

— Думаю,— сказал Поскребышев,— что Политбюро все же примет такое решение, и товарищу Сталину придется подчиниться. Ведь его юбилей, по замыслу Политбюро, имеет большое политическое значение: во-первых, для усиления влияния коммунистических, рабочих партий на массы, и, во-вторых, это прекрасный повод для того, чтобы лидеры всех коммунистических и рабочих партий собрались в Москве, а там, сами знаете, какие актуальные вопросы они обсудят. Сталин не может игнорировать эти обстоятельства, он должен будет дать согласие...

---

[1] *The Diary of Georgi Dimitrov. 1933—1949.* (New Haven; London, 2003), p.104—105.

Поскребышев попытался заговорить о предстоящем юбилее, но Сталин не терпящим возражений тоном остановил его:

— Изберите другую тему.

Больше об этом... не заговаривали.

Несмотря на возражения Сталина, Политбюро приняло решение о праздновании его семидесятилетнего юбилея. Был образован юбилейный комитет во главе с Н.М.Шверником.

Юбилей широко отмечался 21 декабря 1949 года...

Юбилей прошел под знаком еще большего сплочения народов под знаменем марксизма-ленинизма. Кроме того, он позволил провести в Москве ряд совещаний, консультаций, обмен мнениями руководителей коммунистических и рабочих партий по важнейшим вопросам мирового коммунистического движения»[1].

Во время одной из бесед с писателем Феликсом Чуевым В.М.Молотов стал рассказывать о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны:

«Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

"Я такого мужества не проявил", — сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее прикололи на подушку и несли на похоронах.

— Сталин носил только одну звездочку — Героя Социалистического Труда...— добавляет Молотов».[2]

Владимир Аллилуев, вспоминая события 1945 года, отмечает:

«На другой день после парада Указом Президиума Верховного Совета СССР И.В.Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза. Инициативу в этом проявил Маленков, но Сталин от этой высокой чести отказался да еще с Калининым, подписавшим Указ, поговорил круто — я, мол, в боевых действиях участия не принимал, подвигов не совершал, я просто руководитель»[3].

---

[1] А.И.Мгеладзе. *Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого.* — 6 /м., 2001, с.125—126.

[2] Ф.И.Чуев. *Молотов: Полудержавный властелин.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999, с.311.

[3] В.Ф.Аллилуев. *Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин.* — М.: Мол. гвардия, 1995, с. 195.

Крупнейший из знатоков советских наград Валерий Дуров в одном из своих очерков приводит проект решения, которое было направлено на рассмотрение в Политбюро ЦК ВКП(б) 22 июня 1945 года и подписано видными советскими государственными и военными деятелями:

«В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

Вносим на рассмотрение Политбюро следующие предложения:

1. Наградить тов. Сталина орденом «Победа»;
2. Присвоить тов. Сталину звание Героя Советского Союза;
3. Учредить орден Сталина;
4. Соорудить Сталинскую Арку Победы при въезде в Москву на автостраде Москва — Минск.

Соответствующие указы предлагаем принять на XII сессии Верховного Совета.

22.V1.45 г.

В.Молотов
Л.Берия
Г.Маленков
К.Ворошилов
А.Микоян».

Два последних предложения не были осуществлены. В левом верхнем углу есть пометка карандашом: «Мой архив. И.Сталин»[1].

В 1937—1938 годах предлагалось переименовать Москву в Сталинодар:

«Однако переименование не состоялось. М.И.Калинин проинформировал Президиум Верховного Совета СССР и РСФСР о том, что И.В.Сталин высказался категорически против этого предложения»...

Москва осталась Москвой[2].

---

[1] В.А.Дуров. Орден Сталина Сталин не утвердил. // *Родина,* 2005, № 4. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/durovorden.pdf.

[2] Б.А.Старков. Как Москва чуть не стала Сталинодаром. // *Известия ЦК КПСС.* 1990, №12, с.126—127. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinodar.pdf.

Попытка Г.М.Маленкова созвать Пленум ЦК, чтобы обсудить на нем вопрос о «культе»

По словам Юрия Жукова, Г.М.Маленков предложил незамедлительно, в апреле 1953 года, созвать внеочередной Пленум ЦК и обсудить на нем вопрос о культе личности. Со ссылкой на РЦХИДНИ (теперь РГАСПИ) историк подробно цитирует проект выступления Маленкова, где среди прочего говорилось:

«Известно, что товарищ Сталин решительно осуждал такой культ личности и квалифицировал его как эсеровщину. В связи с этим Центральный комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии культа личности и умаления значения и роли выработанной партией политики, умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства партии и правительства.

Многие из присутствующих знают, что т.Сталин не раз в этом духе высказывался и решительно осуждал немарксистское, эсеровское понимание роли личности в истории».

И далее Жуков отмечает:

«Ему *(Маленкову. — Г.Ф.)* не позволили собрать Пленум для осуждения культа личности. Кто именно — сегодня установить невозможно... Противниками же могли оказаться... Н.С.Хрущев...»[1]

Июльский (1953) Пленум ЦК: нападки на Берию за критику «культа»

Выступая на июльском (1953) Пленуме ЦК, ближайший из хрущевских приверженцев А.И.Микоян обрушился с резкой критикой Л.П.Берии за его отрицательное отношение к культу:

---

[1] Ю.Н.Жуков. *Тайны Кремля.* — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2000, с. 617—621. Тезисы из предполагаемого выступления Маленкова подробно цитируются в: М.П.Одесский, Д.М.Фельдман. Культ Личности. (Материалы к гиперссылке). // *Освободительное движение в России.* 2003. Вып. 20. См.: http://old.sgu.ru/users/proiect/pdf/osv_dv/vipusk20/09.doc.

«В первые дни [после смерти Сталина] он ратовал о культе личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так шло. Нужно подойти к личности по-марксистски. Но Берия ратовал. Оказалось, что он хотел подорвать культ товарища Сталина и создать свой собственный культ»[1].

А.А.Андреев тоже выступил на Пленуме с осуждением Берии, но отметил, что выплывший «откуда-то вопрос о культе личности» давно решен и в марксистской литературе, и в жизни.[2] В том же ключе выступил Каганович[3].

В действительности за всеми подобными рассуждениями о «культе» содержалась скрытые порицания Маленкова!

Максименков тоже оценивает критику «культа личности» Маленковым в марте 1953 года как «самокритику», т.к. именно его этот вопрос касался в самую первую очередь. Но порицание Берии за «культ» на июльском (1953) Пленуме ЦК КПСС — очевидный образчик нечистоплотной критики со стороны Андреева.

Кто раздувал «культ»?

Из стенограммы очной ставки между Л.С.Сосновским и Н.И.Бухариным в ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1936 года:

БУХАРИН: Я припоминаю один такой эпизод. По указанию Климента Ефремовича я написал статью относительно выставки Красной Армии. Там говорилось о Ворошилове, Сталине и других. Когда Сталин сказал: что ты там пишешь, кто-то возразил: посмел бы он не так написать. Я объяснил все эти вещи очень просто. Я знаю, что незачем создавать культ Сталина, но для себя я считаю это целесообразной нормой.

СОСНОВСКИЙ: А для меня вы считали это необходимым.

БУХАРИН: По очень простой причине, потому что ты бывший оппозиционер. Ничего плохого я в этом не вижу[4].

---

[1] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: МФД, 1999, с.168.

[2] Там же. С.207.

[3] Там же. С.283.

[4] Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 года // *Вопросы истории.* 2002, №3, с.28.

Акцентируя внимание читателей на том, что именно «Радек, будучи троцкистом, в течение многих лет вел самую активную борьбу против Сталина», Рой Медведев в ставшей классикой антисталинизма книге «К суду истории» пишет:

«В первом номере газеты «Правда» за 1934 год была помещена на двух полосах огромная статья К.Радека, в которой он прямо-таки упивается восхвалениями в адрес Сталина... Это была, по-видимому, первая большая статья в нашей печати, специально посвященная восхвалению Сталина. Весьма характерно, что эта статья Радека была вскоре выпущена как брошюра огромным для того времени тиражом в 225 тысяч экземпляров»[1].

Сталин тоже догадывался, что во многих случаях культ его личности раздували скрытые оппозиционеры. Финский ревизионист Туоминен рассказывает, что в 1935 году, когда Сталина проинформировали, что его бюсты повсеместно расставлены на самых видных местах в Третьяковской галерее, он возмущенно воскликнул: «Это откровенный саботаж!»[2].

Хрущев и Микоян

По мнению британского исследователя Уильяма Бланда[3], Хрущев был одним из тех, на ком лежит личная ответственность за раздувание «культа».

Именно Хрущев предложил использовать термин «вождь» (аналог немецкоязычного слова «фюрер»). На московской партийной конференции, состоявшейся в январе 1932 года, свою речь он закончил такими словами:

«Московские большевики под руководством МК[4], сплоченные как никогда вокруг ленинского ЦК, **вождя** нашей партии т.Сталина, бодро и уверенно идут к новым победам в боях за социализм, за мировую пролетарскую революцию» *{выделено мной. — Г.Ф.)*[5].

---

[1] Р.А.Медведев. *К суду истории. Генезис и последствия сталинизма.* — Нью-Йорк: Alfred A.Knopf, 1974, с.303—304. .

[2] Цит. по: William Bland. *The Cult of the Individual (1934—52).* См.: http://www.mltranslations.org/Britain/StalinBB.htm.

[3] *Там же.*

[4] МК — Московский комитет ВКП(б).

[5] Рабочая Москва. 26 января 1932.

В 1934 году на XVII съезде ВКП(б) Хрущев, и один только он, назвал Сталина «нашим гениальным вождем»[1].

В августе' 1936 года во время процесса над Каменевым и Зиновьевым (т.н. «процесса 16») «Правда» опубликовала статью «Московский партийный актив *(читай: Хрущев. — Г.Ф.)* — великому вождю коммунизма, любимому другу, отцу и учителю трудового народа товарищу Сталину!», где говорилось:

«Наш близкий друг, наш мудрый вождь, товарищ Сталин! С твоим именем неразрывно связана победоносная борьба нашей партии за социализм...

Ты, товарищ Сталин, высоко поднял над всем миром и несешь вперед великое знамя Маркса — Энгельса — Ленина...

Имя — Сталин *(так в тексте. — Г.Ф.)* — живет в сердцах миллионов нашей страны, как надежда, как радость настоящего, как прекрасное будущее всего человечества.

Мы заверяем тебя, товарищ Сталин, что московская большевистская организация — верная опора Сталинского Центрального комитета — еще выше поднимет сталинскую бдительность, выкорчует без пощады остатки троцкистско-зиновьевских контрреволюционных последышей, еще сильнее сплотит ряды партийных большевиков вокруг Сталинского Центрального комитета и великого Сталина»[2].

Как отмечает Бланд, именно Хрущев предложил именовать принятую на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР (ноябрь — декабрь 1936) Конституцию «сталинской». По словам того же оратора, она якобы «от начала и до конца написана рукой товарища Сталина»[3]. Между тем об особой роли Сталина в создании Конституции ничего не сказал ни тогдашний глава Советского правительства (председатель СНК) В.М.Молотов, ни первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии А.А.Жданов.

Наконец, именно в этой речи Хрущев «изобрел» термин «сталинизм»: «Наша Конституция — это марксизм — ленинизм — сталинизм, победивший на одной шестой земного шара! Не сомневаемся, что марксизм — ленинизм — сталинизм победит во всем земном шаре»[4].

---

[1] *XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января— 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет.*— М.: Партиздат. 1934, с.145. См.: http://www.hrono.ru/vkpb_17/6_4.html.

[2] Правда. 23 августа 1936.

[3] Там же. 2 декабря 1936.

[4] Там же.

Речь Хрущева, произнесенная на многотысячном митинге во время суда над Радеком и Пятаковым, выдержана в тех же неумеренно восхвалительных выражениях:

«Подымая руку против товарища Сталина, они подымали ее против нас всех, против рабочего класса, против трудящихся! Подымая руку против товарища Сталина, они подымали ее против учения Маркса — Энгельса — Ленина!

Подымая руку против товарища Сталина, они подымали ее против всего лучшего, что имеет человечество, потому что Сталин — это надежда, это — чаяния, это — маяк всего передового и прогрессивного человечества. Сталин — это наше знамя! Сталин — это наша воля! Сталин — это наша победа!»[1]

На XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в марте 1939 года, Сталин был представлен Хрущевым как «наш гениальный руководитель, вождь, наш великий Сталин». В другом месте своей 20-минутной речи Хрущев говорил, что Сталин — это «величайший гений человечества, учитель и вождь, который ведет нас победоносно к коммунизму»[2]. В речи Хрущева Сталин был упомянут в общей сложности 32 раза.

Микоян не только не отставал от Хрущева, но и во многом опережал его. В декабре 1929 года, т.е. еще до избрания Хрущева секретарем Бауманского райкома Москвы, Микоян в поздравительной речи в связи с 50-летием Сталина заявил:

«Заслуга т. Сталина заключается не только в том, что он, как меткий наводчик, помог партии произвести артиллерийскую подготовку всеобщего наступления на фронте борьбы за социализм...

Великие победы нашей партии в строительстве социализма, в постановке и разрешении **звеньевых** *(так в тексте. — Г.Ф.)* вопросов хозяйственной политики пролетарской диктатуры неразрывно связаны с именем тов. Сталина»[3].

И еще:

«...50-летие тов. Сталина дает толчок к тому, чтобы мы, идя навстречу законным требованиям масс, взялись, наконец, за разработку его биографии и сделали ее доступной партии и всем трудящимся нашей страны»[4].

---

[1] Правда. 31 января 1937.

[2] XVIII съезд... См.: http://www.hrono.ru/vkpb_17/6_4.html.

[3] Известия. 21 декабря 1929.

[4] Там же.

Но и через 10 лет Микоян в речи по случаю 60-летия Сталина все продолжал настаивать на создании научной его биографии.

Ленинское «завещание»

Л.Д.Троцкий в статье «По поводу книги Истмена "После смерти Ленина"», опубликованной в 1925 году в журнале «Большевик», писал:

«В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК "скрыл" от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого "завещания" и пр.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. **Никакого "завещания" Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого "завещания". Под видом "завещания" в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка.** XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. **Всякие разговоры о скрытом или нарушенном "завещании" представляют собою злостный вымысел и**

целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии»[1].

Именно ЦК партии наделил Сталина полномочиями по изоляции Ленина:

«РЕШЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК РКП(б)
18 декабря 1922 года

В случае запроса т.Ленина о решении Пленума по вопросу о внешней торговле, по соглашению Сталина с врачами, сообщить ему текст резолюции с добавлением, что как резолюция, так и состав комиссии приняты единогласно.

Отчет т.Ярославского ни в коем случае сейчас не передавать и сохранить с тем, чтобы передать тогда, когда это разрешат врачи по согласованию с т.Сталиным.

На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки»[2].

Ответ Сталина на письмо Ленина в связи с «телефонным конфликтом» с Крупской:

«7.Ш.23

т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с тов. Н[адеждой]. Конст[антиновной]., которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно] следующее:

"Врачи запретили давать Ильичу полит. информацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его. Между тем Вы, Н.К., оказывается, нарушаете этот режим. Нельзя играть жизнью Ильича" и пр.

---

[1] Л.Д.Троцкий. По поводу книги Истмена "После смерти.Ленина". // *Большевик* № 16, 1 сентября 1925 года, с.68. Цитируется по оригиналу; фрагмент статьи воспроизведен в речи Сталина «Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Речь на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦИК ВКП(б). 23 октября 1927 года». См.: http://www.magister.msk.ru/library/stalin/10-15.htm.

[2] Известия ЦК КПСС. 1989, № 12, с.191. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/16-62.html.

Я не считаю, чтобы в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предприн[ятое], "против" Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего В[ашего]. выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился.

Мои объяснения с Н.К. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразум[ений]., не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения "отношений" я должен "взять назад" сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя "вина" и чего, собственно, от меня хотят.

И.Сталин»[1].

Как сообщает сестра Ленина Мария Ильинична, приведенное выше письмо не было показано Ленину: «Так В.И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся»[2].

Спустя многие годы М.А.Володичева, бывший секретарь Ленина, вспоминала:

«Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу тотчас же, т.к. он ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же, при мне. Лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: "Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь. Я не медик. Я политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская — член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость"»[3].

Другая из помощниц Ленина, Лидия Фотиева, отмечала:

, «Надежда Константиновна не всегда вела себя, как надо. Она могла бы проговориться Владимиру Ильичу. Она привыкла всем делиться с ним. И даже в тех случаях, когда этого де-

---

[1] Там же. С..193. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/16-47.html. В том же номере журнала опубликованы другие письма, имеющие отношение к затронутой теме.

[2] Там же. С. 195.

[3] Цит. по: А.Бек. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя. // *Московские новости*. № 17, 23 апреля 1989 года, с.8—9.

лать нельзя было... Например, зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин выругал ее по телефону?»[1]

В одной из бесед с писателем Чуевым Л.М.Каганович коснулся темы взаимоотношений Сталина и Ленина:

«Ну, при Ленине у него были тяжелые неприятности. Мне Сталин однажды сказал по поводу письма Ленина: "А что я тут могу сделать? Мне Политбюро поручило следить за тем, чтоб его не загружать, чтоб выполнять указание врачей, не давать ему бумаги, не давать ему газет, а что я мог — нарушить решение Политбюро? Я же не мог! А на меня нападают". Это он с большой горечью говорил мне лично, с большой горечью. С сердечной такой горечью»[2].

Меньше чем через две недели после т.н. «конфликта» с Лениным из-за Крупской последняя обратилась к Сталину с конфиденциальной просьбой раздобыть страдающему от сильных болей Ильичу кристаллики цианистого калия. Передав Ленину свое согласие, Сталин обратился с письмом в Политбюро, проинформировав его обо всем случившемся:

«СТРОГО СЕКРЕТНО.
Членам Пол. Бюро

В субботу 17 марта т.Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном просьбу Вл. Ильича Сталину о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что "Вл. Ильич переживает неимоверные страдания", что "дальше жить так немыслимо", и упорно настаивала "не отказывать Ильичу в его просьбе". Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К, во время беседы со мной, и с волнением требовал согласия Сталина), я не счел возможным ответить отказом, заявив: "Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование". В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказываться от этой

---

[1] *Там же.*
[2] Ф.И.Чуев. Каганович. Шепилов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с.263.

миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

И.Сталин»[1].

21 марта 1923 г.

На подлиннике письма изложено отношение членов Политбюро к записке генерального секретаря. Первой идет резолюция Томского: «Читал. Полагаю, что "нерешительность" Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)». Зиновьев и Бухарин написали коротко: «Читал». Молотов, Троцкий и Каменев расписались без комментариев.

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ПЛОДЫ "ПОПРАННОЙ" КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ»

«Нетерпимость» к коллегиальности

Маршал Жуков расценил заявления о «нетерпимости» Сталина к чужому мнению как не соответствующие истине:

«После смерти И.В.Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. Это не совсем так. Выше я уже говорил, что, если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций»[2].

Еще Жуков:

«Кстати сказать, как я убедился во время войны, И.В.Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было бы спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-либо утверждает обратное *{т.е. Хрущев. — Г.Ф.),* прямо скажу — их утверждения неверны»[3].

---

[1] Цит. по факсимиле документа, воспроизведенного в: Волкогонов. *Цит. соч.* Кн.П, между с.384 и 385. См. также: http://grachev62.narod.ru/stalin/tl6/tl6_ap08.htm.

[2] Г.К.Жуков. *Воспоминания и размышления.* В 2 тт. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002, глава 17, с.163. См. также: http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukovl/17.htmI.

[3] *Там же.* Глава 9, с. 229. См. также: http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukovl/09.html.

И еще:

«Стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково — строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил...»[1]

Мнение Хрущева не разделял и Анастас Микоян. В мемуарах, написанных после .1964 года, он писал:

«Должен сказать, что каждый из нас имел полную возможность высказать и защитить свое мнение или предложение. Мы откровенно обсуждали самые сложные и спорные вопросы (в отношении себя я могу говорить об этом с полной ответственностью), встречая со стороны Сталина в большинстве случаев понимание, разумное и терпимое отношение даже тогда, когда наши высказывания были ему явно не по душе.

Он был внимателен и к предложениям генералитета. Сталин прислушивался к тому, что ему говорили и советовали, с интересом слушал споры, умело извлекая из них ту самую истину, которая помогала ему потом формулировать окончательные, наиболее целесообразные решения, рождаемые, таким образом, в результате коллективного обсуждения. Более того, нередко бывало, когда, убежденный нашими доводами, Сталин менял свою первоначальную точку зрения по тому или иному вопросу»[2].

«Хотя товарищеская атмосфера работы в руководстве ни в коем случае не принижала роли Сталина. Наоборот, мы почти во всех случаях собственные предложения, оформленные за подписью Сталина, приписывали целиком Сталину, не декларируя, что автором является не Сталин, а другой товарищ. И он подписывал, иногда внося поправки, а иногда и этого не делая, даже иногда не читая, так как доверял»[3].

А вот что считал бывший министр сельского хозяйства СССР И.А.Бенедиктов:

«Вопреки распространенному мнению все вопросы в те годы, а том числе и относящиеся к смещению видных партийных, государственных и военных деятелей, решались в Политбюро коллегиально. На самих заседаниях Политбюро часто

---

[1] *Там же.* Глава 11, с.338.

[2] А.И.Микоян. *Так было.* — М.: Вагриус, 1999, глава 37, с.464.

[3] *Там же.* Глава 41, с.516.

разгорались споры, дискуссии, высказывались различные, зачастую противоположные мнения в рамках, естественно, краеугольных партийных установок. Безгласного и безропотного единодушия не было — Сталин и его соратники этого терпеть не могли. Говорю это с полным основанием, поскольку присутствовал на заседаниях Политбюро много раз. Да, точка зрения Сталина, как правило, брала верх. Но происходило это потому, что он объективней, всесторонней продумывал проблемы, видел дальше и глубже других»[1].

Маршал С.М.Штеменко, тесно соприкасавшийся по работе со Сталиным в годы войны, в книге воспоминаний «Генеральный штаб в годы войны» подчеркивает:

«Должен сказать, что Сталин не решал и вообще не любил решать важные вопросы войны единолично. Он хорошо понимал необходимость коллективной работы в этой сложной области, признавал авторитеты по той или иной военной проблеме, считался с их мнением и каждому отдавал должное. В декабре 1943 г. после Тегеранской конференции, когда потребовалось наметить планы действий на будущее, доклад на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки относительно хода борьбы на фронте и ее перспектив делали А.М.Василевский и А.И.Антонов, по вопросам военной экономики докладывал Н.А.Вознесенский, а И.В.Сталин взял на себя анализ проблем международного характера»[2].

Д.Т.Шепилов рассказывает такой анекдотический эпизод:

«Сталин хорошо выглядел и почему-то был очень весел: шутил, смеялся и был очень демократичен.

— Ват Шепилов говорил мне, что «Правду» трудно вести. Конечно, трудно. Я думал, что, может, назначить двух редакторов?

Здесь все шумно начали возражать:

— Нет, будет двоевластие... Порядка не будет... Спросить будет не с кого...

---

[1] И.А.Бенедиктов. О Сталине и Хрущеве. // *Молодая гвардия*. 1989, № 4. См.: http://stalinism.newmail.ru/benedikt.htm.

[2] С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х книгах. Кн. 2. — М.: Воениздат, 1989, глава 8, с.275. См.: http://militera.lib.ru/memo/russian/shtemenko/index.html.

— Ну, я вижу, народ меня не поддерживает. Что ж, куда народ, туда и я»[1].

В противоречии с собственными заявлениями Хрущев в своих воспоминаниях писал:

«Я остался при своем мнении. И вот интересно (что тоже было характерно для Сталина): этот человек при гневной вспышке мог причинить большое зло. Но когда доказываешь свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело, и поддержит.... Да, бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество»[2].

Позабыв свои слова про то, что такая черта была «характерна для Сталина», Хрущев вслед за этим поспешил добавить:

«Но, к сожалению, можно было пересчитать по пальцам случаи, когда так происходило»[3].

По сути именно отказ самого Хрущева от коллективности и коллегиальности привел к его отставке в 1964 году:

«Днем 14 октября 1964 года начался Пленум ЦК. Его открыл Брежнев, объявив, что на повестку дня поставлен вопрос о ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Затем с большим докладом выступил М.Суслов. Он отметил, что в последнее время в Президиуме и ЦК сложилось ненормальное положение, вызванное неправильными методами руководства партией и государством со стороны товарища Хрущева. Нарушая ленинские принципы коллективного руководства, он стремится к единоличному решению важнейших вопросов партийной и государственной работы.

За последнее время, говорил Суслов, даже крупные вопросы Хрущев решал по сути дела единолично, грубо навязывая свою субъективистскую, часто совершенно неправильную точку зрения. Он возомнил себя непогрешимым, присвоил себе

---

[1] Д.Т.Шепилов. *Непримкнувший.* — М.: Вагриус, 2001, с.236—237.

[2] Н.С.Хрущев. *Время. Люди. Власть.* Кн.2, часть 3. — М.: Московские новости, 1999, глава 3, с.43—44.

[3] Там же.

монопольное право на истину. Всем, кто делал замечания, неугодные Хрущеву, он высокомерно давал всевозможные пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство. В итоге коллективное руководство становилось фактически невозможным. К тому же товарищ Хрущев систематически занимается интриганством, стремясь поссорить членов Президиума друг с другом. О стремлении товарища Хрущева уйти из-под контроля Президиума и ЦК свидетельствует и то, что за последние годы у нас проводились не Пленумы ЦК, которые бы собирались для делового обсуждения назревших проблем, а Всесоюзные совещания с участием до пяти-шести тысяч человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес товарища Хрущева»[1].

Стенограмма Пленума опубликована в журнале «Исторический архив». Ниже помещена более полная выдержка из выступления М.А.Суслова:

«Тов. Хрущев, сосредоточив в своих руках посты Первого секретаря ЦК партии и Председателя Совета Министров, далеко не всегда правильно использовал предоставленные ему права и обязанности. Нарушая ленинские принципы коллективности в руководстве, он начал стремиться к единоличному решению важнейших вопросов партийной и государственной работы, стал пренебрегать мнением коллектива руководителей партии и правительства, перестал считаться с высказываниями и советами товарищей. За последнее время даже крупные вопросы он решал по сути дела единолично, грубо навязывал свою субъективистскую, часто совершенно неправильную точку зрения. Он возомнил себя непогрешимым, присвоил себе монопольное право на истину. Всем товарищам, которые высказывали свое мнение, делали замечания, неугодные т.Хрущеву, он высокомерно давал всевозможные пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство.

Заболев своего рода манией величия, т.Хрущев стал достижения партии и народа, результаты победы ленинского курса в жизни нашего общества приписывать себе...

---

[1] И.А.Мусский. *100 великих заговоров и переворотов.* — М.: Вече, 2001. Цит. по: http://salebook.lgg.ru/files/rv/381814292904.htm.

Вследствие неправильного поведения т.Хрущева Президиум ЦК все меньше становился органом коллективного творческого обсуждения и решения вопросов. Коллективное руководство фактически становилось невозможным...

Становилось все более ясным, что т.Хрущев стремился к возвеличиванию своей личности, игнорированию Президиума и ЦК КПСС. Эти неправильные действия т.Хрущева могли быть истолкованы как его стремление выдвинуть культ своей личности...»[1]

Четыре попытки Сталина уйти в отставку

I. 19 августа 1924 года:

«В Пленум ЦК РКП.

Полуторагодовая совместная работа в Политбюро с тт.Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол[итического]. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген[еральным], секретарем не может быть не член Пол[итического]. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-нибудь за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком[мунистическим]. прив[етом] *И.Сталин.*

19. VIII. 24 г.»[2]

---

1 Как снимали Н.СХрущева. // *Исторический архив.* 1993, №1, с.7—10.

[2] Цит. по: http://duel.ru/200117/?17_6_2.

II.. 27 декабря 1926 года:

«В Пленум ЦК (т.Рыкову). Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту. И. Сталин. 27.XII.26 г.»[1]

III. 19 декабря 1927 года (фрагмент стенограммы Пленума ЦК):

Сталин. Товарищи! Уже три года прошу ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК. Пленум каждый раз мне отказывает. Я допускаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие против опасностей со стороны оппозиции. Я допускаю, что была необходимость, несмотря на известное письмо товарища Ленина, держать меня на посту Генсека. Но теперь эти условия отпали. Отпали, так как оппозиция теперь разбита. Никогда, кажется, оппозиция не терпела такого поражения, ибо она не только разбита, но и исключена из партии. Стало быть, теперь уже нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда Пленум отказывался уважить мою просьбу и освободить меня от обязанностей Генсека. А между тем у вас имеется указание товарища Ленина, с которым мы не можем не считаться и которое нужно, по-моему, провести в жизнь. Я допускаю, что партия была вынуждена обходить это указание до последнего времени, была вынуждена к этому известными условиями внутрипартийного развития. Но я повторяю, что эти особые условия отпали теперь и пора, по-моему, принять к руководству указания товарища Ленина. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста Генерального секретаря ЦК. Уверяю вас, товарищи, что партия только выиграет от этого.

Догадов. Голосовать без прений.

---

[1] Ю.Мурин. Еще раз об отставках Сталина. См.: http://rspp.su/articles/07.2005/stalin_otstavka.html.

Ворошилов. Предлагаю заслушанное заявление отвергнуть.

Рыков. Голосуется без прений. В основу кладется предложение товарища Косиора. Голосуется предложение Сталина об освобождении его от генерального секретарства. Кто за это предложение? Кто против? Кто воздержался? Один.

Всеми, при одном воздержавшемся отвергнуто предложение товарища Сталина.

Сталин. Тогда я вношу другое предложение. Может быть, ЦК сочтет целесообразным институт Генсека уничтожить. В истории нашей партии были времена, когда у нас такого поста не было.

Ворошилов. Был Ленин тогда у нас.

Сталин. До X съезда у нас института Генсека не было.

Голос. До XI съезда.

Сталин. Да, кажется до XI съезда у нас не было этого института. Это было еще до отхода Ленина от работы. Если Ленин пришел к необходимости выдвинуть вопрос об учреждении института Генсека, то я полагаю, что он руководствовался теми особыми условиями, которые у нас появились после X съезда, когда внутри партии создалась более или менее сильная и хорошо организованная оппозиция. Но теперь этих условий нет уже в партии, ибо оппозиция разбита наголову. Поэтому можно было бы пойти на отмену этого института. Многие связывают" с институтом Генсека представление о каких-то особых правах Генсека. Я должен сказать по опыту своей работы, а товарищи это подтвердят, что никаких особых прав, чем-либо отличающихся от прав других членов Секретариата, у Генсека не должно быть.

Голос. А обязанности?

Сталин. И обязанностей больше, чем у других членов Секретариата, нет. Я так полагаю: есть Политбюро — высший орган ЦК; есть Секретариат — исполнительный орган, состоящий из 5-ти человек, и все они, эти пять членов Секретариата, равны. Практически так и велась работа, и никаких особых прав или особых обязанностей у Генсека не было. Не бывало случая, чтобы Генсек делал какие-либо распоряжения единолично, без санкции Секретариата. Выходит, таким образом, что института Генсека, в смысле особых прав, у нас не было на деле, была лишь коллегия, называемая Секретариатом ЦК.

Я не знаю, для чего еще нужно сохранять этот мертвый институт. Я уже не говорю о том, что этот институт, название Генсека, вызывает на местах ряд извращений. В то время как наверху никаких особых прав и никаких особых обязанностей на деле не связано с институтом Генсека, на местах получились некоторые извращения, и во всех областях идет теперь драчка из-за этого института между товарищами, называемыми секретарями, например, в национальных ЦК. Генсеков теперь развелось довольно много, и с этим уже связываются на местах особые права. Зачем это нужно?

Шмидт. На местах можно упразднить.

Сталин. Я думаю, что партия выиграла бы, упразднив пост Генсека, а мне дало бы это возможность освободиться от этого поста. Это тем легче сделать, что в Уставе партии не предусмотрен пост Генсека.

Рыков. Я предлагаю не давать возможности товарищу Сталину освободиться от этого поста. Что касается генсеков в областях и местных органах, то это нужно изменить, не меняя положения в ЦК. Институт Генерального секретаря был создан по предложению Владимира Ильича. За все истекшее время, как при жизни Владимира Ильича, так и после него оправдал себя политически и целиком и в организационном, и в политическом отношении. В создании этого органа и в назначении Генсеком товарища Сталина принимала участие и вся оппозиция, все те, кого мы сейчас исключили из партии; настолько это было совершенно несомненно для всех в партии (нужен ли институт Генсека и кто должен быть Генеральным секретарем). Этим самым исчерпан, по-моему, целиком и полностью и вопрос о завещании (ибо этот пункт решен), исчерпан оппозицией в то же время так же, как он был решен и нами. Это же вся партия знает. Что теперь изменилось после XV съезда и почему это нужно отменить институт Генсека?

Сталин. Разбита оппозиция.

Далее следует еще один длинный монолог Рыкова, столь же сумбурный и непонятный, как и предыдущий. О растерянности Рыкова можно судить по тому, что многие слова он вычеркивал, затем восстанавливал, потом заменял другими, и так много раз. Интересно отметить, что Сталин не внес ни единого изменения в текст своего выступления, настолько оно было

обдумано заранее. В конце концов Рыков вновь предложил отвергнуть предложение Сталина.

Голоса. Правильно, голосуй!

Рыков. Есть предложение голосовать.

Голоса. Да, да!

Рыков. Голосуется. Кто за предложение товарища Сталина уничтожить институт Генерального секретаря? Кто против? Кто воздержался? Нет.

Сталин. Товарищи, я при первом голосовании насчет освобождения меня от обязанностей секретаря не голосовал, забыл голосовать. Прошу считать мой голос против.

Голос с места. Это не много значит»[1].

IV. 16 октября 1952 года. В воспоминаниях Акакия Мгеладзе читаем:

«...На первом Пленуме ЦК КПСС, созванном после XIX съезда партии (я был избран членом ЦК и участвовал в работе этого Пленума), Сталин действительно поставил вопрос о том, чтобы его освободили либо от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, либо от должности Председателя Совета Министров СССР. Он ссылался на свой возраст, перегрузку, говорил, что кадры выросли и есть кому его заменить, например, Председателем Совета Министров можно было бы назначить Н.И.Булганина, но члены ЦК не удовлетворили его просьбу, все настаивали на том, чтобы товарищ Сталин остался на обоих постах»[2].

Практика массовых репрессий в целом

Хрущев был не безучастным зрителем, а одним из самых рьяных проводников репрессивной политики. В.П.Пронин, председатель Моссовета в 1939—45 годы, в интервью «Военно-историческому журналу» (№ 10 1991) отмечал:

---

[1] Цит. по: Г.Чернявский. Прыжок из партийных джунглей. // Интернет-приложение к газете «Каскад», см.: www.kackad.com/artide.asp?articIe=37.

[2] А.И.Мгеладзе. *Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого.* — б /м., 2001, с. 118. См. главу 9, где обсуждается запись выступления Сталина на Пленуме, выполненная Л.Н.Ефремовым.

«**Вопрос:** А Хрущев? Какие воспоминания остались о нем?

Ответ: ...Он активно способствовал репрессиям. Дело в том, что над ним висел дамоклов меч. В 1920 году Хрущев голосовал за троцкистскую платформу. И поэтому, очевидно, боясь расправы, сам особенно усердно "боролся" с беспечностью, утерей политической бдительности, политической слепотой и т.д. Хрущев санкционировал репрессии большого количества партийных и советских работников. При нем из 23 секретарей райкомов города почти все были арестованы. И почти все секретари райкомов области. Были репрессированы все секретари МК и МГК партии: Кацелененбоген, Марголин, Коган, Ко¬рытный... Все заведующие отделами, включая помощника самого Хрущева. Хрущев, будучи уже на Украине, на Политбюро в 1938 году настаивал на репрессиях и второго состава руководителей Московского городского комитета партии.

Мы, тогда молодые работники, удивлялись: как же нас Хрущев воспитывает насчет бдительности, если все его окружение оказалось врагами народа? Он же один только остался в МК целым.

Вопрос: Вы полагаете, что масштаб репрессий в Москве — личная "заслуга" Хрущева?

Ответ: В значительной мере. Ведь после осени 1938 года, после прихода к руководству горкомом Щербакова, никто из работников Моссовета, МК и МГК, райкомов не пострадал. Я знаю, что когда на Политбюро в июле 1940 года возник вопрос о снятии Щербакова с работы за плохую работу авиазаводов, то обвиняли его и в том, что он очень неохотно и очень редко давал согласие на репрессии. Мало того. В моем присутствии на секретариате горкома по представлению Щербакова начальник следственного отдела НКВД был исключен из партии за необоснованные аресты»[1].

В выступлении 14 августа 1937 года Хрущев заявил:

«Нужно уничтожать этих негодяев. Уничтожая одного, двух, десяток, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа»[2].

---

[1] Цит. по: В.Ф.Аллилуев. *Хроника одной семьи: Аллилуевы, Сталин.* — М.: Молодая гвардия, 2002, с. 172. См. также: http://nkozlov.ru/?resultpage=10&s=42&did=2324.

[2] Цит. по: http://www.pravda.ru/politics/authority/kremlin/30-08-2002/11739-0. Ту же цитату использует Вадим Кожинов в: В.В.Кожинов. *Россия. Век XX (1939—*

Юрий Жуков в ответ на вопрос одной из читательниц «Комсомольской правды», спросивших историка, почему он не учитывает списки, на основании коих «документально, росчерком его *(Сталина. — Г.Ф.)* карандаша, отправлены на смерть тысячи людей», ответил:

«А ***как учитывать те списки, где даже нет фамилий, а просто сказано: «Разрешите мне расстрелять 20 тысяч человек». И подпись: Хрущев Никита Сергеевич.*** Я вам скажу, где есть этот документ *(выделено мной. — Г.Ф.)!*»[1]

Чуть ранее, рассказывая в интервью «Комсомольской правде» о масштабах репрессий 1937 года, Ю.Н.Жуков отмечал:

«Половина ее первой жатвы пришлась на Московскую область, отнюдь не самую крупную в стране. В образованную здесь "тройку" вошел, как положено, первый секретарь Московского обкома партии ***Н.С.Хрущев. Рядом с его фамилией и подписью всегда присутствуют фамилия и подпись Реденса, начальника управления НКВД по Московской области, родственника Н.Аллилуевой, второй жены Сталина. Реденс сегодня тоже числится в списках жертв сталинского произвола.*** Так вот, Хрущев и Реденс представили... впрочем, лучше я процитирую их запрос в Политбюро: "к расстрелу: кулаков 2 тысячи, уголовников 6,5 тысячи, к высылке: кулаков 5869, уголовников 26 936". И это только один взмах косы *(выделено мной.—Г.Ф.)!*»[2]

10 июля 1937 г. Хрущев запрашивая санкцию на арест и расстрел многих тысяч людей:

«ЦК ВКП(6) — товарищу СТАЛИНУ И.В.

Сообщаю, что всего уголовных и кулацких элементов, отбывших наказание и осевших в городе Москве и Московской области, учтено — 41 305 чел.

Из них уголовного элемента учтено — 33 436 чел. Имеющиеся материалы дают основания отнести к 1-й категории уго¬

1964) Опыт беспристрастного исследования. — М.: Алгоритм, 1999, с.317—318. См.: http;//www.hronos.km.ru/libris/kozh39_3_l.html.

[1] Комсомольская правда. 2002, 3 декабря. Ответы на вопросы читателей газеты перепечатаны в: http://www.nomad.su/?a=15-200212030006.

[2] Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. Часть 7. // *Комсомольская правда,* 2002, 19 ноября.

ловников 6500 чел. и ко 2-й категории —26 936 человек. Из этого количества по г. Москве ориентировочно относ. к 1-й категории — 1500 чел. и 2-й категории 5272 чел.

Кулаков, отбывших наказание и осевших в г.Москве и районах области учтено 7869 человек. Имеющийся материал дает основание отнести из этой группы к 1-й категории 2000 чел. и ко 2-й категории — 5869 человек.

Комиссию просим утвердить в составе тт. Реденс — нач. Управления НКВД по М.о., Маслова — зам. прокурора Московской области, Хрущева Н.С. — секретаря МК и МГК с правом, в необходимых случаях, замены т.Волковым А.А. — вторым секретарем Московского горкома.

Секретарь МК ВКП(б) *(Н.Хрущев)*»[1].

Дж.Гетти цитирует представление Хрущева для репрессий 41 000 чел. и отмечает:

«В Москве первый секретарь Никита Хрущев знал, что ему необходимо репрессировать 41 805 кулаков и уголовников. Почти во всех представлениях, полученных из сорока областей и республик в ответ на телеграмму Сталина, содержались столь же точные цифры»[2].

Гетти продолжает: после серии проходивших в Москве совещаний с участием партийных секретарей и региональных руководителей НКВД были существенно расширены категории лиц, подлежащих репрессиям. Однако в конце концов «контрольные цифры, принятые ранее местными руководителями, были пересмотрены чаще всего в сторону понижения»[3]. Иначе говоря, «центр» — Сталин и Политбюро — пытались ограничить масштабы репрессий.

В пухлом (876 страниц) сочинении Уильяма Таубмана «Хрущев: человек и его эпоха»[4] нет вообще никаких упоми¬

---

[1] Труд. 1992. 4 июня. Документ также опубликован в: Молотов, Маленков, Каганович: 1957 г.: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: РОССПЭН, 1998, прим. 22 на с.747.

[2] J. Arch Getty. Excesses are not permitted.: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s. // *The Russian Review*. Vol.61 (January 2002), p.127. Жуков говорит о 41 305 чел., Гетти — о 41 805; судя по всему, речь идет о процитированном выше документе и, следовательно, о неточности американского историка.

[3] Getty. *Excesses,* p.128.

[4] W.Taubman. *Khrushchev: The Man and His Era* (NY: Norton, 2003).

наний о роли Хрущева в проведении репрессий в Москве и области, хотя их масштабы были выше, чем где-либо».

Но, касаясь хрущевских репрессий на Украине, Таубман пишет:

«Все тот же Хрущев осуществлял контроль над чистками, явно усилившимися после его приезда. Только в 1938 году, как считается, было арестовано 106 119 чел., с 1938 по 1940 годы — их общее число составило 165 565 чел. По словам Молотова, человека едва ли объективного, но очень информированного, Хрущев "отправил 54 000 в мир иной как член [украинской] тройки". Хрущевские речи источали яд, и известен по меньшей мере один случай, когда он небрежно начертал «арестовать» в верхнем углу документа, решавшего участь крупного комсомольского работника Украины»[1].

Вот одна из направленных Сталину жалоб Хрущева на центральное руководство, занижающее репрессивные «лимиты» для Украины:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных. А Москва утверждает не более 2—3 тысяч. Прошу вас принять срочные меры. Любящий Вас Н.Хрущев»[2].

С.Кузьмин, автор статьи «К репрессиям причастен», сообщает:

Выдвижение Н.С.Хрущева на пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины носило целевой характер, что подтверждается фрагментом его выступления на XIV съезде Компартии республики. "Мы сделаем все для того, — говорил он, — чтобы задание и поручение ЦК ВКП(б) и товарища Сталина — сделать Украину неприступной крепостью для врагов — выполнить с честью".

Для этого ему в помощь направляется Н.Ежов, поднаторевший в поисках врагов с отработанной технологией арестов и допросов, после которых невинных уже не оставалось. Его "заслуги" получили достойную оценку из уст Н.С.Хрущева: "После приезда Николая Ивановича Ежова на Украину, с приходом тов.Успенского в Наркомат внутренних дел УССР начался на Украине настоящий разгром вражеских гнезд".

---

[1] Ibid. P.116.

[2] Слово товарищу Сталину./ Сост. Р.И.Косолапов. — М.: ЭКСМО, 2002, с.355. См.: Воля. 1993, №11; *Искра.* 1993, № 4, с.6.

...В своем выступлении на XX съезде партии Н.С.Хрущев сознательно обходит события на Украине и приводит факты применения репрессий по другим регионам. Но, как говорится, "шила в мешке не утаишь". Надо полагать, оценка, и вполне объективная, его роли в организации массовых репрессий на Украине дана, например, в выступлении наркома внутренних дел республики Успенского на XIV съезде КП(б)У: "Я, как и многие другие выступающие здесь товарищи, — говорил нарком, — должен заявить о том, что разгром врагов народа на Украине по-настоящему начался всего несколько месяцев назад, когда во главе нас стал испытанный большевик, ученик и соратник великого Сталина — Никита Сергеевич Хрущев"»[1].

В «Записке», подготовленной в 1988 году членами Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930—40-х и начала 1950-х годов, отмечается:

«Н.С.Хрущев, работая в 1936—1937 годах первым секретарем МК и МГК ВКП(б), а с 1938 года — первым секретарем ЦК КП(б)У, лично давал согласие на аресты значительного числа партийных и советских работников. В архиве КГБ хранятся документальные материалы, свидетельствующие о причастности Хрущева к проведению массовых репрессий в Москве, Московской области и на Украине в предвоенные годы. Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии. Всего за 1936—1937 годы органами НКВД Москвы и Московской области было репрессировано 55 тысяч 741 человек.

С января 1938 года Хрущев возглавлял партийную организацию Украины. В 1938 году на Украине было арестовано 106 тысяч 119 человек. Репрессии не прекратились и в последующие годы. В 1939 году было арестовано около 12 тысяч человек, а в 1940 году— около 50 тысяч человек. Всего за 1938—1940 годы на Украине было арестовано 167 тысяч 565 человек.

Усиление репрессий в 1938 году на Украине НКВД объяснял тем, что в связи с приездом Хрущева особо возросла контрреволюционная активность правотроцкистского подпо¬

[1] С.Кузьмин. К репрессиям причастен. Штрихи к политическому портрету Н.С.Хрущева. // *Возрождение надежды.* 1997. № 2. Цит. по: Н.Ф.Бугай. *Народы Украины в «Особой папке Сталина».* — М.: Наука, 2006, с.252—253.

лья. Лично Хрущевым были санкционированы репрессии в отношении нескольких сот человек, которые подозревались в организации против него террористического акта.

Летом 1938 года с санкции Хрущева была арестована большая группа руководящих работников партийных, советских, хозяйственных органов и в их числе заместители председателя Совнаркома УССР, наркомы, заместители наркомов, секретари областных комитетов партии. Все они были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения. По спискам, направленным НКВД СССР в Политбюро, только за 1938 год было дано согласие на репрессии 2140 человек из числа республиканского партийного и советского актива»[1].

Термин «враг народа»

Максим Горький употребил словосочетание «враг народа» в присяге херсонесцев в очерке «Херсонес Таврический» (1897):

«...И в заговор не вступлю ни против общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа».

Много раз термином пользовался В.И.Ленин. Так, в статье «Земская кампания и план "Искры"» (1903) он писал:

«Серьезная поддержка рабочими земских ходатайств должна состоять не в соглашении об условиях, на которых земцы могли бы говорить от имени народа, а в нанесении удара врагам народа»[2].

То же и в статье «Начало революции в России» (1905):

«Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны идти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа»[3].

---

[1] Массовые репрессии оправданы быть не могут. (Документы о реабилитации). // «Вестник Архива Президента Российской Федерации», в: *Источник*. 1995, № 1, с.126—127; См. также: *Реабилитация: Как это было. Т.3. Середина 80—х годов — 1991.* — М.: МФД, 2004, с.146.

[2] В.И.Ленин. ПСС. 5-е изд. Т.9, с.96—97. См.: http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/9-19.htm.

[3] Там же. С.204. См.: http://www.marxists.org/russkij/lenin/1905/01/12a.htm.

13 мая 1918 года председателем ВЦИК Я.М.Свердловым, председателем Совнаркома В.И.Лениным и секретарем ВЦИК В.А.Аванесовым подписывается Декрет ВЦИК «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Ленин предложил дополнить третий раздел Декрета следующим положением:

«Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты, а также всех расточающих хлебные запасы на самогонку, **врагами народа** *(выделено мной. — Г.Ф.),* предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из своей общины, а самогонщиков сверх того к принудительным общественным работам»[1].

Новую жизнь термину «враг народа» дало Постановление ЦИК и СНК 1932 г. (т.н. «Закон о трех колосках»), где с предельной ясностью говорилось, что есть что:

«Люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как ВРАГИ НАРОДА, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов Советской власти»[2].

Хрущев часто пользовался этим термином. В отчетном докладе на XX съезде КПСС он заявил:

«Троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты и прочие злейшие враги народа, поборники реставрации капитализма делали отчаянные попытки подорвать изнутри ленинское единство партийных рядов — и все они разбили головы об это единство».[3]

Еще один документ см. ниже в разделе «Расстрелянные полководцы».

---

[1] *Там же.* Т.36, с.318. Декрет был принят с незначительными поправками, см.: *Декреты Советской власти. I* Под ред. Г.Д.Обичкина и др. Т. 2: 17 марта — 10 июля 1918 г. — М.: Госполитиздат, 1959, с.265. См. прим. 263: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/CW/Trotsky-War-1/REF-Q.html.

[2] *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927*—2939: *Документы и материалы 1927—1939. Т.3. Конец 1930—1933.* — М.: РОССПЭН, 2001, док. № 160, с.453. См. также: http://kc.koenig.ru/aktkbg/KALININ/akkab_05g.htm.

[3] Цит. по: Ю.В.Емельянов. *Хрущев. Смутьян в Кремле,* с.32.

Зиновьев и Каменев

В письме Кагановичу из Сочи Сталин поделился своими соображениями о проходившем в эти дни в Москве «процессе 16»:

«Сталин — Кагановичу
23 августа 1936 г.
Москва. ЦК ВКП.
Кагановичу.

Первое. Статьи у Раковского, Радека и Пятакова получились неплохие. Судя по корреспондентским сводкам инокорреспонденты замалчивают эти статьи, имеющие большое значение. Необходимо перепечатать их в газетах в Норвегии, Швеции, Франции, Америке, хотя бы коммунистических газетах. Значение их состоит между прочим в том, что они лишают возможности наших врагов изображать судебный процесс как инсценировку и как фракционную расправу ЦК с фракцией Зиновьева — Троцкого. **Второе. Из показания Рейнгольда видно, что Каменев через свою жену Глебову зондировал французского посла Альфана на счет возможного отношения франццра** *(французского правительства. — Г.Ф.)* **к будущему "правительству" троцкистско-зиновьевского блока. Я думаю, что Каменев зондировал также английского, германского и американского послов. Это значит, что Каменев должен был раскрыть этим иностранцам планы заговора и убийств вождей ВКП. Это значит также, что Каменев уже раскрыл им эти планы, ибо иначе иностранцы не стали бы разговаривать с ним о будущем зиновьевско-троцкистском "правительстве". Это попытка Каменева и его друзей заключить прямой блок с буржуазными правительствами против совпра. Здесь же кроется секрет известных авансовых некрологов американских корреспондентов. Очевидно, Глебова хорошо осведомлена во всей этой грязной области. Нужно привести Глебову в Москву и подвергнуть ее ряду тщательных допросов. Она может открыть много интересного** *(выделено мной. — Г.Ф.)*»[1].

[1] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. — М: РОССПЭН, 2001, № 763, с.642—643. См.: http://www.idf.ru/6/33.shtml.

Вот фрагмент показаний б. начальника УНКВД Свердловской области Д.М.Дмитриева относительно того же самого эпизода:

«Вспоминая следующие дела:

1. Дело Татьяны КАМЕНЕВОЙ. Она являлась женой Л.Б.КАМЕНЕВА. Имелись данные, что Татьяна КАМЕНЕВА по заданиям Л.Б.КАМЕНЕВА ходила к французскому послу АЛФАНУ с предложением встретиться с Л.Б.КАМЕНЕВЫМ для контрреволюционных переговоров о помощи французского правительства троцкистам-подпольщикам в СССР.

Я и ЧЕРТОК, допрашивающие Татьяну КАМЕНЕВУ, «ушли» от этого обвинения, дав ей возможность не показывать об этом факте на следствии»[1].

Троцкисты

В речи на февральско-мартовском Пленуме 3 марта 1937 года Сталин говорил:

«5) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»[2].

В заключительной речи на том же Пленуме Сталин развил свою мысль:

«Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкиз-

---

[1] *Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938.—* М.: МДФ, 2004, док. № 356, с.586.

[2] И.В.Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года. // *Правда.* 1937, 29 марта. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-20.html.

ма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь, на Пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорочивать теперь таких товарищей.

Среди товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Нехорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами»[1].

Сказанное Сталиным на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК очень напоминает то, что на XX съезде говорил Хрущев:

«Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть из рабочих. Можно было бы назвать целый ряд людей, которые в свое время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Ок¬

---

[1] И.В.Сталин. Заключительное слово на Пленуме Центрального комитета ВКП(б). 5 Марта 1937 года. // *Правда.* 1937,1 апреля. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-8.html.

тябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции. Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей?»[1].

В другой части «закрытого доклада» Хрущев вновь возвращается к теме троцкизма в СССР:

«Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен, многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства»[2].

Что по смыслу довольно близко к выступлению Сталина на февральско-мартовском (1937) Пленуме:

«Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный комитет партии, против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то есть около полупроцента, и воздержалось 2600 членов партии... Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил»[3].

Генерал П.А.Судоплатов отмечал, что деятельность троцкистов была отнюдь не безобидной:

«Ныне в угоду политической конъюнктуре деятельность Троцкого и его сторонников за границей в 1930—1940 годах сводят лишь к пропагандистской работе. Но это не так. Троцкисты действовали активно: организовали, используя поддержку лиц, связанных с абвером, мятеж против республиканского правительства в Барселоне в 1937 году. Из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли "наводящие" материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза.

---

[1] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989,* № 3, с.134.

[2] *Там же,* с.32—33.

[3] И.В.Сталин. Заключительное слово... См. также: http://www.hrdno.ru/libris/stalin/14-8.html.

О связях с абвером лидеров троцкистского мятежа в Барселоне в 1937 году сообщил нам Шульце-Бойзен, ставший позднее одним из руководителей нашей подпольной группы "Красная капелла". Впоследствии, после ареста, гестапо обвинило его в передаче нам данной информации, и этот факт фигурировал в смертном приговоре гитлеровского суда по его делу.

О других примерах использования абвером связей троцкистов для розыска скрывавшихся в 1941 году в подполье руководителей Компартии Франции докладывал наш резидент в Париже Василевский, назначенный в 1940 году уполномоченным Исполкома Коминтерна»[1].

И еще Судоплатов:

«Акция по ликвидации Нина фигурирует в архивах НКВД как операция "Николай". Предыстория этого дела связана с успешным проникновением агентов Орлова-Никольского в троцкистское движение. Через министра республиканского правительства Каталонии Гаодосир Ориверо удалось блокировать прибытие анархистских подкреплений на помощь троцкистским мятежникам в Барселоне в июне 1937 года. Кроме того, завербованный Никольским начальник Каталонской республиканской службы безопасности В.Сала — "Хота" регулярно сообщал о намерениях троцкистов и способствовал полному контролю над перепиской и переговорами всех руководителей троцкистского движения в Каталонии, где оно имело свою опору.

Именно "Хота" захватил немецких курьеров, спровоцировавших беспорядки в Барселоне, которые быстро переросли в вооруженное выступление троцкистов. Неопровержимые доказательства причастности немецких спецслужб к организации беспорядков в Барселоне кардинально скомпрометировали троцкистских лидеров»[2].

Фрагмент стенограммы нацистского трибунала подтверждает свидетельство Судоплатова:

«В начале 1938 года во время гражданской войны в Испании обвиняемый по своей должности узнал, что восстание

---

[1] П.А.Судоплатов. *Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 годы.*— М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997, глава 4 «Ликвидация Троцкого». См.: http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/04.html.

2 Там же. Глава 2 «Советская разведка в Испании». См.: http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/02.html.

против местного красного правительства в Барселоне готовилось совместно с секретной службой Германии. Эта информация вместе со сведениями, полученными от Полниц, была передана им в посольство Советской России в Париже»[1].

Упоминаемая в документе Гизелла фон Пелльниц (Gisella von Pollnitz) — сотрудница агентства «Юнайтед пресс», которая незадолго до описываемых событий присоединилась к разведывательной сети «Красная капелла» и «засунула донесение в почтовый ящик советского посольства»[2].

«Попрание» Сталиным норм партийной жизни

Вот что Александр Пыжиков пишет о предложении А.А.Жданова провести очередной съезд партии в конце 1947-го или в 1948 году:

«На февральском (1947 года) Пленуме ЦК А.Жданов... говорил о решении собрать очередной XIX съезд ВКП(б) в конце 1947-го или во всяком случае в 1948 году. Кроме этого, в целях оживления внутрипартийной жизни, он предложил принять упрощенный порядок созыва партийных конференций, проводя их ежегодно с обязательным обновлением по их итогам состава Пленума ЦК не менее чем на одну шестую»[3].

Одно из примечаний к научному изданию «закрытого доклада» в сущности свидетельствует, что Хрущев говорил неправду, утверждая, что «за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного Пленума ЦК»:

«Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 октября 1941 г. намечалось созвать Пленум ЦК ВКП(б) 10 октября 1941 г. с повесткой дня: "1. Военное положение нашей страны. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны". Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 октября 1941 г. созыв Пленума был отложен "ввиду создавшегося недавно тре¬

---

[1] Haase, N. *Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen nationalsozialistische Herrschaft* (Berlin, 1993), S.105.

[2] S.B.Brysac. *Resisting Hitler: Mildred Harnack and the Red Orchestra* (Oxford University Press, 2000), p.237.

[3] А.В.Пыжиков. Ленинградская группа: Путь во власти (1946-1949). // *Свободная Мысль*. 2001, №3, с.96. О том же Пыжиков пишет, в частности, здесь: http://www.akdi.ru/id/new/ek5.htm.

вожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей". В годы войны был только один Пленум ЦК, состоявшийся 27 января 1944 г.»[1].

Борис Николаевский в англоязычном издании «закрытого доклада» (примечание 10) отмечает:

«Если верить официальным советским источникам, это заявление Хрущева неправдиво. Согласно сборнику "Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК" (изданному Институтом Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при Центральном комитете в 1954 году), один Пленум Центрального комитета был проведен во время войны (27 января 1944 года), когда различные союзные республики получили право иметь свои собственные министерства иностранных дел, а также было решено заменить Интернационал новым советским государственным гимном. Но, скорее всего, Хрущев прав в том, что Пленум не созывался, и совершен обман; Пленум был объявлен состоявшимся, хотя никогда не проводился»[2].

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ПРОИЗВОЛ СТАЛИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПАРТИИ»

Подписанная Енукидзе директива от 1 декабря 1934 года

Директива получила искаженную трактовку в официальном издании «закрытого доклада» (1989). Без каких-либо доказательств там приводится такое вот «разъяснение»:

«Речь идет о постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. "О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов", получившем впоследствии наименование "Закон от 1 декабря 1934 г." и действовавшем до 1956 г. Данное постановление не вносилось на утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции СССР»[3].

---

[1] *Доклад Хрущева...* Прим.23 на с. 152.

[2] Khrushchev, Nikita S. *The New Leader. The Crimes of the Stalin Era.* Introduction by Anatol Shub, notes by Boris Nikolaevsky. New York: The New Leader, 1962, note 10.

[3] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС. 1989, № 3,* прим.11 на с.167.

Хрущев намекает на причастность Сталина к убийству Кирова

Большинство авторов не согласны с хрущевской интерпретацией дела об убийстве С.М.Кирова. Например, в мемуарах генерала П.А.Судоплатова читаем:

«Документов и свидетельств, подтверждающих причастность Сталина или аппарата НКВД к убийству Кирова, не существует... Киров не был альтернативой Сталину. Он был одним из непреклонных сталинцев. Версия Хрущева была позднее одобрена и принята Горбачевым как часть антисталинской кампании»[1].

Алла Кирилина, крупнейший в современной России исследователь дела об убийстве Кирова, констатирует:

«Сегодня в условиях вседозволенности и так называемого плюрализма появились статьи, авторы которых не затрудняют себя поисками документов, не обременены стремлением объективно разобраться в том, что же случилось 1 декабря 1934 года. Их главная цель — еще раз заявить, что "Сталин — убийца Кирова", не располагая при этом ни прямыми, ни косвенными доказательствами, но широко используя мифы, легенды, сплетни»[2].

Присоединившись к дискуссии, посвященной убийству Кирова, на академическом форуме H-RUSSIA (24 августа 2000 года), Дж.А.Гетти отметил:

«За несколько лет проделано было три или, возможно, четыре знаковых («blue ribbon») расследования убийства Кирова. Каждое проводилось по поручению Генерального секретаря, и каждое в соответствии с подлинно советской традицией начиналось с заранее принятого требуемого вывода. Сталин пытался свалить вину на Зиновьева и Троцкого, Хрущев и Горбачев — на Сталина, и все они, соответственно, занимались подбором подходящих расследователей. Из архивных материалов, с которыми мне посчастливилось познакомиться и которые посвящены такого рода попыткам, становится ясно, что требуемых выводов

---

[1] П.А.Судоплатов. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля..* — М.: 1996, с. 60—61.

[2] А.Кирилина. *Неизвестный Киров.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. с.304.

не удалось заполучить ни в одном из трех случаев. Например, усилия, предпринятые в бытность Хрущева и Горбачева, включали в себя основательное прочесывание архивов и интервью, но их оказалось недостаточно для вывода о причастности Сталина к убийству. Сталинские тщания, конечно же, были нацелены на то, чтобы подтвердить, что убийство было совершено оппозицией, что и послужило основой для московских процессов. Но, если не считать неправдоподобных признаний самих обвиняемых, нет никаких свидетельств, подкрепляющих и этот заранее представленный вывод».

Телеграмма Сталина и Жданова в Политбюро от 25 сентября 1936 года.

Вот полный текст телеграммы, маленький фрагмент из которой был зачитан в «закрытом докладе» Хрущева:

«Сталин, Жданов — Кагановичу, Молотову
25 сентября 1936 г.
Москва. ЦК ВКП(б).

Тт. Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК-

Первое. Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаем необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягоду. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно.

Третье. Считаем абсолютно срочным делом снятие Лобова и назначение на пост Наркомлеса тов. Иванова, секретаря Северного крайкома. Иванов знает лесное дело, и человек он оперативный. Лобов как нарком не справляется с делом и каждый год его проваливает. Предлагаем оставить Лобова первым замом Иванова по Наркомлесу.

Четвертое. Что касается КПК, то Ежова можно оставить по совместительству председателем КПК с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал Наркомвнуделу, а первым заместителем Ежова по КПК можно было бы выдвинуть Яковлева Якова Аркадьевича.

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Сталин. Жданов.

№ 44. 25/IX.36 г.

Шестое. Само собой понятно, что Ежов остается секретарем ЦК».

Ф. 558. Оп. 11. Д. 94. Л. 124—127. *Автограф Жданова*[1].

Комментируя процитированный документ, Роберт Тэрстон пишет:

«К чему относится ссылка "на четыре года"? Западные авторы обычно отвечают, что словосочетание подразумевает рютинскую платформу. Но в декабре 1936 года в речи на Пленуме Центрального комитета Ежов снова упомянул "формирование в конце 1932 года троцкистско-зиновьевского блока на базе террора"»[2].

Биографы Ежова Янсен и Петров отмечают:

«"Четыре года" относятся к созданию в 1932 году троцкистско-зиновьевского блока, существование которого было раскрыто не ранее июня—июля 1936 года...»[3]

Телеграмма Сталина и Жданова цитируется в поспеловском черновике «закрытого доклада», однако закавыченные там слова «наверстать упущенное» в самом документе отсутствуют (см. выше):

«Широкие массовые репрессии начались с осени 1936 года, когда наркомом был назначен Ежов и когда Сталин дал установку, что «НКВД опоздал на 4 года» с разоблачением троц-

---

[1] Сталин и Каганович. Переписка 1931—1936 гг. — М.: РОССПЭН, 2001, док. № 827, с. 682—683. См. также: http://www.idf.ru/6/49.shtml.

[2] Thurston. P.35. Цитата взята автором из архива, см. п.83 р.244. Близкий по смыслу отрывок из выступления Ежова, но без приведенной Тэрстоном цитаты, опубликован в: *Вопросы истории.* 1995, № 1. С.5—6.

[3] Jansen, Petrov. P.54.

кистско-зиновьевского блока, что надо «наверстать упущенное» путем широких репрессий»[1].

О необходимости «наверстать» упущенное говорится и в докладе комиссии Поспелова:

«Второе. Широкие массовые репрессии начались с конца 1936 года, после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25.IX-1936 г., адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкист¬ско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы»[2].

Выступления Сталина на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б)

Ленин действительно говорил что-то очень близкое к тому что Сталин высказывал в речах 1928—29 годов:

«Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»[3].

На февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выступил с докладом, название которого упомянул и Хрущев. Но в выступлении Сталина ничего не говорится о том, что «по мере нашего продвижения вперед к социализму

---

[1] Доклад Хрущева... С. 125.

[2] Там же. С.220. См. также: http://www.idf.ru/2/7.shtml

[3] В.И.Ленин. Привет венгерским рабочим. 27 мая 1919 г. // Ленин. *ПСС.* Т. 38.С.387.

классовая борьба ***должна*** обостряться». Ричард Косолапов так комментирует это искажение «закрытого доклада»:

«В действительности названного тезиса, который без конца тиражировался как "сталинский" ни в докладе Сталина, ни в его заключительном слове нет. Верно то, что Сталин отмечал необходимость "разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится все более и более ручным". Подчеркивал Сталин и то, что "если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств" (Соч. Т. 14. С. 166). Но "теории обострения" во второй половине 30-х годов, то есть когда в СССР уже было обеспечено абсолютное преобладание социалистических форм хозяйства и принята Конституция победившего социализма, он не выдвигал...»[1]

Хрущев имел в виду именно этот фрагмент сталинской речи, когда говорил, будто «классовая борьба ***должна*** обостряться»:

«Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных...

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм»[2].

---

[1] Р.И.Косолапов. Уверенно торить тропу в будущее. Доклад «О решениях XX и XXII съездов КПСС по вопросу "О культе личности и его последствиях"» (2003). См.: http://www.cea.ru/~shenin/news/news20.ntm.

[2] И.В.Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года. // *Правда*. 1937. 29 марта. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-20.html.

Сталин настаивал, чтобы каждый из партсекретарей подобрал себе двух заместителей, способных взять руководство на время их учебы на курсах политпросвета:

«Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров — вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям — от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций — подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные "Партийные курсы". На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место — их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные "Ленинские курсы". На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место — их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные "Курсы по истории и политике партии". На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное "Совещание по вопросам внутренней и международной политики". Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального комитета нашей партии. Это необходимо, и это должно быть сделано»[1].

5 марта Сталин выступил с другим докладом — заключительным словом на Пленуме ЦК ВКП(б):

«Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма; не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь, на Пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. **В этом вопросе,** как и во всех других вопросах, **необходим индивидуальный, дифференцированный подход** *(выделено мной. — Г.Ф.)*. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорочивать теперь таких товарищей.

Среди товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Нехорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными

[1] Там же.

троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами»[1].

Сталин вновь вернулся к тому же вопросу, вновь выступив против огульно-массового подхода:

«Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. **И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела глубоко антипартийные** *(выделено мной. — Г.Ф.)*»[2].

В книге «Иной Сталин» Ю.Жуков цитирует резолюцию февральско-мартовского (1937) Пленума и комментирует ее:

«Столь же далекой от призывов к "охоте на ведьм", как и заключительное слово, оказалась резолюция по докладу Сталина. За нее, как повелось в последние годы, без каких-либо замечаний и изменений, единодушно проголосовали участники Пленума. Слова же «предательская и шпионско-вредительская деятельность троцкистских фашистов», упоминав-

---

[1] И.В.Сталин. Заключительное слово на Пленуме Центрального комитета ВКП(б). 5 Марта 1937 года. // *Правда.* 1937, 1 апреля. См. также: http://www.hrono.ru/libris/stalin/14-8.html.

[2] Там же.

шиеся лишь раз, да и то в преамбуле, послужили только поводом для установления серьезнейших недостатков в работе партийных организаций и их руководителей. Резолюция определила следующее:

1. Парторганизации увлеклись хозяйственной деятельностью, отошли от партийно-политической руководящей, "подмяли под себя и обезличили органы Наркомзема на местах, подменив их собой, и превратились в узких хозяйственников".

2. "Повернувшись от партийно-политической работы к хозяйственным и прежде всего к сельскохозяйственным кампаниям, наши партийные руководители стали незаметно переносить основную базу своей работы из города в область. Они стали рассматривать город с его рабочим классом не как руководящую политическую и культурную силу области, а как один из многих участков области".

3. "Наши партийные руководители стали терять вкус к идеологической работе, к работе по партийно-политическому воспитанию партийных и беспартийных масс".

4. "Стали терять вкус также к критике наших недостатков и самокритике партийных руководителей..."

5. "Стали также отходить от прямой ответственности перед партийными массами... взяли на себя смелость подменить выборность кооптацией... получился таким образом бюрократический централизм".

6. В кадровой работе, уточнялось в резолюции, "надо подходить к работникам не формально-бюрократически, а по существу, т.е., во-первых, с точки зрения политической (заслуживают ли они политического доверия) и, во-вторых, с точки зрения деловой (пригодны ли они для данной работы)"

7. Руководители парторганизаций "страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам... В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партий".

8. Наконец, отмечалось в резолюции, несмотря на отсутствие образования, партруководители не хотят повышать свой уровень, учиться, проходить переподготовку.

В резолюции естественно, прозвучало требование незамедлительного устранения определенных таким образом истинных недостатков в партийной работе. В пунктах с 1-го по

8-й — осудить практику подмены и обезличивания хозяйственных органов; срочно возвратиться исключительно к партийно-политической работе, перенести ее прежде всего в город; уделять большее внимание печати. В пунктах с 9-го по 14-й — решительно отвергнуть "практику превращения Пленумов обкомов, крайкомов, горкомов, партийных конференций, городских активов и т.п. в средство парадных манифестаций и шумливых приветствий вождям"; восстановить отчетность парторганов перед Пленумами, пресечь практику кооптации в партийных организациях. В пунктах 15—18 говорилось о принципиально новом подходе в работе с кадрами, а в пунктах 19—25 — об учебе и переподготовке партийных руководителей»[1].

27 февраля 1937 года Сталин выступил с отчетом о работе комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по делу Бухарина и Рыкова.[2] Гетти и Наумов по поводу этого выступления пишут:

«Весьма необычно для Сталина самому выступать с подобными сообщениями; он поступил так первый и единственный раз в истории. Сам этот текст в сущности стал скрытой расшифровкой стенограммы; он никогда не публиковался ни с одной из версий стенографического отчета и не передавался в партархивы с другими материалами Пленума... Для стенограммы этого полного сомнений и противоречий решения по Бухарину не нашлось места в сильно отредактированном и предназначенном для очень узкого круга лиц стенографическом отчете, в котором указывалось, что Пленум начал свою работу 27 февраля, т.е. на 4 дня позже, чем было на самом деле»[3].

«Ряд членов ЦК сомневались в правильности курса на массовые репрессии». Особенно Постышев.

Вот что на самом деле говорил Постышев на февральско-мартовском (1937) Пленуме — никаких сомнений, тем более скрытой критики Сталина, в его выступлении нет:

«Вот я несколько остановлюсь на своих ошибках по Киевскому областному партийному комитету. Как не заметил

---

[1] Юрий Жуков. *Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг.* — М.: Вагриус, 2003, с.360—363 и прим. на с. 506 со ссылкой на архив РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 2 Д. 612. Вып. III. Л. 49 об.

[2] Выступление Сталина см.: *Вопросы истории.* 1994, № 1. С.12—13.

[3] Getty, Naumov. P.411.

лично я людей, которые сидели ко мне очень близко...Почему я не мог их заметить, работая с ними довольно длительный период?..

...Вот Карпов, я ему очень доверял. Карпов все время на протяжении десяти лет был на партийной работе. Взял я его на Украину потому, что он старый украинский работник, владеет украинским языком, знает Украину, на Украине он, так сказать, жил все время и родился на Украине. И знал не только я его, а очень многие товарищи знали его как порядочного человека.

Что меня ввело в заблуждение? В 1923—24 гг. Карпов на моих глазах дрался с троцкистами. Дрался он тогда в Киеве... **Я** вот так **рассуждаю: прошли все-таки такие крутые годы,** такие повороты были, где люди **или ломались,** или оставались на крепких ногах, **или уходили к врагам, — период индустриализации, период коллективизации,** все-таки жестокая была борьба партии с врагами в тот период. Я никак не предполагал, что возможно пережить все эти периоды, а потом пойти в лагерь врагов. А вот теперь выясняется, что он с 1934 г. попал в лапы к врагам и стал врагом. Конечно, тут можно верить этому, можно не верить. **Я лично думаю, что страшно трудно после всех этих годов в 1934 г. человеку, который прошел на крепких ногах путь ожесточенной борьбы, в 1934 г. пойти к врагам. Этому очень трудно верится.** (Молотов. Трудно верить тому, что он только с 1934 г. стал врагом? Вероятно, он был им и раньше.) Конечно, раньше. **Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом, в 1934 г., пойти к троцкистам. Странно это.** Какой-то у него червь был все время. Когда этот червь у него появился — в 1926 ли г., в 1924 ли, в 1930 г., это трудно сказать, но очевидно, червь какой-то был, который какую-то работу проделал для того, чтобы он попал в стан врагов» *(выделены фрагменты, вошедшие в доклад Хрущева. — Г.Ф.)*[1].

Постышев показал себя одним из самых жестких партийных руководителей; на январском (1938) Пленуме ЦК за необоснованное исключение из партии большого числа ее членов

---

[1] Речь Постышева на Пленуме опубликована в: *Вопросы истории.* 1995, № 5—6. С.3—8. См. также: http://chss.montdair.edu/engUsh/furr/research/postyshevspmar0437.pdf. Довольно жесткая речь Хрущева на том же Пленуме: *там же.* 1995, №8. С.19—25. См. также: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/khrushchev&pmar0537.pdf.

он сам был выведен из кандидатов в члены Политбюро. Юрий Жуков пишет об этом так:

«На январском Пленуме 38-го года основной доклад сделал Маленков. Он говорил, что первые секретари подмахивают даже не списки осужденных «тройками», а всего лишь две строчки с указанием их численности. Открыто бросил обвинение первому секретарю Куйбышевского обкома партии П.П.Постышеву: вы пересажали весь партийный и советский аппарат области! На что Постышев отвечал в том духе, что арестовывал, арестовываю и буду арестовывать, пока не уничтожу всех врагов и шпионов! Но он оказался в опасном одиночестве: через два часа после этой полемики его демонстративно вывели из кандидатов в члены Политбюро, и никто из участников Пленума на его защиту не встал»[1].

Вадим Роговин — один из исследователей, кто обращается к фрагменту стенограммы январского (1938) Пленума:

ПОСТЫШЕВ. Руководство там (в Куйбышевской области) и партийное, и советское было враждебное, начиная от областного руководства и кончая районным.

МИКОЯН. Все?

ПОСТЫШЕВ. Что тут удивляться? [...] Я подсчитал, и выходит, что 12 лет сидели враги. По советской линии то же самое: сидело враждебное руководство. Они сидели и подбирали свои кадры. Например, у нас в облисполкоме вплоть до технических работников самые матерые враги, которые признались в своей вредительской работе и ведут себя нахально, начиная с председателя облисполкома, с его заместителя, консультантов, секретарей — все враги. Абсолютно все отделы облисполкома были засорены врагами [...]. Теперь возьмите председателей райисполкомов — все враги. 60 председателей райисполкомов — все враги. Подавляющее большинство вторых секретарей, я уже не говорю о первых, — враги, и не просто враги, но там много сидело шпионов: поляки, латыши, подбирали всякую махровую сволочь [...]

БУЛГАНИН. Честные люди хоть были там?.. Получается, что нет ни одного честного человека.

---

[1] Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. Часть 7. // *Комсомольская правда*. 2002,19 ноября.

ПОСТЫШЕВ. Я говорю о руководящей головке. Из руководящей головки, из секретарей райкомов, председателей райисполкомов почти ни одного человека честного не оказалось. А что же вы удивляетесь?

МОЛОТОВ. Не преувеличиваете ли вы, тов. Постышев?

ПОСТЫШЕВ. Нет, не преувеличиваю. Вот, возьмите облисполком. Люди сидят. Материалы есть, и они признаются, сами показывают о своей враждебной и шпионской работе.

МОЛОТОВ. Проверять надо материалы.

МИКОЯН. Выходит, что внизу, во всех райкомах враги...

БЕРИЯ. Неужели все члены Пленумов райкомов оказались врагами?..

КАГАНОВИЧ. Нельзя обосновывать тем, что все были мошенники»[1].

А вот как Сталин расценил поступки Постышева:

«Это расстрел организации. К себе они мягко относятся, а районные организации они расстреливают... Это значит поднять партийные массы против ЦК, иначе это понять нельзя»[2].

По словам писателя Владимира Карпова, Постышев подтвердил свои показания Молотову:

«В моих беседах с Молотовым на его даче заходил разговор о репрессиях. Однажды я спросил:

— Неужели у вас не возникали сомнения, ведь арестовывали людей, которых вы хорошо знали по их делам еще до революции, а затем в Гражданской войне?

— Сомнения возникали, однажды я об этом сказал Сталину, он ответил: "Поезжайте на Лубянку и проверьте сами, вот с Ворошиловым". В это время в кабинете был Ворошилов. Мы тут же поехали. В те дни как раз у нас были свежие недоумения по поводу ареста Постышева. Приехали к Ежову. Он приказал принести дело Постышева. Мы посмотрели протоколы допроса. Постышев признает себя виновным. Я сказал Ежову: "Хочу поговорить с самим Постышевым". Его привели. Он был бледный, похудел и вообще выглядел подавленным. Я спросил его — правильно ли записаны в протоколах допроса его показания? Он ответил: правильно Я еще спросил: "Значит,

---

[1] В.З.Роговин. *Партия расстрелянных.* — М.: Аргументы и факты, 1997, гл. 2, см.: http://trst.narod.ru/rogovin/t5/iii.htm. Более полная версия см.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/postyshev0138.pdf.

[2] *Сталинское Политбюро в 30-е годы.* С.164.

вы признаете себя виноватым?" Он помолчал и как-то нехотя ответил: "Раз подписал, значит, признаю, чего уж тут говорить..." Вот так было дело. Как же мы могли не верить, когда человек сам говорит?»[1].

Письмо Андреева Сталину 31 января 1938 касательно постышевских беззаконий:

«2) За время с августа месяца исключено из партии около трех тысяч человек, значительная часть которых исключалась без всяких оснований как враги народа или пособники. На Пленуме обкома секретари райкомов приводили факты, когда Постышев прямо толкал на произвол и требовал от них исключения и ареста честных членов партии или за малейшую критику на партсобраниях руководства обкома, а то и без всяких оснований. Вообще весь тон задавался из обкома.

3) Так как все эти дела выглядят довольно провокационно, пришлось арестовать несколько наиболее подозрительных, ретивых загибщиков из обкома и горкома, бывшего второго секретаря Филимонова, работников обкома Сиротинского, Алакина, Фоменко и других. При первых же допросах все сознались, что являлись участниками правотроцкистской организации до последнего времени. Окружая Постышева и пользуясь его полным доверием, развернули дезорганизаторскую и провокационную работу по роспуску парторганизаций и массовому исключению членов партии. Пришлось арестовать также Пашковского, помощника Постышева. Он сознался, что скрыл, что в прошлом был эсером, был завербован в 1933 г. в Киеве в правотроцкистскую организацию и, очевидно, он польский шпион. Он был из окружения Постышева одни из активных в деле произвола и дезорганизации по Куйбышеву. Раскручиваем дела дальше, чтобы разоблачить эту банду.

4) Пленум обкома не собирался ни разу с выборов в июне, Пленумы райкомов в Куйбышеве обком прямо запрещал собирать, активов тоже не было»[2].

---

[1] В.В.Карпов. *Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира.* Книга I. Гл. 6, «Дело Тухачевского». См.: http://miiitera.lib.ru/bio/karpov/06.html

[2] *Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. /* Сост. А.В.Квашонкин и др. — М.: РОССПЭН, 1999, с.387. Полный текст письма см.: http://chss.montclair,edu/english/furr/andreevrepostyshev0138.pdf.

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ДЕЛА» НА ЧЛЕНОВ ЦК ВКП(б) И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ВОПРОСЫ

Дело Р.И.Эйхе

В 2002 году был опубликован полный текст письма Эйхе Сталину от 27 октября 1939 года, известный до этого лишь по фрагментам, процитированным в «закрытом докладе» Хрущева и в докладе комиссии Поспелова[1].

Сегодня историки располагают другим важным свидетельством — заявлением М.П.Фриновского, бывшего зам. наркома Ежова, написанным в апреле 1939 года. Эйхе дважды упомянут в этом заявлении, и оба раза в контексте, который не оставляет сомнений, что бывший первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) (1930—1937) состоял в одном заговоре правых вместе с руководством НКВД:

«В одну из встреч в 1935 году ЕВДОКИМОВ у него на квартире рассказал мне о ряде людей, которые им привлечены к работе в Пятигорске. Он назвал ПИВОВАРОВА, большую группу чекистов: БОЯРА, ДЯТКИНА и ШАЦКОГО. Здесь же он мне рассказал о его связях... с ЭЙХЕ...

После одного из заседаний Пленума, вечером, на даче у ЕЖОВА были ЕВДОКИМОВ, я и ЕЖОВ. Когда мы приехали туда, там был ЭЙХЕ, но ЭЙХЕ с нами никаких разговоров не вел. Что было до нашего приезда у ЕЖОВА с ЭЙХЕ — ЕЖОВ мне не говорил. После ужина ЭЙХЕ уехал, а мы остались и почти до утра разговаривали»[2].

По словам К.А.Залесского, автора и составителя Биографического энциклопедического словаря, Эйхе «возглавил работу по чистке партийного и хозяйственного аппарата в 1936—37, что вызвало беспрецедентную волну арестов в Сибири»[3].

Историк Юрий Жуков отмечает:

«За день до закрытия Пленума Роберт Эйхе, секретарь Западно-Сибирского крайкома, пламенный латышский револю¬

---

[1] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.326—328. См. также: http://www.idf.ru/2/7.shtml.

[2] *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш».* С.40 и 44.

[3] К.А.Залесский. *Империя Сталина..* См.: http://wwv.hrono.ru/biograf/eihe.html.

ционер, который за несколько лет до этого во время хлебозаготовок обрушивал на деревню страшные репрессии, подает в Политбюро записку, в которой говорится, что НКВД в области работает плохо. Чекисты вскрыли антисоветскую повстанческую кулацкую организацию, но полностью ее не разгромили, арестовав только верхушку. И в преддверии выборов, которые были назначены на декабрь, необходимо расправиться со всей антисоветской организацией, всех арестовать и осудить. Для ускорения процесса он просит, чтобы ему позволили организовать тройку, уже опробованную против крестьян. Он будет возглавлять ее, плюс прокурор и начальник НКВД по области.

Есть основания полагать, что Эйхе действовал не только от себя, а выражал требования значительной группы первых секретарей. Трудно отказаться от предположения, что инициатива Эйхе являлась пробным шаром, способом проверить свою силу и решимость "узкого руководства"...»[1]

Снова Ю.Н.Жуков:

«Первое *(предупреждение. — Г.Ф.)* Ежов принял с большим счастьем: в апреле 1938 года его назначили "по совместительству" еще и наркомом водного транспорта. Второе предупреждение было сделано в августе: Сталин и Молотов целых четыре часа убеждали Ежова согласиться на кандидатуру Л.П.Берии в качестве своего первого заместителя[2]. И вот третий, последний акт этой долгой процедуры: 23 ноября[3] Ежов опять вызван к Сталину, где уже находились Молотов и Ворошилов. Мне пришлось держать в руках документ, который Ежов писал явно под их диктовку. Написан он на трех страницах, все разных размеров, то есть хватали первые подвернувшиеся под руку бумажки и подсовывали их Ежову, лишь бы тот не прекратил писать. Формулировка его отстранения от должности меняется дважды: видимо, он сопротивлялся, возражал. А надо-то было вырвать от него решение уйти "по собственному желанию"! Тут же пишется проект постановления,

---

[1] Юрий Жуков. Сталин: иной взгляд. Беседа с автором книги «Иной Сталин». // *Наш современник*. 2004, №i2. См: http://nashsovr.aihs.net/p.php?y=2004&n=12&id=4.

[2] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. №335, с.545.

[3] В сборнике «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД» вместо 23 ноября ошибочно приводится дата 23 сентября, *см.: там же,* с.552 и далее.

который звучит как гарантия: "Сохранить за т.Ежовым должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта". Наконец заявление написано и подписано: "Н.Ежов". Вот с этого и началось устранение "ежовщины". Политбюро послало на места телеграммы с прямым текстом: немедленно прекратить репрессии и распустить "тройки". Снова, перехватив инициативу, сталинская группа уже в конце 1938 года добилась проведения первых судебных процессов над работниками НКВД, обвиненных в фальсификации и надуманности дел, по которым почти целый год судили, ссылали и казнили тысячи людей. Так удалось остановить Большой террор»[1].

М.Янсен и Н.Петров в биографической книге о Ежове не могли оставить Эйхе без внимания:

«Рассмотрим возражения, высказанные Ежову начальником УНКВД Западно-Сибирского края Мироновым в июле 1937 года во время конференции в Москве. Как следует из показаний Миронова, полученных от него после ареста, последний сообщил Ежову, что Эйхе «вмешивался в дела НКВД». Эйхе отдал приказ руководителям городских отделений Кузбасского НКВД арестовать членов партии, хотя улики в большинстве случаев отсутствовали. Свое положение Миронов считал затруднительным: либо ему предстояло освободить часть заключенных и вступить в конфликт с Эйхе, либо органам НКВД надо было «создавать вымышленные дела» (выделено мной. — *Г.Ф.)*. Когда Миронов предложил дать устные указания заинтересованным органам НКВД, чтобы те выполняли только заверенные им самим приказания, Ежов ответил: "Эйхе знает, что делает. Он отвечает за партийные организации; бороться с ним бесполезно. Лучше докладывай о появлении спорных вопросов, и я буду их решать... Следуй указаниям Эйхе и не порть с ним отношения". Миронов добавил, что у Эйхе была привычка "неожиданно приходить в аппарат НКВД, посещать допросы, вмешиваться в следствие, оказывать давление в том или ином направлении, запутывая тем самым расследование". Но Ежов остался при своем мнении»[2].

---

[1] Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. Часть 8. // *Комсомольская правда.* 2002, 20 ноября.

[2] M.Jansen, N.Petrov. P.91—92. Здесь и далее цитаты из книги Янсена и Петрова даны в обратном переводе.

И еще:

«Местные партийные руководители опасались, что классовые враги воспользуются предоставленной на выборах свободой. На июньском (1937) Пленуме председатель СНК Казахстана У.Д.Исаев предупреждал: "Мы столкнемся здесь с ситуацией непосредственной классовой борьбы. Теперь к выборам готовятся даже муллы, троцкисты и каждая разновидность других контрреволюционных элементов". На октябрьском (1937) Пленуме московский партсекретарь А.И.Угаров вновь указал на усиливающиеся проявления враждебной деятельности. К тому времени его Западно-Сибирский коллега Р.И.Эйхе_ смог установить, что ситуация вследствие уничтожения базы организованной контрреволюции, наоборот, значительно улучшилась. Сталин согласился: "Люди довольны, что освободились от вредителей".** По мотивам безопасности было решено в тот же месяц запретить состязательные выборы и предложить выборы с единственным безальтернативным кандидатом»[1].

Н.И.Ежов

В заявлении Фриновского от 11 апреля 1939 года подробно рассказывается о преступной деятельности Ежова на посту наркома внутренних дел:

«Стал я преступником из-за слепого доверия авторитетам своих руководителей ЯГОДЫ, ЕВДОКИМОВА и ЕЖОВА, а став преступником, я вместе с ними творил гнусное контрреволюционное дело против партии...

До ареста БУХАРИНА и РЫКОВА, разговаривая со мной откровенно, ЕЖОВ начал говорить о планах чекистской работы в связи со сложившийся обстановкой и предстоящими арестами БУХАРИНА и РЫКОВА. ЕЖОВ говорил, что это будет большая потеря для правых, после этого вне нашего желания, по указанию ЦК могут развернуться большие мероприятия по правым кадрам, и что в связи с этим основной задачей его и моей является ведение следствия таким образом, чтобы, елико возможно, сохранять правые кадры. Тут же он

---

[1] Ibid., p. 107. Цитаты, помеченные в тексте «звездочками» взяты из документов, которые повторно засекречены и не доступны исследователям (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.2. Д. 617. Л. 167 и Ф.17. Оп.2. Д. 626. Л.40—41, 62).

развернул план этого дела. В основном этот план заключался в следующем: "Нужно расставить своих людей, главным образом, в аппарате СПО[1], следователей подбирать таких, которые были бы или полностью связаны с нами, или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали бы, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках. Включиться самим в следствие и руководить им". "А это заключается в том, — говорил ЕЖОВ, — чтобы записывать не все то, что говорит арестованный, а чтобы следователи приносили все наброски, черновики начальнику отдела, а в отношении арестованных, занимавших в прошлом большое положение и занимающих ведущее положение в организации правых, протоколы составлять с его санкции". Если арестованный называл участников организации, то их нужно было записывать отдельным списком и каждый раз докладывать ему. Было бы неплохо, говорил ЕЖОВ, брать в аппарат людей, которые уже были связаны с организацией. "Вот, например, ЕВДОКИМОВ говорил тебе о людях, и я знаю кое-кого. Нужно будет их в первую очередь потянуть в центральный аппарат. Вообще нужно присматриваться к способным людям и с деловой точки зрения из числа уже работающих в центральном аппарате, как-нибудь их приблизить к себе и потом вербовать, потому что без этих людей нам работу строить нельзя, нужно же ЦК каким-то образом работу показывать".

В осуществление этого предложения ЕЖОВА нами был взят твердый курс на сохранение на руководящих постах в НКВД ягодинских кадров. Необходимо отметить, что это нам удалось с трудом, так как с различных местных органов на большинство из этих лиц поступали материалы об их причастности к заговору и антисоветской работе вообще...

После октябрьского Пленума ЦК в 1937 г. я и ЕВДОКИМОВ первый раз встретились вместе на даче у ЕЖОВА. Причем разговор начал ЕВДОКИМОВ, который, обращаясь к ЕЖОВУ, спросил: "Что у тебя не так получается, обещал выправить ягодинское положение, а дело все больше углубляется и теперь подходит вплотную к нам. Видно, неладно руководишь делом".

[1] СПО—Секретно-политический отдел отвечал в НКВД за борьбу с антисоветскими элементами и освещение политических настроений в стране; см.: Н.В.Петров, К.В.Скоркин. *Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник.* — М.: Звенья, 1999, с.31.

ЕЖОВ сперва молчал, а потом заявил, что "действительно, обстановка тяжелая, вот сейчас принимаем меры к тому, чтобы сократить размах операций, но, видимо, с головкой правых придется расправиться". ЕВДОКИМОВ ругался, плевался и говорил: "Нельзя ли мне пойти в НКВД, я окажу помощи больше, чем другие". ЕЖОВ говорит: "Было бы хорошо, но ЦК едва ли пойдет на то, чтобы тебя передать в НКВД. Думаю, что дело не совсем безнадежно, но тебе надо поговорить с ДАГИНЫМ, ты имеешь на него влияние, надо, чтобы он развернул работу в Оперативном отделе[1], и нам быть готовым к совершению террористических актов"...

И здесь ЕВДОКИМОВ и ЕЖОВ уже. вместе говорили о возможном сокращении операций, но, так как это было признано невозможным, договорились отвести удар от своих кадров и попытаться направить его по честным кадрам, преданным ЦК. Такова была установка ЕЖОВА...

После арестов членов центра правых ЕЖОВ и ЕВДОКИМОВ по существу сами стали центром, организующим:

1) сохранение по мере возможности антисоветских кадров правых от разгрома; 2) нанесение удара по честным кадрам партии, преданным Центральному комитету ВКП(б); 3) сохранение повстанческих кадров как на Северном Кавказе, так и в других краях и областях СССР с расчетом на их использование в момент международных осложнений; 4) усиленную подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства; 5) приход к власти правых во главе с Н.ЕЖОВЫМ...

Следственная работа. Следственный аппарат во всех отделах НКВД разделен на "следователей-колольщиков", "колольщиков" и "рядовых" следователей.

Что из себя представляли эти группы и кто они?

"Следователи-колольщики" были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтроль-

---

[1] Оперативный отдел отвечал в НКВД за наружное наблюдение, обыски, аресты, перлюстрацию корреспонденции, политический надзор за органами милиции; см.: *там же.*

но применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались "показаний" и умели грамотно, красочно составлять протоколы...

Так как количество сознающихся арестованных при таких методах допроса изо дня в день возрастало, и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, так называемые "следователи-кололыцики" стали, каждый при себе, создавать группы просто "кололыциков".

Группа "кололыциков" состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственного, а посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали к его избиению. Избиение продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показания.

Остальной следовательский состав занимался допросом менее серьезных арестованных, был предоставлен самому себе, никем не руководился.

Дальнейший процесс следствия заключался в следующем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на "корректировку" к начальнику соответствующего отдела, а от него, еще не подписанным, — на "просмотр" быв. народному комиссару ЕЖОВУ и в редких случаях — ко мне. ЕЖОВ просматривал протокол, вносил изменения, дополнения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи.

Тогда следователи напоминали арестованному о "кололыщиках", и подследственный подписывал протокол. "Корректировку" и "редактирование" протоколов в большинстве случаев ЕЖОВ производил, не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов.

При таких методах следствия подсказывались фамилии.

По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные.

Знало ли об этом руководство наркомата, т.е. я и ЕЖОВ? Знали.

Как реагировали? Честно — никак, а ЕЖОВ даже это поощрял. Никто не разбирался — к кому применяется физиче-

ское воздействие. А так как большинство лиц, пользующихся этим методом, были врагами — заговорщиками, то ясно: шли оговоры, брались ложные показания и арестовывались и расстреливались оклеветанные врагами из числа арестованных и врагами — следователями невинные люди. Настоящее следствие смазывалось...

Подготовка процесса РЫКОВА, БУХАРИНА, КРЕСТИН¬СКОГО, ЯГОДЫ и других.

Активно участвуя в следствии вообще, ЕЖОВ от подготовки этого процесса самоустранился. Перед процессом состоялись очные ставки арестованных, допросы, уточнения, на которых ЕЖОВ не участвовал. Долго говорил он с ЯГОДОЙ, и разговор этот касался главным образом убеждения ЯГОДЫ в том, что его не расстреляют.

ЕЖОВ несколько раз беседовал с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют...

Безусловно, тут ЕЖОВЫМ руководила необходимость прикрытия своих связей с арестованными лидерами правых, идущими на гласный процесс...

Обман партии и правительства. ЕЖОВ, придя в НКВД, на всех совещаниях, в беседах с оперативными работниками, заслуженно критикуя существующую среди чекистов ведомственность, изоляцию от партии, подчеркивал, что он будет прививать работникам партийность, что он не скрывал и не будет скрывать ничего и никогда от партии и от СТАЛИНА. Фактически же обманывал партию как в серьезных, больших вопросах, так и в мелочах. Разговоры же эти ЕЖОВ вел не для чего иного, как усыпления бдительности у честных работников НКВД»[1].

В протоколе допроса самого Ежова его преступная деятельность раскрывается еще больше:

«ОТВЕТ: Должен признать, что, дав правдивые показания о своей шпионской работе в пользу Польши, я действительно скрыл от следствия свою шпионскую связь с немцами...

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». С.34—49. См также: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/frinovskyru.pdf.

Обсудив с ЕГОРОВЫМ создавшееся положение, мы пришли к заключению, что партия и народные массы идут за руководством ВКП(б) и почва для этого переворота не подготовлена. Поэтому мы решили, что надо убрать СТАЛИНА или МОЛОТОВА под флагом какой-либо другой антисоветской организации с тем, чтобы создать условия к моему дальнейшему продвижению к власти. После этого, заняв более руководящее положение, создастся возможность для дальнейшего, более решительного, изменения политики партии и Советского правительства в соответствии с интересами Германии.

Я просил ЕГОРОВА передать немцам через КЕСТРИНГА наши соображения и запросить на этот счет мнение правительственных кругов Германии.

ВОПРОС: Какой ответ вы получили?

ОТВЕТ: Вскоре после этого, со слов КЕСТРИНГА, ЕГОРОВ сообщил мне, что правительственные круги Германии соглашаются с нашим предложением.

ВОПРОС: Что вами было предпринято для осуществления ваших предательских замыслов?

ОТВЕТ: Я решил организовать заговор в НКВД и вовлечь в него людей, через которых я смог бы осуществить террористические акты против руководителей партии и правительства.

ВОПРОС: Разве только после разговора с ЕГОРОВЫМ вы решили сколотить заговорщическую организацию в НКВД?

ОТВЕТ: Нет. Фактически дело обстояло следующим образом: еще задолго до этого разговора с ЕГОРОВЫМ, при моем назначении наркомом внутренних дел, мною была взята с собой в НКВД группа работников, тесно связанных со мной по контрреволюционной работе. Таким образом, мое показание о том, что я приступил к организации заговора, следует понимать только в том смысле, что в связи с переговорами с ГАММЕРШТЕЙНОМ и установлением контакта с военными заговорщиками надо было в НКВД шире развернуть, форсировать сколачивание заговорщической организации в самом НКВД...

Что же касается ЕВДОКИМОВА и ФРИНОВСКОГО, последние полностью были введены мною в курс дела заговора, знали абсолютно все, в том числе о моих связях с группой военных заговорщиков РККА и военными кругами Германии...

Я проинформировал КЕСТРИНГА о дальнейших арестах среди военных работников, заявив, что предотвратить эти аре-

сты не в силах, в частности сообщил об аресте ЕГОРОВА, который может повлечь за собой провал всего заговора.

КЕСТРИНГА все эти обстоятельства крайне обеспокоили. Он резко поставил передо мной вопрос о том, что либо сейчас же необходимо предпринимать какие-то меры к захвату власти, либо вас разгромят поодиночке...

Лично с КЕСТРИНГОМ я больше не встречался. В дальнейшем связь между нами осуществлялась через ХОЗЯИНОВА.

ВОПРОС: Знал ли ХОЗЯИНОВ о подготавливавшихся вами террористических актах против руководителей партии и правительства?

ОТВЕТ: Да, знал. Об этом ХОЗЯИНОВ был поставлен в известность не только мною, но и германской разведкой, так как при первой же встрече после установления между нами связи ХОЗЯИНОВ передал мне директиву немцев: во что бы то ни стало ускорить совершение террористических актов.

Кроме того, ХОЗЯИНОВ передал мне указания германской разведки о том, что в связи с освобождением меня от работы в НКВД и назначением БЕРИИ наркомом внутренних дел германская разведка считает необходимым совершить убийство кого-либо из членов Политбюро и таким образом спровоцировать новое руководство НКВД.

В этот же период в самом Наркомвнуделе начались аресты активных участников возглавляемого мною заговора, и тут мы пришли к выводу о необходимости организовать выступление 7 ноября 1938 года.

ВОПРОС: Кто это "мы"?

ОТВЕТ: Я — ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ, ДАГИН и ЕВДОКИМОВ...

В одну из встреч в моем служебном кабинете в Наркомводе я сообщил ЛАЗЕБНОМУ, что на него в НКВД имеются компрометирующие материалы, что не сегодня завтра его арестуют и что ему грозит гибель.

Я сказал ЛАЗЕБНОМУ: "Выхода у вас нет, вам все равно погибать, но зато, пожертвовав собой, вы можете спасти большую группу людей". На соответствующие расспросы ЛАЗЕБНОГО я ему сообщил о том, что убийство СТАЛИНА спасет положение в стране. ЛАЗЕБНЫЙ дал мне свое согласие»[1].

---

[1] Там же. С. 52—69. См. также: http;//chss.montclair.edu/english/furr/research/ezhovru.pdf.

Причины ареста и последующего суда над Ежовым легко понять из книги Янсена и Петрова:

«Законность не заботила ежовский НКВД. В январе 1939 года, уже после отставки Ежова, комиссия в составе Андреева, Берии и Маленкова обвинила его в использовании противозаконных методов следствия: "Следственные методы были извращены самым вопиющим образом, массовые избиения огульно применялись к заключенным с тем, чтобы получить от них фальшивые показания и «признания»". В течение 24 часов следователю зачастую необходимо было получить несколько десятков признаний, и следователи информировали друг друга о полученных показаниях так, чтобы соответствующие факты, обстоятельства, или имена могли быть внушены другим заключенным. "Как результат, такой характер следствия часто приводил к организованному оговору совершенно невиновных людей". Очень часто признания были получены с помощью "прямой провокации"; заключенных склоняли к ложным признаниям в "шпионской деятельности", чтобы помочь партии и правительству "скомпрометировать иностранные государства" или в обмен на обещания освобождения. По словам Андреева и других членов комиссии, "руководство НКВД в лице товарища Ежова не только не пресекло такой произвол и перегибы в арестах и ведении следствия, но иногда прямо поощряло их". Вся оппозиция была подавлена»[1].

Резкой критике подверглась и работа "троек". Андреев и другие члены комиссии сообщили о "серьезных промахах" как в работе "троек", так и т.н. "большой коллегии", которая за одно вечернее заседание нередко рассматривала от 600 до 2000 дел. (Комиссия ссылалась на проверку в Москве альбомов по "национальным операциям"; до утверждения наркомом внутренних дел и прокурором альбомы рассматривались руководителями отделов центрального аппарата НКВД.) Работа региональных "троек" оказалась полностью неподконтрольной НКВД. Около 200 000 чел. были приговорены т.н. "милицейской тройкой", "существование которой было противоправно". Особое совещание НКВД "не собиралось в своем законном составе ни разу".

---

[1] Jansen, Petrov. P. 108. Документы, использованные в данном отрывке (ЦА ФСБ. Ф.3—ос. Оп.6. Д.1. Л.1—2) повторно засекречены и недоступны исследователям.

Как позднее показал руководитель Тюменского оперативного сектора НКВД, аресты обычно производились без достаточных оснований — людей брали под стражу за принадлежность к несуществующим группам, — а "тройка" обычно действовала в согласии с оперативной группой: "На заседаниях «тройки» преступления обвиняемых не рассматривались. Через несколько дней в течение часа я сообщал «тройке» о деле с участием 50—60 человек". В более поздней беседе тюменский руководитель дал еще более подробный отчет о том, как оперативная группа выполняла вынесенные "тройкой" приговоры по "первой категории". Казни приговоренных к смерти проводились в подвале в специальной комнате с укрытыми стенами выстрелом в затылок и вторым выстрелом в висок. Трупы затем увозились за город в крематорий. В Тобольске, куда в 1938 году был переведен сам участник событий, казни проводились прямо в тюрьме и там же закапывались тела; из-за отсутствия места трупы нагромождались друг на друга. Помощник начальника Саратовского УНКВД дал похожие показания: «Основным указанием было завести как можно больше дел, провести как можно быстрее их разработку и с предельно упрощенным расследованием. Что касается количества дел, [начальником НКВД] требовалось [приобщить] всех приговоренных и всех взятых под стражу, даже если на момент ареста они не совершили никакого конкретного преступления".

Заместитель Ежова Фриновский после ареста объяснял, что в НКВД главными следователями были «следователи-колольщики», подобранные в основном из "заговорщиков или скомпрометированных лиц". Они "бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались «показаний»". С одобрения Ежова именно следователь, а не подследственный решал, чему быть в показаниях. Впоследствии протоколы "редактировались" Ежовым или Фриновским, обычно без вызова заключенного или просто мимоходом. По Фриновскому, Ежов поощрял использование на допросах физической силы: он лично контролировал допросы и приказывал следователям использовать «методы физического давления», если результаты оказывались неудовлетворительными. Во время допросов он иногда был пьян.

Как позднее объяснял один из следователей, если кто-то был арестован по приказу Ежова, тогда они заранее были убеждены в его виновности, даже если всех улик не доставало.

Они "пытались добиться признаний от такого лица всеми возможными средствами". Арестованный бывший заместитель начальника Московского УНКВД А.П.Радзивиловский привел слова Ежова, который говорил, что в случае отсутствия доказательств "необходимо выбивать их [из заключенных]". По Радзивиловскому, показания, "как правило, добывались в результате пыток арестованных, которые широко практиковались как в центральном аппарате НКВД, так и на местах".

Как начальник Лефортовской следственной тюрьмы, так и его заместитель после их ареста показали, что во время допросов Ежов принимал личное участие в избиении арестованных; Его заместитель Фриновский делал то же самое. Шепилов вспоминает, как после смерти Сталина Хрущев рассказывал своим коллегам, что однажды при посещении кабинета Ежова в Центральном комитете он увидел пятна запекшейся крови на полах и обшлагах ежовской гимнастерки. На вопрос, в чем дело, Ежов с оттенком экстаза ответил, что такими пятнами можно гордиться, т.к. это кровь врагов революции»[1].

Вскоре после ареста Ежова Сталин осудил его. В мемуарах авиаконструктора А.С.Яковлева читаем:

«— Ну, как Баландин?

— Работает, товарищ Сталин, как ни в чем не бывало.

— Да, зря посадили.

По-видимому, Сталин прочел в моем взгляде недоумение — как же можно сажать в тюрьму невинных людей?! — и без всяких расспросов с моей стороны сказал:

— Да, вот так и бывает. Толковый человек, хорошо работает, ему завидуют, под него подкапываются. А если он к тому же человек смелый, говорит то, что думает, — вызывает недовольство и привлекает к себе внимание подозрительных чекистов, которые сами дела не знают, но охотно пользуются всякими слухами и сплетнями... Ежов — мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли»[2].

---

[1] Ibid. P. 108—110.

[2] А.С.Яковлев. *Цепь жизни*. Глава «Москва в обороне», с.509. См. также: http://militera.lib.ru/memo/russian/yakovlev-as/26.html.

Комментируя этот фрагмент, Янсен и Петров пишут:

«Поскольку упоминался в особенности 1938 год, Сталин дал понять, что, по его мнению, в отличие от 1937-го, в том самом году террор вышел из-под контроля и стал угрожать стабильности государства. В конце жизненного пути Сталин рассказал охраннику, что "пьяница Ежов" был рекомендован для работы в НКВД Маленковым. "В состоянии опьянения он подписывал подсунутые ему списки на арест часто совсем невиновных людей".

Подобным же образом Молотов рассуждал в интервью 1970-х годов. По его мнению, Ежов пользовался хорошей репутацией до тех пор, пока морально не "разложился". Сталин приказывал ему "усилить нажим", и Ежову "дали крепкие указания". Он "стал рубить по плану", но "перестарался": "и остановить невозможно". Из очень выборочных воспоминаний Молотова складывается впечатление, что Ежов сам установил «лимиты», и был за это расстрелян. Молотов не согласен с тем, что Ежов действовал только по указке Сталина: "Сказать, что Сталин не знал об этом, — абсурд, но сказать, что он отвечает за все эти дела, — тоже, конечно, неправильно". Другим бывшим сподвижником Сталина, оправдывающим чистки, был Каганович. Был саботаж и, как он признавал, все такое, но "против общественного мнения тогда было идти невозможно". Только Ежов "старался чересчур"; он даже "устраивал соревнования, кто больше разоблачит врагов народа". В результате "погибло много невинных людей, и никто это не будет оправдывать"»[1].

Важно, что и в самый канун XX съезда Хрущев дважды во время одного из заседаний Президиума ЦК КПСС говорил о Ежове как о невиновном. Сначала в рабочей протокольной записи заседания записано, как Хрущев говорил:

«Ежов, наверное, не виноват, честный человек»[2].

Обвиняя во всем одного Сталина, Хрущев вслед за этим добавляет к «честным» руководителям ГБ еще и Ягоду:

«Ягода, наверное, чистый человек. Ежов [наверное, чистый человек]»[3].

---

[1] Jansen, Petrov. P.210.

[2] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.308.

[3] *Там же*. С.309.

Дело Я.Э.Рудзутака

Арест Рудзутака и Тухачевского состоялся по одному решению Политбюро от 24 мая 1937 г.:

«309. — О Рудзутаке и Тухачевском.

Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены следующее предложение:

"ЦК ВКП(б) получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел"»[1].

Рудзутак был назван Сталиным 2 июня 1937 года в речи на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны:

«Троцкий, Рыков, Бухарин — это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом...

Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник...

Бухарин. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали — информируйте, сами не доставляли...

Рудзутак. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения. Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Ену-

[1] Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 156.

кидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака...

Вот ядро, и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Енукидзе никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Вот ваша точка зрения — кто за кого голосовал»[1].

На московском процессе правотроцкистского блока (1938) подсудимые Гринько, Розенгольц и Крестинский упомянули Рудзутака несколько десятков раз. По показаниям Крестинского, Рудзутак был одной из центральных фигур антиправительственного заговора:

«**Крестинский.** Мне известно со слов Пятакова, когда он говорил со мной об этом в феврале 1935 года, что образовалась организация, объединяющая правых, троцкистов и военных и имеющая своей целью подготовку военного переворота. Мне было также известно, что в состав руководящего центра входят от правых — Рыков, Бухарин, Рудзутак и Ягода, от военных — Тухачевский и Гамарник, от троцкистов — Пятаков...

В начале 1935 года Пятаков сообщил, что договоренность есть, назвал состав центра, который я уже приводил вчера, и сообщил, что я и Розенгольц будем, не входя в состав центра, работать под его руководством, главным образом по намечению и подготовке будущего правительственного аппарата. Это было разделение труда. Нам было указано, что по этому делу мы будем связаны с Рудзутаком от правых и Тухачевским. У меня осталось впечатление о Рудзутаке. Но Розенгольц принимал в этом активное участие, в дальнейшем передавал мне о своих свиданиях с Рыковым. Вообще Рыков и Рудзутак — от правых, Тухачевский — от военных. Тут не было такого положения, что я знаю о связях с Тухачевским, а Розенгольц не знает, но по разделению труда он взял на себя главным образом сношение с правыми, хотя с Рудзутаком встречался я, а с Тухачевским — главным образом я, но и он»[2].

---

[1] И.В.Сталин. Выступление на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны. 2 июня 1937 года. (Неправленная стенограмма.) // *Источник.* 1994, № 3, с.72—78. См.: http://stalin.newmail.ru/stalin_sobr/14-5.htm , http://www.magister.msk.ru/library/stalin/14-5.htm, а также http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinju0237.html.

[2] *Судебный отчет.* — М.: Международная семья, 1997, с.164—165 и 245. Вечернее заседание 3 марта и вечернее заседание 4 марта 1938 года, см.: http://magister.msk.ru/libraiy/trotsky/trotbud.htm.

Рудзутак был назван в показаниях Рухимовича от 31 января 1938 года:

«Вопрос: Что Вы знаете о деятельности этой латышской организации?

Ответ: Я уже показал, что связь с латышами осуществляли БАУМАН и МЕЖЛАУК. Поэтому подробно о составе и действиях этой организации должны рассказать они. Мне только известно, что возглавляли эту организацию РУДЗУТАК и АЛКСНИС. Организация была крепко связана с латышской и немецкой разведками и имела довольно большие контрреволюционные кадры.

В частности, в плане «дворцового переворота» должны были быть использованы вооруженные отряды боевой латышской организации»[1].

Будучи уже глубокими стариками, и Молотов, и Каганович говорили о Рудзутаке с писателем Чуевым. Самое интересное в этих беседах то, что все рассказанное ими содержательно очень близко к материалу из процитированных выше источников. Вот, например, что через несколько десятилетий вспоминал о Рудзутаке Молотов:

«Трудно сказать, на чем он погорел, но я думаю, на том, что вот компания у него была такая, где беспартийные концы были бог знает какие. Чекисты, видимо все это наблюдали и докладывали. Маловероятно, чтоб это было состряпано, маловероятно. В данном случае маловероятно. Но надо сказать, он держался крепко при чекистах. Показал характер. Мы пришли в госбезопасность. Там я был, Микоян. По-моему, было несколько членов Политбюро...

Он жаловался на чекистов, что они применяют к нему такие методы, которые нетерпимы. Но он никаких показаний не давал.

"Я не признаю ничего, что мне приписывают". Это в НКВД. Рудзутак говорил, очень били его, здорово мучили. Крепко стоял на своем. Его, видимо, здорово пытали.

— Это через Берию проходило?

— Не без него.

---

[1] *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД:* Док. 290, С.484.

— Неужели вы не могли заступиться, если вы его хорошо знали?

— Нельзя ведь по личным только впечатлениям! У нас материалы.

— Если были уверены...

— На сто процентов я не был уверен. Как можно на сто процентов быть уверенным, если говорят, что... Я же с ним не настолько уж близкий человек был. Он был моим замом, по работе встречался. Хороший, умный человек. Но вместе с тем вижу, что он своими личными делами очень занят, с кем-то там путается, черт его, с женщинами... Переходит пределы, член Политбюро и мой зам по Совнаркому, по транспорту.

— Первый зам?

— Нет, тогда еще не было первых замов. Рудзутак четвертым был.

— А в чем его обвиняли?

— Я уж сейчас не помню. Он: "Нет, все это неправильно. Я это решительно отвергаю. И меня здесь мучили. Заставляли. Я ничего не подпишу".

— А это Сталину доложили?

— Доложили. Нельзя оправдать. "Действуйте, как там у вас положено", — Сталин сказал. А Сталин хорошо относился к Рудзутаку.

— И расстрелял?

— Расстрелял.

— А может, не было вины?

— Но я за него не мог вполне поручиться, что он честно ведет себя. Дружил с Антиповым, Чубарем.

— "Правда" о нем сейчас хорошо пишет...

— О Тухачевском тоже хорошо пишут. Его даже реабилитировали и восхваляют...

Если судить по тому, что выяснилось на процессах, Рудзутак — активный участник правых и в террористических планах, и в свержении ЦК и руководства, так что я считаю его виновным человеком, который проявил огромное упорство и сопротивление. Уже сам факт — не хочет говорить с чекистами. А с кем же он хочет говорить, если попал в такое положение?

Я даже одно время высказывал некоторые сомнения, правильно ли он был осужден. Но когда почитал то, что раньше

читал... Процессы его разоблачают полностью как активного участника правых. А он действительно был связан лично с Рыковым и с Томским»[1].

В отличие от Молотова Каганович был более краток, но его слова очень напоминают то, что Сталин говорил о Рудзутаке и его беспорядочных связях:

«Что касается Рудзутака — его обвиняли в связи с малолетними девочками, не знаю, как это называется юридически»[2].

Показания А.М.Розенблюма

Янсен и Петров цитируют записку Фриновского, где речь идет о задании срочно расстрелять Заковского, чтобы не дать Берии докопаться до истины:

«27—28 августа 1938 г. позвонил мне ЕВДОКИМОВ и попросил зайти к нему на квартиру. Весь наш разговор ЕВДОКИМОВ свел к тому, что, если есть какие-либо недоделки, по которым может начать разворачиваться наше причастие к преступным делам, до приезда БЕРИЯ закончить, и тут же мне ЕВДОКИМОВ сказал: "Ты проверь — расстреляли ли ЗАКОВСКОГО и расстреляны ли все люди ЯГОДЫ, потому что по приезде БЕРИЯ следствие по этим делам может быть восстановлено и эти дела повернутся против нас». Я проверил и установил, что ЗАКОВСКИЙ, МИРОНОВ и группа других чекистов была расстреляна 26—27 августа"»[3].

Заковский был членом заговорщической группы в НКВД, где состояли также Ежов и Фриновский.

Заковский назван в шифротелеграмме от 10 января 1939 года среди тех руководителей НКВД, кто физические истязания превратил «из исключения в правило» (о шифротелеграмме см. ниже). Хрущев был знаком с полным текстом шифротелеграммы, но не стал цитировать в «закрытом докладе» фрагмент с упоминанием Заковского, т.к. это могло бросить тень

---

[1] Ф.И.Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. С.484—485.

[2] Ф.И.Чуев. Каганович. Шепилов. С.117.

[3] Jansen, Petrov. P.151. Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». С.45. См. также: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/frinovskyru.pdf.

на его утверждения; наоборот, Хрущев попытался представить дело так, что Заковский действовал заодно со Сталиным.

Дело И.Д.Кабакова

В реабилитационных материалах на первого секретаря ЦК КП Казахстана Мирзояна (1955) находим упоминание Кабакова:

«Мирзоян показал далее, что в 1930—1933 годах, будучи на Урале, он якобы был связан с одним из руководителей правых — Кабаковым и продолжал свою контрреволюционную деятельность, а в 1933—1938 годах по заданию Рыкова и Бухарина якобы возглавлял правотроцкистское подполье в Казахстане»[1].

В книге В.Пятницкого «Заговор против Сталина» опубликовано следующее решение ЦК:

«Опросом членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) от 17 — 19.05.37 года

2. О Кабакове.

Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б):

"На основании имеющихся материалов, в которых член ЦК ВКП(б) Кабаков обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру «правых», исключить Кабакова из состава ЦК ВКП(б) и из партии с передачей его дела в Наркомвнудел"»[2].

Кабаков был назван Ежовым в его докладе на июньском (1937) Пленуме ЦК, посвященном раскрытию крупномасштабного заговора:

«В своем докладе Ежов в общих чертах обрисовал обширнейший заговор против Сталина. Предположительно, уже в 1933 году по инициативе различных оппозиционных групп был создан объединенный "центр центров" с участием Рыкова, Томского и Бухарина от правых, эсеров и меньшевиков, Енукидзе — от Красной Армии и заговорщиков в НКВД, Ка-

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. Док. №52, с.280.

[2] В.И.Пятницкий. *Заговор против Сталина.*— М.: Современник, 1998, с.58. То же решение цитирует Роговин в: В.З.Роговин. *1937.*— М., 1996, глава «Июньский Пленум ЦК»: http://trst.narod.rU/rogovin/t4/Iv.htm#ftnref_05.

менева и Сокольникова — от зиновьевцев и Пятакова — от троцкистов. Основная задача "центра центров", или "объединенного центра" — ниспровержение Советской власти и восстановление капитализма в СССР. Как сообщают, военные заговорщики во главе с Тухачевским, а также Ягода со своими людьми из НКВД тоже подчинялись центру. Новым в нарисованной Ежовым схеме было то, что среди заговорщиков оказались руководители каждой республики или области. Он назвал таких региональных руководителей, как Шеболдаев из Курска, Разумов из Иркутска, Кабаков из Свердловска и Румянцев из Смоленска, — и все они были членами Центрального комитета, арестованными перед Пленумом»[1].

Кабаков назван главой контрреволюционной организации на Урале и в записке первого секретаря Свердловского обкома А.Я.Столяра:

«На основании имеющихся материалов в обкоме и показаний пяти арестованных работников аппарата, уполномоченного КПК по области изобличены как враги народа, как активные участники контрреволюционной организации, возглавлявшейся на Урале Кабаковым, — уполномоченный КПК Бухарин и секретарь партколлегии Носов»[2].

На правотроцкистском («бухаринском») процессе (1938) подсудимым Зубаревым Кабаков был назван как один из участников нелегальной группы, созданной на Урале еще в 1929 году:

«**Зубарев.** Когда я дал на это согласие, он *(А.П.Смирнов. — Г.Ф.)* мне тогда же заявил о том, что я на Урале буду не одинок, что на Урале уже есть активный член контрреволюционной организации, очень влиятельный, что он связан уже непосредственно с союзным центром через посредство Рыкова. Он назвал Кабакова...

Рыков ссылался на А.П.Смирнова, что он от него знает, что я являюсь активным участником правой организации. Я охарактеризовал ему общее положение Урала, состояние нашей организации, указал на то, что уже в конце 1929 года, в декабре месяце, мы с Кабаковым организовали областную руководящую группу, объединяющую всю работу. Я назвал ему со-

---

[1] Jansen, Petrov. P.75,233.

[2] *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД.* Док. № 276, с.463.

став этой группы, в которую входили: Кабаков, я, Советников и другие. Я рассказал ему и о той работе, которую я проводил по заданиям Смирнова, а через Кабакова — и его, Рыкова»[1].

Показания Зубарева на процессе были подтверждены подсудимым А.И.Рыковым:

«**Рыков.** Был целый ряд участников нашей организации в разных местах, как это перечислено, в том числе и такие, как Кабаков...»[2].

Имя Кабакова фигурирует также и в докладе Поспелова, где говорится, что «УНКВД по Свердловской области "вскрыло" так называемый "Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников и агентуры РОВСа", руководимый секретарем Свердловского обкома Кабаковым, членом КПСС с 1914 года. Этот штаб якобы объединял 200 подразделений, сформированных по военному образцу, 15 повстанческих организаций и 56 групп»[3].

Американский горный инженер Дж. Литтлпейдж посвятил несколько страниц своей книги именно Кабакову:

«В то время мне было очевидно, что состав этой комиссии и ее поведение в Калате[4] восходит непосредственно к указаниям коммунистических властей в Свердловске, кои следовало предать суду за преступную халатность или за прямое соучастие в событиях, которые произошли на этих шахтах.

Между тем первый секретарь коммунистической партии на Урале, человек по фамилии Кабаков, занимал этот пост с 1922 года и в течение всего периода величайшей активности в развитии шахт и уральской промышленности Урала. По некоторым совершенно не ясным мне причинам он пользовался полным доверием Кремля и считался настолько всемогущим, что неофициально его прозвали "большевистским вицекоролем Урала".

---

[1] *Судебный отчет.* — М.: Международная семья, 1997, с. 125—126. Утреннее и вечернее заседания 3 марта 1938 года, см.: http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotlsud.htm.

[2] *Там* же.С.144. Вечернее заседания 3 марта 1938 года, см.: http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotlsud.htm.

[3] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.323; Доклад Н.С.Хрущева... С.192.

[4] Деревня Калата — поселение рабочих, занятых на добыче кварцитов для Калатинского медеплавильного завода в Свердловской области.

В случае проверки этой человеческой характеристики не нашлось бы ничего, что оправдало бы такую репутацию. Во время его долгого правления Урал, этот богатейший регион России, которому выделялись практически безграничные средства для разработки, никогда не давал того, что должен был бы производить.

...Я говорил некоторым из моих тогдашних российских знакомых, что на Урале творится нечто большее, чем сейчас известно, и это выплыло откуда-то сверху.

Все эти происшествия стали понятнее, коль скоро меня это волновало, после состоявшегося в январе 1937 года процесса о заговоре, когда Пятаков и ряд его сообщников признались на открытом суде, что с 1931 года они были причастны к организации саботажа на шахтах, железных дорогах и других промышленных предприятиях. Через несколько недель после процесса и вынесения Пятакову расстрельното приговора уральский первый секретарь и близкий пятаковский сообщник Кабаков был арестован по обвинению в участии в том же самом заговоре»[1].

С.В.Косиор, В.Я.Чубарь, П.П.Постышев

В опубликованных лишь в 2006 году признательных показаниях Ежова от 26 апреля 1939 года Косиор и Чубарь упоминаются среди тех, кто «посещал» того самого агента германской разведки Нордена, что завербовал и Ежова:

«Из большого количества лиц, проконсультированных НОРДЕНОМ, я точно помню ГАМАРНИКА, ЯКИРА, ЧУБАРЯ, ПЕТРОВСКОГО, КОСИОРА, ВЕЙНБЕРГА и МЕТАЛИКОВА. Проконсультировал НОРДЕН и меня»[2].

В реабилитационных материалах на Постышева читаем о Косиоре и Чубаре:

«Косиор СВ. в начале следствия назвал Постышева в числе участников военного заговора на Украине, затем от этих показаний отказался, а впоследствии снова их подтвердил, В деле

---

[1] John D.Littlepage, Demaree Bess. *In Search of Soviet Gold.* P.100—101.

2 *Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерил».* С.57. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/ezhovru.pdf.

Косиора имеется заявление Антипова Н.К., в котором он утверждает, что между Косиором и Постышевым были весьма ненормальные личные отношения и что Постышев не входил в общий центр контрреволюционных организаций на Украине. При таком положении показания Косиора о Постышеве вызывают серьезные сомнения в их правдоподобности»[1].

Но сам Постышев не остался в долгу и тоже выступил с разоблачениями Косиора:

«Постышев признан виновным в том, что он с 1934 года являлся членом центра контрреволюционной правотроцкистской организации, действовавшей на Украине, и вместе с Косиором и другими участниками организации проводил вредительско-подрывную деятельность.

Постышев признан виновным также в том, что он с 1920 года являлся агентом японской разведки, которой до дня ареста передавал сведения, составляющие государственную тайну СССР.

На предварительном следствии и в суде Постышев виновным себя признал, однако изложенные в протоколах допроса Постышева факты при проверке не подтвердились.

Так, в "показаниях" Постышева указано, что по контрреволюционной работе он лично был связан с Балицким В.А., **Косиором СВ.,** Якиром И.Э., **Чубарем В.Я.,** Поповым Н.Н., Мусульбасом И.А. и другими участниками антисоветской организации на Украине *(выделено мной. — Г.Ф.)*»[2].

В таком же контексте Постышев и Косиор упоминаются и в реабилитационных материалах на В.Я.Чубаря и К.В.Сухомлина:

«Обвинение Чубаря в принадлежности к правотроцкистской организации основывалось на косвенных показаниях арестованных Антипова, **Косиора,** Прамнэка, Сухомлина, **Постышева,** Болдырева и др., которые, называя его членом контрреволюционной организации, ссылались при этом на Рыкова, Гринько, Бубнова и других лиц, по показаниям которых Чубарь не проходит...

Обвинение Сухомлина в принадлежности к правотроцкистской организации и японской разведке основывалось на по-

---

[1] Реабилитация: Как этобыло. Том 1.-С.219.

[2] Там же. С.218.

казаниях арестованных Тягнибеды, Марчака, Шумяцкого, Ермоленко и др., которые ссылались на **Косиора, Постышева,** Якира и других лиц *(выделено мной. — Г.Ф.)*»[1].

Несколько слов о Чубаре сказал в своих воспоминаниях Каганович:

«Общее настроение, общественное мнение было такое, что это было невозможно. Я защищал Косиора, Чубаря, но когда мне показали целую тетрадь, написанную Чубарем, его показания, его почерком, я руками развел!..

Устраивали очные ставки. Сталин говорил: "Проверьте". Проверили так Косиора, Чубаря — спасти их не удалось»[2].

Молотов рассказывал Чуеву, что он сам присутствовал на одной **из** таких очных ставок. Арестованный Антипов, друг Чубаря, давал показания против последнего, а тот категорически отвергал все обвинения в свой адрес. И того, и другого Молотов хорошо знал по работе в СНК[3].

Из постановления Политбюро от 16 июня 1938 года следует, что к этому времени против Чубаря накопилось достаточно обвинительных материалов, но его только отстранили от должности, не подвергая аресту:

«60. — О т.Чубаре В.Я.

1. Ввиду того, что ***показания Косиора, Эйхе, Тр.Чубаря,*** а кроме того, ***показания Рудзутака и Антипова, бросают тень на т. В.Я.Чубаря*** *(выделено мной. — Г.Ф.),* Политбюро ЦК не считает возможным оставить его членом Политбюро ЦК и заместителем председателя СНК Союза ССР и считает возможным дать ему работу лишь в провинции для испытания.

2. Вопрос о конкретной работе т.Чубаря решить в течение ближайших 2-х дней»[4].

Согласно докладу комиссии Поспелова, Косиор был арестован 3 мая 1938 года, т.е. за несколько месяцев до прихода Берии в НКВД. Далее там же говорится, что «с первых же дней содержания его в Лефортовской тюрьме к нему применялись самые варварские, зверские пытки, учинялись допросы

---

[1] Там же. С.251—252.

[2] Ф.И.Чуев. Каганович. Шепилов. С.117.

[3] Ф.И.Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. С.486—487.

[4] Вслед за этим Чубарь был назначен начальником строительства Соликамского целлюлозного комбината. *Сталинское Политбюро в 30-е годы.* С. 167—168.

свыше 14 часов беспрерывно, в ночное время, лишали его сна и минимального отдыха»[1]. В 1956 году из 54 допросов в деле Косиора обнаружилось лишь 4 протокола допроса. Сказанное только подтверждает справедливость многих утверждений цитировавшегося выше заявления Фриновского.

В показаниях б. начальника УНКВД по Свердловской области Д.М.Дмитриева утверждается:

«ЛЮШКОВ рассказал мне, что ЛЕПЛЕВСКИЙ, поехав на Украину, очень шумел по поводу выкорчевки людей БАЛИЦКОГО. Он арестовал ряд руководящих сотрудников украинского НКВД, обвиняя их в том, что они вели контрреволюционную деятельность по заданиям БАЛИЦКОГО, и в то же время законспирировал ряд заговорщиков, которые должны были действовать по его заданию.

Борьбу с правыми ЛЕПЛЕВСКИЙ вел таким образом, что головку организации всячески охранял от разоблачения.

Речь в данном случае шла о **КОСИОРЕ СВ. Последний,** по словам ЛЮШКОВА, **фактически командовал в оперативной работе НКВД Украины...**

Одно время у меня было впечатление, что БАЛИЦКИЙ и ЛЕПЛЕВСКИЙ вели друг с другом войну и были личными врагами. ЛЕПЛЕВСКИЙ сообщил, что все это явилось лишь видимостью и что в действительности он и БАЛИЦКИЙ входили в одно контрреволюционное подполье, возглавляемое **КОСИОРОМ, являвшимся одним из наиболее законспирированных правых на Украине** *(выделено мной. — Г.Ф.)*»[2].

А.В.Косарев

Анатолий Бабулин, племянник Ежова, который участвовал с ним в одном заговоре, дал показания о «моральном разложении» Ежова и его жены Евгении Соломоновны, сообщив следствию, что Косарев был одним из «наиболее частых гостей в доме Ежова» наряду с Пятаковым и другими:

«У ЕЖОВА и его жены Евгении Соломоновны был обширный круг знакомых, с которыми они находились в при-

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.326.

[2] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. № 356, с. 590—591.

ятельских отношениях и запросто их принимали в своем доме. Наиболее частыми гостями в доме ЕЖОВА были: ПЯТАКОВ; быв. директор Госбанка СССР — МАРЬЯСИН; быв. зав. иностранным отделом Госбанка — СВАНИДЗЕ; быв. торгпред в Англии — БОГОМОЛОВ; редактор "Крестьянской газеты" — УРИЦКИЙ Семен; КОЛЬЦОВ Михаил; КОСАРЕВ А.В.; РЫЖОВ с женой; Зинаида ГЛИКИНА и Зинаида КОРИМАН»[1].

Опираясь на показания Виктора Бабулина (брата Анатолия), Янсен и Петров попытались проследить связь между Косаревым и супругой Ежова:

«Виктор Бабулин добавил Александра Косарева и студента Индустриальной академии Николая Барышникова к тем, с кем она (Евгения Соломоновна. — Г.Ф.) имела интимные отношения. Бывший комсомольский вожак Косарев (главный редактор журнала Евгении "СССР на стройке") был взят под стражу еще 28 ноября 1938 года и расстрелян 23 февраля следующего года. Он был арестован как участник т.н. "заговора в комсомоле", однако нет никаких доказательств, что его дело было каким-то образом переплетено с Ежовым»[2].

Вадим Роговин подчекивает: деятельность Косарева подверглась суровой критике на Пленуме ЦК ВЛКСМ 19—22 ноября 1938 года. Пытаясь оправдаться, «Косарев ставил себе в заслугу, что ЦК ВЛКСМ "нередко шел впереди НКВД", и приводил многочисленные примеры ареста комсомольских работников "по нашим материалам" и "после нашего следствия"». Несмотря на оправдания, «Пленум освободил от должности Косарева и еще четырех секретарей ЦК ВЛКСМ за "бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)"»[3].

Как отмечает в своих воспоминаниях Акакий Мгеладзе, который в 1930-е годы был одним из руководителей ЦК комсомола Грузии, вопрос о Косареве однажды был поднят им в

---

[1] Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». С.75. См.: http://chss.montciair.edu/english/furr/research/babulinru.pdf.

[2] Jansen and Petrov. P. 185.

[3] В.З.Роговин. *Партия расстрелянных.* — М.: Аргументы и факты, 1997, глава «Комсомол». См.: http://trst.narod.ru/rogovin/t5/xxvi.htm.

одной из приватных бесед со Сталиным, во время которой им было сказано:

«Вопрос о Косареве два раза обсуждался на Политбюро. Проверку материалов поручили Жданову и Андрееву, они подтвердили, что заявление Мишаковой и других соответствуют действительности и материалоы НКВД не вызывают сомнений»[1].

Мгеладзе, считавший, что Косарев был невиновен или оклеветан Берией по личным мотивам, либо же стал жертвой судебной ошибки, тем не менее признавался:

«Я читал стенограмму Пленума ЦК ВЛКСМ, на котором снимали Косарева. И в выступлениях Жданова и Андреева, и в докладе Шкирятова все было настолько обосновано, невозможно было ни в чем усомниться»[2].

Как отмечает Мгеладзе, Сталин далее подчеркнул, что ошибки бывают у всех; особенно много их было допущено в 1937 году, когда пострадало немало честных людей. Но, рассуждая об ошибках, Сталин не считал, что это каким-то образом относится к делу Косарева.

«Расстрельные списки»

А.В.Снегов упомянут в двух «расстрельных списках» и в обоих случаях с приговором по «первой категории» (расстрел): см. список от 7 декабря 1937 года по Ленинградской области[3] и список от 6 сентября 1940 года[4]. Несмотря на все это, Снегов остался жив, был одним из делегатов XX съезда КПСС и умер в глубокой старости в 1970-е годы.

Как указывается в предисловии к Интернет-публикации «расстрельных списков»:

«Многие из тех, чьи имена попали в последние из публикуемых нами списков 1938 г. (эти списки сброшюрованы в 11-й том), были осуждены (и то значительно позднее) не толь-

[1] А.И.Мгеладзе. *Сталин. Каким я его знал.* С. 172.

[2] Там же.

[3] См.: http://stalin.memo.ru/spiski/pg05245.htm

[4] См.: http://stalin.memo.ru/spiski/pgl3026.htm и справку http://stalin.memo.ru/spravki/13-383.HTM.

ко ВК ВС[1], но и другими судебными органами (трибуналами, судами общей юрисдикции). При этом их зачастую приговаривали не к обозначенному в списках расстрелу, а к другим мерам наказания, а иногда даже освобождали. Например, выборочное изучение списка по Куйбышевской области, подписанного 29 сентября 1938 г., показало, что ни один человек из этого списка не был осужден ВК ВС, а значительная часть дел была и вовсе прекращена»[2].

И еще:

«...Из этих 346 человек расстреляли не всех. Например, чекист Г.А.Саламов (бывший секретарь и ближайший сотрудник заместителя наркома внутренних дел В.М.Курского) был осужден к лагерному сроку, выжил и еще в 1989—1990 гг. о нем писала "Правда" как о "невинной жертве сталинских репрессий". Означает ли это, что Ульрих пользовался некоторой свободой в определении меры наказания, даже при том, что Политбюро уже утвердило персональные списки на расстрел, или между утверждением списка и заседанием ВК ВС он получил дополнительные указания — остается только гадать»[3].

Постановления январского (1938) Пленума ЦК ВКП(б)

Комментируя решения январского Пленума ЦК 1938 года, Дж.Гетти и О.Наумов отмечают:

«Так, вина за массовые опустошения в партии (не без некоторых оснований) была возложена на бывших партсекретарей, которые большей частью были уже освобождены от обязанностей...

За последующие месяцы (после январского (1938) Пленума. — *Г.Ф.)* массовые изгнания из партийных рядов прекратились, большое число исключенных было восстановлено в партии, и впервые с 1933 года начался прием новых членов»[4].

---

[1] ВК ВС — Военная коллегия Верховного суда СССР.

[2] См.: http://www.memo.ru/history/vkvs/images/intro.htm.

[3] Там же. Прим. 22.

[4] J.Getty, O.V.Naumov. *The Road to Terror...* P.496—497 (подробнее см. главу 12). См. также: Ю.Н.Жуков. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков.* — М.: ТЕРРА, 2000, глава 2, с.33—55.

Роберт Тэрстон подмечает другие особенности репрессивной политики 1938 года:

«Вышинский "подверг сомнению весь курс на террор". "Без санкции генсека (Сталина. — *Г.Ф.)* Прокуратура никогда бы не предприняла шаги, которые она совершила, чтобы опротестовать и обуздать террор".

Свидетельство Чуянова показывает, что НКВД вышел из-под контроля на местном, если не общесоюзном уровне... Но все собранные здесь доказательства говорят о том, что террор оставил два следа: в одном случае Сталин подталкивал развитие событий, готовил показательные процессы и требовал беспорядочным образом арестовать сотни тысяч людей в 1937 году. С другой стороны, органы," действовавшие не по сталинским директивам, фабриковали дела, пытали людей, и сами стали обособленной властью (выделено мной. — *Г.Ф.)*»[1].

И.А.Бенедиктов тоже высоко оценивает значение решений январского Пленума для обуздания террора:

«Сталин, несомненно, знал о произволе и беззакониях, допущенных в ходе репрессий, переживал это и принимал конкретные меры к выправлению допущенных перегибов, освобождению из заключения честных людей. Кстати, с клеветниками и доносчиками в тот период не очень-то церемонились. Многие из них после разоблачения угодили в те самые лагеря, куда направляли свои жертвы. Парадокс в том, что некоторые из них, выпущенные в период хрущевской "оттепели" на волю, стали громче всех трубить о сталинских беззакониях и даже умудрились опубликовать об этом воспоминания!..

Январский пленум ЦК ВКП(б) 1938 г. открыто признал беззакония, допущенные по отношению к честным коммунистам и беспартийным, приняв по этому поводу специальное постановление, опубликованное, кстати, во всех центральных газетах. Так же открыто, на всю страну говорилось о вреде, нанесенном необоснованными репрессиями, на состоявшемся в 1939 г. XVIII съезде ВКП(б). Сразу же после январского пленума ЦК 1938 г. из мест заключения стали возвращаться тысячи незаконно репрессированных людей, в том числе и видные военачальники. Все они были официально реабилитированы, а кое-кому Сталин принес извинения лично»[2].

---

[1] R.Thurston. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 109, 112.

[2] И.А.Бенедиктов. О Сталине и Хрущеве. // *Моподая гвардия*. 1989, № 4. См.: http://stalinism.newmail.ru/benedikt.htm.

Лев Балаян в книге «Сталин и Хрущев» подчеркивает, что террор не прекратился сам собой, а был остановлен рядом последовательных решений центрального руководства:

«Всего за 1938 год было принято целых шесть постановлений ЦК ВКП(б) по фактам нарушения социалистической законности. Кроме приведенного выше, это были: "Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР" (28 марта), "Об изменении структуры НКВД СССР" (13 сентября), "О структуре НКВД СССР" (23 сентября), "Об учете, проверке и утверждении работников НКВД" (14 ноября), "О порядке согласования арестов" (совместно с СНК СССР 1 декабря). "Тройки" и "двойки" при НКВД были упразднены приказом наркома внутренних дел СССР *(Л.П..Берия. — Л.Б.)* 26 ноября 1938 года»[1].

Балаян продолжает:

«1 февраля 1939 года прокурор СССР А.Я.Вышинский доложил И.В.Сталину и В.М.Молотову, что Главной военной прокуратурой по просьбе секретаря Вологодского обкома выявлены факты особо опасных преступлений, совершенных рядом сотрудников Вологодского УНКВД. Как было установлено, фальсификаторы уголовных дел составляли подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в совершении тягчайших государственных преступлений... Сфабрикованные таким образом дела были переданы на тройку при УНКВД по Вологодской области, и более ста человек были расстреляны... Во время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты»[2].

Данное дело о тягчайшем преступлении против соцзаконности слушалось на закрытом заседании Военного трибунала

---

[1] Л.А.Балаян. *Сталин и Хрущев*. См. глава «"Большой скачок" Никиты Хрущева»: http://www.stalin.su/book.php?action=header&id=6. Говоря об упразднении «троек», Балаян ссылается на сборник «Расправа. Прокурорские судьбы» (М.: Юр. лит., 1990, с.314) и ошибочно указывает дату 26 ноября 1938 года. На самом деле постановление имеет дату 17 ноября 1938 года (см.: *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД*. Док. №362, с.607—611. Там же опубликованы все другие постановления за исключением постановления от 12 марта): док. № 340, с.548—549; док. № 345, с.554—555; док. № 360, с.604—606.

[2] Документ опубликован в: *Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг.* / Сост. А.В.Квашонкин и др. — М.: РОССПЭН, 1999, док. 239, с.398—400.См.:http://chss.montclair.edu/english/furr/research/vyshinsky_stalinfeb0139.html.

Ленинградского военного округа в присутствии узкого состава оперативных работников Вологодского управления НКВД и вологодской прокуратуры. Обвиняемые Власов, Лебедев и Роскуряков как инициаторы и организаторы данных вопиющих преступлений были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, а остальные семь их подельников — к длительным срокам лишения свободы. И таких вот власовых, лебедевых и роскуряковых было по всей стране 11 842 репрессированных негодяя, которых даже в пору безоглядного горбачевского всепрощенчества пресловутая комиссия Александра Яковлева не сочла возможным реабилитировать. На совести именно этих фальсификаторов уголовных дел, обвиненных в необоснованных массовых арестах, применении незаконных методов следствия, которым даже полвека спустя было отказано в реабилитации по Указу Верховного Совета Союза ССР от 16 января 1989 года, — лежит ответственность за те самые "тысячи и тысячи невинно репрессированных", которых Хрущев, а затем и его выдвиженец и выученик Горбачев благополучно "навесили" на покойного И.В.Сталина»[1].

Янсен и Петров пишут о другом из таких фальсификаторов — А.И.Успенском, который с января 1938 года стал правой рукой Хрущева в проведении репрессий на Украине:

«Утверждение, что руководители местных управлений НКВД молчаливо сопротивлялись Ежову и что Ежов лишь под угрозой ареста вынуждал их проводить массовые операции, противоречит показаниям другого участника конференции — начальника Оренбургского УНКВД А.И.Успенского (полученные от него во время следствия в апреле 1939 года). По его словам, они "пытались опередить друг друга с отчетами о гигантском количестве арестованных". Конечно, Успенский ошибался, когда говорил о взятых под арест, поскольку на конференции речь шла о квотах на будущие аресты в каждой из областей. По утверждению Успенского, в ежовской инструкции значилось: "Бей, уничтожай без разбора"; Успенский цитирует слова Ежова, сказанные по поводу уничтожения врагов, что "какое-то число невинных будет тоже истреблено" но это "неизбежно". В двух других источниках приводится похожая формулировка: Ежов объявил, что "если в ходе

---

[1] Л.А.Балаян. *Цит. соч.* См.: http://www.stalin.su/book.php?action=header&id=6.

операции будет расстреляна лишняя тысяча, большой беды в том не будет".

Во время конференции (НКВД 16 июля 1937 года. — *Г.Ф.)* Ежов и Фриновский беседовали с каждым из приехавших начальников УНКВД, обсуждая запрашиваемые ими квоты на аресты и казни и инструктируя их по поводу мероприятий, связанных с подготовкой и проведением операции. Миронов проинформировал Ежова о «правотроцкистском блоке», раскрытом в руководстве Западно-Сибирского края. Когда он сказал о неубедительности улик против некоторых из задержанных, Ежов возразил: "Ты почему не арестовываешь их? Мы не собираемся работать для тебя, сажать их в тюрьму, затем рассортировывать, отделяя тех, против кого нет улик. Действуй смелее, я уже неоднократно говорил тебе". Он добавил, что с согласия Миронова в некоторых случаях начальники отделов могут применять "физические меры воздействия". Когда Успенский спросил Ежова, что делать с 70-летним арестантом, тот отдал приказ расстрелять его...

Успенский был удивлен и встревожен его (Ежова. — *Г.Ф.)* пьяными разговорами за столом. Во время поездки (по Украине.— *Г. Ф.*) Ежов непрерывно пил, хвастаясь Успенскому, что держит Политбюро "в руках" и может делать буквально все, арестовать любого, включая самих членов Политбюро»[1].

Алексей Наседкин, б. начальник Смоленского УНКВД, с мая 1938 года — нарком внутренних дел БССР, описывал происходящее на конференции НКВД в январе 1938 года следующим образом:

«Ежов одобрял деятельность тех руководителей НКВД, которые приводили "астрономические" цифры на репрессированных, такие, как, например, начальник Западно-Сибирского УНКВД, отчитавшийся об аресте 55 000 чел., Дмитриев из Свердловской области — о 40 000, Берман из Белоруссии — о 60 000, Успенский из Оренбурга — о 40 000, Люшков с Дальнего Востока — о 70 000, Реденс из Московской области — о 50 000[2]. Каждый из руководителей НКВД Украины назвал от 30 000 до 40 000 арестованных. Заслушав цифры, Ежов в своих заключительных замечаниях похвалил всех "отличивших-

---

[1] Jansen, Petrov. P.84—85, 133.

[2] Напомним: Реденс и Хрущев состояли в одной и той же тройке.

ся" и объявил, что эксцессы, несомненно, случались то здесь, то там, например, в Куйбышеве, где по указаниям Постышева Журавлев пересажал весь партийный актив области. Но тотчас добавил, что "в таких масштабных операциях ошибки неизбежны"»[1].

«Банда Берии»

Р.Тэрстон подробно пишет о том, как Хрущев исказил то, что случилось в действительности, когда Берия стал во главе НКВД:

«Хрущев тогда утверждал, что органы свободно практиковали пытки, и при Берии их масштабы даже возросли. Нельзя считать, что само такое утверждение заслуживает доверия, поскольку одна из целей хрущевского доклада состояла в том, чтобы изобразить Берию как заклятого врага и политического противника, показавшего себя с наихудшей стороны после смерти Сталина.

Представление Берии в отрицательном свете... стало результатом неправомерно отброшенных свидетельств из первых рук о том, что случилось, когда он пришел на смену Ежову. Согласно комментариям смоленского адвоката Бориса Меньшагина, Берия "сразу продемонстрировал удивительный либерализм". Аресты "упали практически до нуля", как отмечал местный житель Александр Вейссберг... взамен началось проведение новой и улучшенной политики. В 1939—1941 годах политические репрессии резко пошли на спад...

В конце 1938 года заключенным в тюрьмах и лагерях вернули имевшиеся при Ягоде и отнятые при Ежове права на обладание книгами, на шахматы и другие игры... Теперь следователи стали обращаться вежливо на "вы" вместо снисходительно-фамильярного "ты"... Вопреки хрущевским заявлениям, пытки вновь стали исключением... Р.В.Иванов-Разумник, Мария Иоффе, Абдурахман Авторханов, как и ряд других заключенных, отметили, что физические методы — там, где они еще существовали, — прекратили применяться после того, как Берия взял "органы" под свой контроль.

---

[1] *Там же.* P.131.

При Берии чистка прокатилась по НКВД, что привело к отстранению большинства ежовских заместителей, а также руководителей более низкого уровня»[1].

Как отмечается в докладе Поспелова, за 1939—1940 годах число арестов по сравнению с 1937—1938 годами сократилось более чем на 90%:

Годы	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Арестовано	114 456	88 873	918 671	629 695	41 627	127 313
Из них расстреляно	1229	1118	353 074	328 618	2601	1863

Как следует из таблицы, число казней в 1939—1940 годах упало ниже 1% от уровня 1937—1938 годов[2]. После отставки Ежова во второй половине ноября 1938 года[3] НКВД возглавил Берия, и, таким образом, временной отрезок с 1939 года приходится как раз на тот период, когда все бразды правления «органами» были сосредоточены в его руках.

«Шифротелеграмма о пытках»

Дж.А.Гетти обнаружил оригинал телеграммы, очень похожей на ту, что Хрущев огласил на XX съезде КПСС:

«В ходе данного исследования мы обнаружили знаменитую директиву Сталина 1939 года о "физических методах" ведения допросов, упомянутую Хрущевым в 1956 году в его "закрытом докладе" (См.: Реабилитация: Политические процессы 30—50 годов. / Под ред. И.В.Курилова, Н.Н.Михайлова и В.П.Наумова.— М.: Политиздат, 1991, с.40). Датированная 27 июля (не 10 июля [ошибка, правильно надо 10 января. — Г.Ф.] по Хрущеву) она представляет собой телеграмму Сталина к секретарям всех областей. В ней имеется ссылка на все еще не найденное разрешение на применение в исключительных случаях физических методов. Интересно, что телеграмма написана после смещения Н.И.Ежова, и в отрывке, выброшен-

---

[1] R.Thurston. *Life and Terror*... P. 118.

[2] *Реабилитация: Как это было. Том 1.* С.317. См. также: http://www.idf.ni/2/7.shtml.

[3] *Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД.* Док.363, с.611.

ном Хрущевым, подручные Ежова обвиняются в неумеренном использовании пыток, "превращении их из исключения в правило"»[1].

Вот полный текст шифротелеграммы от 10 января 1939 года (фрагмент, процитированный в докладе Хрущева, выделен полужирным шрифтом):

«ШИФРОМ ЦК ВКП(б)

СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИЙ, НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов, крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. **ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП.** При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается самый метод, поскольку он правильно применяется на практике. **Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязатель-**

---

[1] J.A.Getty. "Excesses Are Not Permitted." // *The Russian Review*. Vol. 61 (January 2002), p.114 n.45.

но применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(Б) И. СТАЛИН»[1].

Вопрос о допустимости «физических методов» обсуждался на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС:

«**Хрущев.** Хочу дать одну справку. Каганович и Молотов, очевидно, не откажутся подтвердить, что у нас был такой разговор. Накануне XX съезда или после съезда, по-моему, Каганович сказал, что есть документ, где все расписались о том, чтобы бить арестованных. Каганович предложил этот документ изъять и уничтожить. Дали задание Малину найти этот документ, но его не нашли, он уже был уничтожен. Был такой разговор?

Каганович. Я действительно вспомнил, когда обсуждали вопрос о культе личности, я вспомнил об этом документе и сказал о нем сам, никто меня не вынуждал, что есть такой документ, что его надо найти. Слово "уничтожить" я не употреблял.

Голос. Зачем найти?

Каганович. Посмотреть. Я это говорил как раз в подтверждение культа личности. Какой смысл мне было вспоминать об этом документе, где есть и моя подпись?

Хрущев. Ты опасался, что другие найдут этот документ.

Каганович. Это толкование неправильное. Я говорил в подтверждение того, что у нас были извращения. Слово "уничтожить" — это уже прибавлено.

Хрущев. Каганович говорит неправду, лжет. Мною ничего не добавлено. Мы дали задание найти этот документ, но его не нашли, он уже уничтожен.

Каганович. А зачем мне вспоминать о нем?

Голос. Другие могли бы вспомнить.

Каганович. Ничего подобного, я сам сказал, что есть такой документ и надо его найти.

---

[1] Цит. по: *Доклад Н.СХрущева...* С.223—224.

Хрущев. Ты тогда даже рассказывал, в какой обстановке писали это решение и кто подписывал.

Каганович. Да, я рассказал. Сидели все тут же, на заседании, документ был составлен от руки и подписан всеми.

Хрущев. Кем?

Ворошилов. Я никогда такого документа не только не подписывал, но заявляю, что если бы что-нибудь подобное мне предложили, я бы в физиономию плюнул. Меня били по тюрьмам, требуя признаний, я не признавался, как же тут я мог такого рода документ подписать? А ты говоришь: мы все сидели. Все подписали. Так нельзя, Лазарь Моисеевич. *(Аплодисменты.)*

Каганович. Если память мне не изменяет, я припоминаю, что такой документ был официально разослан обкомам партии. Давайте поищем.

Хрущев. Такая телеграмма действительно была разослана. А я говорю о другом документе. Ты расскажи, как вы сидели, как это было написано. Ты говоришь: мы все подписались. Кто все? Я не знаю.

Каганович. Не помню точно.

Хрущев. Молотов подписывал?

Каганович. Подписывал.

Хрущев.: Кто написал этот документ?

Каганович. Написан он был рукой Сталина. Есть документ, который разослан всем обкомам партии.

Голоса. Это другой документ, все знаем его.

Хрущев. Но подлинник уничтожен?

Молотов. Та телеграмма о применении физических мер воздействия к шпионам и т.п., о которой сейчас говорится, была разослана всем членам ЦК и всем обкомам.

Малин. Подлинника в архиве ЦК нет, он уничтожен. Телеграмма в копии, посланная в обкомы, есть.

Аристов. Нашли только в одном обкоме партии, в Дагестанском.

Жуков. Кто подписал?

Малин. Сталин.

Хрущев. Все помнят этот документ, все получали.

Молотов. Там говорится о мерах физического воздействия в отношении шпионов, вредителей.

Лебедев. Выходит, что все партийные работники, посаженные в тюрьмы, оказались шпионами.

Молотов. Как известно, и меня подозревали»[1].

И.А.Бенедиктов подтверждает, что в 1950-е годы множество документов по указанию Хрущева было уничтожено:

«Компетентные люди говорили мне, что Хрущев дал указание уничтожить ряд важных документов, относящихся к репрессиям 30-х и 40-х гг. В первую очередь он, конечно же, стремился скрыть свою причастность к беззакониям в Москве и на Украине, где, выслуживаясь перед Центром, погубил немало безвинных людей. Одновременно уничтожались и документы другого рода, документы, неопровержимо доказывавшие обоснованность репрессивных акций, предпринятых в конце 30-х гг. против некоторых видных партийных и военных деятелей. Тактика понятная: выгородив себя, свалить всю вину за беззакония на Сталина и "сталинистов", со стороны которых Хрущев усматривал основную угрозу своей власти»[2].

По инструкциям Берии Родос истязал Косиора и Чубаря

Как явствует из рабочей протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС от 1 февраля 1956 года, стоявший в повестке дня вопрос «О деле Родоса» был использован Хрущевым для огульного «обстрела культа личности»:

«О ДЕЛЕ РОДОСА.

Руденко, Молотов, Каганович, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Первухин, Сабуров (задает ряд вопросов), *Микоян, Маленков, Поспелов, Суслов, Серов, Хрущев.*

Молотов.— Как ведет себя сейчас Родос?

Хрущев. — Знает Родос о реабилитации людей.

Вопрос т. Хрущева [Родосу]. Расскажите в отношении тт. Постышева, Косиора, как вы их объявляли врагами.

---

[1] Молотов, Маленков, Каганович. 1957.Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС *и другие документы. I* Под ред. акад. А.Н.Яковлева. — М.: МФД, 1998, с. 121—122.

[2] И.А.Бенедиктов. О Сталине и Хрущеве. // *Молодая гвардия,* 1989, № 4. См.: http://stalinism.newmail.ru/benedikt.htm.

Хрущев. — Виноваты повыше. Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноват Сталин.

Аристов. — Т. Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?

Аристов. — Эйхе до последнего времени отказывался, а его все-таки расстреляли.

Хрущев. — Ежов, наверное, не виноват, честный человек...

Хрущев. — Ягода, наверное, чистый человек. Ежов, [наверное, чистый человек]. В основном правильно высказывались. Надо решить в интересах партии. Сталин — преданный делу социализма, но вел варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял. На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию — отвести Сталину свое место (почистить плакаты, литературу). Взять — Маркса — Ленина.

Хрущев. — Усилить обстрел культа личности»[1].

В тот же день Президиум ЦК КПСС постановил:

«№ 185. П. I — О ДЕЛЕ РОДОСА Б.В. (ТТ. ХРУЩЕВ, РУДЕНКО, СЕРОВ, МОЛОТОВ, МИКОЯН, КАГАНОВИЧ, ВОРОШИЛОВ, БУЛГАНИН, МАЛЕНКОВ, ПЕРВУХИН, САБУРОВ, СУСЛОВ, АРИСТОВ, ПОСПЕЛОВ).

Родоса Б.В. предать суду, его дело слушать в закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР»[2].

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «СТАЛИН И ВОЙНА»

Сталин «не принял во внимание» предупреждения о начале войны

Размышляя на тему внезапности нападения, Главный маршал авиации А.Е.Голованов полагал, что несправедливо возлагать всю ответственность на одного-единственного человека:

«Всю ответственность за внезапность неожиданного по времени нападения Гитлера на нашу страну мы возлагаем на

---

[1] Реабилитация: Как это было. Том 1. С.308—309.

[2] Там же. С.310.

И.В.Сталина, ибо он стоял во главе государства, хотя к этому имеют прямое отношение и С.К.Тимошенко — как нарком обороны, и Г.К.Жуков — как начальник Генерального штаба, и ряд других товарищей. К ним, как известно, каких-то особых претензий не предъявляется. Точно так же правомерно говорить и о стратегических, имеющих мировое значение победах и относить их тоже на счет тех людей, которые стояли во главе тех или иных кампаний или войны в целом и отвечали за их исход. Это логика. Великую всемирно-историческую победу во Второй мировой войне одержали страна, партия и армия, руководимые Сталиным»[1].

Вадим Кожинов, пытаясь разобраться в причинах предвоенных ошибок и упущений руководства СССР, отмечает:

«Если беспристрастно вдуматься, просчеты и Сталина, л Рузвельта имеют всецело убедительное объяснение. Сообщения разведки всегда в той или иной степени противоречивы, ибо она черпает их из самых разных — нередко дезинформирующих — источников. Не так давно был издан сборник документов под названием "Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г.", из которого явствует, что в это время Сталин получал весьма различные сообщения — в том числе и дезинформирующие, — в особенности сообщения, согласно которым Германия (как и полагал Сталин) намерена, прежде нападения на СССР, захватить Великобританию. Один из тогдашних руководителей разведки, генерал П.А.Судоплатов, впоследствии отметил; "Особое внимание заслуживала информация трех *надежных (выделено Кожиновым. — Г.Ф.)* источников из Германии; руководство Вермахта решительно возражало против войны на два фронта".

Недоверие к сообщениям разведки о германском нападении вызывала также и разноголосица в содержащихся в них датировках начала войны: "...называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня... Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, Сталин... окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 г. на СССР..."

---

[1] Цит. по: Андрей Казанцев. 22 июня — два блицкрига. // Nakanune.ru 22.06.2005, см: http://www.nakanune.ru/articles/22_ijunia_dva_blickriga.

В 1960-х годах и позже многие авторы с крайним возмущением писали, например, о том, что никто не поверил поступившему ровно за неделю до начала войны сообщению обретшего впоследствии всемирную известность разведчика Рихарда Зорге, в котором указывалась совершенно точная дата германского нападения — 22 июня. Однако этому нельзя было поверить после ряда «несбывшихся» дат, сообщенных источниками, которые считались «надежными» (кстати, сам Зорге сначала сообщил, что нападение состоится в мае). И теперешние «аналитики», знающие, — как и весь мир, — что война началась именно 22 июня, и потому негодующие на Сталина, пренебрегшего точной информацией Зорге, отправленной 15 июня, предстают как по меньшей мере наивные люди...»[1]

Множество дат начала войны в донесениях советской разведки не было случайностью: сейчас историкам хорошо известно вышедшее за подписью Кейтеля «Указание штаба оперативного руководства ОКБ о мероприятиях по дезинформации»[2], поощрявшее распространение всяких фантазий как о сроках агрессии, так и численности Германской армии и направлении главного удара. Что касается Зорге, его знаменитая телеграмма с «точной датой» нападения Германии на СССР оказалась «фальшивкой, появившейся в хрущевские времена»[3].

Маршал К.А.Мерецков, начальник Генштаба в июне 1941 года, так характеризовал обстановку накануне германского нападения:

«Поскольку в самом начале войны Англия и США стали нашими союзниками по антигитлеровской коалиции, большинство лиц, критически рассуждающих ныне о тогдашних решениях нашего руководства, машинально оценивает их лишь в плане советско-германской войны и тем самым допуска-

---

[1] В.В.Кожинов. *Россия. Век XX (1939—1964) Опыт беспристрастного исследования.* — М.: Алгоритм, 1999, с.73—74. См. также: http://www.hronos.km.ru/libris/kozh39_1_2.html.

[2] *1941 год. Документы. В 2-х кн. Кн. 1.* — М.: МФД, 1998, с. 661—664. См. также: http://history.tuad.nsk.ru/works/1941/vol1/0141-1.html#doc279

[3] 22 июня 1941 года. Могло ли все быть по-иному? // *Красная Звезда.* 2001, 16 июня. См.: http://www.redstar.ru/2001/06/16_06/4_01.html. Анализ донесений Зорге см. в главке «Группа "Рамзай" информирует. 1941 год» в: Горбунов Е.А. *Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке.* — М.: Вече, 2002. http://militera.lib.ru/research/gorbunov_ea/05.html.

ет ошибку. Ситуация же весной 1941 года была чрезвычайно сложной. В то время не существовало уверенности, что не возникнет антисоветской коалиции капиталистических держав в составе, скажем, Германии, Японии, Англии и США. Гитлер отказался в 1940 году от высадки армии в Англии. Почему? Сил не хватило? Решил разделаться с ней попозже? Или, может, велись тайные переговоры о едином антисоветском фронте? Было бы преступным легкомыслием не взвешивать всех возможных вариантов. Ведь от правильного выбора политики зависело благополучие СССР. Где возникнут фронты? Где сосредоточивать силы? Только у западной границы? Или возможна война и на южной границе? А каково будет положение на Дальнем Востоке? Это многообразие путей возможных действий при отсутствии твердой гарантии, что в данном случае удастся сразу нащупать самый правильный путь, дополнительно осложняло обстановку»[1].

Маршал Г.К.Жуков — один из тех, кто, по словам маршала авиации Голованова, должен нести ответственность за неудачи начального этапа Великой Отечественной войны, — попытался критически осмыслить произошедшее:

«Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношениях делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств»[2].

Различные мнения по поводу причин поражения советских Вооруженных сил в начальный период войны сохранялись десятилетия спустя после июня 1941 года. Вот что, к примеру, думал по этому поводу маршал А.М.Василевский:

«Как известно, для осуществления плана нападения на Советский Союз германское командование выделило 152 дивизии, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, что составляло 77 процентов общей численности действующих

---

[1] К.А.Мерецков. *На службе народу*. — М.: Политиздат, 1968. См.: http://militera.lib.ru/memo/russian/meretskov/16.html.

[2] Г.К.Жуков *Воспоминания и размышления. В 2 тт.* — М.. ОЛМА-ПРЕСС, 2002, том 1, гл. 9. См.: http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukovl/09.html

немецких войск; страны — сателлиты Германии выставили против СССР 29 дивизий, а всего на границах СССР были сосредоточены 181 дивизия и 18 бригад, 48 тысяч орудий и минометов, около 2800 танков и штурмовых орудий и 4950 самолетов. Общая численность составляла 5 500 000 человек, из них 4 600 000 немцев.

Какой силы, спрашивается, нужны были на границе с нашей стороны войсковые эшелоны, которые в состоянии были бы отразить удары врага указанной выше силы и прикрыть сосредоточение и развертывание основных Вооруженных сил страны в приграничных районах? По-видимому, эта задача могла быть посильной лишь только главным силам наших Вооруженных сил, при обязательном условии своевременного их приведения в боевую готовность и с законченным развертыванием их вдоль наших границ до начала вероломного нападения на нас фашистской Германии».

В комментарии, составленном в 1965 году, т.е. уже после смещения Хрущева, Жуков подчеркнул:

«Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году. Г. Жуков. 6.XII.65 г.»[1].

Вообще, многие из хрущевских упреков на поверку легко повернуть против самого докладчика. Вот что по этому поводу пишет Вадим Кожинов:

«Стремясь в 1956 году дискредитировать своего соперника в борьбе за верховную власть Маленкова, Хрущев невольно дискредитировал самого себя. Ведь к 22 июня он уже три с половиной года — с января 1938-го — был полновластным «хозяином» в Киеве и на всей Украине (кстати, граничившей с сентября 1939-го с Германией!), но, оказывается, не удосужился заготовить хотя бы винтовки!.. Так что одно из двух: либо Хрущев в действительности вовсе не внимал тем "красноречивым доказательствам", о которых упомянул в 1956 году, либо никак не реагировал на эти "доказательства" в практическом

---

[1] Цит. по: Ю.А.Горьков. *Кремль. Ставка. Генштаб.* — Тверь, 1995, гл. 4, с.68. См.: http://militera.lib.ru/research/gorkov2/04.html.

плане (ведь уж винтовки-то первый секретарь ЦК Украины и член Политбюро мог бы своевременно заготовить...)»[1].

Рассказ Хрущева про «нехватку» вооружения для призывников — один из примеров, способных опорочить главным образом самого докладчика:

«К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов. Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами»[2].

Однако, по словам маршала А.М.Василевского, все происходившее описано неточно:

«...Верховный главнокомандующий сказал, что примет все меры для того, чтобы оказать Юго-Западному фронту помощь, но в то же время просил их рассчитывать в этом вопросе больше на себя.

— Было бы неразумно думать, — говорил он, — что вам подадут все в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армиях запасные части, приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов, пошевеливайтесь как следует, и вы увидите, что можно многое создать для фронта в самой Украине. Так поступает в настоящее время Ленинград, используя свои машиностроительные базы, и он во многом успевает, имеет уже большие успехи. Украина могла бы сделать то же самое. Ленинград успел уже наладить производство эресов. Это очень эффективное оружие типа миномета, которое буквально крошит врага. Почему бы и вам не заняться этим делом?

Кирпонос и Хрущев передали:

— Товарищ Сталин, все ваши указания будут нами проводиться в жизнь. К сожалению, мы не знакомы с устройством эресов. Просим вашего приказания выслать нам один образец эреса с чертежами, и мы организуем у себя производство.

---

[1] В.В.Кожинов. *Россия. Век XX...* С.75. См.: также: http://www.hrono.ru/libris/kozh39_1_2.html.

[2] О культе личности... // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, с.147.

Последовал ответ:

— Чертежи есть у ваших людей, и образцы имеются давно. Но виновата ваша невнимательность к этому серьезному делу. Хорошо, я вышлю вам батарею эресов, чертежи и инструкторов по производству... Всего хорошего, желаю успеха»[1].

Свидетельства об измене генерала Д.Г.Павлова

Из «Постановления 3-го Управления НКО СССР на арест Павлова Д.Г.» от 5. июля 1941 года, санкционированного Прокурором СССР В.М.Бочковым и утвержденного наркомом обороны маршалом С.К.Тимошенко:

«Будучи командиром 4-й мехбригады, Павлов пользовался неизменным покровительством Уборевича и всю свою работу строил в угоду ему.

Павлов был тесно связан с врагами народа — Уборевичем, Рулевым (быв. нач. АБТ войск БВО), Бобровым (быв. нач. штаба БВО), Карпушиным (быв. пом. нач. штаба БВО), Мальцевым (быв. нач. отдела БВО).

Арестованные участники антисоветского военного заговора, быв. начальники Разведуправления РККА Урицкий, Берзин, быв. командующий БВО Белов, быв. нарком Военно-морского флота Смирнов и быв. нач. штаба 21-й мехбригады Рожин изобличают Павлова как участника этого заговора.

Арестованный Урицкий показал:

"Особую энергию в направлении в Испанию своих людей — заговорщиков проявил Уборевич, преследуя при этом помимо целей проведения там подрывной работы выведение из-под удара особо активных заговорщиков ввиду угрожавшего им здесь провала.

Из активных заговорщиков по рекомендации Уборевича при моем активном участии был направлен Павлов, которому я дал указание создать в Испании танковые части с участием испанцев, возглавив их участниками заговора, имея целью использовать эти части для свержения республиканского правительства.

---

[1] А.М.Василевский. *Дело всей жизни.* 3-е изд. — М.: Политиздат, 1978, гл.11, см: http://www.victdry.mil.ru/lib/books/memo/vasilevsky/11.html.

В составе группы Павлова было несколько взятых из БВО заговорщиков, и он должен был проводить свою работу, опираясь на них.

Находясь в Испании, Павлов имел регулярную переписку с Уборевичем, посылая некоторые письма ему через меня, а некоторые — через нарочных.

В марте 1937 г. я получил информацию о заговорщической работе от Павлова, в которой он довольно подробно описывал свою предательскую работу: он создал из иностранных троцкистов и части анархистов одну танковую роту, имея, кроме того, своих людей в остальных подразделениях испанского батальона, создал заговорщические связи в ряде бригад Центрального фронта, в частности, среди коммунистов-командиров.

Павлов настаивал на присылке новой материальной части для создания новых частей, находящихся под влиянием заговорщиков, для этого же он просил дополнительно присылки заговорщиков из Советского Союза.

...В ответ на это письмо я послал Павлову через заговорщика Воробьева письмо, в котором, одобряя его предательскую работу, рекомендовал расширять заговорщические связи, не ограничивая их троцкистами и анархистами, а привлекать и социалистов".

Арестованный Берзин показал:

"При моем отъезде из Москвы в 1936 г. мне Фельдман и Урицкий, называя членов контрреволюционной организации, посланных советниками в Испанию по линии танковых войск, называли Кривошеина, но тут же указали, что танковая группа будет увеличена, что Кривошеин для большого дела мало подходит и что, возможно, будет Павлов из БВО, которого рекомендует Уборевич как члена контрреволюционной организации. Тут же было указано, что Павлова знают находящиеся в Испании советники-«белорусы», в частности Мерецков, и что мне выгодно будет держать с Павловым связь через Мерецкова.

...По приезде Павлова в Испанию меня с ним познакомил Мерецков, представив как «нашего боевого командира и «белоруса», прошедшего хорошую школу Иеронима Петровича (Уборевича)». Я Павлова спросил, инструктировали ли его в Москве Фельдман и Урицкий и в курсе ли он дела, на что он

ответил, что информирован достаточно как в Москве, так и здесь Мерецковым и Кривошеиным и что «все понятно».

Тогда я заявил, что в дальнейшем ему связь придется держать с Мерецковым.

Впоследствии через Мерецкова я дал Павлову указание продолжить вредительскую работу, которую ранее вел Кривошеин, как в области подготовки экипажей, выпуская на фронт необученные экипажи, так и в боевом использовании танковых частей, что он и выполнил".

Арестованный Белов показал:

"Разговорившись с Булиным об участниках военного заговора, завербованных Уборевичем и Булиным по Белорусскому военному округу, в числе многих других была названа фамилия Павлова. Считая необходимым установить личную политическую связь с Павловым, я по телефону попросил его приехать при первой возможности в БВО...

Встретившись на учении, мы имели широкую возможность с Павловым разговаривать. В этом разговоре я сказал Павлову, что мне известно о его участии в военном заговоре. Павлов это подтвердил: Я рассказал Павлову обстановку, в которой работают участники военного заговора, подчеркнув, что для многих из них арест неизбежен, и просил Павлова в пределах его возможности поддерживать некоторых работников, в частности Рулева (быв. нач. АБТ войск БВО). Павлов мне дал на эта свое обещание"»[1].

Николай Добрюха и Юрий Мухин цитируют объяснения (12.07.1941) бывшего старшего советника в Испании К.А.Мерецкова, в которой будущий Маршал Советского Союза сообщает:

«...Уборевич меня информировал о том, что им подготовлена к отправке в Испанию танковая бригада и принято решение командование бригадой поручить Павлову.

Уборевич при этом дал Павлову самую лестную характеристику, заявив, что в мою задачу входит позаботиться о том, чтобы в Испании Павлов приобрел себе известность в расчете на то, чтобы через 7—8 месяцев его можно было сде¬

---

[1] *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Книга I. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года.* — М.: Русь, 2000, с.211—212.

лать, как выразился Уборевич, большим танковым начальником. В декабре 1936 г., по приезде Павлова в Испанию, я установил с ним дружеские отношения и принял все меры, чтобы создать ему боевой авторитет. Он был назначен генералом танковых войск Республиканской армии. Я постарался, чтобы он выделялся среди командиров и постоянно находился на ответственных участках фронта, где мог себя проявить с лучшей стороны...»[1].

Из «Протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда по делу Павлова Д.Г., Климовских В.Е., Григорьева А.Т. и Коробкова А.А.» от 22 июля 1941 года:

«**Председательствующий** *(В.В.Ульрих. — Г.Ф.)*. На лд 86 тех же показаний от 21 июля 1941 года вы говорите: "Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, указывая неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы Германской армии хуже нам от этого не будет". Такой разговор у вас с Мерецковым был?

Подсудимый *(Д.Г.Павлов. — Г.Ф.)*. Да, такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

Председательствующий. Кому это "нам хуже не будет"?

Подсудимый. Я понял его, что мне и ему.

Председательствующий. Вы соглашались с ним?

Подсудимый. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват...

Председательствующий. На предварительном следствии (лд 88, том 1) вы дали такие показания: "Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10.

---

[1] Ю.И.Мухин. Убийство Сталина и Берия: Научно-историческое расследование. — М.: Крымский мост, 2002. См. также: http://www.sovnarkom.ru/BOOKS/MUHIN/STALIN_1/muhin_st_05.htm. Н.Добрюха. Как начиналась война. История невыполненных приказов. // *Независимая газета. Субботник НГ*. 2001, 30 июня. См.: http://saturday.ng.rU/time/2000-06-17/l_how-the-war-begun.html.

Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей". Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства»[1].

Донесение Воронцова

В статье «Военные разведчики докладывали...», опубликованной в «Военно-историческом журнале» в 1992 году, приводится полный текст донесения Воронцова. Наиболее важная часть документа, выпущенная в докладе Хрущева, выделена полужирным шрифтом:

«Сов. секретно
6 мая 1941 г.
№ 48582сс
ЦК ВКП(б)
Тов. СТАЛИНУ И.В.

Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:

Советско-подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что, со слов одного германского офицера из Ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах.

Попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту **информацию пока результатов не дала, т.к. Бозер от этого уклонился. Работа с ним и проверка сведений про-**

---

[1] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Док. №437, с383—384.

должаются. Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР.

Адмирал КУЗНЕЦОВ»[1].

Германский перебежчик

В «Сообщении УНКГБ по Львовской области в НКГБ УССР о задержании немецкого перебежчика, давшего показания о готовящемся в ночь на 22 июня 1941 г. нападении Германии на СССР» говорится:

«22 июня 1941 г.

Перешедший границу в районе Сокаля немецкий ефрейтор показал следующее: фамилия его Дисков Альфред Германович, 30 лет, рабочий, столяр мебельной фабрики в г. Кольм¬берг (Бавария), где оставил жену, ребенка, мать и отца.

Ефрейтор служил в 221-м саперном полку 15-й дивизии. Полк расположен в селе Целенжа, что в 5 км севернее Сокаля. В армию призван из запаса в 1939 г.

Считает себя коммунистом, является членом Союза красных фронтовиков, говорит, что в Германии очень тяжелая жизнь для солдат и трудящихся.

Перед вечером его командир роты лейтенант Шульц заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнет переход Буга на плотах, лодках и понтонах.

Как сторонник Советской власти, узнав об этом, решил бежать к нам и сообщить.

ЦА ФСБ России»[2].

Из доклада начальника 90-го пограничного отряда майора М.С.Бычковского о показаниях А.Лискова (июнь 1941 года):

---

[1] Военно-исторический журнал. 1992, № 2, с.39—40. Документ цитируется и подробно исследуется в: И.В.Пыхалов. *Великая оболганная война*. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2005, с.234—239. См. также: http://militera.lib.ru/re?earch/pyhaIov_i/08.html.

[2] Органы государственной безопасности СССР... Док. № 287, с.38. В примечании к документу редакторы отмечают, что данное сообщение было передано по телефону 22 июня 1941 г. в 3 час. 10 мин.

«21 июня в 21.00 на участке Сокальской комендатуры был задержан солдат, бежавший из Германской армии, Лисков Альфред. Так как в комендатуре переводчика не было, я приказал коменданту участка капитану Бершадскому грузовой машиной доставить солдата в г.Владимир в штаб отряда.

В 0.30 22 июня 1941 г. солдат прибыл в г.Владимир-Волынск. Через переводчика примерно в 1 час ночи солдат Лисков показал, что 22 июня на рассвете немцы должны перейти границу. Об этом я немедленно доложил ответственному дежурному штаба войск бригадному комиссару Масловскому. Одновременно сообщил по телефону лично командующему 5-й армией генерал-майору Потапову, который к моему сообщению отнесся подозрительно, не приняв его во внимание. Я лично твердо также не был убежден в правдивости сообщения солдата Лискова, но все же вызвал комендантов участков и приказал усилить охрану госграницы, выставить специально слухачей к р.Буг и в случае переправы немцев через реку уничтожить их огнем. Одновременно приказал, если что-нибудь подозрительное будет замечено (движение какое-либо на сопредельной стороне), немедленно докладывать мне лично. Я находился все время в штабе.

Коменданты участков в 1.00 22 июня доложили мне, что ничего подозрительного на сопредельной стороне не замечено, все спокойно. Ввиду того что переводчики в отряде слабые, я вызвал из города учителя немецкого языка, отлично владеющего немецким языком, и Лисков вновь повторил то же самое, то есть что немцы готовятся наступать на СССР на рассвете 22 июня 1941 г. Назвал себя коммунистом и заявил, что прибыл специально предупредить по личной инициативе. Не закончив допроса солдата, услышал в направлении Устилуг (первая комендатура) сильный артиллерийский огонь. Я понял, что это немцы открыли огонь по нашей территории, что и подтвердил тут же допрашиваемый солдат. Немедленно стал вызывать по телефону коменданта, но связь была нарушена.

Начальник 90-го пограничного отряда
майор *Бычковский*.

РГВА, ф.32880, оп.5, д.279, л.2. Копия»[1].

---

[1] *Там же.* Док.342, с.132—133.

В книге М.И.Бурцева сообщаются некоторые дополнительные подробности произошедшего:

«21 час. В районе Сокаль на нашу сторону переходит немецкий солдат 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии рейха Альфред Лисков. Он называет себя коммунистом, рабочим из Мюнхена. Первые его слова — "Война! Война!" А затем, сославшись на своего командира роты, лейтенанта Шульца, солдат заявляет начальнику нашего погранотряда, что немецкая армия начнет войну против Советского Союза в 4 часа утра 22 июня. Информация немедленно пошла по проводам — снизу вверх. Но, не дожидаясь команды и предчувствуя беду, начальник отряда, майор М.С.Бычковский, распорядился подготовить к взрыву мост у города Сокаль и усилить охрану других мостов через Западный Буг. С утра все и началось. Одной из первых приняла на себя удар всех гитлеровских родов войск 11-я застава. О том, как сражались ее бойцы, свидетельствует лаконичная штабная справка из архива погранотряда: "Никто из бойцов и командиров 11-й заставы в комендатуру и отряд не явился. Весь личный состав заставы погиб..."»[1]

Хрущев повторяет историю германского перебежчика в воспоминаниях, но почему-то «забывает» сказать, что сообщение перебежчика было проигнорировано. Как это часто происходит с хрущевскими мемуарами, почти всегда предназначенными для обслуживания каких-то личных целей их автора, данная версия тоже оказывается неправдивой либо из-за сознательного искажения событий мемуаристом, либо вследствие провалов памяти. Так или иначе Хрущев не был очевидцем событий, и сообщаемые им «факты» представляют собой сведения из вторых-третьих рук:

«Солдат перебежал с переднего края. Его допрашивали, и все называвшиеся им признаки, на которых он основывался, когда говорил, что завтра в три часа начнется наступление, описывались логично и заслуживали доверия. Во-первых, почему именно завтра? Солдат сказал, что они получили трехдневный сухой паек. А почему именно в три часа? Потому что немцы всегда избирали в таких случаях ранний час. Не помню, говорил ли он, что было сказано солдатам именно о трех

---

[1] М.И.Бурцев. Прозрение. — М.: Воениздат, 1981. Глава 2 «Кто он, наш враг?». См. также: http://victory.mil.ru/lib/books/memo/burtsev_mi/02.html.

часах утра или они узнали это по "солдатскому радио" которое всегда очень точно определяло начало наступления. Что нам оставалось делать?»[1]

Расстрелянные полководцы

Беседуя с писателем Константином Симоновым, маршал И.С.Конев (1965) высказал свое мнение по поводу расстрелянных полководцев:

«Изображать дело так, что если бы эти десять, двенадцать, пять или семь человек не погибли бы в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, а были бы во главе армии к началу войны, то вся война выглядела бы по-другому, — это преувеличение»[2].

Сам Симонов, похоже, разделял точку зрения Конева:

«Ответить на то, кто из погибших тогда людей как воевал бы с немцами, как мы и в какой бы срок победили бы немцев, будь живы эти люди, — все это вопросы, к сожалению, умозрительные. В то же время существует факт непреложный, что те люди, которые остались, выросли в ходе войны и оказались у руководства армией, именно они и выиграли войну, находясь на тех постах, которые они постепенно заняли»[3].

Хрущев сам несет ответственность за уничтожение многих командиров Киевского военного округа. Вот один из документов, подписанных Хрущевым в марте 1938 года, который цитирует Д.А.Волкогонов:

«Постановление Военного совета Киевского военного округа о состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа. .

1. В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижения с низов беззаветно преданных делу партии Ленина — Сталина командиров, политработников, начальников — кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя, народов тов. Сталина и обеспечи¬

---

[1] Н.С.Хрущев. *Время. Люди. Впасть. (Воспоминания)*. В 4-х книгах. Книга 1. Часть II. — М,: Московские новости, 1999, с.299.

[2] К.М.Симонов. Глазами человека моего поколения. — М.: Новости, 1988, с.393.

[3] Там же. С.401.

вают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА...

3. Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров. Военный совет ставит как главную задачу — до конца выкорчевать остатки враждебных элементов, глубоко изучая каждого командира, начальника, политработника при выдвижении, выдвигая смело проверенные, преданные и растущие кадры...

Командующий войсками Киевского военного округа
командарм второго ранга *Тимошенко*.
Член Военного совета комкор *Смирнов*.
Член Военного совета,
секретарь ЦК КП(б)У *Хрущев*».

По словам Волкогонова, Тимошенко, Смирнов и Хрущев далее сообщали, что «в итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов» на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа:

«По штату

Обновлено командиров корпусов	9	9
командиров дивизий	25	24
командиров бригад	9	5
командиров полков	135	87
командиров УРов	4	4
начальников штабов корпусов	9	6
начальников штабов дивизий	25	18
начальников штабов УРов	4	3
начальников штабов полков	135	78
начальников отделов штаба округа	24	19

«Утеря» Сталиным способности к управлению в начале войны

Опровергая досужие домыслы, прозвучавшие с трибуны XX съезда КПСС, маршал Жуков пишет:

«Говорят, что в первую неделю войны И.В.Сталин якобы так растерялся, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил свое выступление В.М.Молотову. Это суждение

не соответствует действительности. Конечно, в первые часы И.В.Сталин был растерян. Но вскоре он вошел в норму и работал с большой энергией, правда, проявляя излишнюю нервозность, нередко выводившую нас из рабочего состояния»[1].

И.В.Пыхалов, посвятивший отдельную главу своей книги «Великая оболганная война» («Впадал ли Сталин в прострацию?») разбору различных слухов, доказывает: никаких объективных и обладающих доказательной силой свидетельств, подтверждающих, что Сталин впадал в прострацию в первые недели войны, нет[2].

Как указывается в книге «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК»,

«29 июня 1941 года, т.е. через неделю после начала вторжения, вышла Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» *(о развертывании партизанского движения. — Г.Ф.)*[3].

30 июня 1941 года было принято решение о создании Государственного Комитета Обороны во главе со Сталиным:

«Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 30 июня 1941 г.

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:
   т. Сталин И.В. (председатель)
   т. Молотов В.М. (заместитель председателя)
   т. Ворошилов К.Е.
   т. Маленков Г.М.
   т. Берия Л.П.

---

[1] Г.К.Жуков Воспоминания и размышления Т.1, гл.10, с.265—266, см.: http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukovl/10.html.

[2] И.В.Пыхалов. Великая оболганная война. Гл.10, с. 284—303. См.: http://militera.lib.ru/research/pyhalov_i/10.html.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т.6.— М.: Политиздат, 1971. Цит. по: http://www.galaxy.com.ua/publications/library/spets/2.htm.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. И. КАЛИНИН
Председатель Совнаркома Союза ССР
и секретарь ЦК ВКП(б) И. В. СТАЛИН

Москва. Кремль. 30 июня 1941 года»[1].

В англоязычном издании книги «Неизвестный Сталин» Рой Медведев отмечает.

«Сталин не заходил в свой кабинет в воскресенье; хотя утверждения двух его биографов, Радзинского и Волкогонова, что именно в этот день он будто бы сбежал и заперся на даче, мало соответствуют тому, что случилось на самом деле. Оба автора весьма ненадежно исходят в своих умозаключениях из того, что в журнале посетителей кабинета в Кремле нет записей за 29 и 30 июня. Но, по словам маршала Жукова, «29 июня И.В.Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении». 30 июня Сталин созывает заседание Политбюро на даче, на котором принимается решение о создании Государственного Комитета Обороны (ГКО)»[2].

Говоря только о 22 июня 1941 года, даже Волкогонов утверждает, что «в первый день большого шока у Сталина не было»[3]. Примерно в том же ключе, но о более широком диапазоне дат пишет в своих мемуарах генерал Судоплатов:

«В разных книгах, в частности в мемуарах Хрущева, говорится об охватившей Сталина панике в первые дни войны. Со своей стороны могу сказать, что я не наблюдал ничего подобного... Опубликованные записи кремлевского журнала посе¬

---

1 Цитируется во многих источниках, в т.ч.: http://www.hrono.ru/libris/stalin/15-21.html.

2 Roy and Zhores Medvedev. *The Unknown Stalin*. P.242—243.

3 Д.А.Волкогонов. *Сталин*. Т.2. Гл.8, с.700. См.: http://militera.lib.ru/bio/volkogonov_dv/08.html.

тителей показывают, что он регулярно принимал людей и непосредственно следил за ухудшавшейся с каждым днем ситуацией»[1].

Сталин — «никудышный военачальник»

Полководцы, работавшие бок о бок со Сталиным, оставили в своих воспоминаниях твердое убеждение, что Верховный главнокомандующий был исключительно компетентным военачальником.

Маршал Жуков:

«В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В.Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным главнокомандующим...

Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для ведения войны Верховный главнокомандующий, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему в этом должное»[2].

Маршал Василевский:

«Хорошие отношения были у меня с Н.С.Хрущевым и в первые послевоенные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И.В.Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. *Будучи* членом Политбюро ЦК партии и членом Военного совета ряда фронтов, Н.С.Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах

---

[1] П.А.Судоплатов. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля..* — М., 1996, с.159—160.

[2] Г.К.Жуков *Воспоминания и размышления* Т.1. Гл.11, с.342, см.: http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukov_1/11.html.

ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой»[1].

Адмирал Кузнецов:

«За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным главнокомандующим чаще других встречался маршал Г.К.Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его "достойным Верховным главнокомандующим". С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным»[2].

Маршал авиации Голованов:

«Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт...

Мне посчастливилось работать с великим, величайшим человеком, для которого выше интересов государства, выше интересов нашего народа ничего не было, который всю свою жизнь прожил не для себя и стремился сделать наше государство самым передовым и могучим в мире. И это говорю я, которого тоже не миновал 1937 год!»[3].

Маршал Баграмян:

«Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: "Отдать корпус" — и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мне-

---

[1] А.М.Василевский. *Дело всей жизни.* Гл.11, с.246, см: http://victory.mil.ru/lib/books/memo/vasilevsky/16.html.

[2] Н.Г.Кузнецов. Крутые *повороты: Из записок адмирала.* Электронное издание. Испр. и доп. Сост., ред., прим.: к.и.н. Р.В.Кузнецовой. — М.: Фонд памяти Адмирала флота Советского Союза Н.Г.Кузнецова (admiral.centro.ru), 1997. См: http://www.victory.mil.ru/lib/books/memo/kuznetsov_ng3/01.html. См. также: *Военно-исторический журнал.* 1993, № 4, с.51.

[3] Цит. по: Ф.И.Чуев. Несписочный маршал. // *Слово.* 1994, № 9—10, с.44—51. См.: http://www.pseudology.org/Chuev/Golovanov_01.htm.

нию подчиненных. Если исполнитель твердо стоял "на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал»[1].

Харьков, 1942 год

В статье «Шоковая терапия Никиты Хрущева» Сергей Константинов отмечает:

«Хрущев откровенно лгал, сваливая всю ответственность за катастрофу Красной Армии в 1942 г. под Харьковом исключительно на Сталина. Александр Василевский, Георгий Жуков, Семен Штеменко в своих мемуарах приводят полностью подтвержденные новейшими архивными публикациями данные о том, что главную тяжесть ответственности за эту катастрофу несут Хрущев, командующий Юго-Западным фронтом Семен Тимошенко и член Военного совета этого же фронта Иван Баграмян. Большинство высших военачальников, прошедших со Сталиным Великую Отечественную войну, несомненно, весьма отрицательно относились к проводимой Хрущевым десталинизации в первую очередь из-за того, что Никита Сергеевич грубо фальсифицировал исторические факты. Кроме того, некоторые из этих военачальников питали теплые чувства к Сталину просто как к человеку. Главный маршал авиации Александр Голованов рассказывал писателю Феликсу Чуеву про такой случай. Однажды Хрущев попросил маршала Рокоссовского написать статью о Сталине в духе решений XX съезда. В ответ Хрущев услышал следующее: "Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!" В другой раз Рокоссовский вместе с Головановым на каком-то банкете отказались чокаться с Хрущевым...»[2].

По словам академика А.М.Самсонова, маршал Жуков не был согласен с версией событий, изложенной Хрущевым:

«По поводу этой ситуации Маршал Советского Союза Г.К.Жуков писал, что И.В.Сталин, ссылаясь на доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости про-

---

[1] И.Х.Баграмян. *Так начиналась война.* — Киев: Политиздат Украины, 1977, часть 4, см.: http://militera.lib.ru/memo/russian/bagramyanl/index.html.

[2] С.Константинов. Шоковая терапия Никиты Хрущева. // *Независимая газета.* 2001, 14 февраля. См.: http://www.ng.ru/style/2001-02-14/16_therapy.html.

должения наступления, отклонил соображения Генштаба. "Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного"»[1].

В вышедшей после смещения Хрущева краткой истории Великой Отечественной войны причины поражения трактуются следующим образом:

«Главная причина провала Харьковской операции была в том, что командование Юго-Западного направления неправильно оценило обстановку, а когда войска Юго-Западного фронта попали в сложное положение, своевременно не прекратило наступление. Более того, настаивало перед Ставкой на его продолжении. Решение, принятое 19 мая о прекращении наступления, опоздало. Командование Юго-Западного фронта не приняло необходимых мер, чтобы обеспечить фланги ударными группировками, слабо изучило противника, в частности, недооценило его возможности маневрировать в ходе сражения. Штаб фронта преуменьшил силы врага на 30 процентов»[2].

Все сказанное выше совпадает с письмом Сталина от 26 июня 1942 года, которое цитируется многими авторами, в том числе авторами биографии С.К.Тимошенко, и где Верховный главнокомандующий обрушивает критику не только на Баграмяна, но также на Тимошенко и Хрущева!.

«По первое число досталось и Баграмяну. Распоряжением Ставки он был снят с занимаемого поста как не справившийся со своими обязанностями и "не удовлетворяющий Ставку даже как простой информатор". "Более того, — отмечал Сталин, — т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину

---

[1] А.М.Самсонов. *Сталинградская битва.* 4-е изд., испр. и доп.— М.: Наука, 1989. См.: http://militera.lib.ru/h/samsonovl/02.html. Тем не менее в своих мемуарах Жуков все-таки перекладывает часть вины на Сталина, что, по-видимому, связано с понижением маршала в должности после войны (см. «Сталин принижал Жукова» ниже).

[2] Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. — М.: Воениздат, 1970, с.164—165.

выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18—20 дивизий". Проинформировав о том, что Баграмян назначается начальником штаба 28-й армии и ему дается шанс оправдать себя на деле, Верховный главнокомандующий жестко подчеркнул: "Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета, и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе — с потерей 18—20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то боюсь, что с вами поступили бы очень круто. Поэтому вы должны учесть допущенные вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места"»[1].

Отнюдь не симпатизирующий Сталину Д.А.Волкогонов полагает, что Хрущев солгал в своем «закрытом докладе»:

«Событиям под Харьковом Н.С.Хрущев, бывший в ту пору членом Военного совета Юго-Западного фронта, посвятил целый фрагмент своего доклада на XX съезде партии. По его словам, он с фронта дозвонился до Сталина, который был на даче. Однако к телефону подошел Маленков. Хрущев настаивал на том, чтобы говорить лично со Сталиным. Но Верховный, который находился "в нескольких шагах от телефона", трубку не взял и передал через Маленкова, чтобы Хрущев говорил с Маленковым. После того как через Маленкова, рассказывал делегатам XX съезда Хрущев, он передал просьбу фронта о прекращении наступления, Сталин сказал: "Оставить все так же, как есть!" Другими словами, Хрущев однозначно заявил, что именно Сталин виновен в харьковской катастрофе. Другую версию выдвигает Г.К.Жуков, полагая, что ответственность за неудачу несут и руководители Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов. В своей книге "Воспоминания и размышления" Жуков пишет, что в Генштабе раньше, чем на фронте, почувствовали опасность. 18 мая Генштаб еще раз высказался за то, чтобы прекратить нашу наступательную операцию под Харьковом... К вечеру 18 мая состоялся разго-

[1] Р.М..Португальский, А.С.Доманк, А.П.Коваленко. *Маршал С.К.Тимошенко.* — М.: Издательство МОФ "Победа — 1945 год", 1994, гл.5, с.249; см.: http://militera.lib.ru/bio/domank/05.html. То же самое письмо цитируется в: В.В.Бешанов. *Год 1942 — «учебный».* — Мн.: Харвест, 2003, глава «Как один Баграмян два фронта загубил». См.: http://militera.lib.ru/research/beshanov_w/14.html.

вор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н.С.Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена, и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжать наступление, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного".

Думаю, в этом случае ближе к истине маршал. Н.С.Хрущев, приводя в докладе свои личные воспоминания, скорее всего, передал спустя много лет свою запоздалую реакцию на неудачу, когда уже всем было ясно, что надвигается катастрофа. Маршал Жуков неоднократно подчеркивал, что решение Верховного основывалось на докладах Тимошенко и Хрущева. Если это просто забывчивость Хрущева, то это одно дело. Но если это попытка задним числом создать себе историческое алиби — это уже совсем другое»[1].

Военные операции Сталин «планировал по глобусу»

Маршал Мерецков:

«В некоторых книгах у нас получила версия, будто И.В.Сталин руководил боевыми операциями "по глобусу". Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать»[2].

Соловьев и Суходеев цитируют мнение другого генерала — А.И.Грибкова:

«Ложь о "глобусе" опровергают и оперативные документы. Генерал армии А.И.Грибков, работавший в годы войны в Оперативном управлении Генерального штаба, свидетельствует: "Н.С.Хрущев, развенчивая культ личности И.В.Сталина, утверждал, что, мол, тот руководил фронтами по глобусу.

---

[1] Д.А.Волкогонов. *Сталин*. Т.2. Гл.8, с.777. См.: http://militera.lib.ru/bio/volkogonov_dv/08.html.

[1] К.А.Мерецков. *На службе народу*. Гл.29, с.380. См.: http://militera.lib.ru/memo/russian/meretskov/29.html.

Разумеется, все это ложь. В военных архивах хранятся карты различных масштабов с пометками, сделанными рукой Верховного главнокомандующего" *(Военно-исторический журнал.* 1995, № 3, с.30)»[1].

Лев Балаян собрал и поместил в свою книгу мнения других полководцев по данному вопросу:

«Опровержение злопыхательства Хрущева по вопросу о "глобусе" можно найти и у адмирала Н.Г.Кузнецова в его книге "Накануне": "Совершенно неверно злобное утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения. Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, когда нужно, вплоть до положения каждого полка"; в книге К.С.Москаленко "На Юго-Западном направлении": "Когда Николай Федорович *(Ватутин — командовавший фронтом. — Прим. Л.А.Балаяна)* рассказал нам о своей беседе с Верховным, я не смог скрыть удивления по поводу той тщательности, с которой Ставка анализировала боевые действия, и у меня невольно вырвалось: "По каким же картам следит Верховный за нашими действиями, если видит больше и глубже нас?" Николай Федорович улыбнулся: "По двух- и пятисоттысячным за фронтом и по стотысячным за каждой армией. Главное же, на то он и Верховный, чтобы подсказывать нам, поправлять наши ошибки..."

Но, пожалуй, самую достойную отповедь дал Хрущеву Главный маршал авиации А.Новиков: "Чего, например, стоило заявление Хрущева, будто Сталин во время войны планировал операции и руководил ими по большому глобусу, находившемуся у него в кабинете. Одно только это утверждение автора доклада вызвало тогда довольно широкий (хотя и негласный) протест, особенно среди военных деятелей да и многих рядовых ветеранов Великой Отечественной войны"»[2].

Маршал Жуков оценивал историю про «глобус» тоже весьма скептически:

«Получившая распространение версия о том, что Верховный главнокомандующий изучал обстановку и принимал ре-

---

[1] Б.Г.Соловьев, В.В.Сухбдеев. *Полководец Сталин.* — М.: ЭКСМО, 2003, гл.1. См.: http://militera.lib.ru/research/solovyov_suhodeev/0l.html.

[2] Л.А.Балаян. *Сталин и Хрущев.* Гл. 22: «Полководец Иосиф Сталин», См.: http://stalin.su/book.php?action=header&id=20.

шения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с нанесенной на них обстановкой он разбирался неплохо»[1].

Молотов, хотя и не был военным, тоже обращал внимание на хрущевскую ложь о глобусе:

«В фойе карты по всем стенам. Хрущев говорил, что он по глобусу руководил, — наоборот, он очень карты любил географические...»[2].

И даже Микоян — один из ближайших соратников Хрущева — не смог не упомянуть неправду о «глобусе» в своих воспоминаниях[3].

Сталин «принижал» заслуги маршала Жукова

Из донесения министра МГБ В.С.Абакумова:

«Совершенно секретно.
СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР.
товарищу СТАЛИНУ И.В.

...В ночь с 8 на 9 января с.г. был произведен негласный обыск на даче *Жукова* (здесь и далее выделено автором документа. — *Г.Ф.),* находящейся в поселке Рублево под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракулевых — всего 323 шкуры;

шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Герма-

---

[1] Г.К.Жуков *Воспоминания и размышления.* Т.1. Гл.11, с.342. См: http://militera.lib.ru/memo/russian/2hukovl/ll.html.

[2] Ф.И.Чуев. Молотов. Полудержавный властелин. — М.: ОЛМА—ПРЕСС, 1999, с.361.

[3] А.И.Микоян. *Так было.* — М.: Вагриус, 1999, гл. 49, с.607.

нии, — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамах — всего 55 штук, развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 Ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы Готланд—Готланд и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Заслуживает внимание заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача *Жукова* представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами...

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения...

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии...

При этом представляю фотоснимки некоторых обнаруженных на квартире и даче Жукова ценностей, материалов и вещей.

АБАКУМОВ.

10 января 1948 года»[1].

По словам Соловьева и Суходеева, «Г.К.Жуков не раз подчеркивал, что "Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова", что "попробуй меня кто-нибудь при нем обидь — Сталин за меня голову оторвет"»[2].

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ПОПРАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Массовое выселение народов

И.В.Пыхалов со ссылкой на документы, опубликованные в сборнике под редакцией Н.Ф.Бугая, отмечает:

«Согласно общепринятому мнению, выселению подверглись все без исключения крымские татары, в том числе и те, кто честно воевал в Красной Армии или в партизанских отрядах. На самом деле это не так:

"От статуса «спецпоселенец» освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С.С.Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе".

"...Крымские татары-фронтовики сразу же обращались с просьбой освободить от спецпоселений их родственников. Та-

---

[1] *Военные архивы России*. 1993, 1 вып., с.189—191.

[2] Б.Г.Соловьев, В.В.Суходеев. *Полководец Сталин*. См.: http://militera.lib.ru/research/solovyov_suhodeev/01.html.

кие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э.У.Чалбаш, майор бронетанковых войск Х.Чалбаш и многие другие... Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности, семье Э.Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области"»[1].

На 1 апреля 1949 года отдел спецпоселений МВД СССР располагал сведениями на 569 крымских татар, не подвергавшихся выселению и проживавших в разных районах страны на положении свободных граждан[2].

В интервью радио «Свобода» один из чеченских националистов подтвердил, что вооруженное восстание 1943 года носило прогерманский характер и ставило своей целью отделение Кавказа от СССР:

«Чеченцы перманентно, все время воевали за свободу и самоопределение, и в феврале 1943 года в горах вспыхнуло восстание под руководством адвоката Мербека Шерипова и известного писателя Хасана Исраилова. Воспользовавшись тем, что немцы воевали с русскими, чеченцы постарались вооруженным путем отделиться от СССР и провозгласить независимость. Их конечной целью было объединение в последующем народов Кавказа, чтобы они жили конфедерацией свободно и независимо от Советской империи. Это существенная причина в том плане, что Сталин, в первую очередь, наверняка смотрел не на людей, которых не любил, а, как и свои предшественники — русские цари, на то, что чеченский народ не покорен, хочет отделиться и создать свое независимое государство. Здесь мы видим, что это самая основная причина наказания чеченского народа, жесточайшего геноцида над ним, который продолжается и на сегодняшний день»[3].

---

[1] И.В.Пыхалов. *Время Сталина: Факты против мифов.* 2-е изд.— СПб.: Нeотек Электро, 2001, с.84, где цитируется книга: *Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать ...»: Документы, факты, комментарии.* / Сост. Н.Ф.Бугай.— М.: Дружба народов, 1992, с.156—157.

[2] Земсков В.Н. *Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960.* — М.: Наука, 2003, с.188.

[3] Из программы радио «Свобода», посвященной депортации чеченцев в 1944 году, см.: http://archive.svoboda.org/programs/II/2000/ll.022300-3.asp.

«Ленинградское дело»

В записке Л.П.Берии в Президиум ЦК КПСС от 25 июня 1953 года говорится об участии Рюмина в фальсификации «ленинградского дела»:

«РЮМИН участвовал в фальсификации следственных материалов по так называемым делам "Шпионского центра в «Еврейском антифашистском комитете»", якобы возглавлявшегося ЛОЗОВСКИМ, МИХОЭЛСОМ, ФЕФЕРОМ и др., и "ленинградскому делу", по которому, как известно, были арестованы и осуждены руководящие партийные и советские работники г. Ленинграда КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и др. В ноябре 1950 года РЮМИНУ, по указанию АБАКУМОВА, было поручено следствие по делу арестованного профессора ЭТИНГЕРА. Зная, что ЭТИНГЕР привлекался к лечению А.С.ЩЕРБАКОВА в качестве консультанта, РЮМИН, применив незаконные методы следствия, вынудил ЭТИНГЕРА дать вымышленные показания о неправильном лечении А.С.ЩЕРБАКОВА, которое якобы и привело к его смерти»[1].

Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 мая 1954 года, посвященное «ленинградскому делу», продолжало обвинять в фальсификациях Абакумова:

«№ 63. П. 53 — О ДЕЛЕ КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО И ДРУГИХ.

Расследованием, произведенным в настоящее время Прокуратурой СССР по поручению ЦК КПСС, установлено, что дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других в измене Родине, контрреволюционном вредительстве и участии в антисоветской группе было сфальсифицировано во вражеских авантюристических целях бывшим министром госбезопасности СССР, ныне арестованным Абакумовым и его сообщниками.

Используя факты нарушений государственной дисциплины и отдельные проступки со стороны Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, за которые они были сняты с зани¬

---

[1] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: МФД, 1999, с. 65

маемых постов с наложением партийных взысканий, Абакумов и его сообщники искусственно представили эти действия как действия организованной антисоветской изменнической группы, и избиениями и угрозами добились вымышленных показаний арестованных о созданном якобы ими заговоре.

По этим сфабрикованным Абакумовым ложным материалам Военной коллегией Верховного суда СССР в 1950 году были осуждены Кузнецов, Попков, Вознесенский Н., Родионов, Капустин и Лазутин к расстрелу, Турко — к 15 годам тюремного заключения, Закржевская и Михеев — к 10 годам тюремного заключения»[1].

Но всего через несколько дней на собрании актива Ленинградской партийной организации Хрущев вдруг выдвинул обвинения не только против Абакумова, но еще и против Берии:

«Из зачитанного вам решения Центрального комитета партии и сообщения тов. Руденко видно, что так называемое дело о ленинградской антипартийной группе было состряпано бандой Берия. Одним из ближайших сообщников Берия являлся бывший министр госбезопасности Абакумов, преступления которого хорошо вскрыты и доложены вам прокурором т. Руденко»[2].

Несмотря на обвинения Сталина в «произволе» за его роль в «ленинградском деле», в июне 1957 года Хрущев вдруг заявил, что Сталин выступал ***против*** ареста Вознесенского и некоторых других его соучастников:

Хрущев. ***Сталин был против ареста Вознесенского и Кузнецова. Был против*** *(выделено мной. — Г.Ф.),* а иезуитские звери, Берия и Маленков, внушили Сталину и подвели Вознесенского, Кузнецова, Попкова к аресту и казни. Твои руки, Маленков, в крови, совесть твоя не чиста. Ты подлый человек! *(Аплодисменты.)*

Маленков. Ты клевещешь.

Хрущев. Сталин при мне говорил, и другие это слышали: почему Вознесенский не имеет назначения в Госбанк, почему нет предложений? Но Берия и Маленков преподнесли Стали-

---

[1] Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. — М.: МФД, с.115.

[2] Там же.С.135.

ну дело так, что Вознесенский, Кузнецов, Попков и другие — это преступники. Почему? В свое время Сталин заслуженно или незаслуженно выдвигал Кузнецова вместо Маленкова, а Вознесенского хотел сделать Председателем Совмина. За это у них головы полетели. Эти интриганы — Берия и Маленков — сознательно подвели Сталина»[1].

«Мингрельское дело»

В примечании к научной публикации постановления Политбюро о взяточничестве в Грузии и «антипартийной группе Барамия» от 9 ноября 1951 года сообщается:

«В подлинном протоколе заседаний ПБ сохранился экземпляр постановления, записанный Поскребышевым, а также машинописный проект с правкой Сталина, которая оговаривается далее (РГАСПИ. Ф.17. Оп.164 Д.1604. Л.57—70)...»[2].

Другое примечание, опубликованное в том же издании, к постановлению Политбюро о положении дел в компартии Грузии от 27 марта 1952 года гласит:

«В подлинном протоколе заседаний ПБ название постановления в проект вписал Сталин (РГАСПИ. Ф.17. Оп.163. Д.1615, Л. 134). Постановление было результатом заседаний ПБ 25 и 27 марта 1952 г.»[3].

«Российская газета» в рубрике «История одного дня — 10 апреля» пишет:

«**1953 год.** Было принято постановление ЦК КПСС "О нарушениях советских законов бывшими министерствами госбезопасности СССР и Грузинской ССР". Этим постановлением были отменены прежние постановления ЦК от 9 ноября 1951 года и 27 марта 1952 года по поводу существования в Грузии мингрельской националистической организации. *Ранее арестованные грузинские руководители были освобождены.* ***Од-***

---

[1] *Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы.* — М.: МФД, 1998, с.201—202.

[2] *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР 1945—1953.* Сост. Хлевнюк О.В. и др.— М.: РОССПЭН, 2002, прим.1 на с.351. См.: http;//chss.montelair.edu/english/furr/research/mingrelianres.pdf.

[3] Там же. Прим.1 на с.354. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/mingrelianres.pdf.

нако вскоре многих из них вновь арестовали по обвинению в связях с Берией *(выделено мной. — Г.Ф.)*»[1].

В примечаниях к публикации «закрытого доклада» Хрущева отмечается:

«Речь идет о постановлениях ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о якобы вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М.Барамия. 10 апреля 1953 г. эти решения были отменены постановлением ЦК КПСС "О нарушениях советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР"»[2].

Борис Николаевский в примечаниях к публикации «закрытого доклада» в журнале «Нью лидер» обращает внимание на то, что:

«Заявление Хрущева о "мингрельском заговоре" объясняет причины чисток в Грузии в 1952 году. Хотя Хрущев в нем только намекает, что "мингрельское дело", как и "ленинградское дело", тоже инсценировано Берией и Абакумовым, данное утверждение представляет собой умышленное искажение. Аккурат в ноябре 1951 года министром госбезопасности был назначен один из злейших врагов Берии С.Д.Игнатьев; "мингрельское дело" поэтому фабриковалось, чтобы нанести удар по Берии. Это обстоятельство и последовавшие затем чистки в Грузии (в апреле, сентябре и ноябре 1952 года) подрывали положение Берии и открывали путь запланированной «второй ежовщине», начавшейся после XIX партийного съезда (ноябрь 1952 год) с арестов по «делу врачей»[3].

С ведома Хрущева как члена Президиума ЦК КПСС бывший министр МГБ Игнатьев был освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС, а затем и выведен из состава ЦК в связи с серией обвинений в фальсификации следственных материалов по «мингрельскому делу», «заговору врачей» и др. Роль

---

[1] Российская газета. 2003, 10 апреля. См. также: http://www.rg.ru/Anons/arc 2002/0410/hist.shtm. Само постановление от 10 апреля 1953 года опубликовано в: Лаврентий Берия. 1953, с.37—40.

[2] О культе личности… // *Известия ЦК КПСС.* 1989, № 3, прим. 51 на с.169.

[3] The Crimes of the Stalin Era. Special Report to the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Annotated Especially for this Edition by Boris I. Nicolaevsky. (NY: The New Leader, 1962), note 51.

Игнатьева вскрывалась в серии записок Берии в Президиум ЦК, одна из которых была посвящена делу т.н. «мингрельской националистической группы»[1].

Взаимоотношения с Югославией

В июле 1953 года Хрущев и другие члены Президиума жестко критиковали Берию за его попытки наладить отношения с Югославией. Вот один из фрагментов стенограммы июльского (1953) Пленума:

«**Молотов.** Я думаю, товарищи, что этот факт — товарищ Маленков прочитал проект письма к «товарищу Ранковичу», для «товарища Тито», — этим фактом предатель выдал себя с поличным. Он от руки им написан, и он никак не хотел, чтобы Президиум ЦК обсудил этот вопрос. Что же это за человек?

Правда, мы обменялись послами.

Маленков. И мы хотели нормализации отношений.

Молотов. Мы хотим нормализации отношений, и мы письменно сформулировали в ЦК, как мы относимся к Югославии в настоящее время. Ясно, что если в лоб не удалось, мы решили взять другим, мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с. другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее. А это что такое: «Пользуюсь случаем, чтобы передать вам, товарищ Ранкович, большой привет от товарища Берия и информировать товарища Тито, что если товарищ Тито разделит эту точку зрения, то было бы целесообразно...» — и т.д. и т.д. Что это такое?

...Он мог бы найти поддержку у иностранных капиталистов — тито—ранковичей, это агент капиталистов, он у них обучался. Он оттуда выскочил и пробрался к нам…

Но разве не ясно, что означает эта попытка Берия сговориться с Ранковичем и Тито, которые ведут себя как враги Советского Союза? Разве не ясно, что это письмо, составленное Берия втайне от настоящего Правительства, было еще одной наглой попыткой ударить в спину Советского государства и

---

[1] Лаврентий Берия. 1953, с.29—37. См.: http://chss.montclair.edu/englIish/furr/research/mingrelianaff.pdr.

оказать прямую услугу империалистическому лагерю? Одного этого факта было бы достаточно, чтобы сделать вывод: Берия — агент чужого лагеря, агент классового врага»[1].

«Дело врачей-вредителей»

Берия — и не исключено, что по требованию Сталина, — положил конец т.н. «делу врачей».

Вот выдержки из записки Берии в Президиум ЦК КПСС от 1 апреля 1953 года о реабилитации лиц, привлеченных по «делу врачей»:

«Бывший министр государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВ не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у РЮМИНА и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы...

4) рассмотреть вопрос об ответственности бывшего министра государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВА СД. Министерством внутренних дел СССР приняты меры, исключающие впредь возможность повторения подобных извращений советских законов в работе органов МВД»[2].

На основании этой записки Президиумом ЦК КПСС принято 3 апреля 1953 года постановление, в котором указывалось:

«Предложить б[ывшему]. министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву СД. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов»[3].

По словам Жореса Медведева, именно Сталин положил конец травле «врачей-вредителей» в печати:

«Можно предположить, что Сталин позвонил в "Правду" либо вечером 27 февраля, либо утром 28 февраля и распорядился прекратить публикацию антиеврейских материалов и всех других статей, связанных с "делом врачей"... В Советском Союзе в это время был только один человек, который

---

[1] Лаврентий Берия. 1953. С.103—104 и 246.

[2] Там же, с.22—23. См.: http://chss.montdlair.edu/english/furr/research/doctorsplot.html

[3] Там же, с.23—24. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/doctorsplot.html

мог простым телефонным звонком редактору "Правды" или в Агитпроп ЦК КПСС изменить официальную политику. Это мог сделать только Сталин...»[1].

Медведев подчеркивает:

«Антисемитизм Сталина, о котором можно прочитать почти во всех его биографиях, не был ни религиозным, ни этническим, ни бытовым. Он был политическим и проявлялся в форме антисионизма, а не юдофобии»[2].

По воспоминаниям Светланы Аллилуевой, Сталин не верил в виновность врачей:

«"Дело врачей" происходило в последнюю зиму его жизни... Отец был очень огорчен оборотом событий... Отец говорил, что не верит в их "нечестность" что этого не может быть, — ведь "доказательством" служили доносы доктора Тимашук...»[3].

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «БЕРИЯ, ЕГО "КОЗНИ" И "ПРЕСТУПЛЕНИЯ"»

Берия — «агент иностранной разведки»

В ходе июньского (1953) Пленума многие из членов ЦК выступили с обвинениями Берии в работе на иностранные разведки. Однако обосновать свои обвинения не удалось никому из выступавших. Вот некоторые характерные выдержки из стенограммы Пленума.

Микоян:

«У нас нет прямых данных, был ли он шпионом, получал ли задания от иностранных государств, но главное состоит в том, что он выполнял указания капиталистических государств и их агентов...»[4].

---

[1] Ж.А.Медведев. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. — М.: Права человека, 2003, с.216—217.

[2] Там же. С.92.

[3] С.И.Аллилуева. *Двадцать писем другу.* — М.: Вся Москва, 1989, письмо 18, с. 192.

[4] Лаврентий Берия. 1953. С.174.

Хрущев:

«Наиболее ярко Берия показал себя как провокатор и агент империалистов при обсуждении германского вопроса, когда он поставил вопрос о том, чтобы отказаться от строительства социализма в ГДР и пойти на уступки Западу. Это означало отдать 18 миллионов немцев под господство американских империалистов. Он говорил: "Надо создать нейтральную демократическую Германию"»[1].

Тем не менее в официальном сообщении о суде над Берией и его сообщниками утверждалось:

«Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия Л.П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени Гражданской войны, когда в 1919 году Берия Л.П., находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов...

Специальное Судебное присутствие Верховного Суда СССР установило виновность подсудимого Берия Л. П.— ... в активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретной агентурной должности в разведке контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане, завязал там связи с иностранной разведкой, а в последующем поддерживал и расширял свои тайные преступные связи с иностранными разведками до момента разоблачения и ареста, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58—1 «б», 58—8, 58—13, 58—11 Уголовного кодекса РСФСР»[2].

Спустя годы Молотов и Каганович поделились с писателем Феликсом Чуевым своими мыслями о Берии как об «агенте иностранных разведок»:

«Документов о том, что Берия связан с империалистическими державами и что он шпион и прочее, нам не представили. Таких документов ни я, ни Молотов не видели.

Я *(Чуев. — Г.Ф.)* у Молотова спрашивал: "Был ли он шпионом?" Он говорил: "Агент — не обязательно шпион".

---

[1] Там же. С.238.

[2] Там же. С.388—390.

— Я спрашивал у Молотова, — говорит Каганович, — были ли у тебя документы какие-нибудь насчет того, что он *(Берия. — Г.Ф.)* агент империализма? Он говорит: "Не было". Таких документов нам не дали, и их не было. Так оно и было. На суде, говорят, были документы»[1].

А вот что Чуеву рассказывал сам Молотов:

«— Спорят до сих пор насчет Берии: был ли он агентом иностранных разведок или нет?

— Я думаю, не был, — говорит Молотов... То, что он делал, это было на пользу империализма, он выполнял роль агентуры империализма, вот в чем суть. А роль его была такая: если он отказывался от социализма в ГДР, лучше услуги империализму не надо было...

Я считаю Берию агентом империализма. Агент не означает шпион»[2].

Против Берии не было никаких улик, свидетельствующих о его антигосударственной деятельности. Сам Хрущев подтверждает это:

«...У нас прямых криминальных обвинений в его (Берии. — *Г.Ф.)* адрес не было. Я-то мог думать, что он был агентом мусаватистов, как об этом говорил Каминский. Но такие факты никем не проверялись...»[3].

Еще более выразительна черновая запись выступления Маленкова на заседании Президиума ЦК КПСС, где с трудно скрываемым раздражением деятельностью Берии предлагалось вынести ему такое наказание:

«От поста зама *[(Председателя. — Г.Ф.)* Совета министров СССР] — освободить[,] назнач[ить]. мин[истром]. нефт[яной]. пр[омышленности].»[4].

Статья Петра Вагнера, помещенная на сайте Всемирной истории, подтверждает, что накануне ареста Берии у его политических соперников не было никаких доказательств его преступной деятельности:

---

[1] Ф.И.Чуев. Каганович. Шепилов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с.83—84.

[2] Ф.И.Чуев. *Молотов: Полудержавный властелин,* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999, с.409—410.

[3] Н.С.Хрущев. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания).* Кн. 2. Часть 3. — *М.:* Московские новости, 1999..Гл. «После смерти Сталина», с.168.

[4] Лаврентий Берия. 1953. С.70.

«Против Берии не было вынесено никаких конкретных обвинений. Его противники это понимали. Сначала даже Хрущев говорил только о "задержании" в интересах последующего расследования: "Я говорил «задержать» потому, что у нас прямых криминальных обвинений в его адрес не было. Я-то мог думать, что он был агентом мусаватистов, как об этом говорил Каминский. Но такие факты никем не проверялись". Предполагалось лишь отстранить от должности, которую он занимал. Против этого был будто бы Молотов, который боялся оставить Берию на свободе: "Берия очень опасен, и я считаю, что надо пойти на более крайние меры"»[1].

Каминский о работе Берии у мусаватистов

В «Автобиографии» 1923 года Берия подробно и без утайки пишет о службе в мусаватистской контрразведке и работе в небольшевистских организациях, что, по мнению автора, характеризует его с положительной стороны. Вот один из таких фрагментов:

«С февраля 1919 г. по апрель 1920 г., будучи председателем ком[мунистической], ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора. Осенью того же 1919 г. от партии "Гуммет" поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 г., после убийства тов. Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне»[2].

Из письма Берии к Серго Орджоникидзе от 2 марта 1933 года:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т.Лакоба и ряда других товарищей т.Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусаватистской контрразведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает.

---

[1] См.: http://history.machaon.ru/ali/number_14/analiti4/vagner_print/index.html.

[2] Берия: Конец карьеры. / Сост. и общ. ред. В.Ф.Некрасова. — М.: Политиздат, 1991, с.323. См. также: http://chss.montclair.edu/english/furr/beriaautobiog.pdf.

Между тем Вам хорошо известно, что в мусаватистскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году, в присутствии Вас, т.Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла Ахундова, Бунйат-Заде и друг. (В 1925 г. я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, т.к. факт моей работы в контрразведке с *ведома партии (выделено Берией. — Г.Ф.)* был подтвержден заявлениями тт. Мирза Давуд Гусейнова, Касум Измайлова и др.). Тов. Датико, который передаст Вам это письмо, расскажет подробности.

Ваш *Лаврентий Берия.*

2/III 33 г.»[1].

В письме, написанном в июне 1937 года, Павлуновский подтвердил тот факт, что, работая среди националистов, Берия выполнял задание большевистской партии:

«Секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину.
От Берия.

В 1926 г. я был назначен в Закавказье Председателем Зак[авказского]. ГПУ

Перед отъездом в Тифлис меня вызвал к себе Пред[седатель]. ОГПУ т.Дзержинский и подробно ознакомил меня с обстановкой в Закавказье. Тут же т.Дзержинский и сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т.Берия при мусаватистах работал в мусаватской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т.Берия, так как т.Берия работал в контрразведке с ведома ответственных тт. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский, и т. Серго Орджоникидзе.

По приезде в Тифлис, месяца через два, я зашел к т.Серго и передал ему все, что сообщил мне т.Дзержинский о т.Берия.

Т. Серго Орджоникидзе сообщил мне, что, действительно, т.Берия работал в мусаватской контрразведке, что эту работу он вел по поручению работников партии и что об этом хорошо известно ему, т.Орджоникидзе, т.Кирову, т.Микояну и

---

[1] *Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. I* Сост.А.В.Квашонкин и др.— М.: РОССПЭН, 1999, с204.

т.Назаретяну. Поэтому я должен относиться к т.Берия с полным доверием, и что он, Серго Орджоникидзе, полностью т.Берия доверяет.

В течении *(так в тексте. — Г.Ф.)* двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия как растущего работника, что из т. Берия вырабатывается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил т. Сталину.

В течении *(так в тексте. — Г.Ф.)* двух лет моей работы в Закавказье я знал, что т. Серго ценит т.Берия и поддерживает его. Два года назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне, а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытаются использовать в борьбе с т.Берия тот факт, что он работал в мусаватской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет.

Я спросил у т. Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом он т.Сталину говорил.

Кандидат ЦК ВКП(б) *Павлуновский.*

25 июня 1937 г.»[1].

В биографическом справочнике К.А.Залесского о Берии сообщается следующее:

«В апр[еле]. — мае 1920 [года] уполномоченный регистрационного отдела Кавказского фронта при Реввоенсовете 11-й армии, затем направлен на подпольную работу в Грузию. В июне 1920 арестован, но по требованию советского полпреда С.М.Кирова освобожден и выслан в Азербайджан»[2].

Дело Картвелишвили-Лаврентьева

Картвелишвили был исключен из партии и арестован 22 июня 1937 года. Через месяц Берия направил Сталину письмо:

---

[1] Цит. по: А.В.Сухомлинов. *Кто Вы, Лаврентий Берия?* — М.: Детектив-Пресс, 2003, с. 419 и 421. Документ также опубликован в: А.Топтыгин. *Лаврентий Берия.* — М.: Яуза, ЭКСМО, 2005, с.11—12.

[2] К.А.Залесский *Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь.*— М.: Вече, 2000. См.: http://www.hrono.ru/biograf/beria.html.

«20 июля 1937 г.
№1716/с

Дорогой Коба!

Следствие по делам контрреволюционеров Грузии разворачивается дальше, вскрывая новых участников гнуснейших преступлений против партии и советской власти. Арест Г.Мгалоблишвили, Л.Лаврентьева (Картвелишвили), Ш.Элиава... проливает яркий свет на предательскую работу, которую вели они, состоя в к.р. *(контрреволюционной. — Г.Ф.)* организации правых.

...В Закавказский к.-р. центр правых вошли:

от Грузии — Элиава Ш., Орахелашвили М., Лаврентьев Л. и Енукидзе А.»[1].

Опубликованы некоторые другие документы (преимущественно, «документы Люшкова»), где упоминается Лаврентьев:

«По шпионско-диверсионной деятельности СЕРГЕЕВ был связан в Москве с МУКЛЕВИЧЕМ и СТРЕЛКОВЫМ, на ДВК — с краевым центром, из состава которого называет ЛАВРЕНТЬЕВА, ДЕРИБАС, КРУТОВА, КОСИОРА»[2].

Еще:

«ЛЮ-КЮ-СЕН заявил, что одно совещание было у ЛАВРЕНТЬЕВА на квартире, причем распределялись министерские портфели и т.п.»[3].

И еще:

«Арестованный в Хабаровске бывший краевой прокурор ЧЕРНИН признал свое участие в заговоре, связь с ЛАВРЕНТЬЕВЫМ, КРУТОВЫМ и другими активными заговорщиками»[4].

Вместе с Кабаковым и другими Лаврентьев был также назван в показаниях Яковлева:

«...Через ВАРЕЙКИСА—БАУМАНА мы были связаны с группой правых в Москве— КАМИНСКИМ, БУБНОВЫМ... на периферии — с руководящими работниками областных и краевых парторганизаций — правыми и троцкистами, возглавляющими антисоветские организации, ШЕБОЛДАЕВЫМ, ХА-

---

[1] Лубянка: Сталин и ГУГБ НКВД. Док. № 142, с.252.

[2] Там же. № 196 (от 11 сент. 1937), с.347.

[3] Там же. № 207 (от 19 сент. 1937), с.370.

[4] Там же. № 309 (от 29 марта 1938), с.507.

ТАЕВИЧЕМ, КАБАКОВЫМ, ИВАНОВЫМ, ЛАВРЕНТЬЕВЫМ, ШУБРИКОВЫМ, ПТУХОЙ, КРИНИЦКИМ»[1].

«Зверская расправа» над М.С.Кедровым

Берия не выступал инициатором расстрела М.С.Кедрова. Примечание к предписанию о расстреле заключенных в г.Куйбышеве, опубликованному в сборнике «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», гласит:

«17 октября 1941 г. было составлено заключение НКВД СССР о необходимости расстрела по указанию «директивных органов Союза ССР» 25 заключенных. Оно подписано начальником следственной части по особо важным делам НКВД СССР Л.Влодзимирским, утверждено заместителем наркома внутренних дел СССР Б.Кобуловым и согласовано с Прокурором СССР В.Бочковым. На основании этого заключения 18 октября 1941 т. Берия подписал распоряжение о расстреле указанных лиц»[2].

Берия подписал распоряжение о расстреле во исполнение вынесенного приговора, что видно из самого предписания:

Предписание наркома внутренних дел СССР №2756/Б сотруднику особых поручений спецгруппы НКВД СССР о расстреле 25 заключенных в г. Куйбышеве.

18 октября 1941 г.

С получением сего Вам предлагается выехать в г. Куйбышев и привести в исполнение ***приговор*** *(выделено мной. — Г.Ф.)* — высшую меру наказания (расстрелять) в отношении следующих заключенных:.

25. Кедрова Михаила Сергеевича.

Об исполнении донести.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности

Л.Берия»[3].

---

[1] Там же. № 392 (от 15—18 окт. 1937), с.392.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1941 года.— М.: Русь, 2000, прим. на с.215.

3 *Там же*. С.215—216.

В распоряжении, отданном Берией, тоже говорится о вынесенном **приговоре:**

«18 октября 1941 г. Сотруднику особых поручений
спец. группы НКВД СССР
старшему лейтенанту
госбезопасности Семенихину Д.Э.

С получением сего предлагается вам выехать в город Куйбышев и привести в исполнение ***приговор*** *(выделено мной. — Г.Ф.)* — к высшей мере наказания — расстрелять следующих заключенных (далее следует список 25 приговоренных).

Об исполнении донести.

Народный комиссар внутренних дел СССР
Генеральный комиссар госбезопасности *Берия*»[1].

А.В.Сухомлинов опубликовал фотокопию части обвинительного заключения по делу М.С.Кедрова, подготовленного на предварительном следствии:

«Осужденные Афонский, Кедров И.М. и Шилкин свои показания о Кедрове М.С. как на предварительном следствии, так и на суде полностью подтвердили.

На основании изложенного обвиняется Кедров Михаил Сергеевич, 1878 года рождения, уроженец г. Москвы, русский, гр-н СССР, с высшим образованием, бывший дворянин, член ВКП(б), до ареста пенсионер, —

В том, что:

Он является участником антисоветской организации, разделял контрреволюционные идеи правых и вел неоднократно антисоветские и провокационные разговоры.

В интересах английских империалистов занимался предательством на Северном флоте в период 1918 года, — т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58—1а, 58—10 и 58—11 УК РСФСР.

Считая предварительное следствие по делу Кедрова М.С. законченным и предъявленное ему обвинение доказанным, руководствуясь специальным указанием директивных органов Союза ССР, —

[1] В.В.Карпов. *Расстрелянные маршалы*. — М.: Вече, 1999, с.232.

Полагал бы:

Кедрова Михаила Сергеевича, 1878 года рождения, — расстрелять.

Подпись: *Влодзимирский*»[1].

Справка о М.С.Кедрове прилагалась к одному из «сталинских списков» (28 марта 1941):

«Активный участник антисоветской организации, прикрывавшейся обществом "Северное землячество" в Москве.

Был связан с руководящим участником зиновьевско-троцкистской организации Г.САФАРОВЫМ и одобрял его контрреволюционные методы в борьбе с партией и Советской властью.

КЕДРОВ подозревается в секретном сотрудничестве с царской охранкой на основании следующих данных:

В 1912 году, после неоднократных его арестов охранкой, он при подозрительных обстоятельствах выезжает в Швейцарию, где устанавливает связь с меньшевистской организацией, а в 1914 году получает право возвратиться в Россию как "политически благонадежный".

КЕДРОВ был тесно связан с руководящим участником заговорщической организации в НКВД, активным агентом германской разведки АРТУЗОВЫМ *(осужден* к ВМН), которого рекомендовал на работу в органы ВЧК—ОГПУ.

Брат жены КЕДРОВА — МАЙЗЕЛЬ, постоянно проживающий в Америке, при его неоднократных приездах в СССР связывался с КЕДРОВЫМ.

МАЙЗЕЛЬ известен НКВД СССР как агент американской разведки.

Кроме того, установлено, что КЕДРОВ в 1918 году, командуя Северным фронтом, при наступлении англичан самовольно уехал из Архангельска, дезорганизовав боевые действия и открыв фронт для вторжения интервентов.

Изобличается во вражеской работе показаниями ШИЛКИНА П.П. быв. работника Наркомвода (осужден к ВМН), АФОНСКОГО В.А., 6ывш[его]. командира полка (осужден к ВМН), САФАРОВА Г.И. (арестован, находится под следствием в НКВД), очными ставками с САФАРОВЫМ и АФОНСКИМ, а

---

[1] А.В.Сухомлинов. Кто Вы, Лаврентий Берия? С 216; Цит. по: Е.А.Прудникова. Берия. Преступления, которых не было. — СПб.: Нева, 2005, с.386.

также показаниями свидетельницы ТАГУНОВОЙ В.И. и официальными документами о предательской работе КЕДРОВА на Северном фронте»[1].

Но в «Биографическом комментарии» к научной публикации доклада Хрущева отмечается:

«[Кедров] 9 июля 1941 г. был оправдан Военной коллегией Верховного суда СССР, которая предписала освободить его из-под стражи, однако не был освобожден, а был расстрелян 1 ноября 1941 г. по распоряжению наркома внутренних дел СССР Л.П.Берия во время эвакуации Орловской тюрьмы в восточные районы страны»[2].

Папулия, брат Серго Орджоникидзе

Из письма Берии к Серго Орджоникидзе от 2 марта 1933 года:

«Два слова о Папулии. Говорил с ним несколько раз, даже людей посылал к нему повлиять на него. Предлагал ему самостоятельную работу наркома легкой промышленности, наркома труда, Закжелдорстроя (строительство Черноморки, Джульфинки и пр.).

Может быть, правда, с ним несколько угловато вышло, но так уж случилось. Уговаривал его долго, но ничего не помогало: отказывался от всякой работы, дулся, ругался и грозил объявить голодовку.

Сегодня говорил с ним снова, договорился с жел[езной]. дорогой (т.Розенцвейгом), и Папулия согласился работать нач[альником], отдела контроля и исполнения Зак[авказских]. жел[езных]. дорог.

Думаю, что вопрос этим самым исчерпан.

Ваш *Лаврентий Берия.*

2/III 33 г.»[3].

Серго Берия вспоминает:

«Я хорошо знал Папулию Орджоникидзе, ибо мы жили в одном доме. Он всегда занимал видные посты, но был боль-

---

[1] См.: http://stalin.memo.ru/spravki/13-184.HTM.

[2] Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. — М.: РОССПЭН, 2002, с.841.

[3] Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. С.203—204.

ше известен как кутила, охотник и вообще прожигатель жизни. Серго он иначе, как, извините, дерьмо, не называл. Социализм он ругал на чем свет стоит...

Серго хорошо был осведомлен о буйствах Папулии. Он обижался на него и, приезжая в Тбилиси, демонстративно останавливался у нас. Возможно, с сегодняшней точки зрения Папулию сочли бы демократом, но в те времена поношение существующего строя не прощалось даже брату того, кто этот строй возводил и возглавлял...»[1].

Олег Хлевнюк в написанной с антикоммунистических позиций книге об Орджоникидзе полностью оправдывает Берию:

«Валико (Иван) Орджоникидзе работал ревизором финансово-бюджетной инспекции в финансовом отделе Тбилисского Совета. В начале ноября 1936 г. один из его коллег написал в партком заявление, в котором обвинил Ивана Константиновича в разговорах о невиновности Папулии Орджоникидзе и в дружбе с троцкистами.Партком Тбилисского Совета дал доносу ход. Валико вызвали "на ковер", и он не только подтвердил все, что было написано в заявлении, но добавил: "Папулия Орджоникидзе не мог работать против своего брата тов. Серго Орджоникдзе, и вождя народа тов.Сталина, которого лично знает... нельзя допустить подобные обвинения в отношении Папулии Орджоникидзе, и это все неправда". На возражения членов парткома Валико ответил: "Вы сами убедитесь в невиновности не только моего брата, но и других, которые будут освобождены в скором времени". За подобную дерзость его исключили из группы сочувствующих ВКП(б) и сняли с работы.

Тогда в дело вмешался Серго. В середине декабря он позвонил Берии и попросил о помощи. Берия в свою очередь проявил подчеркнутую оперативность: поговорил с обвиняемым, запросил объяснительную у председателя Тбилисского Совета и уже примерно через неделю Серго получил пакет, в котором было объяснительное письмо председателя Тбилисского Совета Ниорадзе и сопроводительная записка Берии. Берия писал: "Дорогой товарищ Серго! После вашего звонка я немедленно вызвал к себе Валико, и он рассказал мне ис¬

---

[1] Цит. по: Р.Чилачава. Сын Лаврентия Берия рассказывает...— Киев: КИЦ Инкопресс, 1992; с 17.

торию своего увольнения, подтвердил примерно то, что изложено в прилагаемом при этом объяснении председателя Тбилисского Совета т.Ниорадзе. В тот же день Валико был восстановлен на работе. Ваш Л.Берия"»[1].

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА»

«И.В.Сталин. Краткая биография»

В.А.Белянов, публикатор материалов сталинской правки «Краткой биографии», подчеркивает:

«Его (Сталина. — *Г.Ф.)* поклонники могут даже найти подтверждения скромности вождя, вычеркивающего многочисленные восхвалительные фразы, включенные подобострастными составителями (типа "под руководством Сталина", "гениальный" и т.п.)»[2].

Сталин внес множество изменений в «Краткую биографию», в том числе в абзац, где подчеркивалась большая роль женщин:

«Большой заслугой Сталина нужно считать тот факт, что в этот период, в период первого разворота индустриализации и коллективизации, когда нужно было мобилизовать все трудовые силы народа для решения великих задач, он поставил во весь рост женский вопрос, вопрос о положении женщин, о женском труде, о важнейшей роли женщин, работниц и крестьянок в хозяйственной и общественно-политической жизни общества и, подняв его на должную высоту, дал ему правильное решение»[3].

Как отмечает Л.В.Максименков, Хрущев исказил характер сталинских поправок к «Краткой биографии»:

---

[1] О.В.Хлевнюк. *Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. — М.:* Россия молодая, 1993. с.80.

[2] Сталин сам о себе. Редакционная правка собственной биографии. // *Известия ЦК КПСС.* 1990; № 9, с.113—129. См.: http://www.afialysisclub.ru/index.php?page=stalin&art-1907 или http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7345/stalin/16-52.htm.

[3] Там же.

«Вопреки тезису Хрущева... очевидно значительное снижение культовых идеологем самим Сталиным за счет возвышения ленинских догматов. Все формулировки об "учении Сталина" были сняты.... В макете биографии Ленина, который к 1950 году был подготовлен согласно сталинским директивам, сам вождь систематически снижал высокий стиль информации, связанной с иллюстрацией параллели "Ленин — Сталин"... По понятным причинам, Н.С.Хрущев, П.Н.Поспелов, М.А.Суслов, Л.Ф.Ильичев и другие идеологи "оттепели" не приводили в своих публичных выступлениях и статьях образцы этой правки. Автору неизвестны упоминания 6б этом первоисточнике, возможно, и появившиеся в годы перестройки»[1].

В.Д.Мочалов, один из участников работы над «Краткой биографией», оставил краткие записи двух встреч со Сталиным, в ходе которых первоначальный вариант книги подвергся резкой критике:

«Очень много ошибок. Тон нехороший, эсеровский. У меня всякие учения, вплоть до какого-то учения о постоянных факторах войны. Оказывается, у меня есть учение о коммунизме, как будто Ленин, видите ли, говорил только о социализме и ничего не говорил о коммунизме. А я, видите ли, сказал о коммунизме. Дальше, будто у меня есть учение об индустриализации страны, о коллективизации сельского хозяйства и т.п., и т.п. На самом деле именно Ленину принадлежит заслуга постановки вопроса об индустриализации нашей страны, также и относительно вопроса о коллективизации сельского хозяйства и т.п.

Похвал много в этой биографии, возвеличения роли личности. Что должен делать читатель после прочтения этой биографии? Стать на колени и молиться на меня...

Вот относительно Баку говорится, что, дескать, до моего приезда там у большевиков ничего не было, и стоило мне появиться, как все сразу переменилось. Хотите —верьте, хотите — не верьте! На самом деле как было дело? Надо было создать кадры. Такие кадры большевиков в Баку сложились. Имена этих людей я в соответствующем месте перечислил.

---

[1] Л.Максименков. Культ. Заметки... См.: http://www.situation.ru/app/j_artp677.htm.

То же касается и другого периода. Ведь такие люди, как Дзержинский, Фрунзе, Куйбышев, жили, работали, а о них не пишут, они отсутствуют...

Это же относится и к периоду Отечественной войны. Надо было взять способных людей, собрать их, закалить. Такие люди собрались вокруг главного командования Красной Армии.

Нигде не сказано ясно, что я ученик Ленина... На самом деле я считал и считаю себя учеником Ленина. Об этом я ясно сказал в известной беседе с Людвигом... Я ученик Ленина, Ленин меня учил, а не наоборот. Он проложил дорогу, а мы по этой проторенной дороге идем»[1].

В другом месте Косолапов пересказывает случай, возможно, апокрифический, но используемый довольно часто другими авторами, свидетельствующий о пренебрежительном отношении Сталина к своим портретам:

«Вспоминается разговор Иосифа Виссарионовича с сыном Василием, когда, уязвленный сыновней нескромностью, он вопрошал: "Ты думаешь, ты — СТАЛИН? Ты думаешь, я — СТАЛИН? Вот он — СТАЛИН!", — и показывал на помпезный портрет»[2].

Один из таких авторов, обозреватель газеты «Известия» Юрий Богомолов, писал:

«...Молва разнесла такой разговор папы Иосифа с сыном Васей. "Ты думаешь: ты — Сталин? Ты думаешь: я — Сталин? Вот он — Сталин!" — заключил свое гневное нравоучение вождь, указывая на свой портрет»[3].

«Краткий курс истории ВКП(б)»

На вопрос Чуева, не Е.Ярославский ли был истинным автором «Краткого курса истории ВКП(б)», Молотов ответил:

«— Не могло этого быть. Но написано не Сталиным. Он и не говорил, что он это написал. Он только одну главу свою нам читал — философскую...»[4].

---

[1] Слово товарищу Сталину. С.470—472.

[2] См.: http://mvw.cprf.ru/analytics/10828.shtml.

[3], Юрий Богомолов. Сталин и ТВ. См.: http://www.poritcom.ru/2003/pvz74.php.

[4] Ф.И.Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. — М.: ОЛМА—ПРЕСС, 1999, с.302.

В действительности, как показал Рой Медведев, роль Сталина в подготовке учебника была гораздо более значимой. В главе с характерным названием «Сталин — главный автор "Краткого курса"» Медведев отмечает:

«...Сталин... отредактировал и написал многие страницы этого "Краткого курса". Сталину принадлежал не только общий план книги, но также заголовки всех глав и параграфов внутри этих глав. Он написал все относящиеся к теории разделы и страницы книги...

Еще 28 ноября 1938 года директор Государственного музея Революции Федор Самойлов... написал письмо начальнику канцелярии Сталина А.Н.Поскребышеву:

"ЦК ВКП(б), тов.Поскребышеву. В связи с необходимостью экспонирования в Музее Революции СССР «Краткого курса истории ВКП(б)» нельзя ли обратиться к товарищу Сталину с просьбой разрешить получить несколько написанных или правленых им страниц «Краткого курса», или правленые рукой товарища Сталина гранки. Если нельзя получить оригиналы указанных материалов, то нельзя ли предоставить Музею фотокопии с них. Экспонирование данных материалов будет крайне ценным и интересным для посетителей Музея". Поскребышев показал это письмо Сталину через несколько дней, и тот прямо на бланке Музея Революции написал свой ответ: "т. Самойлову. Не думал, что на старости лет займетесь такими пустяками. Ежели книга уже издана в миллионах экземпляров — зачем Вам рукописи? С приветом. 6.XII—38 г. И.Сталин". Это письмо с резолюцией Сталина было извлечено из архивов еще в конце 1955 года при подготовке XX съезда КПСС. На основании этого документа Н.С.Хрущев обвинил Сталина едва ли не в плагиате: "Краткий курс" как свидетельствовал Хрущев, был написан коллективом авторов, а в "Краткой биографии Сталина", вышедшей в свет в 1948 году, рукой самого Сталина была вписана фраза, что "книга «История ВКП(б). Краткий курс» была написана товарищем Сталиным и одобрена Комиссией ЦК ВКП(б)" "Как видите, — восклицал на закрытом заседании съезда в своем секретном докладе Н.С.Хрущев, — произошло превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным!"

В данном случае Н.С.Хрущев ошибался. Как известно, сгорают не все рукописи. Часть машинописных текстов "Кратко-

го курса" с разного рода правкой и вставками самого Сталина сохранилась, и эти материалы были опубликованы в 2002—2003 гг. журналом "Вопросы истории"»[1].

Сталинская подпись на постановлении от 2 июля 1951 года о сооружении скульптуры в свою честь

16 февраля 1951 года Политбюро приняло следующее решение:

«РЕШЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Вопрос Президиума Совета министров СССР.

Председательствование на заседаниях Президиума Совета министров СССР и Бюро Совета министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов.

Постановления и распоряжения Совета министров СССР издавать за подписью председателя Совета министров СССР тов. Сталина И.В.»[2].

Во время июльского (1953) Пленума вопрос о здоровье Сталина в последние годы жизни был поднят рядом выступавших.

Хрущев:

«Мы все уважаем товарища Сталина. Но годы свое берут. В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое»[3].

Каганович:

«...Товарищ Сталин, как правильно говорили, последнее время не мог так активно работать и участвовать в работе Политбюро»[4].

---

[1] Р.А.Медведев. Что читал Сталин? С.216—217.

[2] Документ цитируется в: Ю.Н.Жуков. *Тайны Кремля.* С.544—545. Документ, а также резиновые штемпели с факсимиле подписи Сталина в 2003 году экспонировались на выставке «1953 год. Между прошлым и будущим» в Выставочном зале Федеральных архивов в Москве. См. фото документа в каталоге выставки: http://www.msarchives.ru/evants/exhibitions/stalin_exb/29.shtml.

[3] Лаврентий Берия, с.236.

[4] Там же. С.274.

Ворошилов:

«Вместе со всеми нами он знал, что Сталин в результате напряженной работы за последние годы часто стал прихварывать»[1].

Микоян:

«Товарищ Сталин первое время в образовании этих органов очень активное участие принимал, а последние два года перестал ими интересоваться»[2].

Дворец Советов

Максим Волченков в статье, посвященной истории Дворца Советов, сообщает:

«Несмотря на бурное начало строительства, реализацию проекта пришлось заморозить. Более того, металлический каркас Дворца Советов был разобран во время войны: столица нуждалась в материалах для обороны от фашистской Германии. После победы восстанавливать здание не стали, хотя идея постройки этого грандиозного сооружения не покидала Сталина до самой смерти. Вождь хотел подчеркнуть этим зданием превосходство советской системы над устройством капиталистических государств...

Ресурсы, отложенные на строительство Дворца Советов, были востребованы для восстановления государства после жестокой войны. К тому же, начиналась "холодная" война, и нужны были немалые силы и средства на создание атомной бомбы. Какой смысл в грандиозном здании, если противник, обладающий атомным оружием, может смести всю страну с лица земли? Кто тогда полюбуется шедевром советской архитектуры? Было ясно, что возведение величественного сооружения откладывается на неопределенный срок. Несмотря на это, при Совете министров СССР еще несколько лет существовало управление строительства ДС. Потом оно переквалифицировалось в строительство других многоэтажных зданий, используя накопленный с годами опыт разработок Дворца Советов. Пройдет еще какое-то время, и Управление займется строительством телевизионной башни в Останкино»[3].

---

[1] Там же. С.334.

[2] Там же. С. 170.

[3] М.Волченков. Дворец Советов. См.: http://www.4ygeca.com/dv_sovetov.html.

Волченков цитирует в статье «закрытый доклад» Хрущева, но тотчас оговаривается:

«Несмотря на жесткую критику старого проекта и его организаторов, ничего более достойного новый конкурс так и не выявил, а здания ни при Хрущеве, ни после него страна так и не увидела»[1].

Ленинские и Сталинские премии

В «Примечаниях» к научной публикации «закрытого доклада» Хрущева редакторы ничего не сообщают о какой-либо связи между отменой Ленинских и учреждением Сталинских премий:

«Ленинские премии присуждались за выдающиеся достижения в области науки, техники, литературы, искусства, архитектуры. Учреждены в 1925 г. В 1935—1957 гг. не присуждались. В 1940—1952 гг. присуждались Сталинские премии»[2].

Идея назвать премии в области литературы впервые родилась у Горького. Прочитав в газетах речь Сталина на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (7—12 января 1933 года), писатель откликнулся восторженным письмом.

«16 января 1933 года.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Секретариатом «Истории Гражданской войны» закончен подбор материала для первых четырех томов.

Теперь необходимо, чтобы главная редакция утвердила намеченных для обработки материала авторов, о чем я и прошу Вас убедительно. Авторы должны сдать рукописи к 31 марта. Очень прошу Вас: сдвиньте это дело! У меня возникает впечатление, что главная редакция саботирует эту работу.

С чувством глубочайшего удовлетворения и восхищения прочитал Вашу мощную, мудрую речь на Пленуме. Совершенно уверен, что столь же мощное эхо вызовет она всюду в мире трудящихся. Под ее спокойной, крепко скованной фор-

---

[1] Там же.

[2] Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. — М.: РОССПЭН, 2002, прим.89 на с.161.

мой скрыт такой гулкий гром, как будто Вы втиснули в слова весь грохот стройки истекших лет. Я знаю, что Вы не нуждаетесь в похвалах, но думаю, что у меня есть право сказать Вам правду. Большой Вы человек, настоящий вождь, и счастлив пролетариат Союза Советов тем, что во главе его стоит второй Ильич по силе логики, по неистощимости энергии. Крепко жму Вашу руку, дорогой и уважаемый товарищ.

Л. *Пешков».*

На обороте листа писчей бумаги рукою Горького сделаны две приписки, во второй из которых среди прочего говорилось следующее:

«Алексей Толстой затевает Всесоюзный конкурс на комедию, — прилагаю проект резолюции о конкурсе.

В среде литераторов чувствуется сильное оживление и желание серьезно работать, поэтому конкурс может дать неплохие результаты. Но для Всесоюзного конкурса семи премий мало, следовало бы увеличить их до 15-ти хотя бы, а сумму первой премии повысить до 25 тысяч — черт с ними! — и **придать премиям имя Сталина** *(выделено мной. — Г.Ф.),* ибо эта ведь затея исходит от Вас.

Кроме того: почему только комедия? Нужно включить и драму...

Простите, что надоедаю.

АЛ.».

3 февраля 1933 года Сталин ответил Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович!

Письмо от 16.1.33 получил. Спасибо за теплое слово и за «похвалу». Как бы люди ни хорохорились, они все же не могут быть равнодушными к «похвале». Понятно, что я, как человек, не составляю исключения...

3. Конкурс на комедию (и драму) завершим на днях. Отшить Толстого не дадим. **Обеспечим все по вашему требованию. Насчет того, чтобы «придать премиям имя Сталина» я решительно (решительно!) возражаю** *(выделено мной. — Г.Ф.).*

Привет! Жму руку!

И.Сталин»[1].

P.S. Берегите здоровье.

---

[1] Цит. по: Василий Сойма. *Запрещенный Сталин.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005, с.20—21. См.: http://zapravdu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=79&Itemid=51&limit=1&limitstart=1.

21 декабря 1939 гада «Правда» опубликовала постановление Совнаркома СССР об учреждении премии и стипендии им. Сталина. В постановлении, которое вышло за подписью Председателя СНК Молотова и управляющего делами СНК Хломо¬ва, говорилось:

«В ознаменование шестидесятилетия товарища Иосифа Виссарионовича **Сталина** Совет народных комиссаров Союза ССР **постановляет:**

I. Учредить 16 премий **имени Сталина** (в размере 100 **тысяч рублей** каждая), присуждаемых ежегодно деятелям науки и искусства за выдающиеся работы в области:

1. физико-математических наук,
2. технических наук,
3. химических наук,
5. сельскохозяйственных наук,
6. медицинских наук,
7. философских наук,
8. экономических наук,
9. историко-филологических наук,
10. юридических наук,
11. музыки,
12. живописи,
13. скульптуры,
14. архитектуры,
15. театрального искусства,
16. кинематографии.

П. Учредить **Сталинскую премию,** присуждаемую ежегодно за лучшее изобретение:

десять **первых** премий в размере 100 тысяч рублей каждая,

двадцать **вторых** премий в размере по 50 тысяч рублей каждая,

тридцать **третьих** премий в размере по 25 тысяч рублей каждая.

III. Учредить Сталинскую премию, присуждаемую ежегодно за выдающиеся достижения в области военных знаний:

три **первые** премии в размере 100 тысяч рублей каждая,

пять **вторых** премий в размере 50 тысяч рублей каждая,

десять **третьих** премий в размере 25 тысяч рублей каждая.

Председатель Совета народных комиссаров
Союза ССР *В.Молотов*
Управляющий делами Совета народных комиссаров
Союза ССР *М.Хломов*

20 декабря 1939 года
Москва, Кремль»[1].

Затем вышло еще одно постановление, где вопрос о Сталинских премиях получил дальнейшее развитие:

«В дополнение к постановлению СНК Союза ССР от 20 декабря 1939 года... СНК Союза ССР постановляет:

одну — по поэзии,
одну — по прозе,
одну — по драматургии,
одну — по литературной критике.

Председатель Совета народных комиссаров СССР
ВМолотов
Управляющий делами Совета народных комиссаров СССР
М.Хломов

1 февраля 1940 года
Москва, Кремль»[2].

С 1930 и вплоть до 1991 года наивысшей из государственных наград СССР оставался орден Ленина, не Сталина (причем последний так и не был учрежден благодаря настойчивости самого Сталина):

«ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ДВУХ НОВЫХ ОРДЕНОВ СОЮЗА ССР: "ОРДЕН ЛЕНИНА" и "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 6 апреля 1930 г.

---

[1] Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР об учреждении премии и стипендии им. Сталина // *Правда.* 1939,21 декабря. Текст постановления см.: http://wvm.kommersant.ru/k-money/print_page.asp?m_id=30222.

[2] Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР об учреждении премий имени Сталина по литературе // *Правда.* 1940,2 февраля.

1. Учредить два новых ордена Союза ССР: "Орден Ленина" и "Красная Звезда".

СТАТУТ ОРДЕНА "ОРДЕН ЛЕНИНА".

Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 5 мая 1930 г. *(СЗ СССР.* 1930, № 36, ст. 289).

Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР... постановляет:

Утвердить нижеследующий Статут ордена "Орден Лени-

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «СТАЛИН: ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ У ВЛАСТИ»

Предложение Сталина повысить налог на колхозы

Хрущев впервые сказал о будто бы планировавшемся повышении налога до 40 млрд на июльском (1953) Пленуме ЦК:

«**Хрущев.** К сожалению, когда был третий вариант, тут же ***попутно*** *{выделено мной. — Г.Ф.)* он внес предложение — увеличить налог на колхозы и колхозников, поднять до 40 миллиардов налог, а весь доход исчисляется, в 42 миллиарда.

Микоян. Нынешний налог в 15 млрд довести до 40 млрд.

Хрущев. Нет, увеличить *еще* на 40 млрд налог. Это уж, знаете, я не знаю, что такое.

Микоян. Это уже было невозможно».[2]

Позднее Маленков тоже упоминает 40 млрд, но становится ясно, что до хрущевской речи о ней ему было ничего не известно:

«**[Маленков.]** В ходе работ настоящего Пленума вам, товарищи, стал известен следующий факт. В связи с задачей подъема животноводства в феврале месяце этого года т.Сталин

[1] См.: http://glory.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=99.

[2] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы.— М.: МФД, 1999, с.171. Тот же эпизод приводится в другом черновике стенограммы, но слова Микояна там переделаны так, чтобы весь удар пришелся по Берии; см.: там же. С.313.

настойчиво (выделено мной. — Г.Ф.) предложил увеличить налоги в деревне на 40 млрд рублей. Ведь мы все понимали вопиющую неправильность и опасность этого мероприятия. Мы говорили, что все денежные доходы колхозов составляют немного более этой суммы. Однако этот вопрос не был подвергнут обсуждению, коллективность в руководстве была настолько принижена и подавлена, что приводимые т.Сталину доказательства были им безапелляционно отброшены»[1].

Обратим внимание: по словам Хрущева, Сталин внес предложение «попутно», т.е. как бы между прочим, в то время как в выступлении Маленкова уже говорится о «настойчивых» предложениях такого рода. В «закрытом докладе» Хрущев сделал следующий шаг к усовершенствованию своего рассказа о 40 млрд.

В своих воспоминаниях Микоян совсем не упоминает историю о повышении налога «на 40 млрд»:

«Как всегда вечером, когда и другие члены Президиума были у Сталина, Маленков изложил суть дела, чтобы прозондировать отношение Сталина. Меня там не было. Хрущев потом рассказывал, что Сталин принял это в штыки, сказав, что мы возобновляем программу Рыкова и Фрумкина, что крестьянство жиреет, а рабочий класс хуже живет. Другие члены ЦК мне рассказывали, что Сталин высказывался на эту тему и во время октябрьского Пленума, резко осуждая меня за саму идею поднять закупочные цены на продукты животноводства. Говорят, он выглядел очень злым, прохаживался по своему обыкновению и ворчал, говоря обо мне: "Тоже нашелся новый Фрумкин!" Я этого не слышал сам, правда. Зато слышал, как он говорил, что надо бы еще новый налог на крестьян ввести. Сказав: " Крестьянин, что? Сдаст лишнюю курицу — и все"

А на том обсуждении, услышав о предложении Сталина ввести дополнительный налог на крестьян, Хрущев так вышел из положения: он сказал, что если повышать налоги на крестьян, то нужно в комиссию включать таких людей, как Маленков, Берия, Зверев (руководитель Минфина). Это Сталин принял. Через некоторое время мы действительно собрались в новом составе. Комиссия обнаружила, что и Берия, и Маленков считают невозможным выполнение указания Сталина. Это выяснилось, конечно, в частных разговорах. Поручили Звереву под-

[1] Там же. С.351.

считать, обосновать. В общем, тянули это дело как могли. Все считали поручение Сталина о новых налогах на крестьянство без повышения закупочных цен невыполнимым»[1].

«Дезорганизация» работы Политбюро

Враждебно настроенный к Сталину Э.Радзинский признает, что Хрущев сказал неправду:

«После смерти Сталина Никита Хрущев в своем знаменитом докладе о культе личности негодовал, что Сталин "принижал роль Политбюро созданием внутри ЦК неких «шестерок», «пятерок», наделенных особыми полномочиями... Что это за терминология картежника?" — возмущался Хрущев. Но он, относившийся к послеленинскому поколению партии, не знал (или делал вид, будто не знал), что замахнулся на одну из самых старых традиций партии. "Тройки", "пятерки" и прочие "узкие составы", создаваемые Вождем внутри руководства, не известные никому, кроме участников и самого Вождя, появились во времена Ленина»[2].

Сталин подозревал, что Ворошилов — «английский шпион»?

В мемуарах самого Хрущева только и говорится:

«Сталин же говорил нам **в узком кругу** *(выделено мной. — Г.Ф.),* что подозревает Ворошилова как английского агента. Невероятные, конечно, глупости»[3].

«Разнузданный произвол» в отношении Андреева

По записи Л.Н.Ефремова, Сталин так разъяснил причину отсутствия Андреева в списке членов Политбюро:

---

[1] А.И.Микоян. *Так было.* С.578.

[2] Э.Радзинский. Сталин. — М.: Вагриус, 1997, гл.4, см.: http://www.radzinski.ru/books/stalin/1.shtml#4.

[3] Н.С.Хрущев. Время, Люди, Власть. Кн. 2. Часть 3. — М.: Московские новости, 1999, с.128—129.

«В списке, говорит Сталин, находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А.А.Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится»[1].

На похожие обстоятельства сослался и писатель Константин Симонов:

«Помню только реплику Сталина по поводу Андреева, который не вошел в состав членов и кандидатов Президиума ЦК, что он отошел от дел и практически не может больше активно работать[2].

«Необоснованные» обвинения Молотова и Микояна

В неофициальной записи выступления Сталина на октябрьском Пленуме 1952 года, составленной Л.Н.Ефремовым, говорится:

«Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под "шартрезом" на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии

---

[1] Советская Россия. 2000,13 января. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinoct!652.pdf. а также http://www.kprf.ru/analytics/10828.shtml.

[2] К.М.Симонов. Глазами человека моего поколения. С.246.

и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна»[1].

Говоря об октябрьском (1952) Пленуме 1952 года, Хрущев в своих воспоминаниях лишь заметил:

«А на Пленуме Сталин, выступая, разделал "под орех" Молотова и Микояна, поставив под сомнение их порядочность. В его речи прямо сквозило политическое недоверие к ним, подозрение в какой-то их политической нечестности. Ну и ну!»[2].

---

[1] Советская Россия. 2000,13 января. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinoct1652.pdf. а также http://www.kprf.ru/analytics/10828.shtml.

[2] Н.СХрущев. *Время, Люди, Власть. Кн. 2. Часть* 3. С.98.

Д.Т.Шепилов — один из немногих очевидцев, оставивших письменное описание того, что происходило на октябрьском Пленуме:

«Сталин на Пленуме ЦК без всяких оснований выразил Молотову политическое недоверие, обвинил его в "капитуляции перед американским империализмом" и предложил не вводить Молотова в состав Бюро Президиума ЦК. Что и было сделано. В.Молотов принял это без единого слова протеста...

Стоя на трибуне, Сталин с презрительной миной говорил о том, что Молотов запуган американским империализмом, что, будучи в США, он слал оттуда панические телеграммы, что такой руководитель не заслуживает доверия, что он не может быть в руководящем ядре партии. В таком же тоне высказал Сталин политическое недоверие А.Микояну и К.Ворошилову.

...Молотов сидел неподвижно за столом Президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба. Очень нервничал А.Микоян. Речь он произнес очень мелкую и недобропорядочную. Он тоже, обороняясь от фантастических обвинений, не преминул брыкнуть Молотова, который-де постоянно общался с Вознесенским, это уже был сам по себе страшный криминал»[1].

Расширение состава Президиума ЦК

В записи выступления Сталина на октябрьском (1952) Пленуме 1952 года,, выполненной Л.Н.Ефремовым, особенно много места уделено вопросу о необходимости пополнения руководящих рядов партии силами энергичных и более молодых работников:

«Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

---

[1] Д.Т.Шепилов. *Непримкнувший*.— М.: Вагриус, 2001, с.19 и 229.

Говорят: для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных, оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия немного выросла.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот *счет*[7]. Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе»[1].

---

[1] Советская Россия. 2000,13 января. См.: http://chss.montclair.edu/english/furr/research/stalinoct1652.pdf. а также http://www.kprf.ru/analytics/10828.shtml.

ИСТОЧНИКИ К ГЛАВЕ «ПОСЛЕДСТВИЯ ХРУЩЕВСКИХ "РАЗОБЛАЧЕНИЙ". ФАЛЬШИВЫЕ РЕАБИЛИТАЦИИ»

Письмо Р.Й.Эйхе И.В.Сталину[1]

«27 октября 1939 г.
Совершенно секретно
Секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину

25 октября с. г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться с следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело — это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности. О том, что против меня ведется какая-то гнусная провокация, я узнал еще в сентябре или в октябре 1937 года. В протоколах допроса обвиняемых, присланных из Красноярского края в порядке обмена другим краям, в том числе и Новосибирскому НКВД (в протоколе обвиняемого Ширшова или Орлова), был записан следующий явно провокационный вопрос: «не слышали ли Вы об отношении Эйхе к заговорщической организации?» и ответ: «мне сказал вербовщик, что ты еще молодой член контррев[олюционной], организации и об этом узнаешь потом».

Эта гнусная провокационная выходка мне показалась настолько глупой и нелепой, что я даже не считал нужным об этом писать в ЦК ВКП(б) и Вам, но если я был бы враг, ведь

[1] Условные обозначения: **полужирным шрифтом** обозначены фрагменты, вошедшие в «закрытую» речь Хрущева; *курсивом* — фрагменты доклада Поспелова; ***жирным курсивом*** — в тексты обоих докладов, наконец, обычным шрифтом обозначен текст, отсутствующий как у Хрущева, так и у Поспелова.

из этой глупой провокации я же смог бы построить неплохую маскировку для себя. Значение в моем деле этой провокации мне стало ясно только задолго после моего ареста, о чем я писал народному комиссару Л.П.Берия.

Второй источник провокации — это новосибирская тюрьма, где при отсутствии изоляции сидели разоблаченные враги, арестованные с моей санкции, которые в озлоблении строили планы и открыто сговаривались, что «надо теперь посадить тех, кто нас сажает». По словам Горбача, начальника Управления НКВД, это выражение Ваньяна, ареста которого я активно добивался **в** НКПС. ***Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепые, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению.*** Это имеется в показаниях Принцева, Лященко, Нелюбина, Левица и других, причем следствие имело полную возможность на месте с документами и фактами установить провокационный характер этой клеветы.

Наиболее ярко это видно из показаний о моем якобы вредительстве в колхозном строительстве, выразившемся в том, что я пропагандировал на краевых конференциях и пленумах крайкома ВКП(б) создание колхозов-гигантов. Все эти выступления мои стенографировали и опубликованы, но в обвинении не приводится ни один конкретный факт и ни одна цитата, и это никто никогда доказать не может, так как за все время своей работы в Сибири я решительно и беспощадно проводил линию партии. Колхозы в Зап[адной]. Сибири были крепкими и по сравнению с другими зерновыми районами Союза лучшими колхозами.

Вам и ЦК ВКП(б) известно, как Сырцов и его оставшиеся в Сибири кадры вели борьбу против меня, создав в 1930 г. группу, которую ЦК ВКП(б) разгромил и осудил как беспринципную групповщину, но в обвинении мне приписывается поддержка этой группы и после отъезда из Сибири Сырцова руководство этой группы. Особо поразительный материал о создании мною к[онтр].р[еволюционной], латышской

нац[ионалистической], организации в Сибири. Один из основных обвинителей меня не латыш, а литовец (сколько я знаю, не умеющий по-латышски ни читать, ни говорить) Турло, прибывший в Сибирь на работу в 1935 году, но показания о существовании к[онтр].р[еволюционной], националистической организации Турло дает, начиная с 1924 года (это очень важно для того, чтобы видеть, какими провокационными методами велось следствие по моему делу), причем Турло даже не указывает, от кого он слышал о существовании лат[ышской]. нац[ионалистической], контрреволюционной организации с 1924 года. По протоколу Турло, он, литовец, вошел в латышскую национ[ионалистическую]. к[онтр].р[еволюционную]. организацию с целью отторжения от СССР территории и присоединения к Латвии. В показаниях Турло, Тредзена говорится, что латышская газета в Сибири восхваляла буржуазную Латвию, но не приводится ни одной цитаты и не указывают ни на один номер. Отдельно я должен сказать об обвинении меня в связи с германским консулом и в шпионаже.

Показания о банкетах у консула и якобы разложении актива дает обвиняемый Ваганов, прибывший в Сибирь в 1932 году или в 1933 году, и начинает с 1923 года (это результат той же провокации, что и в показаниях Турло) описание банкетомании, разложения и т.д., причем опять без указания, от кого он это знает. Правда заключается в том, что когда я был председателем крайисполкома и в Сибири представителя НКИД не было, я два раза в году (в день принятия Веймарской конституции и в день подписания Рапалльского договора) бывал на приемах у консула, но это я делал по предложению Наркоминдела. Ответных банкетов я не устраивал, и мне было даже указано на неправильность и некорректность такого поведения. Никогда ни на охоту с консулом я не ездил и разложения актива не допускал. Правильность моих слов может подтвердить и домработница, жившая у нас, и служащие хоз[яйственного], отдела крайисполкома, и шофера, ездившие со мной на машине. Нелепость этих обвинений видна еще из того, что если я был германский шпион, то германская разведка для сохранения меня должна была категорически запретить афиширование такой близости моей с консулом, но ни к[онтр]. р[еволюционером]., ни шпионом я никогда не был. Каждый

шпион, естественно, должен стремиться ознакомиться с наиболее секретными решениями и директивами. Вы неоднократно в моем присутствии говорили членам ЦК, что каждый член ЦК имеет право знакомиться с особой папкой П.Б., но я никогда не знакомился с особой папкой, и это может подтвердить Поскребышев.

Провокацию о моем шпионаже в своих показаниях подтверждает б[ывший]. команд[ующий]. СибВО Гайлит, и я вынужден Вам описать, как фабриковались эти показания.

В мае 1938 года майор Ушаков мне зачитывал выдержку из показаний Гайлита, что в выходной день Гайлит меня видел гуляющим вдвоем по лесу с германским консулом, и он, Гайлит, понял, что я передаю герм[анскому], консулу полученные от него секр[етные]. сведения. Когда я указал Ушакову, что начиная с 1935 года меня сопровождает комиссар и разведка НКВД, мне пытались навязать, что я на машине от них удрал, но когда выяснилось, что я и управлять машиной не умею, то меня оставили в покое. Теперь в деле моем вложен протокол Гайлита, из которого эта часть изъята.

Прамнэк показывает, что он со мной установил к[онтр]. р[еволюционную], связь во время январского пленума ЦК ВКП(б). Это наглая ложь. Я с Прамнэком никогда ни о чем не говорил и во время январского Пленума ЦК ВКП(б) после окончания своего доклада тут же перед трибуной в группе секретарей крайкомов, которые требовали указать время, когда можно придти в НКЗ для разрешения ряда вопросов, имел следующий разговор. Прамнэк меня спросил, когда можно придти в НКЗ, и я ему назначил на другой день после 12 часов ночи, но он не пришел. Врет Прамнэк, что я тогда болел, через секретарей и комиссара НКВД можно установить, что начиная со дня выхода из больницы 11 января я каждый день был в Наркомате до 3—4 часов утра. Чудовищность клеветы ясна и из того, что такой опытный заговорщик, каким изображен я, через месяц после ареста Межлаука устанавливаю безбоязненно связь по паролю Межлаука.

Н.И.Пахомов показывает, что еще во время июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года они с Прамнэком обсуждали вопрос, как использовать меня как наркома земледелия для к[онтр].р[еволюционной], организации. О предполагаемом

моем назначении мне стало известно от Вас в конце октябрьского Пленума 1937 г. и после окончания Пленума я помню, что члены П[олит]б[юро] не все знали об этом предположении. Как можно поверить такой провокационной клевете, которую показывают Пахомов и Прамнэк?

Евдокимов говорит, что о моем участии в заговоре он узнал в августе 1938 года и что Ежов ему говорил, что он принимает меры, чтобы сохранить мне жизнь.

В июне месяце 1938 года Ушаков меня подверг жестоким истязаниям, чтобы я признался в покушении на Ежова, и оформлялись эти мои показания Николаевым не без ведома Ежова. Разве так мог бы поступить Ежов, если хоть слово правды было в том, что говорит Евдокимов?

На даче у Ежова вместе с Евдокимовым я был, но никогда меня Ежов ни другом, ни опорой не называл и не обнимал. Это может подтвердить Маленков и Поскребышев, которые тоже там тогда были.

Фриновский в своих показаниях открывает еще один источник провокации по моему делу. Он показывает, что будто бы узнал от Ежова о моем участии в заговоре в апреле 1937 г. и что Миронов (начальник]. НКВД в Новосибирске) тогда в письме запрашивал Ежова, что он, Миронов, "может выйти на Эйхе" по заговору как участника заговорщической организации. Миронов приехал в Сибирь только в конце марта 1937 года и без материалов уже получал от Ежова предварительную санкцию, на кого вести провокацию. Любой человек поймет, что то, что показывает Фриновский, есть не попытка меня прикрыть, а организация провокации против меня. Выше я подчеркнул в показаниях Турло и Ваганова года, **с** которых они начинают свои показания, несмотря на нелепость. *Ушакову, который тогда вел мое дело, нужно было показать, что выбитые из меня ложные признания перекрываются показаниями в Сибири, и мои показания по тел[ефону]. передавались в Новосибирск.*

С откровенным цинизмом это делалось, и при мне лейтенант Прокофьев заказывал тел[ефон]. с Новосибирском. ***Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в к[онтр].р[еволюционной].***

деятельности. Комиссар Кобулов мне сказал, что нельзя же было все это выдумать, и действительно я никогда не мог бы **это выдумать. *Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники, и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.***

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым, и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Зап[адной]. Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в зап[асной]. центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, так же было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука В.И. и многие другие моменты.

Особо я должен остановиться на провокационной легенде об измене латвийского СНК в 1918 году. Эта легенда целиком сотворена Ушаковым и Николаевым. Никогда среди латв[ийских]. соц[иал-].дем[ократов]. не было тенденции об отделении от России, и я и все поколение рабочих моего возраста мы воспитывались на русской литературе, революционной и большевистской в легальных и подпольных изданиях. Настолько вопрос об отдельном государственном советском организме как Латв[ийская]. советская соц[иалистическая], республика мне и многим казался диким, что на первом съезде Советов в Риге я выступал против этого и я был не одинок. Решение о создании сов[етской], республики было принято только после того, когда объявили, что это есть решение ЦК РКП(б).

В Советской Латвии я работал только недели две и в конце ноября 1918 года уехал на Украину на продработу и был там до падения сов[етской], власти в Латвии. Рига пала потому, что фактически была почти окружена белыми. В Эстонии победили белые и заняли Валк, белые также взяли Вильно и Митаву и наступали на Двинск. В связи с этим Ригу было

предложено эвакуировать еще в марте 1919 года, но она продержалась до 15 мая 1919 года.

Никогда ни на каких совещаниях к[онтр]р[еволюционеров] ни с Косиором, ни Межлауком я не был. Те встречи, которые указаны в моих показаниях, происходили в присутствии ряда посторонних людей, которых можно опросить. Мое показание о к[онтр] .р[еволюционной], связи с Ежовым является наиболее черным пятном на моей совести. *Дал я эти ложные показания, когда следователь, меня 16 часов допрашивая, довел до потери сознания и когда он поставил ультимативно вопрос, что выбирай между двумя ручками (пером и ручкой резиновой плетки), я, считая, что в новую тюрьму меня привезли для расстрела, снова проявил величайшее малодушие и дал клеветнические показания.* ***Мне тогда было все равно, какое на себя принять преступление, лишь бы скорее расстреляли,*** *а подвергаться снова избиениям* за арестованного и разоблаченного к [онтр] .р[еволюционера]. Ежова, который погубил меня, никогда ничего преступного не совершившего, *мне* ***не было*** *сил*.

Такова правда о моем деле и обо мне. Каждый шаг моей жизни и работы можно проверить, и никто никогда не найдет ничего другого, как преданность партии и Вам.

Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня. *Моей мечтой было и остается желание умереть за партию, за Вас.*

Эйхе

Подлинное заявление находится
в архивно-следственном деле Эйхе»[1].

---

[1] «Письмо Р.И.Эйхе И.В.Сталину», см.: *«Доклад Н.С.Хрущева...»* С. 225—229.

Реабилитации по списку

ЗАПИСКА И.А.СЕРОВА И Р.А.РУДЕНКО
В ЦК КПСС О ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛ
И РЕАБИЛИТАЦИИ ЧЛЕНОВ
И КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ ЦК ВКП(б),
ИЗБРАННЫХ
XVII СЪЕЗДОМ ВКП(б)

2 марта 1956 г.

ЦК КПСС

Рассмотрев дела на осужденных членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на 17-м съезде партии, Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР и Прокуратура СССР установили, что большинство этих дел сфальсифицировано органами следствия, а так называемые признательные показания от арестованных получены в результате тяжких избиений и провокаций.

Докладывая изложенное, полагали бы целесообразным поручить Военной коллегии Верховного суда СССР пересмотреть и посмертно реабилитировать нижеперечисленных незаконно осужденных лиц:

1. Косиора Станислава Викентьевича — бывшего заместителя Председателя СНК СССР, члена КПСС с 1907 года.

2. Эйхе Роберта Индриковича — бывшего наркома земледелия СССР, члена КПСС с 1905 года.

3. Бубнова Андрея Сергеевича — бывшего наркома просвещения РСФСР, члена КПСС с 1903 года.

4. Евдокимова Ефима Георгиевича — бывшего секретаря Азово-Черноморского крайкома партии, члена КПСС с 1918 года.

5. Жукова Ивана Павловича — бывшего заместителя наркома связи СССР, члена КПСС с 1909 года.

6. Кабакова Ивана Дмитриевича — бывшего секретаря Свердловского обкома партии, члена КПСС с 1914 года.

7. Кодацкого Ивана Федоровича — бывшего председателя Ленинградского горсовета, члена КПСС с 1914 года.

8. Криницкого Александра Ивановича — бывшего секретаря Саратовского крайкома партии, члена КПСС с 1915 года.

9. Лебедя Дмитрия Захаровича — бывшего заместителя Председателя СНК РСФСР, члена КПСС с 1909 года.

10. Лобова Семена Семеновича — бывшего наркома пищевой промышленности РСФСР, члена КПСС с 1913 года.

11. Любимова Исидора Бвстигнеевича — бывшего наркома легкой промышленности СССР, члена КПСС с 1902 года.

12. Межлаука Валерия Ивановича — бывшего заместителя Председателя Совнаркома СССР, члена КПСС с 1917 года.

13. Румянцева Ивана Петровича — бывшего секретаря Западного обкома партии, члена КПСС с 1905 года.

14. Рухимовича Моисея Львовича — бывшего наркома оборонной промышленности РСФСР, члена КПСС с 1913 года.

15. Рындина Кузьму Васильевича — бывшего секретаря Челябинского обкома партии, члена КПСС с 1915 года.

16. Сулимова Даниила Егоровича — бывшего Председателя СНК РСФСР, члена КПСС с 1905 года.

17. Чудова Михаила Семеновича — бывшего секретаря Ленинградского обкома партии, члена КПСС с 1915 года.

18. Шеболдаева Бориса Петровича — бывшего секретаря Курского обкома партии, члена КПСС с 1914 года.

19. Грядинского Федора Павловича — бывшего председателя Западно-Сибирского крайисполкома, члена КПСС с 1912 года.

20. Еремина Ивана Глебовича — бывшего зам. наркома легкой промышленности СССР, члена КПСС с 1917 года.

21. Струппе Петра Ивановича — бывшего председателя Ленинградского областного совета, члена КПСС с 1917 года.

22. Уншлихта Иосифа Станиславовича — бывшего секретаря союзного совета ЦИК, члена КПСС с 1900 года.

23. Блюхера Василия Константиновича — бывшего командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, члена КПСС с 1916 года.

24. Быкина Якова Борисовича — бывшего секретаря Башкирского обкома партии, члена КПСС с 1912 года.

25. Семенова Бориса Александровича — бывшего секретаря Сталинградского обкома партии, члена КПСС с 1907 года.

26. Калыгину Анну Степановну — бывшего секретаря Воронежского горкома партии, члена КПСС с 1915 года.

27. Голодеда Николая Матвеевича — бывшего Председателя Совнаркома БССР, члена КПСС с 1918 года.

28. Попова Николая Николаевича — бывшего секретаря ЦК КП(б) Украины, члена КПСС с 1906 года.

29. Вегера Евгения Ильича — бывшего секретаря Одесского обкома партии, члена КПСС с 1917 года.

30. Птуху Владимира Васильевича — бывшего второго секретаря Дальневосточного крайкома партии, члена КПСС с 1917 года.

31. Егорова Александра Ильича— бывшего зам. наркома обороны СССР, члена КПСС с 1918 года.

32. Филатова Николая Алексеевича — бывшего председателя Мособлисполкома, члена КПСС с 1912 года.

33. Комарова Николая Павловича — бывшего наркома коммунального хозяйства РСФСР, члена КПСС с 1909 года.

34. Бройдо Григория Исаковича — бывшего директора медицинского издательства, члена КПСС с 1918 года.

35. Кубяка Николая Афанасьевича — бывшего председателя Высшего совета коммунального хозяйства при ЦИК СССР, члена КПСС с 1898 года.

36. Прамнэк Эдуарда Карловича — бывшего секретаря Донецкого обкома партии, члена КПСС с 1917 года.

Дела по обвинению других членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), членов комиссий партийного контроля, советского контроля и центральной ревизионной комиссии, избранных на 17-м съезде партии, будут также рассмотрены и доложены ЦК КПСС.

Просим решения.

Председатель Комитета государственной безопасности

при Совете министров СССР

И.Серов

Генеральный прокурор СССР

Р.Руденко»[1]

А вскоре последовало и само постановление Президиума ЦК КПСС о реабилитации:

---

1 *Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В3-х томах.* Т.2. Февраль 1956 — начало 80-х.— М.: МФД, 2003, с.16—18.

«6 марта 1956 г.

№ 3.П.54 — О посмертной реабилитации незаконно осужденных членов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии.

Утвердить предложение Председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР т.Серова и Генерального прокурора СССР т.Руденко о пересмотре дел и посмертной реабилитации незаконно осужденных членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии: Косиора СВ., Эйхе Р.И., Бубнова А.С., Евдокимова Е.Г., Жукова И.П., Кабакова И.Д., Кодацкого И.Ф., Криницкого А.И., Лебедя Д.З., Лобова С.С., Любимова И.Е., Межлаука В.И., Румянцева И.П., Рухимовича М.Л., Рындина К.В., Сулимова Д.Е., Чудова М.С., Шеболдаева Б.П., Грядинского Ф.П., Еремина И.Г., Струппе П.И., Уншлихта И.С., Блюхера В.К., Быкина Я.Б., Семенова Б.А., Калыгиной А.С., Голодеда Н.М., Попова Н.Н., Вегера Е.И., Птухи В.В., Егорова А.И., Филатова Н.А., Комарова Н.П., Кубяка Н.А., Прамнэка Э.К.»[1].

---

[1] Там же. С.18—19.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Документы из «Архива Волкогонова»

1. Постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 года.

2. Шифротелеграмма: «секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД» от 10 января 1939 года.

3. Письмо Сталина Ленину от 7 марта 1923 года.

II. Публикации документов

1. 1941 год. Документы. В 2-х кн. Кн.1. — М.: МФД, 1998.

2. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. — М.: Партиздат, 1934.

3. Военные архивы России. 1993, .№ 1.

4. В чьи руки вручим эстафету нашего великого дела? Неопубликованная речь И.В.Сталина на Пленуме Центрального комитета КПСС 16 октября 1952 года (по записи Л.Н.Ефремова). // Советская Россия. 2000, 13 января.

5. Военные разведчики докладывали... // Военно-исторический журнал. 1992, № 2, с 36—41.

6. Выступление И.В.Сталина на расширенном заседании Военного совета при Наркомате обороны. // Источник. 1994, № 3

7. Декреты Советской власти. / Под ред. Г.Д.Обичкина и др. Т. 2: 17 марта— 10 июля 1918 г.— М.: Госполитиздат, 1959.

8. Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. — М.: РОССПЭН, 2002.

9. Жертвы политического террора в СССР. На 2-х дисках. Диск 2. Сталинские расстрельные списки. — М: Звенья, 2004.

10. И.В.Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)». // Вопросы истории. 2002, № 11, 12; 2003. №3,4.

11. Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. / Сост. Н.Ф.Бугай. — М.: Дружба народов, 1992.

12. Как ломали нэп. Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б) 1928—1929 гг. В 5 томах. Том 4. — М.: МФД, 2000.

13. Как снимали Н.С.Хрущева. // Исторический архив. 1993, №1.

14. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: МФД, 1999.

.15. Ленин В.И.. Полное собрание сочинений (ПСС). 5 изд.— М.: Политиздат, 1967.

16. Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. — М.: МФД, 2003.

17. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938.— М.: МФД, 2004.

18. Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. — М.: МФД, 2006

19. Малышев В. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома». // Источник (Вестник Президента РФ). 1997, № 5.

20. Массовые репрессии оправданы быть не могут. (Документы о реабилитации). // Источник. 1995, № 1, 1995.

21. Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. // Вопросы истории. 1992—1995.

22. Молотов, Маленков, Каганович. 1957.Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. / Под ред. акад. А.Н.Яковлева. — М.: МФД, 1998.

23. О жизни и деятельности В.И.Ленина. (Воспоминания, письма, документы.) // Известия ЦК КПСС. 1989, № 12.

24. Об учреждении двух новых орденов Союза ССР: орден Ленина и Красная Звезда. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 5 мая 1930 г. (СЗ СССР, 1930, Т.36, ст.289). См. http://glory.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=99

25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.2. Кн. 1. Начало. 22 июня— 31 августа 1941 года.— М.: Русь, 2000.

26. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. — М.: Русь, 2000.

27. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953 гг. / Сост. О.В.Хлевнюк и др. — М.: РОССПЭН, 2002.

28. Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. // Исторический архив. 1995, № 2, 3, 4, 5—6; 1996, № 2, 3, 4, 5—6; 1997, № 1.

29. Правка в макете второго издания книги «И.В.СТАЛИН». // Известия ЦК КПСС. 1990, № 9.

30. Радек К. Зодчий социалистического общества.— М.: Партиздат, 1934.

31. Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т.1. Март 1953 — февраль 1956. — М.: МФД, 2000.

32. Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т.2. Февраль 1956 — начало 80-х. — М.: МФД, 2003.

33. Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т.3. Середина 80—х годов — 1991. — М.: МФД, 2004

34. Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. / Под общ. ред. А.Н.Яковлева. — М.: Политиздат, 1991.

35. Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Сост. А.В.Квашонкин и др. — М.: РОССПЭН, 1999.

36. Сталин и Каганович. Переписка 1931—1936 гг. — М.: РОССПЭН, 2001.

37. Сталин И.В. Заключительное слово на Пленуме Центрального комитета ВКП(б) 5 Марта 1937 года. // Правда. 1937, 1 апреля.

38. Сталин КВ. Сочинения. — М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1946—1949.

39. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года». // Правда. 1937, 29 марта.

40. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. —. М.: АИРО—XX, 1995.

41. Судебный отчет [по делу антисоветского правотроцкистского блока]. — М.: Международная семья, 1997.

42. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание 1927—1939 гг.: Документы и материалы: В 5 тт. — М.: РОССПЭН, 1999—2007.

43. Троцкий Л.Д. По поводу книги Истмена «После смерти Ленина». // Большевик. 1925. № 16. 1 сентября.

44. Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). — М.: Госполитиздат, 1945.

Другие источники

Русскоязычные:

1. 22 июня 1941 года. Могло ли все быть по-иному? // Красная Звезда. 2001, 16 июня.

2. Аллилуев В.Ф. Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. — М.: Молодая гвардия, 2002.

3. Аллилуева С И. Двадцать писем другу. — М.: Вся Москва, 1989.

4. Баграмян И.Х. Так начиналась война.— Киев: Политиздат Украины, 1977.

5. Балаян Л.А. Сталин и Хрущев. См. http://www.stalin.su/book, php?bid=1

6. Бек А. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина. // Московские новости. № 17, 23 апреля 1989. С. 8— 9.

7. Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве. // Молодая гвардия. 1989, № 4, с.12—65.

8. Берия: Конец карьеры. Сост. В.Ф.Некрасов.-- М.: Политиздат, 1991.

9. Бешанов В.В. Год 1942 — «учебный». -- Мн. Харвест, 2003.

10. БобылевП.Н. и др. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы.— М.: Политиздат, 1985.

11. Богомолов Ю. Сталин и ТВ. См. http://www.politcom.ru/2003/pvz74.php

12. Брюханов Б.Б., Шошков Е.Н.. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1935—1938.— СПб.: Петровский фонд, 1998.

13. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина».— М.: Наука, 2006.

14. Бурцев М.И. Прозрение.— М.: Воениздат, 1981.

15. Вагнер П. Несколько замечаний по поводу деятельности Л.П.Берии после смерти И.В..Сталина; // Международный исторический журнал. N14, март - апрель 2001.См.- http://history.machaon.ru/all/number_14/аnaliti4/vagner_print/index.html.

16. Василевский А.М Дело всей жизни. 3-е изд.— М.: Политиздат, 1978.

17. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. — М.; Воениздат, 1970.

18. Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2-х книгах. Кн.II.— М.: Новости, 1994.

19. Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. В 2-х томах.— М.: Новости, 1992.

20. Волченков М. Дворец Советов. См. http://www.4ygeca.com/dv_sovetov.html

21. Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. — М.: Вече, 2002.

22. Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. — Тверь, 1995.

23. Депортация чеченцев в 1944-м году. Радио «Свобода». Эфир от 23.02.2000. См.: http://archive.svoboda.org/programs/ll/2000/ll.022300-3.asp.

24. Добрюха Н. Как начиналась война. История невыполненных приказов. // Независимая газета. Субботник НГ. 2001,30 июня. См.: http://saturday.ng.ru/time/2000-06-17/l_how-the-war-begun.html.

25. Дуров В. Орден Сталина Сталин не утвердил. // Родина. 2005, №4.

26. Емельянов Ю,В. Миф XX съезда. //Слово. 2000, №3.

27. Емельянов Ю.В.Хрущев. Смутьян в Кремле. — М.: Вече, 2005.

28. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 гг. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

29. Жуков Ю.Н. Жупел Сталина. Беседа журналиста Александра Сабова с историком Юрием Жуковым. // Комсомольская правда. 2002, 5, 6,12—14,16,19—21 ноября.

30. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гт. — М.: Вагриус, 2003.

31. Жуков Ю.Н. Сталин: иной взгляд. Беседа с автором книги «Иной Сталин»./У Наш современник. 2004, № 12.

32. Жуков Ю.Н.Сталин; Тайны власти--- М.: Вагриус, 2005.

33. Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков.— М.: ТЕРРА,2000

34. Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь, - М.: Вече, 2000.

35. Иванова Ю. Дремучие двери. См. http://lib.kharkov.ua/HRISTIAN/IVANOVA_J/doort.txt

36. История одного дня. — 10 апреля. // Российская газета. 2003, 10 апреля.

37. Казанцев А. 22 июня — два блицкрига. // Nakanune.ru. См.: http://www.nakanune.ru/articles/22_ijunja__dva_blickriga

38. Карпов В.В. Генералиссимус: Историко-док. изд. Кн 2. — Калининград: Янтарный сказ, 2002.

39. Карпов В.В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. Книга I. // Роман-газета. 1991.

40. Карпов В.В. Расстрелянные маршалы. — М.: Вече, 1999.

41. Кирилина А.А. Неизвестный Киров.— М: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

42. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939—1964). Опыт беспристрастного исследования. — М.: Алгоритм, 1999.

43. Константинов С. Шоковая Терапия Никиты Хрущева. // Независимая газета. 2001, 14 февраля.

44. Косолапов Р.И. Уверенно торить тропу в будущее. Доклад «О решениях XX и XXII съездов КПСС по вопросу "О культе личности и его последствиях"» (2003). См.: http://web.archive.org/web/20041102054935/http://www.socinfo.kiev.ua/dumka/vybir/istl.htm

45. Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. Электронное издание. Испр. и доп. Сост., ред, прим..: к.и.н. Р.В.Кузнецовой. — М.: Фонд памяти Адмирала флота Советского Союза Н.Г.Кузнецова, 1997.

46. Кузьмин С. К репрессиям причастен (штрихи к политическому портрету Н.С.Хрущева). // Молодая гвардия. 1996, №3, с.178—184.

47. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства: встречи, беседы, интервью, документы. — М.: Былина, 1999.

48. Лифшиц С. Пресловутый Доклад Хрущева, или Cacatum Non Est Pictum. // Диалог. 1998. №12. См.: http://www.m-s-k.newmail.ru/pub/1.htm

49. Максименков Л. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре. // Свободная мысль. 1993, № 10.

50. Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). // Вопросы литературы. 2004, № 2.

51. Мгеладзе А.И. Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. — б /м., 2001.

52. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. — М.: Права человека, 2003.

53. Медведев Р.А. Что читал Сталин? Люди и книги. Писатель и книга в тоталитарном обществе. — М.: Права человека, 2005.

54. Мерецков К.А. На службе народу. — М.: Политиздат, 1968.

55. Микоян А.И. Так было. — М: Вагриус, 1999.

56. Мусский И.А. 100 великих заговоров и переворотов. — М.: Вече, 2001.

57. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия: Научно-историческое расследование. — М.: Крымский мост, 2002.

58. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии. // Известия ЦК КПСС. 1989, № 12, с. 82—113.

59. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Культ Личности (Материалы к гиперссылке). // Освободительное движение в России. 2003, вып. 20. См.: http://old.sgu.ru/users/project/pdf/osv_dv/vipusk20/09.doc

60. Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. — М.: Материк, 2005.

61. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

62. Португальский Р.М., Доманк А.С., Коваленко А.П. Маршал С.К.Тимошенко. — М.: МОФ "Победа — 1945 год", 1994.

63. Прудникова Е.А. Берия. Преступления, которых не было. — СПб.: Нева, 2005.

64. Пыжиков А.В. Ленинградская группа: Путь во власти (1946—1949). // Свободная мысль, 2001. №3, с.89—104.

65. Пыхалов И.В. Великая оболганная война.— М.: Яуза, ЭКСМО, 2005.

66. Пыхалов И.В. Время Сталина: Факты против мифов. 2-е изд. — СПб.: Неотек Электро, 2001.

67. Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. — М.: Современник, 1998.

68. Радзинский Э. Сталин. — М.: Вагриус, 1997.

69. Роговин В.З. 1937. — М., 1996.

70. Роговин В.З. Партия расстрелянных. — М.: Аргументы и факты, 1997.

71. Роговин В.З. Сталинский неонэп. — М., 1994.

72. Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп.— М.: Наука, 1989.

73. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. -- М.: Новости, 1988.

74. Слово товарищу Сталину. / Сост. Р.И.Косолапов. — М.: ЭКСМО, 2002.

75. Смиртюков М. После расстрела Берии Маленков все время улыбался. // Коммерсантъ-Власть. 2000, №5, 8 февраля.

76. Соловьев Б.Г., Суходеев В.В. Полководец Сталин. — М.: ЭКСМО, 2003.

77. Сталин в воспоминаниях современников и документах истории. — М.: Новая книга, 1995.
78. Старков Б.А. Как Москва чуть не стала Сталинодаром. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12, с.126—127.
79. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.
80. Судоплатов П.А.. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996.
81. Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. — М.: Политиздат, 1989.
82. Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия?— М.: Детектив-Пресс, 1993.
83. Топтыгин А.В. Лаврентий Берия.— М.: Яуза, ЭКСМО, 2005.
84. Фейхтвангер Л. Москва 1937.— М.: Захаров, 2001.
85. Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е годы.— М.: Россия молодая, 1993.
86. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. — М.: Московские новости, 1999.
87. Чернявский Г. Прыжок из партийных джунглей. // Интернет-приложение к газете «Каскад». См.: http://wwwJcackad.com/article.asp?article=37
88. Чилачава.Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает....— Киев: КИЦ Инкопресс, 1992.
89. Чуев Ф.И. Каганович. Шепилов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
90. Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин.— М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
91. Чуев Ф.И. Несписочный маршал. // Слово. 1994. № 9—10, с.44— 51.
92. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева. — М: ТЕРРА, 1991.
93. Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола.— М.: Отечество, 1992.
94. Шаповал Ю. Прощание с властью: случай Никиты Хрущева. 40 лет назад, в октябре 1964-го, «отец оттепели» был смещен со всех своих постов. // Зеркало недели. 23—29 октября 2004 г. См. http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/print/48113/
95. Шапталов Б. Испытание войной. — М.: АСТ, 2002. См.
96. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. — М.: Вагриус, 2001.

97. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х книгах. Кн. 2. — М.: Воениздат, 1989,

98. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. — М.: АИРО—XX, 2003.

99. Яковлев А. С. Цель жизни. — -М.: Политиздат, 1973.

На других языках:

100.Bland, W. "The Cult of the Individual." At http://www.mltranslations.org/Britain/StalinBB.htm

101.Brysac, S.B. Resisting Hitler: Mildred Harnack and the Red Orchestra (Oxford University Press, 2000).

102.Bugai, N.F., Gonov, A.M. "The Forced Evacuation of the Chechens and the Ingush." // Russian Studies in History. Vol.41, no.2, Fall 2002.

103.Getty, J. Arch and Naumov Oleg V. The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939. (New Haven: Yale University Press, 1999).

104.Getty, J. Arch. "The Politics of Repression Revisited," p. 131 and n. 64, p. 140. In: Ward, Chris, ed. The Stalinist Dictatorship. (London, New York: Arnold, 1998).

105.Getty, J. Arch. The Origins of the "Great Purges": Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938. (New York: Cambridge University Press, 1986).

106.Getty, J.Arch. Excesses are not permitted.: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s. // The Russian Review. Vol.61 (January 2002).

107.Getty, J.Arch. The Great Purges Reconsidered. Unpub. PhD diss. Boston College, 1979.

108.Haase, N. Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen nationalsozialistische Herrschaft (Berlin, 1993).

109Jansen, Mark and Nikita Petrov. Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar, Nikolai Ezhov, 1895—1940. (Stanford CA: Hoover Institution Press, 2002).

110.Khlevniuk, Oleg V. In Stalin's Shadow. The Career of 'Sergo' Ordzhonikidze. (Armonk, London: M.E.Sharp, 1995).

111 .Khrushchev, Nikita S. The Crimes of the Stalin Era. Introduction by Anatol Shub, notes by Boris Nikolaevsky. New York: The New Leader, 1962.

112.Littlepage, John D., with Demaree Bess. In Search of Soviet Gold. (NY: Harcourt, Brace 8c Co., 1938 (1937)).

113.MacFarquhar, Roderick. Origins of the Cultural Revolution. (New York: Columbia Univ. Press).Vol. 2 (1983).

114.Medvedev, Roy. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. (London; 1972)

115.Medvedev, Roy and Medvedev, Zhores. The Unknown Stalin. (Woodstock, NY: The Overlook Press, 2003).

116.Service, Robert. Lenin: A Biography. (Belknap Press, 2000)

117.Taubman, William. Khrushchev: The Man and His Era. (NY: Norton, 2003).

118.Thurston, Robert. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934—1941. (New Haven:Yale University Press, 1996).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

АНТИСТАЛИНСКАЯ ПОДЛОСТЬ

Год назад отмечался 50-летний юбилей «закрытого доклада» Н. С. Хрущева, зачитанного 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС. Он породил легко предсказуемые отзывы и комментарии. Лондонская «Телеграф» охарактеризовала доклад как «самую влиятельную речь XX столетия». А в статье, опубликованной в тот же день в «Нью-Йорк таймс», Уильям Таубман, лауреат Пулицеровской премии 2004 года, присужденной за биографию Хрущева, назвал его выступление «подвигом», «достойным быть отмеченным» в календаре событий.

Однако автору представленной ныне вниманию читателя книги удалось сделать совсем другое открытие. *Из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина или Берию, не оказалось ни одного правдивого.* Как выясняется, в своей речи Хрущев не сказал про Сталина и Берию ничего такого, что оказалось бы правдой.

Самая влиятельная речь XX столетия (если не всех времен!) — плод мошенничества? Сама по себе такая мысль кажется просто чудовищной. Ведь дело не только в ней самой, но и в очевидных последствиях...

ISBN 978-5-9265-0478-8
9 785926 504788 >